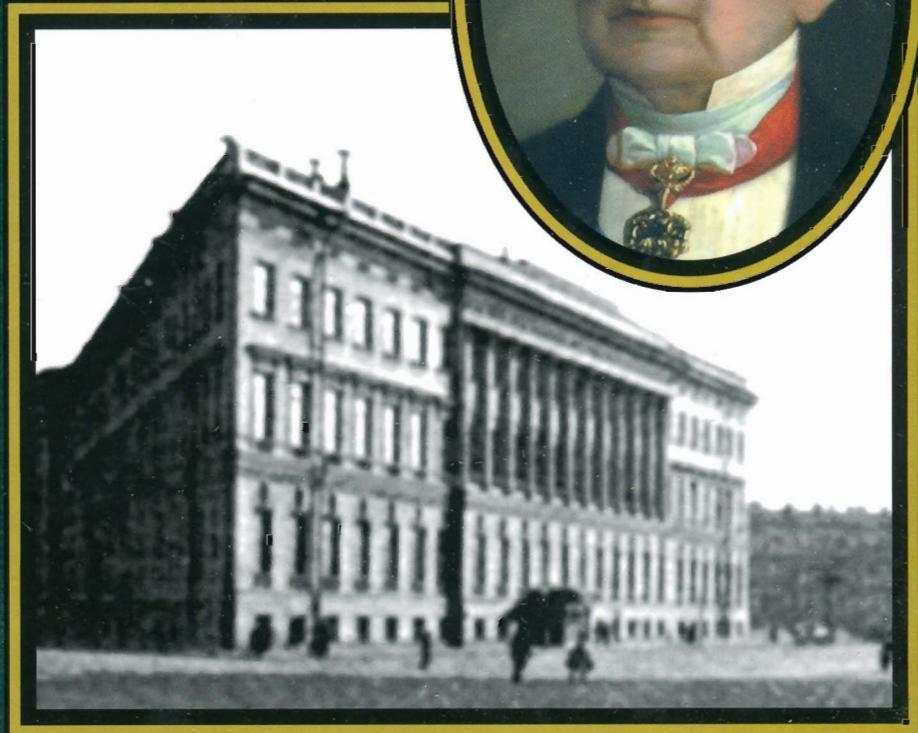

Балканская эпопея князя А.М. Горчакова

В.Н. Виноградов

Наука

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В.Н. Виноградов

Балканская
Эпопея
князя
А.М. Горчакова

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
B49

Рецензенты:

доктор исторических наук В.М. ХЕВРОЛИНА,
кандидат исторических наук А.В. КАРАСЕВ

На переплете:

*А.М. Горчаков — министр;
здание Министерства иностранных дел в Петербурге;
Горчаков — лицейист; подписание Сан-Стефанского договора*

Виноградов В.Н.

Балканская эпопея князя А.М. Горчакова / В.Н. Виноградов ;
Ин-т славяноведения РАН. — М. : Наука, 2005. — 302 с. —
ISBN 5-02-010325-X (в пер.).

А.М. Горчаков — самый крупный дипломат дореволюционной России, возглавлявший Министерство иностранных дел более четверти века. Во многом благодаря его усилиям Россия избавилась от тяжелых и унизительных условий навязанного ей после Крымской войны мира (прежде всего от запрета держать военный флот на Черном море, что лишило страну возможности защищать свои южные рубежи). Деятельность Горчакова, в том числе на важнейшем балканском направлении внешней политики, еще далеко не в полной мере изучена отечественной историографией. В книге фигурируют вершители судеб тогдашней Европы: императоры Александр II, Вильгельм и Франц Иосиф, королева Виктория, О. Бисмарк, Д. Дизраэли, В.Ю. Гладстон, Д. Андраши, Н.П. Игнатьев, Д.А. Милютин, П.А. Шувалов и многие другие.

Для историков и широкого круга читателей.

Темплан 2005-II-244

ISBN 5-02-010325-X

© Институт славяноведения РАН, 2005
© Виноградов В.Н., 2005
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2005

Предисловие

Князь Александр Михайлович Горчаков, последний канцлер Российской империи, возглавлял Министерство иностранных дел более четверти века. По части столь долгого пребывания на этом посту у него был соперник — Карл Васильевич Нессельроде, который управлял ведомством сорок лет. Но разница между ними колossalная. Нессельроде руководил аппаратом министерства. Никому не придет в голову утверждать, что этот фанат департамента хотя бы изредка влиял на внешнеполитический курс страны. Он исписал на изящном французском языке горы бумаг, мастерски сочинял ноты и депеши, но все это — лишь по указанию свыше. Политику властно определял Николай I. Представители дома Романовых были по-своему людьми незаурядными, от них не только по статусу, но и как личностей во многом зависела судьба государства.

Конечно, нельзя считать Нессельроде кем-то вроде писаря при императоре. Это был многоопытный преданный делу профессионал, искренно веривший в принципы Священного союза и полагавший, что их воплощение в жизнь обеспечит спокойствие Европе. Способный дипломатический тактик, он успешно подготовил внешнеполитический антураж русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг., но замысел и определение целей принадлежали царю. В глубине души Карл Васильевич понимал, что спор о Святых местах, предшествовавший Крымской войне, чреват общеевропейским столкновением. Он осторожно поведал «августейшему повелителю» о своих опасениях, но решительно заявить, что тот занес ногу над пропастью, не посмел, и Николай в ослеплении своем увлек Россию в «крымскую ловушку».

Таков был предшественник Горчакова на посту. Ничего плохого нельзя сказать о его преемнике, Николае Карловиче Гирсе. Опытнейший, весьма искушенный в международных делах дипломат, крайне осторожный и сугубо миролюбивый. Вот уж кто не мог и слово молвить против

воли властного и самовластного Александра III так это Гирс. Когда Николай Карлович отправлялся к императору на доклад, его ближайший советник В.Н. Ламздорф шел в Казанский собор, ставил свечу перед образом Богородицы и возносил молитву, дабы в Аничковом дворце либо в Царском Селе все сошло благополучно. И эта, казалось бы, мелочь как нельзя лучше характеризует царившие в высших сферах нравы.

Известно, что Гирс являлся убежденным сторонником сближения с Германией, и решение о резкой смене приоритетов во внешней политике и ориентации на союз с Францией Александр принял единолично. Ламздорф в дневнике описал первую реакцию ошеломленного Гирса на решение императора. Министр бормотал: «Его величество молол такой вздор и проявлял столь дикие инстинкты...»¹ Но он же, министр, умело оформил альянс, не позволив французам продиктовать свои условия.

Иное положение при Александре II занимал А.М. Горчаков. Только к нему в минуту жизни трудную в феврале 1878 г. (британские броненосцы вторглись в Черноморские проливы) царь обратился со словами, написанными вопреки обыкновению по-русски: «Так важно, что я желал бы узнать твое мнение прежде, чем ответить. Напиши мне, если твое здоровье не позволяет тебе быть ко мне»².

Горчаков вселился в роскошный кабинет особняка на Певческом мосту в тяжелые для отечества дни: Россия потерпела поражение в Крымской войне, какого не знала после Смутного времени, замаячила перспектива превратиться в государство второго ранга... Но в немалой степени усилиями и трудами Горчакова и возглавляемого им опытного и преданного делу аппарата министерства авторитет державы удалось быстро восстановить. В скором времени в Европе забыли, кто кого победил, и государи чуть ли не в очереди стояли на встречу с Александром II.

Друзей у Горчакова в зрелые годы было мало. Мемуаристы обвиняли его в высокомерии, честолюбии и тщеславии. Все это наличествовало, как и желание сделать карьеру. Однако надо всем доминировал государственный интерес. Отличительная черта его характера с малых ногтей – целеустремленность.

Ключевое место в деятельности Горчакова занимали дела черноморские и балканские. Именно здесь, в Юго-Восточной Европе, предстояло сбросить вериги Париж-

ского мира и восстановить имперское величие России, под коим следует понимать не стремление к захватам и притеснению соседей, а geopolитический размах интересов державы, осознание ее роли в судьбе Европы и мира.

Сам князь на закате дней с гордостью констатировал: «Я первый в своих депешах стал употреблять выражение "Государь и Россия". До меня в Европе не существовало другого понятия по отношению к нашему отечеству как "император"»³. Горчаков изгнал из дипломатии тень Священного союза. Нужды страны, а не солидарность с монархами, по его мнению, должны были определять ее внешнюю политику. Можно говорить о деидеологизации этой политики: союз с Францией мыслился независимо от ее строя — монархического, республиканского, консервативного или либерального — мыслился на основе общего тяготения к миру и прочному балансу сил на континенте. Увы, сотрудничество с Наполеоном III, стремившимся к европейской гегемонии, потерпело крах. Но Горчаков оказался провозвестником франко-русской антанты 90-х годов.

* * *

В центре нашего исследования — черноморские и балканские дела. Именно здесь был нанесен удар могуществу державы, именно здесь предстояло восстановить ее позиции. Навязанная Парижским трактатом система международных отношений рухнула, просуществовав всего пятнадцать лет. Князь-канцлер покинул свой пост после победоносной войны 1877 — 1878 гг. с Турцией. Берлинский конгресс поставил крест на многих планах, равно как на мечтаниях российской общественности относительно полного освобождения южных славян. Горчаков признался Александру II: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». Государь к этим преисполненным горечи словам собственноручно приписал: «И в моей тоже»⁴.

Светлейшему князю в конце жизни пришлось столкнуться с осуждением, непониманием и почти что забвением со стороны общественности. Но оценки современников и суд истории — разные вещи. Военный министр Д.А. Милютин, один из немногих, кто сумел возвыситься над злой дня и заглянуть в будущее, записал в те драматические дни в дневнике: «Если достигли хоть только того, что теперь уже конгрессом постановлено, то и в таком

случае огромный шаг будет сделан в историческом ходе Восточного вопроса»⁵. Да, на телес Балкан остались кровоточащие раны – расчлененная Болгария и оккупированные австрийскими войсками Босния и Герцеговина. Но удалось добиться международного признания независимости Сербии, Черногории и Румынии, о чем раньше могло пригрезиться разве что в прекрасном сне. Раскол Болгарии длился семь лет. Юго-Восточная Европа вступила на путь самостоятельного развития.

Балканская эпопея князя А.М. Горчакова превратится в загадку, если ее исследовать в отрыве от сотрясавших после Крымской войны Европу катаклизмов – возвышение и падения империи Луи Наполеона Бонапарта во Франции, польского восстания 1863 г., объединения Италии и Германии, ослабления Австрийской монархии, ее отчаянных попыток обрести лучшее место под балканским солнцем, борьбы Великобритании за сохранение власти султанов в Юго-Восточной Европе. Центр Европы был тем силовым полем, в котором действовала российская дипломатия, изыскивая пути ликвидации пагубных результатов крымского поражения. Поэтому причины возникновения всех перечисленных выше очагов тревоги освещаются в настоящей монографии. И все же наша книга не о внешней политике отечества во всех ее проявлениях, а о месте и роли в ней Горчакова. В ряде областей внешней политики князь участвовал мало, а то и против своей воли. Так, Среднюю Азию в значительной степени завоевывали не по приказам «сверху», а по инициативе молодых предприимчивых, отчаянно храбрых и склонных к авантюризму полковников, чья энергия была ключом. В дневнике Д.А. Миллютина (сентябрь 1866 г.) есть такая запись: «Государь положительно не желает присоединения Коканда...» Но ведь победителей не судят, Коканд был захвачен, а на долю Александра Михайловича выпала неблагодарная задача – не допустить острого конфликта с Великобританией⁶.

В пограничном разграничении с Китаем первую скрипку играли энергичный губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, адмирал Е.В. Путятин и молодой Н.П. Игнатьев. Эти и некоторые другие события обозначены в книге кратко.

Отличительной чертой Горчакова-дипломата являлась ясность в определении цели и сугубый, порой жесткий реализм в методах ее достижения, без романтических по-

ползновений за пределы возможного, за что ему доставалось от увлекающихся коллег — горячим головам хотелось большего.

* * *

Ничего похожего на библиотеку трудов о Горчакове в отечественной историографии не существует, хотя масштаб его личности притягивал исследователей даже в советское время, когда царских министров можно было только ругать, но ни в коем случае не превозносить. Первым брешь в стене молчания, окружавшей их деятельность, пробил С.К. Бушуев (и в этом его заслуга), опубликовав в 1944 г. монографию, посвященную А.М. Горчакову. Но это повествование обрывается на Крымской войне, князь тогда еще не проявил себя как личность и дипломат во всей полноте. Кроме того, печать классового подхода — с его неизбывными разоблачениями агрессивной политики царизма — явно мешает объективному восприятию героя книги. Впоследствии С.К. Бушуев опубликовал краткую биографию А.М. Горчакова, его примеру последовали еще несколько авторов⁷.

Перелом наступил сравнительно недавно. В 1998 г. отмечалось двухсотлетие со дня рождения последнего канцлера империи. Состоялись первые Горчаковские чтения. Открыл их лекцией академик Е.М. Примаков, тогда — министр иностранных дел. Вышел в свет сборник статей и документов, посвященных роли князя в выработке и проведении внешнеполитического курса державы в 50—70-х годах XIX в.⁸ В 2002 г. увидела свет книга В.А. Лопатникова «Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова». Автор подошел к задаче чрезвычайно широко, сделав акцент на «времени» и представив Россию на рубеже эпох, реконструировав европейскую панораму и дав галерею портретов — Николая I, Александра II, Луи Наполеона (лестно его охарактеризовав), О. Бисмарка (отличавшегося, по мнению Лопатникова, узостью взглядов — ему «недоставало исторического масштаба»), К.Б. Кавура, естественно, самого Горчакова и многих других. Книга включает краткий очерк истории внешнеполитического ведомства России, начиная с учреждения Посольского приказа в XVI в. Интересна глава «Власть и публицистика». Но деятельности Горчакова на дипломатическом поприще уделено сравнительно немного места, ее систематический ана-

лиз отсутствует, приводятся размышления самого автора, чаще интересные, порой спорные. Балканской политикой России, англо-русским противоборством в Юго-Восточной Европе автор пренебрег, ничего о них не рассказав, русско-турецкую войну 1877–1878 гг. почему-то назвал Балканской, хотя широкие военные операции велись тогда и на Кавказе, и кавказские проблемы стали предметом яростных споров на Берлинском конгрессе. Портретов проводников британской политики – Г.Д. Пальмерстона, Б. Дизраэли, королевы Виктории – в книге нет, хотя их роль в отношениях с Россией несоизмеримо значительней той, которую сыграл К.Б. Кавур⁹. Конкретные замечания по поводу некоторых оценок В.А. Лопатникова приведены на соответствующих страницах нашего труда.

На сегодняшний день опубликовано немало статей, посвященных отдельным этапам и эпизодам деятельности А.М. Горчакова.

Автор надеется, что его книга в качестве скромной лепты пополнит копилку трудов о нашем великом соотечественнике. Да не заастет травой забвения память о нем и его дела!

При написании книги я использовал материалы моих прежних исследований*.

* А.М. Горчаков у руля внешней политики России // Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998; Князь А.М. Горчаков – министр и вице-канцлер // Новая и новейшая история. 2003. № 2; Канцлер А.М. Горчаков: от триумфа в Лондоне к черным дням в Берлине // Там же. № 3; Южные славяне – от статуса турецкой райи к возрождению государственности // Славяноведение. 2004. № 5; А не являлась ли Крымская война для союзников «достойной сожаления глупостью?» // Там же. 2005. № 1; Канцлер Горчаков в водовороте Восточного кризиса 70-х годов XIX века // Там же. 2003. № 5; Россия и Балканы: от Екатерины Великой до первой мировой войны. Льюистон (США), 2000; Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961; Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985; Британский лев на Босфоре. М., 1991; Святые места и земные дела // Новая и новейшая история. 1983. № 5/6; Николай Первый в «крымской ловушке» // Там же. 1992. № 4; Берлинский конгресс 1878 г. перед судом истории (Велики те силы и Балканите в ново и най ново време). София, 1985; Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Новая и новейшая история. 1978. № 2/3; Герои Шипки и туманы Лондона // Там же. 1979. № 6; Восточный вопрос и Балканы // Там же. 1980. № 1; 1989. № 6; Освобождение балканских народов от османского ига // Сов. славяноведение. 1978. № 3; Россия и Балканы в трудах Барбary и Чарлза Елавичей // Там же. 1989. № 3; Дипломатическая борьба вокруг объединения Дунайских княжеств // Вопр. истории. 1986. № 8.

¹ Цит. по: В пороховом погребе Европы. М., 2003. С. 116, 104.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1878. Д. 81. Л. 55 (британские броненосцы вошли в Черноморские проливы).

³ Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 385.

⁴ Там же. С. 395; см. также: Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 234.

⁵ Милютин Д.А. Дневник. М., 1959. Т. 3. С. 26 – 27.

⁶ Захарова Л.Г. Александр Второй и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 148.

⁷ Бушуев С.К. А.М. Горчаков. М., 1944. Т. 1; Он же. А.М. Горчаков. М., 1961; Семанов С.Н. А.М. Горчаков – русский дипломат XIX века. М., 1962. Традиция издания небольших трудов о канцлере продолжается, см., например: Андреев А.Р. Последний канцлер Российской империи А.М. Горчаков. М., 1999; Кессельбреннер Г.Л. Светлейший князь. М., 1998.

⁸ Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998.

⁹ Лопатников В.А. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. СПб., 2002; 2-е изд. Сер.: ЖЗЛ. М., 2004. С. 275, 126 – 134, 292 – 324.

Вверх по ступеням дипломатической карьеры

Александр Михайлович Горчаков родился 28 июня (ст.ст.) 1798 г. в родовитой и знатной семье, чье генеалогическое древо восходило к полулегендарному Рюрику и к вполне реальным князьям Черниговским. К концу XVIII в. род успел если не разориться, то все же изрядно обеднеть. Отец Александра Михайловича, Михаил Алексеевич, всю жизнь тянул офицерскую лямку, но дослужился лишь до сравнительно скромного чина генерал-майора. Мать, Елена Васильевна фон Ферзен, была дочерью подполковника. Кроме Александра, у четы Горчаковых было четыре дочери, чтобы выдать их замуж, требовалось приданое. Поэтому заботливый брат отказался от своей доли наследства и с юности полагался только на себя, на собственные силы и средства. Первоначальное образование Александр получил в петербургской гимназии; затем — Царскосельский лицей, которому суждено было стать знаменитым. О том, как Александр проводил время, сохранилось свидетельство его однокашника Ильинского: «Учится с утра до вечера, чтобы быть первым учеником»¹. Он чуть не угадал: Горчаков кончил курс со второй золотой медалью. В отзывах товарищей об Александре-лицеисте встречаются и критические нотки — раздражителен, нетерпелив, высокомерен. Можно предположить, что это были издержки переходного возраста, очевидно, не со всеми он ладил, но с Пушкиным был на дружеской ноге; отличавшийся бурным темпераментом вспыльчивый поэт с задавакой ладить бы не стал.

Главное, что отличало князя Горчакова с младых ногтей — это самостоятельность и целеустремленность. Пока сокурсники веселились в садах лицея или тайком от надзирателя предавались дружеским пирушкам, он корпел над книгами и размышлял. Перед выпускниками привилегиро-

ванного учебного заведения открывалась как военная, так и штатская карьера. Горчаков предпочитал последнюю по многим причинам. Отметим две. Во-первых, служба в гвардии требовала больших средств, кои отсутствовали. Во-вторых, Александр с детства страдал близорукостью, гусар в очках да еще на коне — чем не белая ворона... Вообще ношение очков в то время считалось чем-то неприличным. Император Александр I был и глуховат, и подслеповат, но, чтобы не портить вида, очков не носил. Позднее Горчакову пришлось испрашивать высочайшего разрешения на ношение окуляров.

В письмах дяде и доверенному лицу, А.Н. Пещурову, восемнадцатилетний лицеист рассуждал как умудренный опытом зрелый муж: он предоставляет другим добиваться побед на ратном пути. Исключение предусматривалось лишь в единственном случае — если над Отечеством нависнет беда, подобно случившейся в 1812 г., то он переменит перо на шпагу: «Я избрал себе статскую, а из статской (...) благороднейшую часть — дипломатику. Заблаговременно теперь стараюсь запастись языками, что, кажется, составляет нужнейшее по сей части. Русский, французский, немецкий я довольно хорошо знаю, в английском сделал хорошие начала и надеюсь нынешнее лето усовершенствовать в оном». Плата за репетиторство и в то время «кусалась», Горчаков сетовал, что гувернеру «за три месяца надобно дать (...) с лишком 100 р. ...». А батюшка предупредил, чтоб молодой князь на присылку денег из дома не рассчитывал. И все же Горчакову удалось, кроме прочих, приобщиться и к итальянскому языку².

Директор лицея Егор Антонович Энгельгарт, образованный и одаренный педагог — «такого другого человека сыскать трудно», — счел нeliшним преподать некоторым воспитанникам азы дипломатической службы: он «взял на себя несколько приготовить нас к должности... По сие время нас четыре — он будет задавать нам писать депеши, держать журнал, делать конверты без ножниц, различные формы пакетов и пр.»³.

Смутили будущего дипломата в основном дела финансовые: «жалованья почти нет», а в скором времени предстояло экипироваться — сшить дорогой мундир, потратиться на шпагу и шляпу. Предусмотрительный юноша через того же дядюшку Пещурова (как-никак сенатор!) хлопочет о том, чтобы служить под началом графа Иоанна Антоновича Каподистрии, второго (после К.В. Нессельроде) статс-секретаря по

иностранным делам. Каподистрия, родом грек с острова Корфу, олицетворял (увы, уходящие) либеральные тенденции правления Александра I, Нессельроде — консервативные. Юный лицеист мечтал попасть в «команду» прогрессивно настроенного второго статс-секретаря, несмотря на ходившие слухи, что дни его на высоком посту сочтены: «...говорят, что он (Каподистрия. — В.В.) долго не останется в этом месте, прямой характер его не способен к придворным интригам»⁴. Участие дяди не пропало даром: от беседы с Александром у статс-секретаря осталось наилучшее впечатление.

На выпускном акте в лицее семью представлял тот же Пещуров. Михаил Алексеевич писал ему: «Александр мой со всех сторон щастлив, бог уже учредил, чтоб при выпуске ты был и заменил место мое»⁵. 15 июня 1817 г. вместе с Александром Пушкиным и Вильгельмом Кюхельбекером Горчаков переступил порог учреждения, в котором ему суждено было служить более 60 лет. Его зачислили с чином титуллярного советника (т.е. 9-го класса), Пушкина — на класс ниже. Карьера началась многообещающе: в 1819 г. он камер-юнкер; в 1820 — 1822 гг. участник конгрессов Священного союза в Троппау (Опаве) и Лайбахе (Любляне). Его замечает Александр I, большой любитель «конгрессовой дипломатии». Царь и камер-юнкер, случалось, вместе фланировали по самой представительной из немногих тогда улиц Лайбаха. К тому времени Горчаков уже награжден двумя орденами — Владимира 4-й и Анны 2-й степени. 1822 год сложился удачно. Александр — коллежский ассесор и, по личному указанию императора, назначен секретарем посольства в Лондоне, самого престижного из тогдашних зарубежных представительств. В 1824 г. он получает чин коллежского советника (подполковника на гражданской службе). Но климат туманного Альбиона оказывается неблагоприятно на его здоровье. В следующем году Горчаков испрашивает длительный отпуск, лечится в Германии, а затем отправляется на родину. По пути в Петербург князь заезжает в имение дяди Пещурова в Псковской губернии. Здесь приболевшего Александра навестил приехавший из Михайловского ссыльный Пушкин. Они провели вместе целый день. Пушкин читал приятелю сцены из «Бориса Годунова», Горчаков делал замечания. Поэт откликнулся на встречу следующими стихами:

Нам разный путь судьбой назначен строгий;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись;
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

И еще:

...Фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.

И все же что-то изменилось. Горчаков — уже первый секретарь, надворный советник, камер-юнкер. Пушкин — уже великий поэт и преследуемый властями изгнаниник. Пушкин писал П.А. Вяземскому в сентябре 1825 г.: «Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высох...»⁶. Беседа свидетельствовала об известном гражданском мужестве и порядочности Горчакова...

Во время пребывания в Петербурге и Москве Александр Михайлович, естественно, сталкивался с однокашниками по лицою, членами тайного общества. Исследователи расходятся во мнениях относительно того, сказал ли кто-нибудь ему о заговоре. По большому счету это неважно, чуждый революционным идеям Горчаков считал, что «большие цели никогда не достигаются тайными происками». Но узы товарищества оставались прочными, и есть сведения, что Александр Михайлович предлагал скрывавшемуся от преследования Кюхельбекеру содействие в оформлении заграничного паспорта, но тот отказался и испил чашу страданий до дна⁷. Такие представления о долге тогда существовали.

Три десятилетия спустя Горчаков, уже как министр, способствовал возвращению сосланных декабристов домой. И.И. Пущин писал тогда князю Е.П. Оболенскому, что в квартиру Пушкина на Мойке явились лицейские друзья, «Корф и Горчаков, как люди занятые, не могли часто видеться, но сошлись как старые друзья... Вообще не коснулся меня, далекого, петербургский холод, на который все жалуются»⁸.

Дружеские связи с декабристами не прошли Горчакову даром, фортуна от него отвернулась, молодой император Николай заподозрил князя в идейной близости с «бунтовщиками», и Горчаков поспешил вернуться в Англию.

С Лондоном Горчакову пришлось расстаться в 1827 г. — по своему прошению, но не по своей воле. Отношения с послом, графом (позднее князем) Х.А. Ливеном, у него не сложились, случалось, он нелестно отзывался о шефе. В одной из частных бесед Горчаков пожаловался: «...вы не можете себе представить такое положение — быть живым привязанным к трупу». Правда, злые языки утверждали, что подлинным послом служила Дарья (Доротея) Христофоровна Ливен, урожденная Бенкендорф, родная сестра шефа жан-

дармов, но в числе опекаемых ею сотрудников посольства Горчаков не значился. После отставки И.А. Каподистрии высоких покровителей в Петербурге у Горчакова не осталось. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде относился к нему неприязненно и ходу не давал, самостоятельность тогда в его ведомстве не поощрялась, наличие собственных мыслей не одобрялось. Внешней политикой единолично руководил Николай I, которому Нессельроде безропотно подчинялся. К смирению Карл Васильевич привык и дома, супруга его, Мария Дмитриевна, урожденная Гурьева, по прозвищу «петербургская ведьма», держала мужа под кабуком. Хотя ничего крамольного в знакомстве Горчакова с декабристами отыскать не удалось, смотрели на него косо, в Рим, слывший дипломатическим захолустьем, из Лондона перевели с явным понижением, хотя и на ту же должность. Правда, оставили прежнее жалованье, почти вдвое превышавшее полагавшееся ему в Италии. В этом плане Горчакову повезло, древность и знатность его рода не подкреплялись соответствующим состоянием.

В Риме князь задержался ненадолго, в апреле 1828 г. он — советник миссии в Берлине, а уже в декабре переведен на должность поверенного в делах во Флоренцию и Лукку. Круг его интересов и познаний расширяется за счет немецких и итальянских дел. Князь знакомится с памятниками античности и средневековья, а в двери миссии стучится современность, непрекращающееся революционное брожение. Свой пост он называет «наблюдательным пунктом среди восстаний, окружающих наше герцогство» (Тоскану). Здесь, замечает его биограф, «князь порядком подрастиерял свои и до того умеренные либеральные взгляды». Его депеши в Петербург исполнены тревоги и в то же время благоразумия: нельзя полагаться на одну силу в подавлении революции; если «не последует улучшения благосостояния жителей Италии, если не будет проведено подлинное, а не фиктивное упразднение злоупотреблений, довлеющих над этой страной, монархический принцип потеряет доверие простых людей», и тогда «зло, задушенное, с помощью силы, вновь появится и станет еще более интенсивным»⁹.

В ноябре 1833 г. Горчаков был назначен советником посольства в Вену. Он очутился в вотчине некоронованного главы Священного союза канцлера Клеменса Меттерниха — человека, олицетворявшего европейскую реакцию и политическую твердолобость. Точек соприкосновения у Горчакова с ним быть не могло, и очень скоро их с канцлером обу-

яла взаимная антипатия. В Вене Александр Михайлович приобщился к делам Балканского региона, где сталкивались интересы России, Австрии и Великобритании. Осуществленный при Екатерине II прорыв в Юго-Восточную Европу побудил две последние державы принять на вооружение доктрину статус-кво — незыблемости владений и власти Османской империи. А Россия только что, в ходе войны 1828—1829 гг., эту власть изрядно расшатала. Адрианопольский мир ознаменовался предоставлением автономии Сербским землям, объединившимся в княжество. Молдавия и Валахия превратились в полусамостоятельные государства со своим законодательством и вооруженными силами. Их зависимость от Высокой Порты ограничивалась главным образом выплатой дани. На юге полуострова независимым государством стала Греция. Наступившая после Адрианополя эпоха стала для балканских народов временем накопления сил, освоения завоеванных прав, проведения реформ, укрепления своей государственности.

Этого Габсбургская монархия, во владениях которой проживали миллионы румын и сербов, боялась пуще огня. Вена с глубокой тревогой следила за образованием в ближнем порубежье национальных очагов этих народов, опасаясь их превращения в центр притяжения для подданных короны.

Меттерних предпочитал иной вариант решения восточного вопроса, а именно путем присоединения к империи соседних народов. Открыто противодействовать освободительной миссии России на Балканах Меттерних не смел, он не мог позволить себе такую роскошь, какссора с другим столпом Священного союза, Николаем I. Оставалось одно — тайно ассистировать Великобритании в ее противоборстве с Россией.

Кабинет могущественной Англии выступал с открытым забралом. Султана в Лондоне считали сторожем при Черноморских проливах, Босфоре и Дарданеллах. Появления флота под Андреевским флагом в Средиземном море англичане боялись, уж слишком близко к Индии. Англо-русское противоборство превратилось в ось международной жизни в Европе. Владычица морей выступала во всеоружии средств, о которых в Зимнем дворце даже не мечтали: она обладала неисчерпаемыми финансами и кредитными возможностями, набором привлекательных для Турции промышленных изделий, включая военную технику, и емким рынком для сельскохозяйственной продукции. Османские реформаторы во главе с Решидом-пашой с вожделением взирали на британские конститу-

ционные порядки. В 1838 г. посол Дж. Понсонби заключил со Стамбулом выгодную торговую конвенцию, и товары с клеймом «Мэйд ин Инглэнд» хлынули в Салоники, Измир и другие порты. В Зимнем дворце в бессилии наблюдали, как Османская империя уплывает из зоны российского влияния.

Меттерних выступал един в двух лицах — явно как пре-данный друг царя, скрытно — как пособник Британии, стремившейся выдворить Россию с Балкан. В Петербурге он имел поклонника в лице вице-канцлера К.В. Нессельроде, горячего сторонника альянса с Веной как основы системы международных отношений под эгидой пресловутого союза. Язвительный мемуарист князь П.В. Долгорукий называл Карла Васильевича «российским министром австрийских иностранных дел». Проницательный Горчаков легко разобрался в сути двойной игры габсбургской дипломатии, отличавшейся, по его мнению, завистью, неоправданной подозрительностью, своекорыстием и патологической враждебностью к освободительному движению южных славян и балканских христиан в целом¹⁰. Эти своего рода разоблачения не могли прийтись по вкусу Нессельроде, но царь, не без влияния того, что ему сообщали посол Д.П. Татищев и Горчаков, проникся недоверием к Меттерниху.

Карьера Александра Михайловича в Вене оборвалась неожиданно — на сей раз вмешалась любовь. Сорокалетний холостяк увлекся вдовой Марией Александровной Мусиной-Пушкиной, урожденной княжной Урусовой. На беду Горчакова Машенька приходилась родной племянницей его прямому начальнику, послу Дмитрию Павловичу Татищеву. Тот считал сидевшего на одном жалованье статского советника невыгодной партией. «Татищев решительно восстал против свадьбы, — констатировал в своих "Петербургских очерках" П.В. Долгоруков. — Князь Горчаков, поставленный в неизбежную необходимость выбора между любимой женщиной и весьма заманчивой для его честолюбия службой, не поколебался»¹¹. 17 июля 1838 г. состоялось венчание, 25-го числа того же месяца он получил отставку.

Горчаков знал себе цену, его прошение об отставке было явно демонстративным, он рассчитывал на его отклонение и как следствие на укрепление своих позиций. Не вышло. По свидетельству бывшего директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгарта, не порывавшего связей со своими воспитанниками, Горчаков «сделал превеликую глупость в борьбе с врагами. Думал испугать подачей в отставку, и получил ее подчас»¹².

Прибыв с немалой семьей в Петербург (у Марии Александровны от первого брака было трое детей), Горчаков убедился, что недругов и завистников у него много. Николай I относился к нему холодно, смутные подозрения по поводу причастности князя к «делу 14 декабря» не рассеялись. Граф К.В. Нессельроде питал к Горчакову откровенную неприязнь, могущественный шеф жандармов А.Х. Бенкendorф считал его (после одной личной встречи) недостаточно уступчивым. Хлопоты о новом назначении длились три года, их благополучному завершению способствовал тесть, князь А.М. Урусов.

В 1841 г. открылись две вакансии, для занятия которых Александра Михайловича сочли подходящим кандидатом. Обе «пролетели» мимо. Подал в отставку Д.П. Татищев — казалось бы, кому, как не Горчакову, занять освободившееся место. Вместо него в Австрию отправилась очередная «безликость» — П.И. Медем. Ушел со своего поста посланник в Стамбуле А.П. Бутенев, и Горчакова известили о предстоящем назначении. Он зачастил в мидовский архив, знакомясь с состоянием дел. И снова осечка: Нессельроде предложил этот пост В.П. Титову. Александру Михайловичу пришлось удовлетвориться скромной должностью посланника в Бюргенштадте. И все же он вздохнул с облегчением — снова поставил ногу в стремя, да и чин действительного статского советника получил.

По прибытии в Штутгарт князь обнаружил, что это не такое уж заштатное место и назначение его имеет свои плюсы. Местный двор состоял в родственных связях с Романовыми, две дочери Николая, Мария и Ольга, стали женами вюртембергских принцев (в последнем сватовстве Александр Михайлович принимал участие). В Штутгарте Горчаков угодил в муравейник внутригерманских интриг. Два давних соперника — Вена и Берлин — ожесточенно боролись за доминирование в Германском союзе. Симпатии царя были на стороне слабеющей Австрии, а не стремительно возвышавшейся Пруссии, способной превратиться в опасного соседа. Своего шурина, родного брата императрицы Александры Федоровны, короля Фридриха Вильгельма IV, Николай на дух не переносил (хотя в письмах обращался к нему не иначе, как «дорогой Фриц», получая в ответ приветливое «дражайший Никс»).

Повествуя о помощи царя юному (казавшемуся таким покладистым) императору Францу Йосифу в подавлении Венгерской революции в 1849 г., авторы соответствующих

трудов обычно отмечают, что помощь эта была продиктована двумя причинами — солидарностью реакционных монархов и взятой на себя Николаем в Священном союзе ролью Дон Кихота. Это правда, но не вся. Царь явно стремился сохранить статус-кво, т.е. разобщенность Германии, лишь номинально возглавляемой, как уже говорилось, слабеющей Австрией. Ситуация Николая Павловича вполне устраивала: никакой угрозы от Германского союза не исходило, но все же он мог дать отпор посторонним посягательствам, скажем, со стороны Франции.

Март 1848 г. — время восстания в Берлине. В переписке со своим «отцом-командиром», фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем, царь констатировал: «Будущность Германии для меня в тумане; но одно уже ясно — не быть единству Германии, ни прочим бредням».

Февраль 1849 г. У царя создалось впечатление, что венский двор близок к победе над революцией. Он надеялся, что «ежели Австрия будет вести дела твердой рукой и дома, и за границей, она одна может взять в ней (Германии. — В.В.) верх, Пруссия же никогда — помни мое предсказание»¹³. В долговременном плане Николай Павлович оказался плохим пророком, вообразив, что властным окриком — «не дурачтесь, ужо я вас!» — он учинит все по своему хотению. Но пока суть да дело, царь решительно поддержал имперские домогательства Вены. По соглашению в 1850 г. в Ольмюце (Оломоуце), Берлин, под сильным наложением Николая, отказался от образования «прусской унии» (союза 20 немецких государств) и пересмотря порядков, установленных Венским конгрессом. Во главе Германского союза осталась Австрия. Именно тогда разобиженные немецкие либералы нарекли царя «жандармом Европы».

Революционные годы Горчаков провел в глубокой тревоге: «Топор уже стучит в основание социального дерева». Вюртембергский монарх проявил себя как гибкий политик, пошел на уступки подданным, отменил феодальные повинности крестьян (за выкуп), провозгласил свободу слова, и напряжение в королевстве спало. Александр Михайлович оценил склонность бургера к компромиссу со старым режимом: «Буржуазия, кажется, начинает понимать, что в ее же собственных интересах в настоящий момент поддерживать правительство»¹⁴. В Петербург он поставлял внушавшие опасения сведения относительно экспансиистских пополнений Берлина, в частности на входившие в состав Дании Шлезвиг и Гольштейн. Николай I действовал круто: отпра-

вил к берегам Ютландии эскадры Балтийского флота и добился вывода из Дании прусских войск¹⁵.

Император убедился в полной благонамеренности Александра Михайловича. Его карьере способствовало участие в бракосочетании великой княжны Ольги с местным кронпринцем. По поручению царя Горчаков ознакомил невесту с историей древней Швабской земли, Ольга прониклась к нему симпатией и лестно отзывалась о нем в письмах отцу. На Александра Михайловича посыпалось ордена — Станислава и Анны первой степени, короны Большого креста Вюртемберга, чин тайного советника. И наконец, как знак доверия и милости — назначение (ныне мы бы сказали, по совместительству) представителем при германском сейме во Франкфурте-на-Майне, где он, как положено, отстаивал прерогативы малых дворов и советовал тамошним коллегам-дипломатам уповать на благородное покровительство царя. Лучшего наблюдательного «пункта», позволявшего время от времени проникать в потаенные уголки внутригерманских отношений, не существовало. Здесь Горчаков познакомился с молодым Отто фон Бисмарком, который уже тогда изучал расстановку сил и подготавливал условия для, хотя и отдаленного по времени, объединения страны вокруг Пруссии. Две сильные личности, будущие антагонисты, прониклись друг к другу уважением.

Это были годы тихого семейного счастья, которых судьба даровала князю всего пятнадцать. Он поставил дом на широкую ногу, на приемы и вечера собирался цвет штутгартского общества и дипломаты. Изысканные манеры и вкус хозяина, его милая и приветливая супруга, остроумные собеседники, дружелюбная атмосфера — все это превратило особняк миссии в один из центров культурной жизни города. В отличие от посланников прежних времен, Горчаков вел переписку с ведомством без надзора со стороны начальства. Его депеши ложились прямо на письменный стол Николая I, а тот, будучи заботливым отцом, с особым вниманием читал сообщения о семейной жизни дочерей, что придавало служебным донесениям некий частный, личностный оттенок. Пелена предубеждения спала с глаз царя. Князь писал А.Н. Пешцорову: «Я имел возможность, предоставленную мне Пророком, показать монарху, что я не тот человек, каким мелкие интриги представляли меня в его глазах. Я полагаю, монархье мнение завоевано, так как здесь были моменты, когда надо было пройти огонь и воду»¹⁶. Николай Па-

влович оценил преданность трону, эрудицию и опыт своего штутгартского представителя.

В 1853 г. Горчакова настиг тяжелый удар: внезапно скончалась Мария Александровна. Он писал с тоской и отчаянием: «стражду душою и телом» и искал утешения в Священном писании. Для него домашний очаг погас навсегда, с тех пор он жил в роскошной, но холодной казенной квартире в посольстве, потом — в особняке на Певческом мосту, и... гостиницы, гостиницы в зарубежье. Лишь в работе находил он забвение.

Звездный час в карьере дипломата пришелся на трудную пору, когда Николай I завлек Россию в ловушку Крымской войны. Карл Нессельроде продолжал занимать министерский кабинет, но от него уже ничего не зависело — с ним никто не считался. Он беспомощно барахтался в ворохе бумаг формальной переписки. От его отчета 1854 г. веет безнадежностью: «Наши берега повсеместно атакованы, наши порты блокированы, наша территория подверглась вторжению, наш самый близкий союзник, забыв недавно оказанные нам ему услуги (намек на Австрию и 1849 г. — В.В.), парализовал наши операции, заставив ограничиться обороной, и в конце концов объединился в союзе с нашими противниками¹⁷. Его преследовала дурная слава сторонника и адвоката сотрудничества с Габсбургами, и не мог он, «российский министр австрийских иностранных дел», ее развеять.

Человеку свойственно питать антипатию не к честному врагу, а к коварному другу, предавшему в час испытаний. Таковым был венский двор, записавшийся в подручные Великобритании и Франции и вымогавший у России выгодные для себя и союзников условия мира, шантажируя при этом Петербург угрозой переметнуться в стан врагов.

Пост посла в Вене стал в создавшейся ситуации ключевым, Вена — местом контактов между враждующими сторонами. Прозревший Николай осознал: здесь нужна личность, а не исполнительный чиновник. Нессельроде попытался рекомендовать Ф.И. Бруннова, своего ближайшего сотрудника. Царь эту кандидатуру отверг, предпочтя Горчакова, за которого замолвила слово королева Вюртембергская Ольга. Царь был настроен пессимистически, на прощальной аудиенции он заметил, что не удивится, если Горчаков вернется через месяц и сообщит, что Австрия открыто перешла в стан врагов¹⁸.

Александр Михайлович оказался в самом пекле антироссийских интриг. Ему пришлось действовать в трех направле-

ниях — давать отпор англичанам и французам, пытавшимся навязать России неприемлемые условия мирного урегулирования, удерживать Австрию от вступления в войну, побуждать Пруссию сохранять хотя бы зыбкий и благоприятный для противной стороны, но все же нейтралитет.

Канцлер Ф. Буоль, инициатор «предательства», старый знакомый Горчакова по Лондону (в молодости оба служили здесь секретарями посольств), встретил его холодно и со скрытой неприязнью. Александр Михайлович сменил на посту барона П.К. Мейендорфа, женатого на сестре Буоля, вместо покладистого шурина австрийцу пришлось иметь дело с жестким и видевшим его насквозь князем.

В Вену прибыли персоны первого ранга, министр иностранных дел Франции Э. Друэн де Льюис и бывший британский премьер лорд Джон Рассел. Но самым опасным все же представлялся Буоль. Надеясь посеять несогласие среди оппонентов, Горчаков намекал австрийцу на замыслы французов, стремившихся выдворить Габсбургов из Италии, а пруссаков страшал планами Луи Наполеона, готового выйти на границу по Рейну.

Именно Буоль в августе 1854 г. предъявил Горчакову «четыре пункта», принятие которых было условием для открытия переговоров: замена российского протектората над Дунайскими княжествами коллективной гарантией; обеспечение свободы судоходства по Дунаю (хотя Россия ему не препятствовала); отказ от покровительства балканским христианам; пересмотр конвенции 1841 г. о Черноморских проливах, предусматривавшей запрет на проход через них военных кораблей. Как опытный дипломат, Горчаков понимал, что каждый из пунктов будет интерпретирован к пагубе для отечества. Перед партнерами князь держался гордо и непреклонно, но самодержцу советовал принять пункты за основу, ибо надежд на их смягчение не предвиделось¹⁹.

Николай I поначалу с негодованием отверг предъявленные требования. К неудачам он не привык, и лишь в ноябре 1854 г. осознал безвыходность положения, согласился с доводами посла и санкционировал вступление в переговоры. Горчаков не скрывал стоявшие перед ним трудности: Наполеон III не может пойти на мир, бесплодно протоптившись на далекой периферии России, уложив многие тысячи солдат под стенами Севастополя; англичане и французы приложат все усилия, чтобы приманить к себе австрийцев и будут вести войну с максимальной энергией. Венская конференция зашла в тупик, когда Э. Друэн де

Льюис и Д. Рассел выдвинули следующее требование: надо запретить России иметь на Черном море военный флот. «Обороняющийся» от «хищной, агрессивной России» британский кабинет хотел бы, чтобы эскадры ее величества могли врываться в Черное море и угрожать его берегам, практически не защищенным, ибо крепости здесь предлагалось срыть. Встретив отпор со стороны Горчакова, оппоненты предложили по сути тот же вариант в казавшейся безобидной оболочке, а именно — ограничить военно-морские силы России и Турции уровнем, который сохранился к концу войны. Поскольку Севастопольская эскадра лежала на дне морском, будучи затоплена самими моряками, а турецкая была на плаву, можно было заранее предвидеть отрицательную реакцию Горчакова на предложенный «компромисс»²⁰.

В итоге судьба мирного урегулирования решалась не в Вене, а на бастионах Севастополя. В начале 1855 г. государь предписал главнокомандующему А.С. Меншикову дать генеральное сражение. Если бы интервенты были вышвырнуты из Крыма, «четыре пункта» превратились бы в клочок бумаги. Битву при Альме Меншиков проиграл.

Николай I не подозревал, что доживает последние дни. Он так неожиданно и быстро сошел в могилу, что родилась легенда, будто этот высокомерный человек расстался с жизнью добровольно, проведя смотр войскам, будучи одетым в легкую шинель. На самом деле он умер 18 февраля (1 марта) 1855 г. от эмфиземы легких. Лейб-медик решился сообщить царю, что часы его сочтены. Император погрузился в молчание, затем призвал к себе духовника, отца Василия Баженова, попрощался с семьей и гвардией, успел даже послать пожелание успеха защитникам Севастополя. Свою последнюю сердечную привязанность, Вареньку Нелидову, он приглашать к себе не стал. Умирал в личных покоях на первом этаже Зимнего дворца. Официальная роскошь царю давно надоела. Придворные толпились в трех маленьких и довольно убогих комнатах. Николай лежал на железной кровати, прикрытый серой солдатской шинелью, под головой — кожаная подушка, матрас заменял мешок с сеном — император подражал Суворову. Присутствовавшие поневоле обращали внимание на стоявшие возле кровати потрепанные, с дырами,очные туфли...

- ¹ Кессельбреннер Г.Л. Светлейший князь. М., 1998. С. 47.
- ² Там же. С. 48; Семанов С.Н. А.М. Горчаков – русский дипломат XIX века. М., 1962. С. 12.
- ³ Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 5.
- ⁴ Бушуев С.К. А.М. Горчаков. М., 1961. С. 19.
- ⁵ Модзалевский Б.Л. К биографии канцлера князя А.М. Горчакова. М., 1907. С. 15.
- ⁶ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. М., 1937. Кн.1. С. 290.
- ⁷ Бушуев С.К. Указ. соч. С. 28; Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 199.
- ⁸ Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 78 – 79; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1826. Д. 6958. Л. 262 – 269; Бушуев С.К. Указ. соч. С. 28.
- ⁹ Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 87, 89; Бушуев С.К. Указ. соч. С. 32.
- ¹⁰ Бушуев С.К. Указ. соч. С. 37.
- ¹¹ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 163.
- ¹² Бушуев С.К. Указ. соч. С. 41.
- ¹³ Щербатов А. Генерал-фельдмаршал князь И.Ф. Паскевич: Его жизнь и деятельность. СПб., 1899. Т. 6. С. 268, 323, 324; Авербух Р.А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935. С. 61.
- ¹⁴ Семанов С.Н. Указ. соч. С. 32 – 34.
- ¹⁵ История внешней политики России: Первая половина XIX века. М., 1995. С. 353.
- ¹⁶ Бушуев С.К. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1854 . Л. 5.
- ¹⁸ Канцлер А.М. Горчаков. С. 49.
- ¹⁹ Семанов С.Н. Указ. соч. С. 41.
- ²⁰ Пономарев С.Н. Дебют А.М. Горчакова в «большой политике» // Канцлер А.М. Горчаков; Петров А.Н. Русские дипломаты на Венских конференциях 1855 г. // Ист. вестник. 1890. № 4/6; Acte si documente relative la istoria renasterii Romaniei. Buc., 1889. Vol. 2. P. 730 – 751.

«Россия не сердится, Россия сосредоточивается»

Мир замер. Все понимали — кончается эпоха. Железная воля царя, верного обетшальным канонам Священного союза вовне и охранительным началам внутри страны, заморозила политическое развитие России на тридцать лет. Александр II, в отличие от отца, слыл человеком мягкосердечным и доступным новым веяниям. Переговоры в Вене прекратили. На похороны в Петербург прибыл австрийский эрцгерцог Вильгельм, что здесь восприняли как беспрецедентную наглость: в Вене российским дипломатам выламывали руки, а член Габсбургской фамилии со скорбной миной обретается в траурной процессии. Общее настроение выразил Федор Иванович Тютчев:

Нет! Мера есть долготерпенью,
Бесстыдуству также мера есть!

Когда гроб с телом усопшего выносили из дворца, вдовствующая императрица Александра Федоровна опустилась на колени и поцеловала порог двери, через которую «в последний раз прошагал тот, кто был товарищем, покровителем и другом всей ее жизни»¹.

Но уступчивый Александр Николаевич не желал начинать свое царствование с капитуляции. Отвага защитников Севастополя, отбивавших все атаки, вселяла надежду на достижение более приемлемых условий мира. Протест вызывало не требование отказаться от покровительства балканским христианам, с ним смирились сравнительно легко, а условия, касавшиеся режима Проливов, первоначально закамуфлированные под требование их нейтралитета. Однако уже на первой, еще неофициальной, встрече в Вене шило высунулось из мешка: речь зашла об «устранении русского преобладания» на море, будто бы опасного для соседей. Для

исправления этого печального положения предлагалось резко ограничить число кораблей под Андреевским флагом, базировавшихся в Севастополе. Горчаков тогда отказался даже об этом разговаривать, Нессельроде в депеше назвал это требование абсурдом, а Александр II счел Венскую конференцию фарсом².

Я согласен с замечанием В.Н. Пономарева относительно того, что вопреки распространенному в литературе мнению, противники не собирались лишать Россию статуса великой державы и отторгать от нее значительные территории. В доказательство обычно ссылаются на частное письмо виконта Г.Дж. Пальмерстона, в котором тот нарисовал заманчивую картину выдворения России из Финляндии, Прибалтики, Бессарабии, Крыма и Кавказа. Но письмо, повторю, было частным, лорд Генри Джон занимал тогда пост «домашнего секретаря» (министра внутренних дел), и, стало быть, изложенные в письме проекты вряд ли можно связать с позицией кабинета ее величества. Премьер-министр граф Дж. Абердин заметил тогда, что его прыткий коллега планирует тридцатилетнюю войну, да и сам Пальмерстон, спихнув графа с поста главы правительства и заняв этот пост сам, о полете своей фантазии начисто забыл, хотя остался на экстремистской позиции³. Цели ставились более «скромные»: изменить баланс сил в Европе, уменьшить вес и подорвать влияние России в европейской и мировой политике, продлить существование Османской империи, обеспечить преобладание Австрии в балканских делах, а Великобритании — в ближневосточных. В этой палитре требований разоружение России на Черном море являлось ключевым: стране, лишенной возможности защищать свои берега, обеспечивать безопасность рубежей, суверенные права и достоинство которой были грубо попраны, следовало вести себя в «европейском концерте» подобающим образом.

27 сентября (8 октября) 1855 г. Севастополь пал, а вместе с ним пали дипломатические бастионы Горчакова. Все понимали, что победить коалицию Франции — Великобритании — Турции — Сардинии при негласном участии в ней Австрии невозможно. Война привела к огромным людским и материальным потерям, воевать можно было разве что до полного истощения казны, впрочем, не такого уж и далекого: бюджетный дефицит в 1853 — 1856 гг. достиг астрономической суммы — 800 млн руб. В первый послевоенный год, по мнению историка С.С. Татищева, вырисовывалось «безвыходное, по-видимому, положение государственной каз-

ны»: доходы — 258 млн, расходы на выплату процентов по долгам — 100 млн, на армию — 117 млн, на все прочее оставалась жалкая сумма — 41 млн. Год свели с дефицитом в 74 млн руб.⁴

Горчаков, вспоминая позднее тогдашнее положение, обращался к истории Швеции после Северной войны как к «живому примеру того, что может стать с государствами, которые допускают такую потерю сил, что под угрозой оказывается самое его существование».

Затягивание переговоров привело к тому, что Вена выступила с «пятым пунктом», предусматривавшим право союзников предъявлять России новые требования. Габсбургская монархия явно стремилась к войне. Александр Михайлович подозревал, что ее пример может стать заразителен: «сомнительный нейтралитет» Швеции, Германии и Персии грозил «смениться открытой враждебностью». И наконец, аппетиты союзников по мере ослабления России могли принять форму территориальных притязаний. Необходимо было «остановиться на этом опасном пути, пока Россия еще могла оправиться от потерь и вновь обрести принадлежащее ей по праву могущество, безопасность и престиж»⁵. В то же время Александр Михайлович со своего наблюдательного поста в Вене стал замечать растущую рознь между участниками враждебной коалиции. Наполеон III пожертвовал десятками тысяч поданных ради укрепления своего авторитета и упрочения династии. Взятие небольшого города на южной российской окраине прессы растиражировала как достойный реванш за гибель в России полумиллионной армии Наполеона I в 1812 г. Наполеон III достиг поставленной цели — он занял первое место среди европейских монархов. Что же касается реальных противоречий, то их у Второй империи насчитывалось больше с союзной Австрией, нежели с неприятельской Россией.

Отпраздновав захват черноморской твердыни, генералы коалиции обнаружили, что находятся в тупике. Идти дальше? Но куда и зачем? Продолжать воевать ради славы авантюриста, который, пользуясь привязанностью поданных к имени Бонапарт, взобрался на вершину власти? В его военные таланты никто не верил, слух о том, что император собирается посетить театр военных действий, породил в штабе экспедиционных сил легкую панику; к счастью, «опасность» удалось предотвратить. Осенью 1855 г., после взятия Севастополя, в военных действиях наступило затишье. И тогда же в Вене к Горчакову явился местный банкир и рассказал

ему о дошедших до него слухах: близкий к императору граф Ш.О. Морни, его молочный брат, выражал надежду на скорый мир. Александр Михайлович сразу же оценил значение этой информации и начал конфиденциальную переписку. Но в дело вмешался Нессельроде и все загубил. Министр поручил переговоры своему зятю, саксонскому дипломату фон Зеебаху, сведения о них дошли до Лондона, британцы, готовые воевать до последнего французского солдата, переполошились⁶. На континент — отвращать союзника от пагубных намерений — отправился глава Форин оффис граф Д. Кларенден. Миссия не удалась. В письмах супруге лорд Кларенден выражался с не свойственной дипломату грубоватой прямотой: «Не надо скрывать от себя — окончание войны абы как будет столь же популярно во Франции, как непопулярно у нас» (15 ноября 1855 г.). Через неделю, 24-го, министр был уже вне себя: «Эти французы рехнулись на почве страха и жульничества. Боюсь, что император столь же деморализован, как и его правительство. Уверен, если мы отвергнем условия, французы заключат мир по своему усмотрению, и наше положение станет жалким». Еще через три дня он повторил свое мнение: «Лица, приезжающие из разных концов Франции, единодушно заявляют, что если мы хотим продолжать войну, то можем делать это в одиночку, а с Францией хватит»⁷.

20 декабря 1855 г. (1 января 1856 г.) участники совещания у царя почти единодушно высказались в пользу поисков мира. Угрожающая позиция Австрии, вступление в боевые действия Сардинии, заключение франко-шведского союза (уж не грозит ли это новым фронтом под Петербургом?), пессимистические доклады генерала М.Д. Горчакова из Крыма, с которыми Нессельроде «подружески» знакомил пруссаков, а те их рассекречивали по всему свету, и, главное, осознание безнадежности затягивания войны — все это побудило императора и его окружение совершить решительный шаг. А тут грянул австрийский ультиматум с жестким сроком и угрозой вступления в войну: признать право союзников на выдвижение новых условий, дабы поскорее достичь прочного мира⁸.

В роли просителя выступать все же не хотелось; в Вене из уст в уста передавали сказанные Горчаковым слова: российская дипломатия, «будучи нема, не останется глухой». Помог прусский король Фридрих Вильгельм IV, обратившийся к племяннику с умоляющей по тону просьбой — «пойти возможно далеко» в уступках⁹.

В Париж на конгресс отправился граф Алексей Федорович Орлов, чья подпись стояла под Адрианопольским трактатом 1829 г. и чьи дипломатические таланты не оспаривались никем. В помощь ему в качестве второго уполномоченного дали барона Филиппа Ивановича Бруннова. Тот прибыл во Францию первым и из разговора с Д. Кларендоном выяснил, что кабинет ее величества потребует не только уничтожения русского флота на Черном море, но и срытия укреплений на побережье. Заранее было известно, что обеспечение «свободы судоходства» по Дунаю австрийцы трактуют по-иезуитски, предлагая отторгнуть от России часть Бессарабии и лишить ее тем самым выхода к великой реке. Но в докладе Бруннова из Парижа прозвучала и оптимистическая нота: из первой же беседы с Наполеоном стало ясно, что он стремится к миру. Император излучал приветливость и благожелательность. Появилась возможность игры на противоречиях между оппонентами.

Схватка на конгрессе завязалась жаркая. Лорд Кларендон, неоспоримый глава воинственного крыла российских противников, успокаивал коллег на Даунинг-стрит: «В одном кабинет может быть уверен, а именно в том, что я никогда, ни по какому случаю, ни по одному вопросу не сделал уступки. Разумеется, это стало известно, как и тон, принятый мною на совещаниях; вина за яростное сопротивление русским овечкам, за задержку с заключением мира, возлагается исключительно на меня». Об обстановке, царившей на переговорах, можно судить по отчету МИД за 1856 год, в котором упоминается о «препятствиях, чинившихся на каждом шагу злюю волею представителей Англии и о корыстных расчетах» австрийцев¹¹. О тонких демаршах А.Ф. Орлова, его «кабинетной дипломатии» во время бесед с Наполеоном за чашкой кофе, об использовании им негласной поддержки монарха для противодействия экстремистским наскокам тогдашних ястребов превосходно рассказало академиком Е.В. Тарле в книге «Крымская война». Их притязания, касавшиеся разоружения Черноморского побережья и Азовского моря, удалось умерить, сократить площадь теряемых в Бессарабии земель и похоронить попытку поставить на конгрессе вопрос о «прекращении протектората России» в Имеретии, Гурии, Абхазии и Мингрелии. Заявление лорда Кларендана, что Луи Наполеон «умирал от желания заключить мир, не заботился ни на грош об его условиях и [был] обуреваем одним стремлением – делать вещи, приятные императору Александру», равно как утверждение авторов «Кэмб-

риджской истории внешней политики Великобритании», будто министр иностранных дел Франции граф А. Валевский «показал себя более русским, чем сами русские», имеют мало общего с действительностью¹². Подписанный в Париже 18(30) марта акт был для России безмерно тяжел и воспринимался как унизительный.

Россия по нему отказалась от покровительства над Молдавией, Валахией и Сербией и от особых прав в отношении христианских подданных султана. Три княжества и православная вера были поставлены под коллективную гарантию держав. Легкость, с которой удалось достичь согласия по этому кардинально важному вопросу, свидетельствует о полной несостоятельности предъявленного российской стороне обвинения относительно ее стремления господствовать над «турецкими христианами», которое явилось поводом для объявления войны. От Российской империи была отторгнута Южная Бессарабия, великую державу лишили выхода к Дунаю с очевидной целью установить контроль неприбрежных держав над судоходством. Парижский мир подтвердил установленный конвенцией 1841 г. запрет на проход военных кораблей через Босфор и Дарданеллы. Однако в соответствии с договором Россия и Турция не имели права сдержать на Черном море свои эскадры (за исключением нескольких вспомогательных судов). Этот параграф всею тяжестью обрушился на Россию, — османы просто-напросто перебазировали свой флот в Средиземное море и могли в любой день и час перебросить его через Проливы¹³.

Наполеон III укрепил свой трон на крови и костях погибших французских солдат. Такой была оборотная сторона игры в «равновесие сил»: потеснив россиян, Сент-Джеймский кабинет способствовал выдвижению парижского высокочки, в итоге и сам добился многого: не выиграв ни одной решающей битвы, Великобритания заставила самодержавие отказалось от преимуществ в Османской империи, достигнутых в четырех войнах (1768—1774, 1787—1791, 1806—1812, 1828—1829) и зафиксированных в Кючук-Кайнарджийском, Яссском, Бухарестском и Адрианопольском договорах. Эти акты позволяли российской дипломатии единственным в своем роде легальным способом укреплять собственные позиции и поддерживать национальные устремления балканских народов. Теперь этот путь был закрыт.

В Черном море Россию лишили возможности законной самообороны. Если конвенция 1841 г. о Проливах заперла русский флот, то Парижским договором он был уничтожен.

жен, и это в условиях, когда в военное время Турция могла пропускать эскадры союзников через Босфор и Дарданеллы. Но и этого британскому кабинету оказалось недостаточно — он добился подписания 15 апреля 1856 г. особой англо-франко-австрийской конвенции, которая гласила: «Высокие договаривающиеся стороны гарантируют, совместно и порознь, независимость и целостность Оттоманской империи, зафиксированные в Парижском договоре. Любое нарушение положений указанного договора державы будут рассматривать как казус белли»¹⁴. Это был бессрочный антирусский союз трех ведущих европейских государств ради увековечения «Крымской системы», максимально отвечавшей интересам Лондона. Обольщаться приветливостью и лаской императора Наполеона III не стоило. Российское правительство вынудили отказаться от правила, которого оно придерживалось более века, а именно, что русско-турецкие дела должны решаться в Петербурге и Стамбуле путем прямых переговоров. Отныне над этими вопросами учреждался надзор европейских «гарантов», которыми верховодила Великобритания.

Россия погрузилась в траур, не официальный, а душевный. Все понимали — так дальше жить нельзя, и прежде всего следует искоренить корень зла, крепостничество. Катастрофа раскрыла глаза самодержавию на необходимость и неизбежность реформ. 3(15) января 1857 г. Александр II пригласил к себе одиннадцать наиболее доверенных сановников и сообщил им о своем решении покончить с крепостным правом.

Из пепла поражения вставала новая страна. Первые же послабления в контроле над печатью привели к публицистической активности, свой гнев общественное мнение обрушило на губительный внешнеполитический курс николаевского режима. Священный союз предавался анафеме повсеместно, особенно старались славянофилы: «С водворением в силу Венских трактатов (...) положение России на Востоке вдруг изменилось. Отселе окруженная лишь взыскательными друзьями, со всех сторон опутанная узами добровольно принятых на себя безвозмездных обязательств, добровольно покинув высокое положение защитницы народов и переменив его на роль охранительницы каких-то безымянных, отвлеченных начал и покровительницы полдюжины чуждых ей династий, Россия в течение сорока лет стояла к Востоку в самых противоестественных, натянутых отношениях», — негодовал князь В.А. Черкасский¹⁵.

А вот размышления Евгения Михайловича Феоктистова, смолоду участника кружка В.Г. Белинского, а в зрелые годы надзиравшего над свободой мысли в должности начальника Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел: «Конечно, только изверг мог бы радоваться бедствиям России, но Россия была неразрывно связана с императором Николаем, а одна мысль о том, что Николай выйдет из борьбы победителем, приводила в трепет. Торжество его было бы торжеством системы, которая глубоко оскорбляла все лучшие чувства и помыслы образованных людей и с каждым днем становилась все невыносимее; ненависть к Николаю не имела границ». И далее: «Гнет, тяготевший над умственным движением в николаевское время, мнимый консерватизм, состоявший в том, чтобы ограждать все безобразия крепостного права, беззакония и неправду в судах, произвол и корысть администрации, принес свои плоды».

Подобные настроения проникли даже сквозь стены Зимнего дворца. Сошлемся на дневник фрейлины А.Ф. Тютчевой: «Тридцать лет Россия играет в солдатики, проводит время в военных упражнениях и в парадах, забавляется смотрами, восхищается маневрами. А в минуту слабости она оказывается захваченной врасплох и беззащитной». Следовал мрачный вывод: царь «сделался как бы опекуном государей и полицмейстером народов. Но ни те, ни другие не были ему за то благодарны: одни потому, что чувствовали себя униженными покровительством, иногда становившимся для них гнетом, другие потому, что видели в России врага всякого прогресса. Нас ненавидят, как вообще ненавидят всякую полицию»¹⁶.

Гнев общественности был обращен не против неприятелей, выступавших с открытым забором, Великобритании и Франции, а против коварной Габсбургской монархии, воспользовавшейся услугами Николая I в тяжелом для нее 1849 г., но затем шантажировавшей Петербург весь период Крымской войны. Близкий к славянофилам журнал «Русская беседа» назвал Габсбургскую монархию «дряхлой, разноплеменной и разноязычной империей». Столь же нелестно отзывались о ней либералы: «Австрия сама по себе столь фальшивое и непрочное существование, как и Турция. Австрия есть временный политический узел, соединяющий в себе самые разнообразные и противоречащие элементы, которые это государство не в состоянии слить в единственное целое»¹⁷.

Могикане старого курса остались в одиночестве. Несセルроде представлялся чем-то вроде реликта проклинаемого прошлого. Александр II не сместил его с поста до заключения мира, полагая, видимо, что на старого канцлера должна пасть хотя бы часть вины за подписание ненавистного акта. Тот еще льстил себя надеждой, что выберется из крымского водоворота и, слегка подлатав паруса, поплынет в прежнем направлении. Конечно, он по-своему «перестроился»: «Образ действия, которого придерживался с самого начала настоящего кризиса австрийский кабинет, — констатировал он, — вызвал в России крайнее раздражение (...) Не так легко простить измену неблагодарного друга». Сам он явно склонялся в пользу забвения и прощения и в то же время предостерегал против сближения с Бонапартом: «Мы должны в особенности остерегаться того, кто в данную минуту является вершителем судьбы Франции». Ему вторил Ф.И. Бруннов, усмотревший уже признаки раскаяния у габсбургских министров: «Граф Буоль, думается мне, уже на себе испытывает всю невыгодность политики, предавшей забвению прошлое, трусивой в настоящем и неопределенной в будущем (...) Наше поведение, не враждебное, не помнящее зла, должно преподать ей урок, что старые друзья всегда самые верные». Тирада вызвала раздраженную ремарку императора: «Отнюдь на это не рассчитываю»¹⁸.

15(27) апреля последовал рескрипт о назначении Александра Михайловича Горчакова министром иностранных дел (минута часто практиковавшийся испытательный срок в ранге управляющего министерством). Приход Александра Михайловича к руководству внешними делами означал не только смену начальства, хотя после сорокалетнего правления К.В. Несセルроде это событие само по себе являлось неизурядным. На сей раз произошла смена вех. Горчаков вошел в историю как единственный министр, определявший внешнеполитический курс страны. Александр II следовал ему. Потом были отступления, компромиссы, сделки. Но в трудную, болезненно воспринимавшуюся общественным сознанием «послерымскую эпоху», в условиях практически полной международной изоляции постулаты внешнеполитической стратегии определялись без оглядки на то, что кто-то обидится или отшатнется, и так все «союзники» разбежались.

Циркуляр Горчакова, разосланный посольствам и миссиям 21 августа (2 сентября) 1856 г., содержал фразу, ставшую знаменитой: «Говорят, что Россия сердится. Россия не сер-

дится, Россия сосредоточивается». Циркуляр явился своего рода декларацией принципов: стране нужен длительный мир («Император желает жить в полном согласии со всеми правительствами»); Священный союз рухнул, и восстанавливать его нет никакого желания — «обстоятельства вернули нам полную свободу действий»; глубокие внутренние преобразования — наша первостепенная задача: «император решил предпочтительно посвятить свои заботы благополучию своих подданных и сосредоточить свою деятельность на развитии внутренних ресурсов страны...»¹⁹

Представителям за рубежами Горчаков предписал ознакомить с циркуляром соответствующие правительства. В документе, подлежащем оглашению, князь должен был соблюдать сдержанность, не заниматься же всенародно самобичеванием, не метать же ядовитые стрелы в Священный союз, не разоблачать же до исподнего внешнюю политику Николая I! Полный, разносторонний анализ ситуации, прогноз на будущее и постановку задач содержали документы, не предназначавшиеся для посторонних глаз. В отчете МИД за 1856 год говорилось: «Долгое время императорский кабинет был скован традициями, воспоминаниями и интимными связями, которые лишь для него оставались священными». Война вернула России свободу действий. Горький опыт последних лет не должен был остаться мертвой буквой: «Дальнейшая приверженность традиционным симпатиям способна скомпрометировать самые насущные наши интересы». И вывод: «Моральные и материальные силы России, столь часто использовавшиеся в чуждых нам видах, отныне должны быть устремлены исключительно на благо и величие народов, ей доверившихся». А для этого необходимо обеспечить спокойствие и стабильность на границах: «Сохранение мира в Европе является неотъемлемым условием наших внутренних преобразований»²⁰.

Понятия «ситуационный анализ» тогда еще не существовало, но именно такого рода документами являются подписаные князем годичные отчеты министерства. Выбравшись из руин Священного союза, Россия обнаружила, что вокруг нее — одни оппоненты. Спала с глаз пелена относительно некоей общности интересов с Великобританией в деле спасения континента от сотрясавших его революций: Англия «на Черном море и на Балтике, у берегов Каспия и Тихого океана — повсюду является непримиримым противником наших интересов и всюду самым агрессивным образом проявляет свою враждебность»²¹.

Вена столько навредничала и напакостила в годы Крымской войны, что ее дипломатию в Петербурге считали чем-то вроде исчадия ада. Конечно, в документах МИД не встретишь сочных эпитетов, которыми Николай I награждал канцлера Ф. Буоля (Мерзавец! Каналья! Негодяй!), но судя по всему обитатели особняка на Певческом мосту не скрывали негодования по поводу поведения коварной изменницы: «Венский кабинет ни на мгновение не переставал оказывать повсеместно враждебное влияние (...) и мы постоянно и по всякому случаю находим его в первом ряду наших противников». Обращение к венскому кабинету как к «сателлиту» Великобритании показательно само по себе. Лишенная поддержки России, будучи в натянутых отношениях с Францией, встречая мало симпатий в Германии, Австрия бросилась в британские объятия: «она смиленно воспринимает высокомерный патронаж». Ее мечта – стать российской наследницей в Юго-Восточной Европе, господствовать в Дунайских княжествах под прикрытием турецкого суверенитета, захватить в свою пользу навигацию по Дунаю²². Союз с Англией – цепь, которую Вена повесила себе на шею, превратившись в орудие британской политики на Востоке без надежды получить награду за свою дружбу. Таков смысл сердитых излияний в российских документах.

Задачи в этих документах ставились четко и конкретно: добиться отмены тяжелых для России условий Парижского мира, касавшихся содержания флота на Черном море и Южной Бессарабии; вернуть прежнее влияние на Балканах. Поскольку англо-франко-турецко-сардинское вторжение в Крым осуществлялось ради подрыва российских позиций в Европе, локальная на первый взгляд программа означала восстановление России в правах и прерогативах великой державы. Достичь поставленных целей в полном одиночестве не представлялось возможным, требовалась внешняя опора. Но в вопросе, на чью поддержку рассчитывать и с чьей помощью покончить с изоляцией, Горчаков и Александр II во мнениях разошлись.

Во всех депешах князь, как полагалось, ссылался на волю императора. На самом деле заслуга в выработке системы приоритетов и стратегии внешнеполитического курса принадлежала ему, и он, по крайней мере в первые пятнадцать лет пребывания на посту, опирался на общественное мнение. С.С. Татищев писал о «некотором оттенке между мнениями императора и его ministra». Он выражался осторожно, на самом деле речь шла о внешнеполитическом векторе

России: «у Александра Николаевича больше лежало сердце к Пруссии, "двойственным" союзом с которой желал он заменить распавшееся соглашение трех "охранительных дворов"»²³. Горчаков считал альянс со слабейшей из великих держав недостаточным для обретения Россией ее прежнего статуса в Европе.

Дело заключалось не только в относительной слабости «добисмарковской» Пруссии. Перед Берлином стояла задача объединения Германии, что предвещало неизбежную схватку с Францией. Следовало обеспечить себе если не поддержку Великобритании, то, по крайней мере, ее благосклонный нейтралитет. Бракосочетание кронпринца Фридриха Вильгельма с дочерью королевы Виктории в Пруссии восприняли как свой крупнейший дипломатический успех. Балканские дела находились тогда на далекой периферии прусских интересов, поэтому ожидать действенной поддержки в зоне, приоритетной для России, от Берлина не приходилось. Союз с Гогенцоллернами представлялся Горчакову прыжком в никуда. Он пришел к выводу, что единственным шансом на выход из крымского тупика может стать сотрудничество с Францией. Александру Михайловичу удалось убедить в этом императора, что позже случалось далеко не всегда.

Мы еще не раз нелестно отзовемся о вспышках внешнеполитической активности монарха, руководствовавшегося порой эмоциями и путавшего карты Горчакова. Но с тем большим основанием следует признать, что великой заслугой Александра II перед Отечеством явилось проведение крестьянской реформы. Большинство поместного дворянства относились к ней отрицательно, в конце концов, у Людовика XV, придумавшего формулу «После нас хоть потоп», было немало последователей. Прогрессивная общественность упивалась оппозиционностью и ревнивась в волнах дозволенной критики старых порядков. По словам С.М. Соловьева, «все, что говорило и писало, бросилось взапуски обличать, отрицать, ругать, а где же созидание, что же поставить вместо разрушенного? На это не было ответа, ибо некогда было подумать, некому было подумать, не было привычки думать...»²⁴ Реформу подготовила горстка представителей знати и высшего чиновничества – брат императора Константин Николаевич, С.С. Ланской, Я.И. Ростовцев, Н.А. Милютин, П.А. Валуев, великая княгиня Елена Павловна.

Мысль об ориентации на Францию нельзя считать неким озарением, снизошедшим на Горчакова. В высших сферах

всегда существовало профранцузское течение, и на то были веские основания. Главное — отсутствие реальной почвы для антагонистических противоречий между двумя странами, которые располагались на разных концах континента, территориальных споров между ними не возникало. Петр I еще во время своего визита в Париж в 1717 г. предлагал регенту малолетнего Людовика XV: «Поставьте меня на место Швеции» — иными словами, предлагал изменить всю систему союзов Франции и стать ее опорой на востоке Европы. Отклика он не встретил, Париж продолжал сооружать стратегический барьер против России из Швеции, Речи Посполитой и Османской империи²⁵.

В разгар борьбы с Французской революцией Екатерина II с известным сожалением констатировала: «Император (Габсбург. — В.В.) с королем прусским будут владычествовать в Германии. Я боюсь их гораздо более, чем старинную Францию во всем ее могуществе и новую Францию с ее нелепыми принципами»²⁶. Здесь отразилось ясное понимание того, что, если галлы отказались бы от своего стремления к доминации на континенте, у России отсутствовали бы причины для ссор с отстоявшей от нее на тысячи верст страной.

Те же взгляды высказывал Павел I: «Так как взаимно два государства, Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не смогут быть вынуждены вредить друг другу, то они могут, соединившись и постоянно поддерживая дружественные отношения, воспрепятствовать, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству не могли повредить их интересам»²⁷.

К сожалению, столь соблазнительное в теории сотрудничество на практике не получалось. Россия нуждалась в стабильности в Европе, Людовики и Наполеоны под разными номерами только и делали, что эту стабильность нарушали.

В 1856 г. Луи Наполеон еще не успел проявить себя во всей красе. От глаз наблюдателей не ускользнуло, что завоеванной французской пехотой победой воспользовались Австрия и Турция, оккупировавшие Дунайские княжества, и стоявшая за их спиной Великобритания. Военные лавры, размышлял Горчаков, — слишком зыбкий фундамент для политических амбиций: «Французы, после того как способствовали сокрушению нашего влияния, оказались перед лицом превосходства, которое они обеспечили Англии и Австрии»²⁸, появился повод для игры на их противоречиях.

Отчет МИД за 1856 год содержал вдумчивый анализ политики и характеристику Луи Наполеона. Победа вывела его

на первое место среди монархов Европы, разрушила планы относительно создания против него союзов, «возродила воинственный дух нации», привела к обретению Францией значительной морской мощи. Но пышная мантия триумфатора не скрыла от россиян ахиллесовой пятны Луи Наполеона: «Внутри страны его положение всегда было зыбким, партии укroщены, но не уничтожены, и все их чаяния устремлены к Лондону»²⁹. Слабость режима порождала постоянную жажду внешних успехов, гром победных ливавр был призван заглушать ропот недовольства. Отсюда ряд внешнеполитических авантюре, на которые отважился обитатель Тюильрийского дворца. Конечно, нечего было и думать, например, о снаряжении экспедиций в Мексику или в Индо-Китай без санкции владычицы морей. Первым делом всякого слабого правительства во Франции являлась дружба с соседом за Ла-Маншем.

Итоги размышлений выглядели неутешительно, но выбор отсутствовал. Интересы России были попраны прежде всего в районе Черного моря и Балкан, где они в меньшей степени сталкивались с французскими, нежели с британскими, австрийскими и турецкими. И Горчаков пошел на сотрудничество с Парижем, надеясь, что в перспективе поддержит отмену тяжелых для России условий мира 1856 г. Отстаивая «новое направление» российской политики, князь особо подчеркивал: «...следует установить согласие не с той или другой династией, а именно и исключительно с Францией безо всякого внимания к режиму, который господствует в стране (...) ни к симпатиям, более или менее глубоким, которые могут вызывать личности». Присущая Горчакову глубина анализа, его способность подняться над узоклассовыми соображениями и поставить во главу угла интересы государства отразились в этих словах в полной мере. С Бонапартом же следовало вести себя очень осмотрительно, — ни пересаливать, ни недосаливать. В первом случае был риск очутиться в подчиненном положении, во втором — побудить Луи Наполеона к поискам иных комбинаций. Надо было держать ухо востро!³⁰

Сближение двух кабинетов шло с трудом, приходилось продираться сквозь завалы прошлого. На коронацию Александра II Наполеон отправил свое доверенное лицо, министра внутренних дел (и молочного брата) графа Ш.О. Морни. По пути тот навестил лечившуюся в Вильдбаде вдовствующую императрицу Александру Федоровну. У него создалось впечатление, что прогерманские симпатии двора не измени-

лись. Отсюда — грустная констатация: русский, привитый к немцу, ненавидит французов³¹. В Петербурге Морни был поражен контрастом в настроениях двух дворов, старого и молодого. Его встретили в высшей степени приветливо и доброжелательно, что побудило посланца к откровенности, встревожившей Александра II: Морни поднял вопрос о желательности пересмотра всей системы договоров 1815 г. — иными словами, о территориальных притязаниях Франции, что означало большую войну³². На пути к сближению сразу обозначились рифы. Царь уклонился от прямого ответа, опыт отца, после откровенностей которого в беседе с английским послом Ч. Гамильтоном Сеймуром началась Крымская война, научил его осторожности. Но речь Морни воочию показала, сколь зыбким и даже кажущимся являлось достигнутое после кровопролития урегулирование. Теплилась надежда на раздоры среди победителей, ведь «европейский концерт» отличался тем, что каждый солист исполнял партию по собственной партитуре. В Зимнем дворце и на Певческом мосту рассчитывали, что британский кабинет «своей наглостью исчерпал долготерпение Европы»³³. «Достигнув согласия во имя разрушения, наши противники не понимают друг друга, когда дело идет о созидании», — размышлял Горчаков. «Полное уничтожение плодов вековой нашей деятельности на востоке, абсолютное порабощение христиан иувековечение угнетательского турецкого режима при преобладании Австрии и Англии», — представлялись ему целью этих стран³⁴.

Франция стояла в стороне, у нее назревала серьезная ссора с Габсбургской монархией. Благосклонности союзников Вене добиться не удалось, виляний во время Крымской войны ей не простили. Наполеон III собирался решать итальянский вопрос просто — путем изгнания австрийцев с Апеннинского полуострова. Назревала война между двумя державами, обе хотели заручиться благоволением отнюдь не поверженной России. В который раз обнаружилось, что Европа нуждается в России больше, чем та в Европе.

Уже в 1857 г. Наполеон пожелал встретиться с Александром II. Засуетился немецкий княжеский муравейник, посредниками взялись быть братья царицы Марии Александровны, принцы дармштадтские. Но дорогу им перебежал престарелый король Вюртемберга, пригласивший двух monarchov на свое семидесятилетие в Штутгарт (сентябрь 1857 г.). Атмосферу несколько испортила оплошность, допу-

щенная российской стороной: государыня Мария Александровна от участия в свидании уклонилась, сославшись на болезнь. Французы, однако, проведали, что подлинной причиной явилось нежелание царицы общаться с «выскочкой», испанской графиней Евгенией Монтихо, супругой Луи Наполеона³⁵.

В Штутгарте в полной мере обнаружились слабые звенья сближения между двумя дворами. Бонапарт если и не рассчитывал впрячь русского медведя в свою повозку, то во всяком случае хотел добиться санкции на могущие произойти в Европе (разумеется, в его пользу) территориальные изменения. Беседу с Александром он начал с демагогической фразы «Империя — это мир», но, как скоро понял царь, мир весьма своеобразный. Европа, разлагольствовал Луи Наполеон, совершила в 1815 г. великую несправедливость, урезав занимаемое Францией пространство. Следует вернуть стране ее «естественные границы», которые, как полагал Луи Наполеон, пролегают по Рейну и Альдам.

Александр II с гораздо большим удовольствием поговорил бы о пересмотре другого договора, а именно Парижского трактата 1856 г., по поводу которого собеседник проявлял сдержанность и выражался туманно. У царя создалось впечатление, что император французов считает трактат «временной комбинацией». В составленной в министерстве записке о штутгартской встрече отмечалось, что Наполеон не сказал ничего, что бросило бы тень на его союзные отношения с Англией³⁶. Царь в дружеских выражениях, но недвусмысленно высказался против изложенных ему «условий сохранения мира». Его собеседник осторожно намекнул на желательность проведения в Царстве Польском мудрой и благожелательной политики (реакция царя «в своем кругу»: «со мной посмели заговорить о Польше»). Иначе он отреагировал на зондаж о планах Луи Наполеона «удалить Австрию из Италии». Царь заявил (или в данном случае заверил), что повторять «ошибку 1849 года» (т.е. вмешиваться вооруженной силой) он не намерен³⁷.

Все же вывод С.С. Татищева — самодержец «готов был выдать с головой Наполеону Австрию» — представляется слишком категоричным. Габсбургов, с точки зрения Зимнего дворца, следовало наказать, но не изгонять из «европейского концерта».

В Штутгарте императоры «признали обоюдную пользу откровенных объяснений, а также согласованных действий»³⁸. Но не только. Стороны обменялись взглядами отно-

сительно положения на Балканах, пришли к выводу о близости их позиций и желательности и там согласованных действий. Луи Наполеон обещал направить соответствующую инструкцию своим представителям, что и было исполнено.

Немецкие родственники Александра Николаевича упростили-таки его по пути домой встретиться в Веймаре с Францем Иосифом. У германских стародумов слегка закружились головы и возникла идея направить туда же прусского монарха Фридриха Вильгельма IV, — тогда миру явится возрожденная троица Священного союза. Горчаков поспешил объявить: ни о каком соглашении не может быть и речи. Фридрих решил не покидать Берлина.

Подготовка к встрече сопровождалась рядом стеснительных и даже унизительных для австрийцев условий. Послу в Вене предписали, где только можно, говорить, что рандеву происходит по настоятельной просьбе Франца Иосифа и является «простым актом вежливости»³⁹ — в дипломатии слово «домогательство», к чему, собственно, сводились демарши кайзера, не употребляется. Канцлер К.Ф. Буоль спешно отправился в отпуск, поправлять подорванное на службе здоровье; но все понимали — разговаривать в Веймаре с «канальей» русские не стали бы. Франц Иосиф убеждал собеседников, что, кроме «несчастного» Восточного вопроса, никаких разногласий между Веной и Петербургом не существует, оба двора придерживаются консервативных принципов во внутренней политике, также надо действовать и вовне. Царю предлагали дружбу на основе сохранения обломков Священного союза. Ответ звучал холодно: для России Восточный вопрос значит больше, чем все остальные вместе взятые⁴⁰. От Австрии отвернулись. Вена, констатировал Горчаков, «осознала, что между нами отныне пролегла непреодолимая пропасть — вопрос о славянских расах»⁴¹.

Прошел год, и Луи Наполеон вновь постучал в российскую дверь. Бонапарт в союзе с Пьемонтом (Сардинским королевством) или, как тогда выражались, Савойским домом, правившим в Турине, приступил к реализации плана по вытеснению Габсбургов с Апеннинского полуострова. Благожелательный для Франции нейтралитет России был обеспечен, но в Париже мечтали о большем, о привлечении ее к активному сотрудничеству, — тогда шансы императора Франца Иосифа свелись бы к нулю.

О переговорах, столь секретных, что вели их помимо официальных каналов, Горчаков в годовом отчете МИД да-

же не упомянул, а посвятил им особую секретную записку⁴². В декабре 1858 г. в Петербург прибыл капитан флота барон де ля Ронсьер ле Нури с письмами от императора и его двоюродного брата принца Наполеона Бонапарта к Александру II и Горчакову. Суть содержавшихся в них предложений сводилась к следующему. В случае войны с Веной Россия порывает дипломатические отношения с Австрией и сосредоточивает на границе с нею примерно 150-тысячную армию. Если в дальнейшем Александр II объявит войну Габсбургам, «император Наполеон обещает оказать России поддержку, чтобы при заключении мира ей была уступлена Галиция». Россия дает согласие на присоединение к Франции Савойи и графства Ницца; она признает желательность образования государства в Верхней Италии с населением приблизительно в 10 млн человек. Россия не станет возражать против провозглашения независимости Венгрии, если обстоятельства будут тому способствовать. Со своей стороны император Наполеон при заключении мира обещает поддержку в изменении условий трактата 1856 г., касающихся Черного моря и Бессарабии⁴³.

Маленький Наполеон затевал большую войну. России предлагалось прицепиться к его военной колеснице и способствовать его утверждению в роли европейского гегемона. Все это расходилось с выработанной Горчаковым концепцией геостратегических интересов России, которая нуждалась в длительном мире для проведения реформ, только они могли помочь ей укрепить свое международное положение и занять подобающее место в концерте великих держав. Одним словом, забот дома — хоть отбавляй. По словам князя, по всему побережью «находились провинции, завоеванные меньше века тому назад, и которые она (Россия. — В.В.) не успела еще ни ассимилировать, ни привязать к центру прочными узами интересов и сношений (Финляндия, Балтийские провинции, Польша и провинции, говорящие на польском языке, Бессарабия, Закавказье, Армения)»⁴⁴. А Петербургу предлагали отяготить себя еще и присоединением Галиции, и ради этой химеры поставить под угрозу проведение реформ и отказаться от модернизации государства. Единственное рациональное зерно в предложениях Бонапарта заключалось в обещании, «если представится случай»⁴⁵, содействовать ликвидации унизительных условий Парижского мира, но такая форма обещания Бонапарта ни к чему не обязывала и отодвигала отмену ненавистных статей в туманную даль. Горчаков предложил Луи Наполеону «уже

теперь» отказаться от их гарантий, иными словами, разрушить основы Парижского мира. Из Тюильри пришел отрицательный ответ.

С одной стороны, было ясно, что столкнулись два взаимоисключающих стратегических курса внешней политики: французский, направленный на перекройку карты Европы, и российский, состоявший в том, чтобы (в изложении князя) «оградить Россию от участия во всякого рода внешних осложнениях, которые могли бы частично отвлечь ее силы от собственного внутреннего развития», и прилагать «все усилия к тому, чтобы в это время в Европе не имели места территориальные изменения равновесия сил или влияния, которые нанесли бы большой ущерб нашим интересам или нашему политическому положению»⁴⁶.

Но, с другой стороны, сотрудничество с Францией являлось залогом сохранения позиций на Балканах, давать в одиночку отпор притязаниям Англии, Турции и Австрии Россия была не в состоянии. И наконец, как писал Горчаков, «помимо интересов существуют еще и страсти, которые политика должна учитывать»⁴⁷. Общественность была готова отомстить изменнице Австрии хотя бы французскими штыками. Итог размышлений выглядел печально: взамен нарушения европейского равновесия, обусловленного венской системой договоров 1815 г., и возведения маленького Наполеона на пьедестал России, по словам Горчакова, предлагалась «Галиция, но ценою войны с неизвестным исходом; что касается тягостных для нас условий 1856 г. нам обещали при заключении мира эвентуальную поддержку, обусловленную обстоятельствами, не поддающимися никакому разумному учету». В Петербурге не скрывали «тягостного разочарования»⁴⁸.

Европа, проведав о переговорах, взволновалась, запахло порохом большой войны. Британский премьер Г.Д. Пальмерстон заявил, что правительство ее величества не допустит нарушения трактатов 1815 г. Пруссия мобилизовала три армейских корпуса и внесла в сейм во Франкфурте-на-Майне предложение об организации общегерманских вооружений. В обмен на риск европейской войны России предлагалось удовлетвориться туманными обещаниями французской поддержки ее чаяний и свернуть планы внутренних преобразований. Горчаков резко заявил послу Г. Монтебелло: «Того, что мы желаем, не можете дать нам ни вы, ни Австрия»; вывод: России нечего ввязываться в грядущий конфликт⁴⁹.

В результате судорожных усилий по части достижения компромисса появился документ, подписанный в Париже 3(15) марта 1859 г. В историографию он вошел под явно незаслуженным названием союзного договора, хотя на самом деле фиксировал лишь позицию России на случай австро-французской войны. Петербург обещал соблюдать благожелательный нейтралитет, не препятствовать распространению власти Савойского дома, но «при соблюдении прав монархов, которые не примут участия в войне» (что сильно сокращало возможности расширения Пьемонта). Наполеон заверял, что не станет «наносить ущерба интересам великих европейских держав, равновесие которых не будет нарушено»⁵⁰, что заранее ограничивало его аппетиты. Горчаков позабочился о том, чтобы война приняла локальный характер, но его надежды на то, что удастся инициировать обсуждение вопроса о пресловутых статьях 1856 г., не оправдались. В статье второй соглашения говорилось об «изменении существующих договоров, которого надлежит добиваться в интересах обоих государств при заключении мира». Ничего конкретного, одни пустые слова, о которых Наполеон немедленно забыл. Побочным эффектом переговорной лихорадки весны 1859 г. явилась демонстрация полного разброда среди участников «крымской» антироссийской коалиции.

Бонапарт, действуя в союзе с королем Пьемонта Виктором Эммануилом II, а точнее, с его министром К.Б. Каувром, быстро спровоцировал столкновение с Габсбургской державой, вылившееся в кратковременную войну (апрель – июль 1859 г.). После решающего сражения при Сольферино, закончившегося победой союзников, Наполеон, без ведома итальянцев, заключил с неприятелем перемирие. В создавшихся условиях (пруссаки уже перебрасывали войска на Рейн) он стремился избежать европейской войны. Россия формально выполнила принятное на себя обязательство и двинула к австрийской границе обсервационный корпус; до места назначения он не добрался, – война закончилась.

В результате мирного урегулирования Франц Иосиф отказался в пользу Пьемонта от Ломбардии; итальянцам пришлось на время расстаться с мечтой о присоединении Венеции. За помочь в объединении Италии они заплатили дорого, передав французам две провинции, Ниццу и Савою, в которых, формы ради, был проведен референдум. А Горчаков погрузился в балканские дела.

- ¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 197.
- ² Пономарев В.Н. Дебют А.М. Горчакова в «большой политике» // Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 87, 90.
- ³ Там же. С. 89; Bourne K. Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970. Р. 78. В своей работе «Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны» (М., 1985. С. 295) я неправильно охарактеризовал частное письмо как меморандум.
- ⁴ Татищев С.С. Император Александр II: Его жизнь и царствование: В 2 т. М., 1999. Т. I. С. 154.
- ⁵ Записка А.М. Горчакова о внешней политике России с 1856 по 1867 г. // Канцлер А.М. Горчаков. С. 320.
- ⁶ Семанов С.Н. А.М. Горчаков – русский дипломат XIX века. М., 1962. С. 45 – 46; Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 194 – 195.
- ⁷ Maxwell H. The Life and Letters of George William Frederick the Fourth Earl of Clarendon. L., 1913. Vol. 2. P. 102 – 104.
- ⁸ Международные отношения на Балканах 1830 – 1856. М., 1990. С. 327.
- ⁹ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 200 – 204, 193, 199.
- ¹⁰ Там же. С. 208.
- ¹¹ Maxwell H. Op. cit. Vol. 2. P. 119; Международные отношения на Балканах. С. 328.
- ¹² Maxwell H. Op. cit. P. 321; The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923. Vol. 2. P. 389, 388.
- ¹³ Текст Парижского мирного договора см.: Договоры России с другими государствами 1856 – 1917. М., 1952; анализ см.: Тарле Е.В. Крымская война. М., 1950. Т. 2, гл. 20; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978.
- ¹⁴ Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа, вторая треть XIX века. М., 1986. С. 258 – 259.
- ¹⁵ Цит. по: Международные отношения на Балканах. С. 56; Русская беседа. 1856. № 4. С. 67 – 68.
- ¹⁶ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 105, 125; Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 155, 147.
- ¹⁷ Русская беседа. 1857. № 2. С. 2, 19; Русский вестник. 1858. Июль – август. С. 60.
- ¹⁸ Красный архив. 1936. № 2. С. 17, 18, 21.
- ¹⁹ Канцлер А.М. Горчаков. С. 212, 211. Раньше эти слова приводили в буквальном переводе с французского: «Россия не дается».
- ²⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1856. Л. 11, 239, 194.
- ²¹ Там же. Л. 238.
- ²² Там же. Л. 10, 88, 251; 1857. Л. 35.
- ²³ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 254.
- ²⁴ Цит по: Москва. 1988. № 8. С. 139.
- ²⁵ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1986. С. 343.
- ²⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Собр. соч. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 2. С. 466.
- ²⁷ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 70. С. XI.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 51.
- ²⁹ Там же. Л. 7, 8, 10.
- ³⁰ Там же. Л. 51, 244, 248 – 249.
- ³¹ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 257.

- ³² Там же. Т. 1. С. 222 – 223 (изд. 1911 г.).
- ³³ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 240.
- ³⁴ Там же. 1858. Л. 128 – 129.
- ³⁵ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 264 – 265, 263.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1857. Д. 143. Л. 396 – 400.
- ³⁷ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. М., 1957. С. 77.
- ³⁸ Там же. С. 270.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1857. Д. 146. Л. 402.
- ⁴⁰ Виноградов В.Н. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961. С. 215; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1857. Л. 29.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1858. Л. 13.
- ⁴² Обзор секретных соглашений, заключенных императорским правительством // Канцлер А.М. Горчаков. С. 259 – 270.
- ⁴³ Там же. С. 261.
- ⁴⁴ Там же. С. 320.
- ⁴⁵ Там же. С. 263.
- ⁴⁶ Там же. С. 321.
- ⁴⁷ Там же. С. 324.
- ⁴⁸ Там же. С. 262, 265.
- ⁴⁹ Рыжова Р.И. Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г. // Учен. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина. М., 1957. Т. 78. С. 188, 198, 196. Статья содержит подробный анализ подготовки договора.
- ⁵⁰ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 31, 129.

Курс на подрыв Парижского мира 1856 года Опыт объединения Дунайских княжеств

Крымская война преподносилась общественности западных стран как поход просвещенной Европы против варварской России. Общую благостную картину портило участие в нем despотической Турции, свидетельством чему стал первый же день военных действий; оказавшиеся в авангарде «европейской цивилизации» бashiбузуки училили во внезапно захваченном форте Св. Николая на Кавказе страшную резню; по информации, опубликованной в газете «Морнинг кроникл», они распяли священника, таможеннику отрубили голову, врача замучили, женщин и детей вырезали¹.

Не кто иной, как глава Форин оффис Д. Кларендон, сетовал по поводу «дурного управления собственными делами, растущей слабости исполнительной власти» и «безрассудно скверной администрации» в Турции и опасался «общего восстания христианских подданных Порты». Посол Г. Бульвер сокрушался по поводу того же: «Повсюду, где Турция достаточно сильна, чтобы ей подчинялись, ее правление сопровождается ленью, коррупцией, сумасбродством и крайней нищетой; там, где она слишком слаба и пользуется лишь сомнительной и номинальной властью, управление осуществляется методами арабского разбойника и не знающего закона вождя горского клана»².

Первый из «четырех пунктов», предъявленных России, предусматривал отмену покровительства над балканскими народами. Перекрывался единственный легальный канал их защиты. Негоже было оставить их беззащитными на расправу османов, надлежало проявить какую-то заботу. Западные державы решили побудить султана выступить с благодетельным для подданных актом. Турки отчаянно сопротивлялись, Порта была шокирована откровенным вмешательством в ее внутренние дела, этаким усиленным вариантом того, что

Меншиков предпринял в 1853 г. И у нее «исторгли» (по выражению графа Грея в палате лордов) хатт-и-хумаюн (высочайший указ) от 18 февраля 1856 г. В нем говорилось о защите личности, чести и имущества жителей независимо от их религиозной принадлежности, провозглашались равные права мусульман и христиан в предоставлении административных и офицерских должностей, предполагалось создание смешанных судов. Подлежала отмене система откупа налогов, крайне обременительная для всего населения (кроме, разумеется, откупщиков). Указ предусматривал проведение мер, способствующих экономическому развитию и устраниению всего того, что мешало промышленности, торговле и сельскому хозяйству, но в общей форме, без конкретизации³.

Само по себе провозглашение правового и гражданского равноправия мусульман и христиан являлось мерой прогрессивной. Беда состояла в том, что исламское население встретило хатт с крайним раздражением, а христианское — холодно и с недоверием, шансы на его реализацию равнялись почти нулю. Оптимизм, по должности, излучала лишь союзная дипломатия, — не могла же она признать, что оставляет в Турции старые порядки в неприкосновенности. Послы держав потребовали зафиксировать обязательство о проведении преобразований в мирном договоре; тщетно великий везир Али паша возражал, твердя, что реформы должны исходить исключительно от падишаха, вписать их в международный акт равносильно установлению над Портой протектората держав, напоминал, что союзники вроде бы вступили в войну ради спасения Турции от поползновений агрессивного царизма. Его не слушали.

На Парижском конгрессе Али выступал на трех заседаниях, с протестом против всякого упоминания хатт-и-шерифа* в тексте договора. Противоположную позицию занимал российский уполномоченный граф А.Ф. Орлов, он предложил державам прямо гарантировать религиозные и гражданские права христиан — иными словами, возложить на них ответственность за их обеспечение. Конечно, его маневр успехом не увенчался, но и Али паше настоять на своем не удалось⁴. Статья вторая трактата гласила: «Его императорское величество султан, в постоянном попечении о благе своих подданных, даровал фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданию или племенам, и утверждаются великолужные намерения его касательно христи-

* В дипломатических документах хатт-и-хумаюн именуется то хатт-и-шерифом, то фирмом (ферманом).

анского народонаселения его империи; и, желая дать новое доказательство своих в сем отношении чувств, решился сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному побуждению фирманс». В такой, истинно дипломатической форме было зафиксировано снизошедшее на падишаха, видимо по воле Аллаха, желание петься о благе христиан. Соблюдая далее полагающиеся при обращении к суверенному монарху правила, участники конгресса заверили его в том, что и в мыслях не держат вмешательства в его прерогативы. И тут же, в статьях о Дунайских княжествах и Сербии, взяли их под свой контроль⁵.

Величайшим заблуждением для миротворцев обернулась их вера в то, что реформы спасут и укрепят Османскую империю. В действительности они неминуемо вели это полиэтническое и многоконфессиональное образование к развалу. Так распорядилась история, в которую нам и предстоит погрузиться.

29 мая 1453 г. пал Константинополь. Три дня шло разграбление города. Затем султан Мехмед II Завоеватель въехал на белом коне в уже бывшую столицу Византийской империи. Но ни одна власть, желающая утвердиться прочно и надолго, не может бесконечно чинить насилие и истреблять подданных. Надо было создавать систему господства и правления, и падишах это сознавал. На одного мусульманина в Румелии (европейских владениях султаната) приходилось тогда более десятка христиан. Прошло несколько дней, и Мехмед призвал к себе видного церковного иерарха Геннадия Сколария и окружил его почестями. Геннадий был избран патриархом со всей полагавшейся процедурой. Церковь отказалась от конфронтации с завоевателями, предпочтя сотрудничество с Портой⁶. Патриарх получил чин трехбунчужного паши (или, по европейским меркам, полного генерала), звание везира и даже почетную стражу из янычар. Геннадию вручили берат о назначении его миллет-бashi, главой православной общины всей Османской империи⁷. Таким образом признавалось ее существование, и на патриарха возлагалась ответственность за лояльность христиан. Он стал не только духовным, но и светским руководителем общины — одним словом, отвечал за все — за сбор налогов, строительство и поддержание в порядке дорог и мостов, снабжение армии, борьбу с разбойниками. На деле всеми текущими вопросами занимались сельские старосты и прочие местные власти, сохранившиеся в неприкосновенности. Американский исследователь Питер Шугар пришел к выводу, что церковь в Тур-

ции превратилась в «государство в государстве» и, как таковая, стала институтом, содействовавшим возрождению государственности балканских народов⁸. Она способствовала сохранению языка, культуры, этнического лица сербов, болгар, черногорцев, греков, в монастырях составлялись летописи, напоминавшие о прошлом, — Византийской империи, двух Болгарских царствах, Сербской державе Неманей.

По сути дела османы ввели систему, которая ныне называется апартеидом — народы в стране жили порознь, каждый сообразно своим законам и традициям. Православная церковь обратила дискриминацию себе на пользу, славяне и греки продолжали жить по своим обычаям и заветам Евангелия. Духовно церковь никогда не подчинялась захватчикам, завоевание объяснялось допущенными грехами, правление «неверных» представлялось эфемерным. Империя на протяжении веков оставалась конгломератом чуждых друг другу народов, между христианами и мусульманами пролегала стена дискриминации. Сербы, болгары, греки, черногорцы не считали Турецкую державу своей родиной, скорее — злой мачехой, прогресс они связывали с возрождением национального государственного очага.

Турция XIX в. знала крупных реформаторов — Мустафу Решида пашу, шесть раз занимавшего пост великого везира, и Ахмеда Мидхата пашу. Оба они были поклонниками европейской конституционной системы и сторонниками преобразований, пытаясь их осуществить. Но их усилия почти на нет сводились фанатичным духовенством, темной мусульманской массой и капризами монархов (судьба Мидхата, задушенного по приказу султана, представляется символичной). Христианские реформаторы к попыткам Решида и Мидхата что-то изменить относились с недоверием и подозрительностью, считая их целью укрепление турецкой власти, в чем не ошибались. Зародившееся в 60-х годах движение новых османов отрицало право «инородцев» на государственную самостоятельность. Обновленная империя, согласно их взглядам, становилась общей родиной всех османов: «В стране, именуемой Турция, существует одна только нация — османская»⁹. А славяне, греки, румыны превращаясь в османов не собирались, а уж отстаивать территориальную целостность державы — и подавно. Обладавшие автономией сербы, молдаване и валахи, не имевшие официального статуса черногорцы и болгары мечтали о независимости. Объективно общечерногорские реформы вели не к укреплению, а к ослаблению и развалу султанских владений.

На путях преобразований стояли могучие препоны: и традиции исламского превосходства над «неверными», и попытки соединить под крышей «османизма» несоединимое, заставить быстро развивающиеся христианские народы прервать естественный путь развития национальных государств ради химеры общеимперского единства на слегка подновленной реформами полуфеодальной основе и с господствующим положением мусульманского элемента. Наконец, заинтересованность в сохранении существовавшей рутины: пашей, живших за счет управляемых, армии чиновников, обиравших население, солдатни разных рангов, включая офицерские и генеральские, грабившей вечно «бунтовавшие» провинции, сонма духовенства, не желавшего отступать от догматов Корана ни на шаг. Неудавшиеся реформы были не виной, а бедой преобразователей, пытавшихся с их помощью вдохнуть новую жизнь в одряхлевший организм султанской державы. Последовавшее за Парижским миром двадцатилетие явилось поэтому временем непрекращавшихся столкновений на национальной почве. Западные покровители Высокой Порты, мыслившие по привычным шаблонам, которые они навязывали Стамбулу, не понимали, что прогресс на пространстве империи возможен, но лишь путем ее разъединения.

У Горчакова за спиной был уже вековой опыт российской дипломатии в турецких делах. Он понимал, что его западные партнеры, сооружая подпорки разваливавшейся османской громаде, пытаются загнать историю в тупик и прервать ее поступательный ход. Он с полным основанием утверждал: «Восточный вопрос, несмотря на потоки крови, в которые он обошелся Европе, более, чем когда-либо, далек от решения». Россия никогда не смирится и не примирится с пагубными для нее статьями Парижского договора, хотя и не может и не собирается бросать немедленно вызов победителям; задача кабинета — «подготовиться к благоприятному шансу, когда проблема встанет перед Европой в решающей стадии»¹⁰. А пока — использовать убийственные для Турецкой империи положения акта и ратовать за всемерное расширение прав христианских народов.

«Про себя» Горчаков был уверен в провале затеянных западными державами реформаторских потуг: «Оттоманская империя сегодня более слаба и порабощена, чем когда-либо. Реформы, которые должны вывести ее на уровень европейской цивилизации, неохотно предоставленные и принятые с отвращением как турками, так и рабочими, могут добавить лишь

новые элементы развала к тем, что уже изнуряют империю». Это — свидетельство 1856 г.¹¹ Через год последовала констатация: торжественно провозглашенные реформы не оправдали возлагавшихся на них надежд, администрация, особенно в отдаленных провинциях, занимается вымогательствами, назревают кровопролитные конфликты¹². Даже в высоких сферах Лондона приходили к мысли, что балканцы жаждут сбросить с себя вериги зависимости. Дальновидные политики сравнивали многолетние усилия Форин оффис по торможению прогресса в регионе со схваткой Дон Кихота с ветряными мельницами. По мнению члена парламента Д. Андерсона, «бороться за Турцию — значит бороться за империю тирании, жестокости, рабства и всех тех пороков, что отвратительны нашему народу»¹³. Но то были лишь отдельные голоса, дипломатия же катилась по накатанной дорожке.

Гласно Горчаков выставлял себя горячим поборником хатт-и-хумаюна; вновь назначенным консулам предписывалось добиваться претворения его принципов в жизнь. Включенные в текст Указа усилиями западных дипломатов гарантии прав христиан предоставляли возможность надзора за деятельностью местной администрации, и князь собирался использовать их в целях, прямо противоположных тем, которые преследовались инициаторами: «На правовой базе хатт-и-хумаюна наши консулы призваны объединить народы в общем сознании приобретенных прав, действуя, однако, с осторожностью, дабы не спровоцировать преждевременно волнений, и заботливо сообразовывая свое поведение с духом мирного договора»¹⁴. В поводах для протesta, могущего быть заявленным Высокой Порте, недостатка не ощущалось. В «лояльном» соблюдении Парижского трактата Горчаков обрел рычаг для давления на Турцию и, как скоро обнаружилось, и на ее покровителей, не сбиравшихся строго следовать ни букве, ни духу заключенного в Париже акта.

Первое испытание на прочность в процессе объединения Дунайских княжеств акт не выдержал. Горчаков узрел в нем возможность посеять зерно раздора в среде неприятельской коалиции. Задачи им ставились вполне конкретные: «все больше и больше ослаблять узы сюзеренитета Порты над княжествами и тем самым способствовать развитию их национальной независимости»¹⁵.

Молдавия и Валахия — латинский остров в славянском море Юго-Восточной Европы — сумели отстоять свои автономные права, подтвержденные и расширенные по Адриа-

нопольскому миру 1829 г. Но прогрессивная общественность мыслила дальнейший путь не в союзе с самодержавием, а опираясь на поддержку «латинской сестры», Франции. В 1848 г. царские войска вступили в Яссы и Бухарест и участвовали здесь в подавлении революционного движения. После этого «руssкая партия» в политической жизни княжеств сошла на нет. Следствием легкой расправы над двумя небольшими странами стал план их объединения, казалось, что в создании Румынии народ обретет силу для отпора и внутренней, и внешней реакции и перспективу движения вперед. Идея унии стала доминирующей. «Пашоптисты» (люди 1848 г.) постепенно расстались с революционными увлечениями молодости и перешли на реформистские позиции; этому способствовали их связи с помещичьим землевладением, боязнь крестьянского бунта, стремление объединить вокруг национального знамени все силы. Не на баррикадах, а в тиши министерских кабинетов западных держав собирались унионисты добиться цели, возложив надежды на Луи Наполеона Бонапарта, пользовавшегося у них репутацией рыцаря «принципа национальностей». Франция была призвана утвердить Румынию в ее новом положении светоча западной цивилизации на юго-востоке континента.

В годы Крымской войны англо-французские войска оккупировали Грецию и пресекли там движение солидарности с Россией; за Сербией союзники установили строгий надзор. А эмиссары молдо-валашских унионистов хлопотали в Париже о создании румынского легиона. Затея отклика не нашла: Высокая Порта отнеслась к ней холодно, сознавая потенциальную опасность унионистского движения для себя, и выдворила вербовщиков со своей территории. В Лондоне и Париже инициативу тоже не оценили, усомнившись в желании православных румын сражаться под знаменем полумесяца; Сент-Джеймский кабинет и Тюильри не собирались омрачать свои отношения с турками ради призрачной возможности заручиться поддержкой нескольких сотен волонтеров.

Размежевание в балканском освободительном движении стало очевидным. Унионисты заверяли Луи Наполеона, что Франция обретет в Румынии все преимущества колониальной державы без особых затрат¹⁶. Такие заманчивые посулы не могли не привлечь внимания Кэд'Орсэ. Открывалась возможность, используя волну национального движения, по-testнить не только противника, основательно потрепанную Россию, но и Австрию и утвердиться в устьях Дуная.

Иные перспективы сулило объединение княжеств самодержавию, возможность французского хозяйствования вблизи российских рубежей смущала. На первый взгляд — одни потери. К чести российской дипломатии, она не увлеклась подсчетом убытков и не отказалась от генеральной линии — поддержки балканского освободительного движения.

На Парижском конгрессе вопрос объединения Дунайских княжеств поднял министр иностранных дел Франции граф Александр Валевский, побочный сын Наполеона I. Разумеется, он не упомянул о стремлении Парижа встать в них твердой ногой, а представил унию как меру антироссийскую: новое государство будет барьером на пути продвижения русских к Константинополю, а потому в интересах Великобритании, Австрии и Турции поддержать его образование¹⁷. Игра была шита белыми нитками, убедить оппонентов Валевскому не удалось. Австриец К.Ф. Буоль и турок Али паша отнеслись к демаршу союзника резко отрицательно.

Высокая Порта опасалась, что объединение княжеств станет не только шагом на пути к их независимости, но и «дурным примером» прочим подвластным народам¹⁸. Между тем ей казалось, что наступил подходящий момент для усиления своего влияния в румынских землях: грозный противник, Россия, ослабел, османские войска милостью Аллаха надолго расположились в Яссах и Бухаресте, пора подумать о восстановлении своей власти. В ведомстве Горчакова полагали: Порта стремится превратить мало-помалу свой сюзеренитет по праву, предоставленному договорами, в суверенитет, и тогда наступит разгул «тищеславия, фанатизма и глупости ее чиновников»¹⁹.

Габсбургская монархия метила в наследники царизма на Балканах. В годы войны она простерла свою «заботу» об охране устьев Дуная от российских пополнений до того, что ввела в Молдавию и Валахию войска и вместе с турками охраняла их от посторонних посягательств. Открылись соблазнительные пути проникновения в экономику княжеств. Шоссейные дороги связали Яссы и Бухарест с Австрией. Велись переговоры с банком Ротшильда о строительстве железнодорожной ветки из Клужа и Брэилу. Австрийская пароходная компания обзавелась пристанями в Галаце, Джурджу, Олтенице, Турну-Северине. Все говорило о том, что имперцы собирались осесть в княжествах всерьез и надолго²⁰. В венских газетах появилась серия статей профессора Штейна, выдвинувшего стройную и продуманную программу превращения румынских земель в придаток Габсбург-

ской монархии без их прямого присоединения, под турецкой ширмой, а именно: установить монополию на навигацию по Дунаю, создать компании для разработки природных ресурсов, вложить капиталы в обрабатывающую промышленность, взять в свои руки почту, телеграф и пути сообщения²¹. Иными словами, Россию собирались выдворить из княжеств.

Еще одним соображением руководствовалась венская дипломатия. В пределах монархии, в Трансильвании и Банате, проживали два миллиона румын, лишенных национальных прав и ущемленных в социальной и политической сферах. Единое Румынское государство могло превратиться в очаг притяжения единокровных с его населением подданных императора, что превратилось бы в реальную опасность для лоскутной монархии, смертельного врага балканского освободительного движения, которое, по словам российского дипломата К.М. Базили, ставило Австрию перед выбором — «быть или не быть державой первого ранга»²².

Интересы России и Франции сходились в одном пункте — следует положить конец экспансионистским поползновениям венцев. Дальше начинались разногласия, ибо Луи Наполеон метил в единоличные покровители румын.

Дискуссия на шестом заседании конгресса выдалась жаркая, даже запальчивая. Али паша, возражая Валевскому, заявил, что Молдавия и Валахия испокон веков существовали порознь, их тяжелое положение нельзя приписывать разъединению, а унию представлять панацеей от всех бед, равно как считать «нескольких индивидумов, действующих в личных целях, представителями воли населения»²³. К.Ф. Буоль заметил, что мнением жителей пока что никто не интересовался. По словам сардинского премьера К.Б. Кавура, в ходе дискуссии «бедный великий везир покраснел, как рак», а австриец, прия в ярость, стал похож на человека, потерявшего рассудок. В пылу полемики они допустили тактическую оплошность, заверив присутствовавших, что молдаване и валахи об объединении и не помышляют. Опытный дискутант Валевский тут же предложил узнать, каковы желания жителей, против чего никто возражать не мог²⁴.

Граф А.Ф. Орлов оказался на конгрессе в трудном положении. У Франции в княжествах были явные шансы на успех, учитывая преклонение перед нею унионистов. И все же эта эвентуальность представлялась меньшим злом, чем австрийское хозяйствование на Дунае, которое означало крах всей балканской стратегии России, начиная с Пе-

тра I. Вена хотела иметь дело со слабыми, разрозненными соседями, чтобы доминировать в регионе. Петербург должен был дать отпор подобным замыслам. Опасность надвигалась с двух сторон, и все же австрийская представлялась наиболее серьезной. И едва ли не главное: развертывалась борьба за умы и сердца балканских христиан. Самодержавию предстояло сменить весь арсенал средств воздействия, которым оно раньше оперировало, «политика с позиции силы» изжила себя, утрата протектората до крайности сузила возможности. Главная задача состояла в том, чтобы не отчуждать балканцев, а «сохранять и укреплять уходящие в древность узы симпатии и любви, которые соединяют нас с христианами Востока, обеспечить им благосостояние, материальное, моральное и религиозное развитие, возможное в существующих обстоятельствах, подвигнуть их, наконец, постепенно к жизни социальной и политической — таков ход событий, диктуемых нашими интересами»²⁵.

Официальный Петербург шел к решению с нелегким сердцем: минусы унион были очевидны. Но, как писал Горчакову назначенный послом в Париж граф П.Д. Киселев, «против желаний населения не следует выступать без очень веских оснований»²⁶. Возражать в сложившейся ситуации против создания единой Румынии — значило нанести смертельный удар благим замыслам. Орлов в общих выражениях высказался на конгрессе за объединение княжеств²⁷.

Сомнения продолжали обуревать Горчакова, и решение участников конгресса — узнать мнение жителей — он воспринял с облегчением, сочтя его Соломоновым. Надо поддерживать то, за что выскажутся сами румыны, никакого вмешательства в их дела, никакой отсебятины — только так должна поступать впредь Россия. Опора — на подтвержденные конгрессом автономные права Молдавии и Валахии. Вновь направленному посланнику в Константинополь А.П. Бутеневу предписывалось: «Россия не говорит ни да, ни нет относительно объединения», у нее нет «предвзятых мнений, она придерживается буквы и духа решений конгресса», «нужды страны подлежат изучению»²⁸. К чести назначенного делегатом в комиссию К.М. Базили, «русского грека», однокашника Н.В. Гоголя по Нежинскому лицею, и консулов Е.Р. Шулепникова (Бухарест) и С.И. Попова (Яссы), они оказались людьми, способными беспристрастно оценить настроения жителей и занять благоприятную для унион княжеств позицию.

Конгресс разработал запутанную процедуру ознакомления с мнением населения: в Яссах и Бухаресте созывались чрезвычайные собрания (диваны ад хок), их пожелания рассматривались международной комиссией из представителей держав и Высокой Порты; все материалы отправлялись в Париж на обсуждение конференции послов и Валевского, которые и вырабатывали статут княжеств.

Первое крупное столкновение на дипломатической арене произошло по поводу вывода из Молдавии и Валахии австрийских и турецких войск. Пытаясь его отсрочить, К.Ф. Буоль принял высказывать «опасения», что с уходом оккупантов там разыграются «интриги партий» и общественное спокойствие будет нарушено. «Граф Буоль, — уведомлял правительство поверенный в делах в Вене В.П. Балабин, — с такой настойчивостью вновь заговорил о своем желании, чтобы наша политика (...) шла дорогой принципов, что это показало мне, какой ужас внушает ему перспектива объединения княжеств». Царь откликнулся на призыв Вены насмешливым «мерси»²⁹. А Горчаков приступил к энергичной кампании по выдворению оккупантов из Молдавии и Валахии. Отправленный туда комиссаром К.М. Базили получил указание не являться к месту назначения, пока оттуда не уберутся последние австрийцы и турки в мундирах. Пять месяцев заняло препирательство с Веной и Стамбулом, лишь в феврале 1857 г. оккупанты стали собирать пожитки. «Разрешите сказать Вам, — писал Горчакову посол в Англии Ф.И. Бруннов, — что никто в Европе не верил, что нам удастся вышибить австрийцев из княжеств и английскую эскадру из Черного моря»³⁰.

Борьба «за» или «против» объединения переместилась на румынскую почву. К.М. Базили обнаружил, что не все его коллеги обяты духом правдолюбия. Турки и австрийцы не скрывали, что встанут грудью за сепарацию княжеств. Али паша в письмах и депешах «доверительно», но так, чтобы все узнали, заявлял, что Высокая Порта скорее решится на войну, нежели смирится с унией. Еще с дороги Базили предупреждал: «Покамест есть причины предчувствовать, что австрийцы с турками желают продлить все операции комиссии и все там решить и покончить, а в княжествах лишь соблюсти кое-какие формальности приличия ради. Надеюсь, что это не удастся»³¹.

Не удалось. Базили точно выполнил данное ему предписание — не появляясь в Бухаресте, пока румынскую землю топчет хотя бы один оккупант. Эвакуацию приписали в не-

малой степени твердой позиции российской дипломатии, что «сослужило России прекрасную службу в глазах общества». У переправы через Дунай в Джурджу Базили приветствовала толпа из представителей разных слоев населения — от бояр до городских буржуа. В столице ему преподнесли хлеб-соль³².

Базили убедился, что и без опоры на австрийские и турецкие войска противники унии располагают рычагами давления. Его османский коллега чувствовал себя вполне комфортно, он «распоряжается как хозяин валахской казны, уже два месяца роскошно живет на ее счет. Стол его и огромной его свиты обходится по 45 червонцев в день. На починку и меблирование дворца, в котором он помещен, израсходована огромная сумма. Не довольствуясь тремя экипажами, всегда готовыми для него, он устроил, чтобы каждому из секретарей были выданы деньги от валахского правительства на содержание экипажей»³³.

Но это еще полбеды. Главная же заключалась в том, что Парижский договор сохранил многочисленные лазейки для вмешательства Порты в румынские дела. На время реорганизации султан назначил в Молдавию и Валахию своих наместников, каймакамов, глав администрации, которым надлежало и выборы в собрания провести, и за порядком следить. Порта произвела тщательный отбор кандидатов на обе должности из послушных лиц. Особенно отличался по части угодливости грек Николае Конаки Вогоридес, долгие годы состоявший на турецкой службе, имевший звание двухбунчужного паши (генерал-лейтенанта) и не расстававшийся с феской даже в Яссах.

Порта не случайно обратила особое внимание на Молдавию: здесь сторонников раздельного существования княжеств насчитывалось больше и позиции у них были прочнее. Многие опасались, и не напрасно, что уния обернется присоединением Молдавии к более сильной соседке. Крупные бояре боялись быть отодвинутыми на второй план в объединенном государстве, многие купцы и ясские горожане полагали, что с перенесением столицы в Бухарест их город захиреет, интеллигенция не одобряла латинизаторских увлечений унионистов.

Каймакамы не имели четко определенного статуса и присвоили себе княжеские prerogatives, установили цивильный лист, равный господарскому, отменяли судебные решения, назначали должностных лиц, присваивали офицерские чины и боярские звания.

Противники унии получили мощное подкрепление в лице британской дипломатии. Глава Форин оффис лорд Д. Кларенсон имел беседу с турецким послом Константином Мусуросом, который не скрывал, что объединение Молдавии и Валахии может оказаться началом развала Османской империи. Подобный довод всегда производил на Уайт-холле глубокое впечатление. Влиятельная газета «Таймс» сочла (в номере от 3 декабря 1857 г.), что «верховная власть Порты должна быть для честных политиков всех стран главной задачей»(!)³⁴. Французы и итальянцы уговаривали «одушевленных столь возвышенными принципами, столь либеральными идеями» оппонентов не пренебрегать волеизъявлением народа. Тщетно. Правда, действуя излюбленным путем, лондонская дипломатия старалась держаться в тени, оставляя «черную работу» своим экспансивным австрийским и турецким сообщникам³⁵.

Разгул реакции наступил после публикации фермана о созыве чрезвычайных собраний. Власти старались так «подтасовать» их состав, чтобы провалить инициативу унионистов, особым рвением отличалась администрация Богориедса в Молдавии.

Ферман предусматривал в каждом из княжеств следующее представительство в Диване: крупные землевладельцы-бояре – 34 голоса, мелкие землевладельцы – 17, духовенство – 10, состоятельные горожане и крестьяне (последние – путем сложнейшей трехступенчатой процедуры) – по 17 депутатов. Принцип волеизъявления народа соблюдался, но на деле помещики вместе с высшим духовенством и верхушкой буржуазии получили в парламенте прочное большинство.

Воспользовавшись приездом в Яссы турецкого комиссара, местные сепаратисты подали ему верноподданническую петицию. После проверки обнаружилось, что подписавшие ее «великие бояре, негоцианты и представители других сословий» поголовно являлись правительственными чиновниками. Низкопоклонство властей перед влиятельной персоной не знало предела. В Бырладе администрация сочла, что сорока лошадей, имевшихся на почтовой станции, не хватит для комфорtabельного передвижения Савфета эфенди. Решено было обложить население особым налогом и предоставить сановнику дополнительный транспорт. Явившимся с протестом к исправнику жителям тот заявил, что, если деньги не будут собраны, он впряжен строптивцев в карету и пусть они везут ее сами. В селах, среди поголовно неграмотных крестьян, велась кампания по «сбору подписей» в под-

держку властей; каждый должен был приложить к бумаге неизвестного ему содержания обмакнутый в чернила палец, иначе — порка; для убедительности рядом с чернильницей лежали розги³⁶.

На жалобы унионистов каймакам отвечал новыми гонениями, обращения консулов Франции и России отклонял, заявляя, что обязан реагировать лишь на демарши от имени семи держав. Комиссию же раздирали противоречия, представители Великобритании и Австрии, не говоря уже о турке, «не замечали» творившегося произвола.

По части гонений власти проявляли большую изобретательность. Вогоридес счел, что возникшие унионистские комитеты склоняют избирателей на свою сторону и тем самым препятствуют беспристрастной подготовке к выборам. Подобным казуистическим предлогом воспользовались для того, чтобы объявить об их роспуске. В письме к великому везиру каймакам сообщил, что не потерпит ни клубов, ни программ³⁷. В городах на улицы выводили полицейские и военные силы, дабы продемонстрировать обывателю правительенную мощь. К подозреваемым являлись с обыском, причем случалось, что после ухода блюстителей порядка из дома исчезали ценные вещи. Робких избирателей власти пытались запугать, жадных подкупить, тщеславных — прельстить продажей боярских титулов. Патенты на офицерский чин раздавались столь щедро, что число офицеров почти сравнялось с числом солдат; одних полковников в крошечной (2 тыс. человек) молдавской милиции насчитывалось шестьдесят³⁸.

По части гонений власти перестарались, и правительство угодило в ту ловушку, которую готовило оппонентам: оно со-биралось разыграть в Диване фарс с помощью подобранных депутатов-фигурантов, но фарс надлежало представить как волеизъявление народа, для чего следовало привлечь к урнам мало-мальски приличное число избирателей. Унионисты же объявили выборам бойкот, их призыв нашел отклик в обществе. И полиция бросилась на поиски лиц, уклонявшихся от исполнения гражданского долга. Французский консул в Яссах В. Плас, служивший раньше в Азии, писал, что видел там облавы на рекрутов, но до сих пор не думал, что можно развернуть охоту на избирателей. В Яссах полиция разыскивала «уклонистов» по домам, случалось, вытаскивала больных людей из постелей. В Дорохое жидким ряды избирателей пополнили завсегдатаевыми кабаков. В уезде Роман схватили пять монахов и привели их к урнам³⁹.

Комиссары Франции и России сигнализировали послам в Константинополе о творившихся безобразиях. Франция и Россия не могли оставаться безучастными зрителями разыгрываемого в Молдавии представления и не желали, чтобы с их молчаливого согласия англо-австро-турецкая марионетка укрепляла в Яссах свои позиции. К представителям двух стран, Э. Тувенелю и А.П. Бутеневу, присоединились посланники Пруссии и Сардинии, — нарастало движение за объединение Германии и Италии, и симпатии их общественности принадлежали румынским унионистам. 18 мая 1857 г. состоялся первый официальный протест четырех дипломатов. Но двое их коллег твердо стояли на позиции «невмешательства» во внутренние дела Высокой Порты. Великий везир Решид паша метался в растерянности, не зная, чьих же «советов» слушаться⁴⁰. Порта маневрировала, но итогов выборов не отменяла. Представители держав в Константинополе перессорились. Горчаков позволил себе помечтать: на румынской почве «можно найти средство разорвать остатки союза» противников России⁴¹. При первом же намеке французов на возможность разрыва дипломатических отношений с Турцией князь выразил восхищение столь энергичной акцией, обещал ее поддержать и привести к этому шагу Пруссию, что он и сделал. В глубине души Александр Михайлович сомневался в наличии у Парижаальной решимости: «Мы хотим идти вместе с Францией, но не в обычай нашей политики заходить вперед, чтобы отступать»⁴². Бутенев получил указание действовать вместе с Тувенелем. Россия заявляла, что не собирается мириться с ясскими беззакониями⁴³.

4 августа (н. ст.) Тувенель, по согласованию с коллегами, в витиеватой ноте объявил о разрыве отношений с Высокой Портой⁴⁴. Утром в присутствии всего персонала посольства, членов их семей и команды посыльного судна «Аяччо» с резиденции был спущен флаг. Церемонию провели с большой театральностью: оркестр играл «Марсельезу», корабельные орудия произвели салют. Правда, торжественность момента нарушила мисс Каннинг, дочь британского посла, которая каталась на лодке у самого борта «Аяччо», как бы бросая вызов извергавшим огонь пушкам⁴⁵. В тот же день без излишней помпы затребовали свои паспорта Бутенев, пруссак и итальянец.

Европа замерла: а что же произойдет?

А ничего...

Э. Тувенель, покачавшись немного на волнах Мраморного моря, покинул тесную каюту и вернулся в более комфор-

табельную обстановку посольского особняка. Французы в запальчивости перешли границу допустимого в ссоре с могущественной Британией. Такую роскошь маленький Бонапарт не мог себе позволить. Опытный государственный муж Павел Дмитриевич Киселев предупреждал Горчакова: ненадежное финансовое положение страны, состояние банков и бюджета, непрекращающееся брожение в «низах» заставляют Наполеона превыше всего ценить сотрудничество с Англией. Пролетарии и их руководители не прекращают попыток «раздуть тлеющие уgli». В одном лишь Лионе 30 тыс. ткачей, оставшихся за воротами фабрик, охвачены «самыми дурными настроениями»⁴⁶. Из внутриполитических трудностей император рассчитывал выбраться с помощью внешнеполитических успехов. Он начал готовиться к столкновению с Австрией под флагом объединения итальянских земель.

Но прежде всего следовало загладить размолвку с Великобританией. На Уайт-холле, в свою очередь, не желали обострять отношений с наполеоновским режимом и полагали, что старый лорд Ч. Стрэтфорд-Редклифф, посол в Стамбуле и ярый противник унии, усвоивший на Востоке despотические замашки, слегка погорячился и пора бы ему подумать об отставке. В Индии вспыхнуло мощное народное восстание, и Лондон не желал создавать себе дополнительных осложнений на Балканах. Влиятельные французские политические круги стояли за сближение с Англией. К ним относился посол в Лондоне герцог Ж. Персины, принадлежавший к ближайшему окружению коронованного выскочки, и сам «герой» (поневоле!) и инициатор разрыва отношений с Портой Э. Тувенель, считавший, что дело с поддержкой объединения княжеств Луи Наполеон и А. Валевский начали шоворот-навоворот. Не унионистов надо было поощрять, а договориться с Британией о пределах допустимого: «Единственная благоразумная форма объединения — это та, при которой Порта будет иметь право выбора принца и возможность построить добрую турецкую крепость в Измаиле; не знаю, что мы выигрываем, поддерживая иллюзии румын»⁴⁷. Впрочем, Бонапарт и без подсказки со стороны забил отбой. Еще в июле 1857 г. А. Валевский приступил к беседам с послом лордом Г. Каули. Шли они туго — на карту были поставлены престиж Тюильри и Сент-Джеймского кабинета, влияние Англии и Франции на Балканах и Ближнем Востоке. Демагогия парижской дипломатии и неумеренные самовосхваления прессы затрудняли сближение. Малейший успех, достигнутый представителями четырех держав в

Стамбуле, приписывался исключительно Тувенелю, и газеты венчали его лаврами победителя.

Чтобы уладить наконец конфликт, Наполеон решил воспользоваться приглашением королевы Виктории — навестить ее в замке на острове Уайт, что и произошло в начале августа в курортном городке Осборн. Переговоры велись в обстановке строгой секретности, произошло даже анекдотическое недоразумение: полиция по ошибке задержала герцога Персины, сочтя его лицом подозрительным.

Сама Виктория и принц Альберт удалились со сцены после первых же бесед протокольного характера. Переговоры велись с премьер-министром виконтом Г. Пальмерстоном и главой Форин оффис графом Д. Кларендоном. Формального соглашения заключать не стали. Пальмерстон написал меморандум, заключавший основы договоренности, достигнутой 7 и 8 августа. Французы внесли в него поправки. Молдавия и Валахия должны были обзавестись сходными учреждениями и выработать одинаковое законодательство, что объявлялось административной унией. По сути дела произошел полный отход Франции от прежней позиции — образования единого румынского государства. Взамен британцы согласились поддержать требование об отмене выборов в Молдавии. Кларендон резюмировал итоги свидания кратко: увидев, что Наполеон озабочен прежде всего поддержанием своего престижа, они с Пальмерстоном пожертвовали формой ради содержания и похоронили план политической унии княжеств⁴⁸. По замечанию А.Д.П. Тэйлора, Англия в Осборне «дезавуировала Стрэтфорда, а Наполеон — французскую политику»⁴⁹.

Общественность оповестили лишь о той части сделки, которая касалась отмены выборов. Во Франции официозная печать изображала Наполеона в образе нового цесаря: пришел, увидел, победил. А. Валевский во время встречи с поверенным в делах В.П. Балабиным выглядел триумфатором: визит императора явился для англичан улыбкой судьбы, французы держались молодцами и, отброшенные «к своим последним позициям», собеседники согласились на отмену молдавских выборов. Балабин не поверил и попросил раскрыть детали бесед. Министр ответил туманно: «Уступки — это не то слово, но мы дали доказательство готовности договориться». А близкие к правительству газеты «Патри» и «Пэн» вдруг объявили изумленным читателям, что те, оказывается, заблуждались, считая Францию сторонницей унии княжеств во что бы то ни стало.

В Петербурге быстро выяснили подлинную сущность сделки. Служба дешифровки работала превосходно, на письменном столе Горчакова появилась австрийская депеша, в которой черным по белому значилось: «Император Наполеон во время своих переговоров в Осборне совершил отказ от проекта политического объединения Валахии и Молдавии»⁵⁰. Бонапарт не только предал своих восторженных румынских поклонников, но и надул правительства России, Пруссии и Сардинии, заключив сделку за их спиной. Горчаков еще раз убедился — доверять ему нельзя.

Новые выборы завершились победой унионистов, повторить печальный опыт с фальсификацией ни Порта, ни монархия Габсбургов не решились. Диваны работали споро и эффективно и приняли идентичную программу желаний к державам, что свидетельствовало о договоренности между молдаванами и валахами. Они сводились к следующему:

- 1) уважение прав княжеств, в особенности их автономии;
- 2) объединение Молдавии и Валахии в одно государство под названием Румыния;
- 3) избрание иностранного принца с наследственной властью, потомство которого будет воспитано в православной вере;
- 4) нейтралитет территории страны;
- 5) законодательная власть — у народного собрания, представляющего «все интересы».

Диваны ходатайствовали о предоставлении Румынии коллективной гарантии держав. Без обсуждения, под аплодисменты частную собственность провозгласили «великой основой всякого общества». Депутаты высказались за ликвидацию привилегированного боярского сословия и введение принципа разделения властей, законодательной, исполнительной и судебной. Собрания декларировали свободу совести, вероисповедания, печати и торговли с зарубежьем⁵¹. В детали социальной системы и административных порядков собрания в своих пожеланиях углубляться не стали, несмотря на настойчивые обращения к ним международной комиссии, нуждавшейся в материалах для выработки рекомендаций. Внешние позиция унионистских лидеров выглядела благородно: они, в соответствии с автономией, хотят решать внутренние дела без всякого вмешательства извне. На самом деле депутаты руководствовались мотивами не столь безупречными: копни

они глубже столь тревожные проблемы, как феодальное землевладение, — и хрупкое объединение всех здоровых сил вокруг национального знамени могло бы расплзтись по швам. Революция 1848 г. ничего не дала крестьянам, в их среде зрело недовольство. Еще во время работы молдавского собрания К.М. Базили в качестве временного председателя комиссии посетил Яссы. Он устроил ужин, на который пригласил министров, консулов и всех депутатов Дивана, включая крестьян, — они ведь тоже имели право на заботу держав-гарантов. Царане (крестьяне) пришли группой во главе со священником. Не без изумления смотрел петербургский чиновник на усатых, одетых в сермяги мужиков, к такому обществу он не привык. Базили обратился к ним с советом — соблюдать «мудрость и умеренность». В ответ он услышал рассказ о страданиях народа, «лучше умереть, чем жить так». «Это — симптоматический сигнал», — извещал Базили Горчакова. Уловил он и глубокие противоречия, скрывавшиеся за поверхностью «национального единства», осознал, что унионисты такие же сторонники реформ «сверху», дабы избежать революции «снизу», как и Александр II: «Если существует возможность сближения между умеренными унионистами и сепаратистами, то она порождена опасностью, нависшей над всеми состояниями в связи с волнениями низших классов. Дело не только в отмене барщины, но и в претензии пахарей на все сеньориальные земли. Эта социальная проблема куда значительнее всех политических вопросов...»⁵²

Нельзя не отдать должное проницательности Базили, он разглядел ростки того союза помещиков и крупной буржуазии при весомых уступках феодальному землевладению, который вошел в историю под названием «чудовищной коалиции» и управлял Румынией почти сто лет. Россия и княжества стояли тогда перед идентичными задачами, и случилось удивительное: взгляды самодержавия и румынских унионистов в чем-то сошлись.

3(15) января 1857 г. Александр II пригласил к себе одиннадцать сановников и объявил им свою непреклонную волю — отменить крепостничество. Понимания и отклика он у основной массы дворянства не встретил, предпринимательским духом она не обладала, страшилась неведомого будущего и предпочитала жить по старинке — ничего не делая, получать доходы. «Не найдя в первый момент достаточно прочной поддержки преобразований в среде дворянства,

Александр II вынужден был опереться исключительно на государственный аппарат и, прежде всего, на высшую бюрократию», — отмечал Л.М. Лященко. Это «отделяло общество от верховной власти, порождало взаимную неприязнь между ними»⁵³. Следует отметить и другое: в среде высшей бюрократии нашлись светлые умы (Н.И. Милютин, С.С. Ланской, Я.И. Ростовцев, П.А. Валуев), которые довели до конца, пусть и половинчатую с точки зрения радикалов, но крайне нужную и распахнувшую двери в будущее реформу. Во главе комитета стоял полузыбкий отечественной историографией великий князь Константин Николаевич, самый одаренный из сыновей Николая I. Даже злозычный мемуарист П.В. Долгоруков отдавал ему должное: «Каковы бы ни были его личные недостатки и даже пороки, Россия никогда не должна забывать, а, наоборот, с вечной благодарностью должна вспоминать, что ему обязаны мы уничтожением крепостного состояния»⁵⁴.

Понятно то тревожное внимание, с которым российская дипломатия следила за ходом работы диванов. Глашатаи объединения стремились провести ее на одной унионистской ноте. Михаил Когэлничану, в будущем один из выдающихся государственных мужей Румынии, призывал собрание «преисполниться желания успокаивать, а не волновать умы». Успокоить крестьянских депутатов не удалось. В молдавском диване они выступили с манифестом, ярко написанным (очевидно, воспользовавшись услугами кого-то из сочувствующих интеллигентов), в котором приводился длинный список лежавших на селянах повинностей и говорилось об их горькой доле⁵⁵. Они требовали отмены барщины и предоставлении им земли⁵⁶.

Демарш «деревенщины» поверг в ужас заседавших в созыве помещиков. По словам историка А.Д. Ксенопола, они «готовы были послать в болото и объединение, и все, относящееся к нему, если его осуществление повлекло бы, как они считали, их разорение»⁵⁷. Крестьян обвинили в «попытке нарушить общественное спокойствие», разжечь в стране разногласия, им приписали даже «коммунистические» (!!!) настроения. Когэлничану в своей речи признал, что вопрос об отмене барщины, подобно Дамоклову мечу, висит над страной, «наш долг, наш патриотизм требуют положить конец этому беспокойству». Но надо дать время, изучить вопрос, привыкнуть к идее. Он закончил словами: «Верю в патриотизм помещиков, верю в здравый смысл крестьян», — и несколько успокоил страсти⁵⁸.

Лидеры валашских унионистов учли опыт своих молдавских коллег и после первых же крестьянских выступлений в диване провели решение о перерыве в его работе (которая больше уже не возобновлялась).

Прозападная ориентация собраний, их попытка выйти из-под опеки держав вызвали глубокое беспокойство у российских консерваторов. «Объединенные княжества создадут на границе империи государство по образцу Бельгии или Швейцарии, имеющее определенное политическое значение», — делился с Горчаковым своей тревогой граф П.Д. Киселев. И тогда Румыния вместе с Польшей может стать постоянным очагом тревоги. Наконец, унионисты не скрывали своих профранцузских симпатий, и под боком у империи появлялся парижский протеже⁵⁹. Однако, как и год назад, страх перед установлением господства Австрии и Великобритании перевесил прочие соображения. Решено было «сберечь популярность, избегая всякого проявления враждебности в отношении масс и интеллигентских классов»⁶⁰.

С глубоким удовлетворением К.М. Базили и подчиненные ему консулы обнаружили, что «крайности» диванов, их явная склонность к самостоятельности встревожили всех их коллег, не исключая французов. Луи Наполеон был поглощен подготовкой войны в Италии, вопрос о княжествах стал для него обузой. Комиссары, проявляя невиданное единодушие, высказались за прекращение деятельности собраний.

Как раз в это время, в конце 1857 г., А. Валевский, претворяя в жизнь осборнскую договоренность, сочинил проект будущей организации княжеств для рассмотрения его на конференции держав и строго конфиденциально ознакомил с ним П.Д. Киселева, Горчакова и через них царя. От идеи объединения в творении Валевского остались рожки да ножки, тихая надежда российской стороны на крупную сору держав рассеялась как дым, как утренний туман. Горчаков счел намеченную «перестройку» оштукатуриванием старого здания, о реакции Александра II можно судить по его пометам на полях депеш: «Помоги Господь выйти с достоинством из этого печального дела!», «Что за печальная комедия!»⁶¹ Поскольку в России не считали нужным играть в прятки с подготовкой конференции, да и французская пресса скромностью не отличалась, в отечественной печати появились резкие комментарии. Редактируемый М.Н. Катковым, тогда еще либералом, «Русский вестник» иронизировал: «Целый год трубили официальные и неофициальные органы (Франции) о необходимости полного соединения

(княжеств) и неутомимо оспоривали противоположное мнение». Еще недавно газета «Патри» грозно предрекала, что конференции придется склониться перед волей Парижа. Теперь же «Патри» и «Конститюсьонель» пространно и красноречиво описывают «прелести административного объединения» (т.е. выработки в Молдавии и Валахии одинакового государственного устройства) и «с искренним милосердием во взоре предлагают голодным камень вместо хлеба»⁶².

10(22) 1858 г. мая в Париже открылась конференция держав. Валевскому предстояло пройти неприятную процедуру саморазоблачения — ведь гласно французы так и не признались в своей капитуляции в Осборне. Министр Луи Наполеона прибег к штой белыми нитками уловке: он высказался за полное объединение Дунайских княжеств, но, встретив «непреодолимое сопротивление оппонентов», быстренько снял свое предложение. Растропный Киселев все же успел его поддержать, выступив, по его словам, «ради популярности России». Последовало деловое обсуждение.

Непрекращающуюся тревогу у Горчакова и Киселева вызывали посягательства на государственные прерогативы Молдавии и Валахии. «В тайные замыслы Турции и Австрии, пользующихся поддержкой Англии, входит превращение княжеств в пашалыки», — тревожился Киселев. Министр вполне разделял точку зрения посла; следует поэтому добиться твердой фиксации в подлежащей подписанию конвенции привилегий, «вновь завоеванных Россией со времен Кючук-Кайнарджийского мира и подтвержденных Парижскими договорами», «мы не должны допускать малейшей двусмысленности в этом отношении»⁶³. Киселев отбил попытку британца Г. Каули и Фуада паши разрешить ввод османских войск в княжества с санкции большинства держав и настоял на том, что решение должно приниматься единогласно. Неизбежное «вeto» российской стороны превращало это «право» Порты в фикцию. Граф представил коллегам два «мнения» о привилегиях и иммунитетах Молдавии и Валахии. Его усилиями в конвенции появилось четкое определение их автономных прав: «Княжества осуществляют самоуправление свободно, без всякого вмешательства Блистательной Порты в рамках, установленных по соглашению держав-гарантов с сузеренным двором».

В остальном конвенция дала румынам лишь «тень удовлетворения»⁶⁴. В Молдавии и Валахии сохранялись свои князья, правительства, законодательные собрания, вооруженные силы. Совместными стали лишь кассационный суд и

центральная комиссия с местопребыванием в Фокшанах – городе, разделенном между ними границей, для выработки проектов общих законов, которые поступали на утверждение в Яссы и Бухарест. Появилось название «Соединенные княжества», что не соответствовало действительности. Конвенция провозгласила уничтожение общественных привилегий, что свелось к отмене боярских рангов и допущению буржуазии к власти. Вводилась система выборов с высоким имущественным цензом, на смену привилегии сословия пришла привилегия богатства: на 5 млн жителей набиралось всего 4 тыс. избирателей.

Дальнейшие события, однако, показали, что многие минусы конвенции перевешивались зафиксированным в международном акте признанием автономных прав, чем умело воспользовались унионисты в своих целях. Турецкие должностные лица, привыкшие к раболепию и низкопоклонству, теперь наталкивались в княжествах на смелость и даже дерзость в отстаивании прав. Бедному Азиз бею, уполномоченному в Молдавии, было отказано даже в праве отправлять шифрованные телеграммы: в изысканных выражениях ему объявили, что оным правом пользуются лишь иностранные дипломаты, он же представляет особу султана, т.е. «собственного» государя⁶⁵. А дипломат без шифра – все равно, что близорукий без очков или хромой без костыля...

Высокий избирательный ценз помог сепаратистски настроенным состоятельным избирателям послать в диваны немало своих сторонников. Правда, в Молдавии голоса последних были расколоты между непримиримыми врагами, Михаэем и Григоре Стурдзой (кстати, отцом и сыном). Противникам удалось добиться отвода кандидатуры Г. Стурдзы на престол как не удовлетворявшую требованию десятилетней государственной службы (Григоре делал карьеру в Турции и командовал дивизией под Севастополем в чине двухбунчужного паши). В стане унионистов царили рознь и борьба честолюбий, лишь в последний момент удалось преодолеть соперничество соискателей и сплотиться вокруг кандидатуры полковника Александру Иона Кузы, который и был избран на молдавский престол 5(17) января 1859 г.

В Валахии сложилась еще более драматическая ситуация, предварительные подсчеты голосов в собрании давали большинство сепаратистам. И тогда родилась идея выдвижения кандидатом того же А.И. Кузы. Сторонники объединения прибегли к «внепарламентским методам» как средству давления на оппонентов. Множество жителей Бухареста и

крестьян окрестных сел собирались вокруг Холма Митрополии, где заседало собрание. Сепаратисты опасались и обвинения в антипатриотизме, и насилий со стороны толпы. Никто не решился выступить против кандидатуры Кузы, и он был избран в господари единогласно.

Дипломатия была застигнута врасплох, участники Парижской конференции минувшего года подобного казуса не предвидели и запретить подобный вариант в конвенции не догадались. Налицо было нарушение не буквы ее, а духа. «Валашская ассамблея, — сообщал из Бухареста новый генеральный консул Н.К. Гирс, — решительно идет по пути, означающему отклонение одного из важнейших пунктов конвенции». Однако и он, и его ясский коллега С.И. Попов советовали закрыть глаза на допущенное нарушение и признать свершившийся факт: «Надо развеять иллюзии тех, кто думает, что достаточно прибегнуть к запугиванию или высылке нескольких экзальтированных лиц, чтобы восстановить спокойствие в стране. Помимо того, после торжественных обещаний Европы было бы постыдным актом вызывать сейчас турецкую или австрийскую интервенцию...»⁶⁶ Стремясь представить «своеволие» валахов в приемлемом для консервативного Петербурга виде, консулы прокомментировали двойное избрание Кузы как акт, способствующий успокоению умов: «Выборы в Валахии прошли в обстановке больших народных волнений, общественный порядок мог быть нарушен с минуты на минуту, Кузя явился якорем спасения для валашского общества». Гирс отмечал возросший авторитет России в глазах населения. В депеше, написанной вопреки обыкновению по-русски, он делился своими впечатлениями после дня выборов: «Нас с французами возвышают до небес, возлагая на нас в особенности все надежды. Возвращаясь вчера вечером из общего собрания после господарского выбора, я едва мог проехать сквозь толпу, которая с факелами меня долго преследовала с криками ура за Россию...» В росте авторитета своей страны Гирс видел шанс на укрепление ее позиций на Балканах: «Нам действительно следовало бы, если возможно, поддержать выбор Кузы — уже только потому, что этим разрушаются турко-австрийские козни. Если, как я полагаю, французы горячо высказутся за это дело, то нам не следовало от них отставать, ибо в противном случае им одним будет честь и слава от румынов, над которыми нам по соседству и для непредвиденных обстоятельств надо иметь доброе влияние»⁶⁷.

Горчакова в правильности подобной линии убеждать не было нужды, под его воздействием с нею согласился император. Превращаться в подручного Габсбургской монархии по удушению балканских народов, в то время как сама она была бессильна что-либо предпринять, они не желали. Австрийскую политику министр расценивал как «вызов и провокацию».

И снова в Париже собрались шесть послов плюс Валевский, дабы решить, что же делать со строптивыми румынами. Турецкий представитель выдвинул против них целый обвинительный акт: «И революционеры они, и зловредные люди, и исполнены всяких мерзостей, — насмешничал комментатор в журнале “Отечественные записки”. — Их следует держать в страхе, а то на Дунае будет очаг всяких революций»⁶⁸. Австро-франко-итальянская война, разразившаяся в апреле 1859 г., прервала работу конференции. За стол переговоров австрийцы вернулись побитыми и присмиревшими. Мысль о вторжении турецких войск в княжества отпала сама собой. Высокая Порта смирилась и в сентябре приняла рекомендации партнеров: утвердить избрание Кузы, но отдельными ферманами для Молдавии и Валахии и с его обязательством впредь не допускать отклонений от конвенции 1858 г. Иными словами, допускалась личная уния княжеств под его скипетром, но в порядке исключения и только на время его жизни, дальше — опять развод.

Однако, встав на стезю уступок, гаранты покатились по ней безостановочно. Куза постарался свести к минимуму процедуру, связанную с его инвеститурой: в Бухаресте он принял сultанского посланца в зале в присутствии лишь консулов и нескольких должностных лиц и не поднес к губам свиток, как это делалось прежде с ферманами, в Яссах на акт инвеституры «позабыли» пригласить даже консулов.

Не было никакой возможности остановить процесс объединения на стадии личной и пожизненной унии. Следующие три года являли собой сплошную цепь «нарушений» и «отклонений», которые осуществляли Куза и его министры при поддержке общественности формально двух, а фактически единой страны. В 1860 г. господарь по совету дипломатов совершил вояж в Стамбул, допустив накануне очередное «нарушение», объединив командование двух армий. Падишах принял Кузу с почетом, наградил орденом Меджиеде и подарил украшенную драгоценными камнями саблю. Знаки внимания свидетельствовали об укреплении позиций Соединенных княжеств.

Куза сетовал консулам на свою тяжелую долю — трудно управлять при наличии трех законодательных органов, двух парламентов и двух правительств и столиц, половину времени он проводит в карете, путешествуя туда — сюда. Он настаивал перед гарантами на объединении собраний и кабинетов министров, и те шли на уступки. Молодая румынская дипломатия добилась признания Высокой Портой и Веной паспортов с грифом княжеств, удалось заключить соглашение с Россией об установлении телеграфной связи, были вотированы значительные кредиты на армию, круг избирателей расширен без санкции держав. Два законодательных собрания решили совместно обсудить в Бухаресте наболевший аграрный вопрос. На протесты консулов Куза дал смелый ответ: он избран с целью окончательного объединения княжеств. И гаранты сдались: 15(27) декабря 1861 г. с их санкции господарь открыл сессию единого парламента. Засим появилось единое правительство. Куза, информируя об этом собрание, проявил вошедшую в привычку «забывчивость», не упомянув о соответствующем султанском фермане. Рождение Румынского государства произошло.

В Парижском договоре 1856 г. удалось пробить брешь, в Петербурге полагали, что создан прецедент для новых полезновений на ненавистный акт. Был накоплен солидный опыт взаимодействия с национальным движением, имевший общебалканское значение. Окрепло убеждение в его неодолимости. Из этого следовало исходить при определении дальнейшего политического курса.

¹ Цит. по: *Kinglake R.W. The Invasion to the Crimea*. Edinburgh; L., 1863. Vol. 1. P. 376.

² Temperley H., Penson L.M. Foundations of British Foreign Policy from Pitt to Salisbury. Cambridge, 1938. P. 141—142; Seton-Watson R.W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935. P. 16.

³ Международные отношения на Балканах 1856—1878. М., 1986. С. 75—76.

⁴ Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа, вторая треть XIX века. М., 1986. С. 246.

⁵ Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917. М., 1952. С. 5.

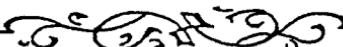
⁶ См.: Виноградов В.Н. Цена междуусобиц: Из истории ранних славяно-османских связей // Славянские народы: Общность истории и культуры. М., 2000. С. 74—76.

⁷ Sugar P. South-Eastern Europe under Ottoman Rule. Seattle; L., 1977. P. 447. Существовали также армянский и еврейский миллеты.

⁸ Ibid.

- ⁹ Международные отношения на Балканах. С. 95.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1856. Л. 54.
- ¹¹ Там же. Л. 51.
- ¹² Там же. 1857. Л. 49.
- ¹³ Parliamentary Debates (PD). 3-rd Ser. Vol. 237. P. 670 – 671.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1857. Л. 56.
- ¹⁵ Там же. Л. 59.
- ¹⁶ *Otetea A. Insemnetatea istorica a Unirii // Studii.* 1959. N 1. P. 30.
- ¹⁷ Протоколы Парижской конференции. Le Nord. Suppl. au numero du 1 mai 1856. N 1.
- ¹⁸ *Xenopol A.D. Istoria romanilor din Dacia Traiana.* Buc., f.a. Vol. 12. Р. 221 – 222.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1857. Л. 37.
- ²⁰ Seton-Watson R.W. A History of the Rumanians. Cambridge, 1934. Р. 235 – 236; Русский вестник. 1858. Июль – август. С. 59.
- ²¹ *Xenopol A.D. Kogalniceanu.* Buc., 1912. Р. 215 – 217.
- ²² АВПРИ. Ф. Гл. арх. V-A2. 1857. Д. 179. Л. 49.
- ²³ Le Nord. Suppl. au numero du 1 mai 1856. Prot. N 6.
- ²⁴ Acte si documente relative la istoria renasterii Romaniei. Buc., 1889. Vol. 4. Р. 1066.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1857. Л. 54.
- ²⁶ Там же. Ф. Канцелярия. 1857. Д. 443. Л. 671.
- ²⁷ Le Nord. Suppl. Prot. N 6.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1856. Д. 609. Л. 6; Ф. Консульство в Бухаресте. 1856 – 1858. Д. 979. Л. 16; Ф. Канцелярия. 1856. Д. 43. Л. 128 – 129.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856. Д. 374. Л. 378.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 828. Д. 337. Л. 6.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Главный архив; V-A2. 1856. Д. 176. Л. 62, 31.
- ³² Там же. Ф. Консульство в Бухаресте. 1856 – 1857. Д. 979. Л. 84 – 35.
- ³³ Там же. Ф. Гл. арх. 1857. Д. 179. Л. 72.
- ³⁴ Revue historique du Sud-Est Européen. 1932. N 7/9. Р. 221.
- ³⁵ Acte... Vol. 3. Р. 961.
- ³⁶ Ibid. Vol. 4. Р. 169, 608; АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1857. Д. 1054. Л. 274 – 278.
- ³⁷ Acte... Vol. 4. Р. 447.
- ³⁸ Ibid. Vol. 9. Р. 317.
- ³⁹ Ibid. Vol. 5. Р. 180, 190 – 191, 275; подробнее о развернувшейся борьбе см.: Виноградов В.Н. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961.
- ⁴⁰ Acte... Vol. 5. Р. 207.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1856. Л. 10.
- ⁴² Charles Roux F. Gortchakoff et Napoléon. Р., 1913. Р. 184; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1857. Д. 143. Л. 544 – 550.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1857. Д. 41. Л. 120; Acte... Vol. 5. Р. 303 – 304.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1857. Д. 1054. Л. 510.
- ⁴⁵ Thouvenel E. Trois années de la question d'Orient. Р., 1897. Р. 143 – 144.

- ⁴⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1857. Д. 143. Л. 544 – 550; Д. 144. Л. 294 – 297.
- ⁴⁷ Acte... Vol. 4. P. 570 – 580; *Thouvenel E.* Op. cit. P. 180.
- ⁴⁸ American Historical Review. 1929. N 2. P. 241.
- ⁴⁹ Тэйлор А.Д.П. Борьба за господство в Европе. М., 1958. С. 132.
- ⁵⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1127. Д. 2. Л. 82.
- ⁵¹ Acte... Vol. 6. Н. 68, 79, 266, 207.
- ⁵² АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1856 – 1858. Д. 977. Л. 150.
- ⁵³ Лященко Л.Н. Царь-освободитель: Жизнь и действия Александра II. М. 1994. С. 223.
- ⁵⁴ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 332.
- ⁵⁵ Acte... Vol. 4. P. 126.
- ⁵⁶ Ibid. Vol. 6. P. 343 – 346.
- ⁵⁷ Xenopol A.D. Op. cit. P. 41.
- ⁵⁸ Acte... Vol. 6. P. 409 – 416.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1857. Д. 105. Л. 216; Ф. Канцелярия. 1857. Д. 143. Л. 665 – 666.
- ⁶⁰ Там же. Ф. Консульство в Бухаресте. 1856 – 1858. Д. 977. Л. 17.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 828. Д. 298. Л. 14.
- ⁶² Русский вестник. 1858. Март – апрель. С. 416, 427.
- ⁶³ Ricker T. The Making of Roumania. L., 1931. P. 166; Suppl. extraordinaire au Journal de St. Petersbourg. 4(16) oct. 1858. Prot. N 1; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856. Д. 116. Л. 146.
- ⁶⁴ Текст Парижской конвенции 1858 г. см.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1909. Т. 15.
- ⁶⁵ АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. 1858. Д. 628. Л. 96 – 99.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1858. Д. 1529. Л. 90, 121.
- ⁶⁷ Там же. Л. 225; Ф. Консульство в Яссах. 1859. Д. 1529. Л. 125, 683.
- ⁶⁸ Отечественные зап. 1859. № 6. С. 27.
- ⁶⁹ Чертан Е.Е. Русско-румынские отношения в 1859 – 1862 гг. Кишинев, 1968. С. 150.

На страже интересов турецких христиан

Главный позитивный итог первых послевоенных лет — выдворить Россию с Балкан не удалось, а противостоявшая ей коалиция развалилась. Великобритания и Австрия не сумели извлечь тех выгод, которых раньше пытались достичь оружием, а именно — «полностью уничтожить (плоды) вековых наших трудов на Востоке, обеспечить абсолютное порабощение христиан и освятить угнетательский режим турок». После войны Горчаков по необходимости уделял много внимания Дунайским княжествам, следовало предотвратить здесь прочное утверждение Вены и Высокой Порты. Существовало, однако, твердое убеждение, что рассчитывать на превращение их в опору России на Балканах при чуть ли не поголовной ориентации местной элиты на Францию не приходилось.

Министр вновь и вновь обращался к анализу ситуации на Балканах и ничего, напоминающего послевоенное успокоение, не находил: «Повсюду на Востоке пробуждается чувство национальности. Это наш лучший помощник, все эти нации станут все более и более враждебными к константинопольскому режиму», — докладывал К.М. Базили¹. У румын, пробивших первую брешь в системе Парижского мира, нашлось много подражателей. Внимание Горчакова привлекал в первую очередь узел проблем, связанных с Черногорией, Боснией, Герцеговиной и Сербией.

Черногория — маленькая страна (всего 100 тыс. жителей), не подчинившаяся Высокой Порте, сумела отстоять фактическую независимость в условиях почти не прекращавшихся столкновений с турками. Каждый черногорец был воином, не расстававшимся с оружием, он сражался в составе рода, и смерть на поле брани приносила ему славу. Православная церковь освящала эту вечную борьбу и служила

духовной опорой в противостоянии с турками, не случайно вплоть до 1852 г. страну возглавлял митрополит – владыка не только духовный, но и светский. Вполне закономерно Черногория попала в поле зрения российской дипломатии как возможный форпост на Балканах. Отвечая на ходатайство митрополита Данилы Петровича-Негоша, Петр I взял страну под свое покровительство и установил ей ежегодную субсидию, на первых порах скромную. В Петербурге сознавали: «Черногория – зерно славянской независимости среди областей Турции», своего рода маяк для других².

В плане экономическом и социальном страна находилась в состоянии, казалось бы, беспробудной отсталости: пережитки родоплеменного строя, натуральное крестьянское хозяйство на бедной, скалистой почве, регулярно повторявшиеся неурожаи, часто посещавший деревенъки голод, отсутствие выхода к морю – безотрадная картина бытия. ТERRITORIALНОЕ расширение в сторону Адриатики стало условием выживания маленького народа.

Босния и Герцеговина лежали на порубежье с владениями Габсбургов, и в XVII – XVIII столетиях неоднократно становились полем сражений между австрийцами и турками. Их стратегическое значение побуждало Высокую Порту уделять особое внимание прочности здесь своих позиций; отсюда – курс на исламизацию славянского (сербского) населения, что и удалось частично осуществить. Получилась палка о двух концах, к обычному в империи антагонизму крестьянин (райа) – помещик добавились противоречия христиан с привилегированной мусульманской прослойкой. В добавок ко всему участвующие во время войн контакты с христианской Европой усилили тягу к освобождению. Босния и Герцеговина являлись поэтому зоной частых и продолжительных волнений. Не была исключением и эпоха Крымской войны. Население выражало недовольство третиной (оброком в пользу помещиков-мусульман). В Герцеговине жестокости губернатора Дервиша паши накалили обстановку. В 1857 г. жители в массовом порядке отказывались платить подати, занимали пустующие земли, принадлежащие казне, прогоняли представителей властей и создавали местное самоуправление. Герцеговинцы выразили желание присоединиться к Черногории, оттуда в помощь повстанцам прибыли 6 тыс. юнаков. Князь Данила под давлением консультов Великобритании и Австрии провозгласил нейтралитет, но не думал его соблюдать и побуждал православное население переходить под его подданство. Порта перешла к дейст-

виям, губернатор Васиф паша приписал волнения подстрекательствам черногорцев и потребовал их ухода из Герцеговины. Против выступили консулы России и Франции, на балканской земле их антанта функционировала. Князь Данила в качестве условия урегулирования поставил разграничение с Османской империей, присоединение к Черногории некоторых герцеговинских земель и предоставление ей выхода к Адриатическому морю, без этого Черногория – тело без души. Само по себе требование проведения государственной границы в скрытой форме означало признание независимости Черногории. Чтобы избежать этого, Стамбул настаивал на признании горной страной верховной власти султана, что было неприемлемо для Цетинье, не понравилось бы в Петербурге, но не встретило возражений в Париже.

В апреле 1858 г. черногорское войско и повстанцы разгромили у Грахова карательную турецкую армию. Горчакову удалось предотвратить османскую месть. Он подвигнул Луи Наполеона на вмешательство в конфликт, две державы припугнули Порту угрозой признать независимость Черногории и добились от нее прекращения военных действий. Турок тоже удалось одернуть, а заодно и Вене насолить. В связи с совместными русско-французскими демаршами Сент-Джеймский кабинет охватила тревога и он выступил с инициативой посылки комиссии для решения проблемы турецко-черногорского разграничения. Тотчас испуг воцарился в Вене и Стамбуле: коллективное вмешательство в конфликт Турции – Черногория «означало признание их двумя независимыми друг от друга воюющими сторонами». Высокая Порта молча отказалась от своих требований: «Ее агрессивные аллюры выявили лишь ее бессилие, никаких иллюзий в Европе по этому поводу не существует. Турцию рассматривают как тело с парализованной головой, в то время как жизнь еще теплится в членах», – торжествовал Александр Михайлович. С помощью Франции удалось добиться благоприятного разграничения: к Черногории отошел район Грахова и Никшичская жупа, но к морю пробиться не удалось³. Большая часть Герцеговины осталась под властью Турции. Повстанцы в Боснии сложили оружие. Порта пошла на некоторые налоговые послабления.

Умиротворение длилось недолго. Очередной неурожай довел население до отчаяния. Надежды на губернатора Осман пашу, родом славянина, развеялись. Боснийские четы формировались в Сербии. Попытка восстановить турецкую власть в примыкавших к Черногории герцеговинских селах,

ликидировать здесь местное самоуправление, жестокости, чинимые иррегулярными османскими частями, бashiбузуками, вызывали протесты. Раздавались требования разрешить местным жителям ношение оружия. Тайным центром движения оставалось Цетинье. При таинственных обстоятельствах на австрийской территории погиб князь Данила (1860). Его преемник, юный и тогда неопытный Николай, по совету держав провозгласил нейтралитет, оставшийся чистой формальностью: прибывавшие на помощь повстанцам добровольцы из княжества были одеты «под герцеговинцев».

Маскарад продолжался недолго. Николая вывели на чистую воду. Отчаянная удаль славян потрясала: «Горсть повстанцев шесть месяцев сопротивляется регулярной армии в 30 с лишним тысяч человек. Наверное, если такое положение вещей сможет продержаться, это послужит сигналом упадка и может означать окончательное падение Османской империи» (из Отчета МИД за 1861 год). Но все же в полный успех инсургентов Горчаков не верил: у черногорцев — 12 тыс. бойцов, не ведающих даже азов военной организации, «позволить им вовлечься в подобное предприятие — значит обречь их на бессмысленную бойню». Спасти их может только вмешательство России, но тогда — большая война?!

Представители держав с редким единодушием хлопотали и в Стамбуле, и в Цетинье в пользу мира. В апреле 1861 г. они добились у Высокой Порты согласия на образование комиссии по Герцеговине. Достичь цели не удалось. На попытки сераскера Омера паши восстановить власть Порты повстанцы ответили требованием присоединения их земель к Черногории. Князь Николай открыто вмешался в события, отряд во главе с его отцом воеводой Мирко Петровичем вторгся в Герцеговину. Но неравенство сил и раздоры в антиосманском лагере сделали свое дело, повстанцев преследовали неудачи, и Николай согласился на замирение на тяжелых условиях, предоставив туркам право разрезать территорию княжества дорогой между крепостями Спуж в Албании и Никшич в Герцеговине и расположить вдоль нее османские гарнизоны. Горчакову удалось заручиться поддержкой французов и добиться отмены пагубного решения.

Итог был тяжелым и одновременно впечатляющим: с одной стороны, черногорцы потеряли 2 тыс. человек убитыми и множество ранеными, турки — около 22 тыс. Театр военных действий подвергся опустошению. С другой стороны, движение солидарности охватило Далмацию, Хорватию, Венгрию, Сербию, из австрийских владений прибыло около

3 тыс. добровольцев, из России поступило 20 тыс. талеров пожертвований. По словам консула К.Д. Петкевича, «едва заметная на карте Черногория сделала последнею воиною большой пролом в дряхлом здании Турции»⁴.

Особое внимание ведомство на Певческом мосту уделяло Сербии — за ней будущее, она «должна стать точкой опоры в сопротивлении славянских народов посреди неизбежных осложнений в этой части Европы». По балканским масштабам княжество являлось крупным образованием (38 тыс. кв. км. территории, 1,2—1,4 млн жителей) и обладало международно признанной автономией под «общим ручательством» участников Парижского конгресса. Турция не имела права вводить свои войска в ее пределы. Тут Россия стояла на страже и никогда не допустила бы подобного вторжения — одним словом, Сербия представлялась самым подходящим центром сопротивления османскому господству и подготовки к его свержению. Правда, на землях Сербии располагались шесть турецких крепостей — Кладово, Смедерево, Шабац, Сокол, Ужице и твердыня Калимегдан в центре Белграда, что обеспечивало Высокой Порте стратегический контроль над княжеством и мешало накоплению и деятельности освободительных сил⁵.

Сербские земли с XVII в. превратились в арену противоборства Османской империи и христианской Европы, в 1718—1739 гг. Белград входил в состав Габсбургских земель, в начале XIX столетия сербы в двух восстаниях и с помощью России добились возрождения своей государственности, хотя в ограниченно автономной форме и лишь на части национальной территории. В 1844 г. Илия Гарашанин выработал великосербскую программу (Начертание), предусматривавшую расширение княжества за счет Боснии, Герцеговины, Черногории и Северной Албании. Идейно-психологически сербское общество было готово выступить объединителем балканских и прежде всего южнославянских сил.

Мешал полный разлад внутри страны. Так называемые уставобранители, сторонники олигархической конституции (Устава 1838 г.), и князь Александр Карагеоргиевич боролись за власть. Последний, утрачивая позиции, видел возможность удержаться на троне в поддержке Вены и превратился в «послушного проводника австрийского влияния». Свято-Андреевская скупщина (1858—1859) потребовала отречения Александра. Тот скрылся в крепости Калимегдан, что население восприняло как «моральное отречение», бег-

ство под крыльышко турок покрывало имя князя несмыываемым позором. Скупщина сместила Александра с престола; но возвращенный ею в страну 80-летний Милош Обренович с его деспотическими замашками никак не устраивал российскую дипломатию: он руководствуется «несовременными правилами», его окружение не внушает доверия⁶. Старца, правда, удалось отговорить от мести сторонникам Карагеоргиеvича, и в 1860 г. он скончался, так что державы не успели перессориться по поводу его кандидатуры. Ему на смену пришел сын Михаил, личность крупная, оставившая заметный след в балканской истории.

Михаил объявил амнистию и нанес визит в Петербург, сразу найдя общий язык с Горчаковым: «Упорядоченное и прогрессивное правление сосредоточено в руках просвещенного князя, способного действовать взвешенно и прислушиваться к добрым советам». Видимо, Александр Михайлович диктовал эти слова для отчета министерства за 1860 г. с особым удовлетворением, ибо от восстаний, волнений и столкновений в регионе кружилась голова. Михаилу посудили заем в 200 – 300 тыс. червонцев⁷.

Князь укрепил личную власть, в чем встретил полное понимание со стороны Петербурга и Парижа. Он поставил государственный совет под свой контроль, превратил скупщину в совещательный орган и ввел закон о всеобщей воинской повинности для мужчин с 20 до 50 лет. Высокая Порта нервно реагировала на образование народного войска, гарнизоны турецких крепостей вели себя провокационно по отношению к жителям. Сербы оскорблений сносить не привыкли, стычки с турками не прекращались. В июне 1862 г., во время одной из них, был убит мальчик, что вызвало бурные протесты.

Белград в то время состоял из трех частей: крепости, примыкавшего к ней и охраняемого османами внутреннего города со смешанным турецко-славянским населением, и внешнего города, в котором проживали одни сербы. Чтобы подавить волнения, комендант Калимегдана учинил с его стен обстрел сербских кварталов, что привело к жертвам и разрушениям.

Вмешались консулы, а затем и послы держав в Константинополе, которые договорились о проведении конференции. Российская сторона к ней тщательно подготовилась, Горчаков вовлек в свои замыслы парижского коллегу Э. Тувенеля и наметил цели, означавшие серьезный подрыв османского сузеренитета: ликвидация пяти турецких крепо-

стей, срытие внешних укреплений Калимегдана, подчинение проживавших в стране турок сербским законам, отказ от требований ограничить численность армии княжества. В то же время Александр Михайлович просил князя М. Обреновича не горячиться: при «нынешнем положении в Европе и на Востоке» для самой Сербии опасно вступать в борьбу, «пределы которой невозможno установить и исход которой нельзя предвидеть»⁸.

На конференции в Канлидже близ Константинополя энергичный посланник А.Б. Лобанов-Ростовский, опираясь на поддержку француза, хоть и не смог реализовать программу-максимум шефа, добился немалых уступок со стороны оппозиционной троицы (Османская империя, Великобритания и Австрия): две крепости, Сокол и Ужице, подлежали срытию, турки «сдали» сербам внутренний город Белград, выведя оттуда свои посты, никакого лимита на численность армии княжества не устанавливалось. Все сознавали, однако, что достигнутое «примирение» долго не продлится.

Сербы спешно запасались оружием, запросы, естественно, поступали в Петербург. Посланец князя Михаила М. Петрониевич договорился здесь о поставке целого арсенала – 39 200 винтовок и 3 тыс. сабель. Но как доставить его в охваченный мятежами регион, не всполошив европейскую дипломатию? Операция развивалась по всем канонам детективного жанра. Сербы добрались до Херсона и, действуя через подставное лицо американского происхождения, получили искомое имущество, оцененное в 328 тыс. руб. Сделали скидку на изношенность и назначили новую цену – 78 тыс. руб., т.е. всего по два рубля за ружье. Поскольку никаких следов оплаты не сохранилось, все имущество, видимо, уступили даром. Власти зажмурили глаза и «не заметили» исчезновения целого арсенала, переправленного в Аккерман, а оттуда через Румынию к месту назначения.

Князь А.И. Кузя повел себя молодцом и не обратил внимания на гремящий обоз (по разным данным, более 300 телег), за что заслужил похвалу Петербурга: «Мы не можем не воздать должное поведению принца Кузы в сложившихся обстоятельствах. Оно было благоразумным, твердым и достойным». Зато господарь получил выговор от Порты, которая потребовала конфисковать транспорт, но князь не дрогнул.

Встревоженные консулы держав в Бухаресте настаивали на том же. Исключение представлял российский представитель Н.К. Гирс, который ничего не замечал и, предвосхищая Станиславского, восклицал «Не верю!» и отвергал всякие

подозрения насчет того, что ниточка тянется в Россию. Ведомство на Певческом мосту также обнаружило полную неосведомленность: «Мы не только не принимали никакого участия в этой операции, но, как и другие кабинеты, не знали о ней заранее». Разразился громкий скандал, Порта, поддержанная дипломатией Англии и Австрии, настаивала на секвестре оружия. Телеграф тогда работал уже исправно, а гремящий обоз неторопливо тащился по тонувшим в ноябрьской грязи румынским дорогам. Следовало спешить, чтобы неведомо чей передвижной арсенал не был конфискован.

Князь Михаил выступил из тени и объявил, что оружие предназначено для законной армии преисполненного миролюбия государства. Горчаков поспешил выразить доверие к его декларации. Вылазку недругов, предложивших сократить численность оной армии до 12 тыс. человек (тогда и 39 тыс. винтовок не потребуются), удалось пресечь, а посыпку турецкого комиссара в Сербию предотвратить. Транспорт благополучно добрался до места назначения⁹.

Немало хлопот державам доставляла Греция – единственная страна на Балканах, имевшая статус независимого королевства. Потребовались девять революционных лет (1821 – 1829), русско-турецкая война и договоренность России, Великобритании и Франции, чтобы на карте появилось королевство Эллинов, и то в сильно урезанных пределах, под властью султана остались Эпир, Фессалия, остров Крит, Англия владела Ионическим архипелагом. Вопрос о воссоединении национальных территорий на многие десятилетия стал центральным в политической жизни маленькой страны. Мегали (Великая) идея владела умами и сердцами греков. Но и дома забот было хоть отбавляй: три державы-покровительницы посадили на трон в Афинах принца Оттона Баварского. За тридцать лет правления он так и не прижился в стране, оставался чуждым ее нравам и обычаям и проявлял явную склонность к абсолютизму. Его брак с принцессой Амалией оказался бездетным. По конституции наследника престола следовало воспитывать в православии. Братья Оттона, переданные чада католической церкви, переходить в православие не желали, и вопрос о престолонаследии повис в воздухе. Еще одной болезненной проблемой страны стала выплата долгов. Рождение государства сопровождалось предоставлением ему солидного займа, за которым последовали другие, проценты набегали неумолимо, и Греция скатилась в долговую пропасть.

Процесс национального возрождения проходил мучительно трудно. Греки попытались воспользоваться Крымской войной для присоединения к королевству Эпира и Фессалии, где вспыхнули восстания. Британцы и французы обошлись с ними круто, высадили в Пирее десант, и Оттон пошел на уступки, провозгласив нейтралитет и назначив кабинет, прозванный за послушание «правительством оккупации». Турецкие войска расправились с повстанцами в Эпире и Фессалии.

Монархия была зоной никем не оспариваемого влияния «морских держав». Горчаков поэтому мог укреплять российские позиции, демонстрируя свое бескорыстие, чем он и не преминул воспользоваться. Знаменитый сентябрьский циркуляр 1856 г. содержал требование эвакуации оккупантов из Греции. Князь тонко иронизировал в нем насчет лицемерия кабинетов Лондона и Парижа, которые в войне против России «избрали девизом уважение прав и независимости правительств», и сами же растоптали эти принципы в Греции¹⁰. В феврале 1857 г. англо-французские войска покинули Морею.

Болезненным оставался вопрос выплаты долгов. Созданная для их взыскания комиссия трех держав фактически установила контроль над финансами страны и даже ее администрацией, давала распоряжения, смахивавшие на диктат, вызывала для доклада чиновников, требовала предоставления справок и таблиц; короче, по словам посланника А.П. Озерова, разбирала «по косточкам» систему управления, занималась анализом, «по меньшей мере неделикатным, ценности действующих законов». Горчаков имел коммиссию «гнусной» и задачей Озерова в ней считал ограничение ее полномочий. Министр напутствовал посланника пожеланием: «Дадим Греции жить ее собственной жизнью». Тому мало что удалось сделать, комиссия определила сумму причитавшихся ежегодно платежей в виде процентов в 900 тыс. фр., втрое больше той, на которую рассчитывали греки.

В 1858 г. Оттон отметил 25-летие своего царствования. Король уже давно опостылел грекам, и они жаждали от него избавиться. В близкой Италии происходили судьбоносные перемены, ходили слухи о высадке гарibalдийцев на Далматинском побережье, волновавшие умы, а проблема воссоединения греческих земель находилась на точке замерзания. Кризис наступил в 1862 г. Оттон, чтобы идти в ногу со временем, провозгласил себя сторонником Мегали идеи.

Ему пришла в голову незадачливая мысль (может быть, ее подсказал кто-то из дипломатов) — объехать вместе с королевой Амалией свои владения, дабы возбудить у населения верноподданнические чувства. Эффект получился обратный: с февраля 1862 г. в городах один гарнизон за другим выходил из повиновения. 10(22) октября восстание вспыхнуло в Афинах, руководили им офицеры, близкие к торгово-промышленным кругам. Повстанцы добивались свержения Оттона и созыва Национального собрания для «организации государства» и избрания нового монарха.

Когда фрегат с августейшей фамилией приплыл к причалам Пирея, собравшаяся на пристани толпа не допустила супругов на берег. Ни один человек не выступил в их защиту. Посланники держав в Афинах на редкость единодушно пришли к здравому выводу: надо признать совершившуюся революцию. Склонились перед неизбежным и кабинеты¹¹. Теперь им предстояло подобрать грекам нового венценосца, и тут у Лондона на руках оказался крупный козырь — Ионические острова, управлять которыми ему поручил Венский конгресс 1815 г.

Общего языка с управляемыми Сент-Джеймскому кабинету найти не удалось, островитяне, люди древней культуры, в колониальном состоянии жить не желали, британского образа жизни не усвоили и в стороне от процесса национального возрождения оставаться не хотели. Управлять архипелагом Британии становилось в тягость. Один из губернаторов, сэр Джордж Янг, рекомендовал аннексировать остров Корфу ввиду его стратегического значения, а остальные отдать Греции. Его бумага, направленная в Колониал-оффис, стала достоянием гласности и вызвала возмущение жителей: архипелагом распоряжаются без их ведома и согласия.

Последнюю попытку наладить диалог с ионийцами предпринял В.Ю. Гладстон. В 1856 г. он, к всеобщему удивлению, занял пост верховного комиссара островов, по общему мнению, для него слишком незначительный. В литературе высказывается следующее предположение: Гладстон, среди прочих своих занятий, занимался и богословием, интересовался историей религии, написав на сей счет книгу (правда, специалисты ее ценность оспаривали). В частности, он занимался изысканием корней Библии в гомеровской Греции. Так что, быть может, Гладстона к средиземноморским берегам привел интерес к истокам христианства.

На острове Корфу великий государственный муж потерпел полнейшее фиаско, биографы описывают этот этап его

жизни, не скрывая иронии: «Миссия с самого начала носила на себе налет комической оперы». Администратором «народный Вильям» оказался никудышным. При встрече губернатора был выстроен почетный караул, но тот не догадался обойти строй солдат и застыл на месте с приветливой улыбкой на устах и рукой, прижатой к сердцу, чем вызвал презрение офицеров. Гладстон был помешан на экономии государственных расходов, доходя до мелочности. Так, он приказал клеркам соскрабать адреса с приходящих писем, дабы вторично использовать конверты. Зачем-то ему понадобилось вызвать некоего чиновника из Италии. Тот не нашел попутного судна и зафрахтовал целый пароход, на коем и прибыл на Корфу, пустив по ветру всю накопленную по пенни экономию.

Гладстон объездил все острова, посетил Афины, где обедал в обществе королевской четы, побывал на побережье Албании. Здесь его привела в крайнее раздражение охрана, непрерывно стрелявшая в воздух. Впечатление от всего виденного у достопочтенного мистера Вильяма сложилось яркое, но не сказать, чтобы положительное: «Кругом — праздность, упадок и стагнация. Образа Божия как бы и нет нигде. Но много дикого и живописного». Установить контакты с населением ему не удалось, интереса к Гомеру он не обнаружил. Он был органически не способен понять неспешный ход жизни южан и именовал ее «полнейшей и самодовольной ленью». Его попытки изменить кое-что в статусе островов прошли незамеченными, местное собрание внимания на них не обратило, а приняло резолюцию о единодушном желании объединиться с Грецией¹². В 1859 г. стороны расстались без слез и сожаления. Провал миссии Гладстона стал веским аргументом в пользу мнения, что с архипелагом пора расстаться. Но по всем дипломатическим канонам сделать это следовало с выгодой для себя. После свержения Оттона появились шансы на возвращение в Элладе отпрysка королевского дома в лице принца Альфреда, которого Национальное собрание в Афинах избрало монархом вопреки попыткам российской стороны сосватать грекам герцога Лейхтенбергского. Но Петербург и Париж заняли непримиримую позицию в отношении англичанина, да и сам Альфред раздумал переселяться на вечно мятеjные Балканы. Форин оффис пришлось объявить отбой, сославшись на «дипломатические обязательства и другие важные обстоятельства». Державы продолжали поиск и остановились на нейтральной кандидатуре датского принца Вильгельма Глюксбурга, брата

принцессы Уэльской Александры. Другая его сестра, Дагмар, впоследствии вышла замуж за наследника-цесаревича Александра Александровича и превратилась в великую княгиню Марию Федоровну. При коронации датчанин из пяти своих лютеранских имен выбрал наиболее приемлемое для греков — Георг. Во время посещения Петербурга он увлекся великой княжной Ольгой Константиновной и предложил ей руку и сердце. Греки тепло встретили православную принцессу. Королева Ольга всегда оставалась горячей русской патриоткой, и между двумя дворами Петербурга и Афин, помимо официальных, поддерживались семейные связи.

С вхождением Ионических островов в состав Греции в последний момент возникли затруднения: Вена и Лондон потребовали снести выстроенные на них форты и объявить архипелаг нейтральным. Греки восприняли демарш с обидой: разрушить укрепления в центре столицы на острове Корфу невозможно, не повредив окрестных зданий. Король Георг сетовал на свое трудное положение: у него нет ни армии (видимо, греческую он за таковую не считал), ни флота, ни денег, одни долги. Он просил оставить форты в покое, и они потихоньку обветшают. В договоре о передаче Ионических островов королевству Эллинов обидный пункт не значился, и к великому торжеству греков в 1864 г. над островами архипелага взвился бело-голубой флаг с крестом*.

* * *

Первые годы управления А.М. Горчаковым министерством — самые напряженные и результативные. Вражеская коалиция лежит в обломках. Монархи жаждут свидания с Александром II, Горчаков — один из первых сановников империи. Он пользуется полным доверием царя, о чем свидетельствует резолюция на отчетном докладе МИД за 1859 год: «Читал с удовольствием и искренне благодарю за постоянные и неустанные труды Ваши». В политической жизни страны он примкнул к «константиновцам» (Д.Н. Блудову, М.И. Ростовцеву, С.С. Ланскому, Д.А. и Н.А. Милутиным), сторонникам умеренных реформ, в первую очередь отмены крепостного права, группировавшимся вокруг великого

* В Болгарии в это время развернулась борьба за национальную автокефальную церковь. Пик ее пришелся на последние годы и, чтобы не нарушать целостности изложения, мы остановимся на связанных с ней событиях в следующей главе.

князя Константина Николаевича, — личности выдающейся и до сих пор не нашедшей должной оценки в отечественной историографии.

«Своим» министерством, особенно в годы, когда еще не подступила старость, Горчаков управлял властно и очистил его от лиц, считавших службу синекурой. Его самостоятельность на фоне царившего перед престолом низкопоклонства одних поражала, других восхищала. Известно, что он четырежды отклонял угодные Александру кандидатуры на пост посланника. Такого при Нессельроде не водилось. С лицейских лет оберегаемое чувство собственного достоинства способствовало его независимому поведению на высоком посту. Критически ко всем настроенный мемуарист, князь П.В. Долгоруков восторгался этой присущей Горчакову с молоду чертой: «Когда весь служащий мир кланялся Нессельроде и ползал перед Бенкендорфом, Вы держали себя благородно в отношении и того, и другого»¹³.

Как уже говорилось, внешнеполитический курс Горчаков определял единолично, хотя и придавал своим решениям вид указаний, исходивших от императора. В первые годы он терпел подле себя в качестве товарища (заместителя) министра вполне бесцветную фигуру, графа И.М. Толстого, личного друга и собутыльника царя на охоте. У ретроградов (стародумов, по терминологии П.В. Долгорукова) имелись наготове кандидатуры на случай замены Горчакова. В качестве таковых фигурировали то П.К. Мейendorf, то А.Ф. Будберг, — а вдруг на князя падет монаршья немилость? И это следовало иметь в виду.

Своего штаба или мозгового центра в ведомстве у князя не было. В этом сказывалась и сила его, и слабость, наличие концептуального мышления, с одной стороны, замкнутость, самомнение и честолюбие, переходившее в тщеславие, — с другой. В свои «товарищи» после Толстого он выбрал начальника министерской канцелярии, вполне заурядного В.И. Вестмана, домогавшегося, но так и не получившего пост посланника. Способный исполнитель его предначертаний барон А.Г. Жомини слыл умелым составителем нот и депеш. В 70-е годы, когда груз лет давал себя знать и Александр Михайлович, случалось, большую часть времени проводил на немецких курортах, Жомини и Н.К. Гирс вели текущие дела в ранге товарища ministra.

Отмечая присущую Горчакову привычку к самолюбованию, поклонник его таланта Федор Иванович Тютчев в узком кругу называл его «Нарциссом собственной чернильницы»

(хотя Горчаков писать не любил, обладал отнюдь не каллиграфическим почерком, свои депеши диктовал и, стало быть, нечасто брал в руки перо). Ему подобрали своего рода писаря, писавшего по-французски, некоего Андрея Федоровича Гамбергера, по свидетельству мемуариста, «фигуру унылую и непривлекательную». Зато он был «нем как могила; все, коснувшееся его слуха и взора, замирало в нем и не выходило наружу; затем это была сама аккуратность, мелкая, щепетильная, которую ни днем, ни ночью нельзя было застигнуть врасплох; услужливость его не знала границ». Горчаков обрел в нем идеальное перо, потому не оставлял своими заботами, Гамбергер исправно получал чины и ордена и завершил карьеру на посту, достойном и спокойном, почти что сонном — посланником в Швейцарии (где разве что следовало следить за эмигрантами-революционерами). Здесь же Андрей Федорович отдохнул от тяжкой службы подле Горчакова, который вызывал его к себе даже по ночам, в часы бессонницы. Сам страдальц сравнивал тогда свою жизнь с участью невольника на американских плантациях.

В трудном положении Горчаков оказывался тогда, когда требовалось опубликовать тот или иной важный документ в «Северной пчеле». Русский язык не был сильной чертой писавшего и даже мыслившего по-французски персонала министерства. Толкового переводчика, способного литературно изложить текст на родном языке, приходилось искать на стороне¹⁴.

Покорный общему течению, сам Горчаков, даже в семейной переписке, перешел на французский. Любопытно начало его письма А.Н. Пещурову из Штутгарта (1848): «Любезный дядюшка, от всей души благодарю и вас, и отечественный язык, которому обязан четырьмя добрыми от вас страницами. По службе я не употребляю его уж тридцать лет, но не перестаю и думать, и чувствовать по-русски». Но после этого Александр Михайлович перешел на привычную иностранщину.

Пройдя горнило первых испытаний, став хозяином ведомства, Горчаков принялся наводить порядок в аппарате: сократил штат, уволил заведомых бездельников и, чтобы закрыть доступ в МИД людям случайным или явным карьеристам, восстановил (1858) забытое после Екатерины II правило о сдаче абитуриентами экзамена. Непременным условием являлось высшее гуманитарное образование. Поступавший должен был «выражаться свободно и быть в состоянии выражать свои мысли правильно и ясно» по-русски и по-

французски, проверялись также знания по истории России, международным отношениям и праву. Преимуществом пользовались лица, знавшие второй иностранный язык. Ко всему этому прилагалось свидетельство о принадлежности к дворянству, справка об имущественном состоянии и клятвенное обещание о сохранении государственной тайны.

Горчаков освободил ведомство от несвойственных ему функций, избавившись от экспедиции церемониальных дел, цензуры политических статей, перевода материалов для других учреждений. Зато шифровальному делу уделял особое внимание, что отражалось даже на материальном положении сотрудников, им предоставлялась казенная квартира, ибо «занятия означенных чиновников требуют уединения», а за раскрытие какого-либо иностранного шифра следовала прибавка к жалованью. Технический персонал в штат министерства не входил и оставался без пенсий, премий и квартир. Усилиями князя аппарат ведомства к 1868 г. был сокращен с былой цифры — 306 сотрудников до 132 плюс 45 нештатных. Для оперативной работы были открыты дипломатические канцелярии в Варшаве, Тифлисе и Ташкенте. В положении о министерстве особо говорилось «о покровительстве в чужих краях русской торговле и вообще русским интересам» и защите «подданных империи за границей»¹⁵.

Горчаков вспомнил и о другой инициативе Екатерины II — публикации важнейших донесений о внешних сношениях (при ней не воплощенной в жизнь). В 1874 г., ровно через сто лет после соответствующего реескрипта великой государыни, вышел в свет первый том фундаментального издания «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россию с иностранными державами», под редакцией профессора Федора Федоровича Мартенса. Научное значение публикации до сих пор незыблемо. Многие тома «Сборников Императорского русского исторического общества» содержат указание на то, что материалы для них предоставлены князем. В 1861 г. стал выходить «ежегодник» министерства¹⁶.

Видимым знаком признания заслуг А.М. Горчакова на государственном поприще явилось присвоение ему в 1862 г. чина вице-канцлера.

* * *

А взоры первого вельможи империи были устремлены на Балканы. Надежда на то, что Россия сумеет подвигнуть «Европу» на реформистскую стезю, испарилась. Князь сознавал — достигнуты частные успехи, удалось добиться локаль-

ных улучшений: «На практике мы не замедлили убедиться в невозможности совместных акций, при том, что турки умело используют непрекращающиеся разногласия между державами». Наступило разочарование в сотрудничестве с Францией. Луи Наполеон явно пытался выступить в альянсе в роли всадника, использовать Россию как лошадь. В документах министерства полно жалоб на «авантюристические аллюры» его «непредсказуемой политики», на его двойную игру, на «фантазии его окружения». Россияне держались настороже и не позволили втянуть себя в австро-французскую войну 1859 г. Победа в ней еще более возвысила парижского высокочку и заставила вздрогнуть соседей. Но оппозиция во Франции не складывала оружия, и опору своей весьма зыбкой власти он усматривал в дружбе с Великобританией. Мечта о том, что удастся посеять рознь между морскими державами, улетучилась. Отчет министерства за 1861 г. составлен в унылых тонах: Россия «не питает ни иллюзий, ни доверия к практической ценности антанты с императором французов», «наше согласие с Францией должно основываться на полной взаимности, цепи мы принять не можем»¹⁷. В 1859 г. Горчаков приложил максимум усилий, чтобы воспрепятствовать перерастанию войны в общеевропейскую, — успокаивал Берлин, советовал французам опровергать обвинения в том, что они собираются перекроить карту Европы по своей воле, отвращал Высокую Порту от «непродуманных мер» в отношении христиан, могущих еще более обострить обстановку.

Бонапарт был разочарован — Россия не желала бежать пристяжной в его колеснице: «Мы не можем не признать, что иллюзии, питаемые императором Наполеоном относительно нашей позиции, посеяли в его уме зерно недоверия», — так изящно выражался Александр Михайлович по поводу явного охлаждения в отношениях между союзниками¹⁸. Завоевательный поход в Индокитай, авантюра парижского парвеню в Мексике по-человечески изумили российских сановников, но непосредственно интересов державы они не затрагивали. Иное дело — упражнения с «принципом национальности» в Италии и на Балканах, и все в свою пользу. Чуть ли не массовая деградация князей на Апеннинском полуострове в процессе объединения Италии (1859—1861) глубоко задела монархические чувства двух Александров, Романова и Горчакова, установление вполне профранцузского режима в Дунайских княжествах не радовало: «Не отрицая плодов, которые принесли нашей стране

совместные действия на Востоке, мы эквивалента не получили. Во всех без исключения случаях французское правительство не принесло в жертву ни одного из своих интересов¹⁹.

Несмотря на разочарование, развода не произошло. Бонапарт был кровно заинтересован в сотрудничестве с Россией; даже в минимальном, с его точки зрения, варианте, в 1859 г. благожелательный нейтралитет России позволил ему один на один расправиться с Австрией. В предстоящей схватке с Пруссией позиция Петербурга имела колоссальное значение. По поводу пересмотра ненавистных партнеру статей Парижского мира 1856 г. он ограничивался туманными, ни к чему не обязывающими намеками, но вообще ни в чем не способствовал союзнику он не мог, и сотрудничество двух держав на Балканах о том свидетельствовало.

А партнер не рвал узы от сознания безысходности — с кем же тогда, если не с Францией?

Прежняя непримиримость в трактовке позиции Вены постепенно смягчалась. Война 1859 г. показала, что, рассорившись со старым союзником, Россией, она не проторила путь к сотрудничеству с Западом. Неблагополучная обстановка сложилась в самой монархии. С венграми договориться не удавалось. В Пеште в 1859 г. состоялась демонстрация «в честь» австрийских поражений на поле боя. В Праге произошло братание с солдатами-мадьярами стоявшего там полка (совсем невиданное дело!). Вене пришлось несколько притушить свою активность на Балканах, стало не до новых сфер влияния, абы сохранить старые. С австрийской стороны начались демарши, которые российское МИД расценивало как заманивание в старые сети. На первых порах они были отвергнуты, но червь сомнения уже подтачивал умы в Петербурге.

В Италии только что были низвергнуты троны в Неаполе, Модене, Тоскане, Парме. Подобная игра в «принцип национальностей» представлялась чрезвычайно опасной: «Нетрудно обнаружить за фасадом политического движения национальностей (...) наступление социальной революции по пути низвержения властей и исторических прав». Австрия же «занимает в европейской системе на наших границах, в ситуации крайнего смешения рас, важное место, которое, в случае (ее) падения, не может не вызвать опасной пустоты». Таких речей «после Крыма» не велось, Горчаковставил себе в заслугу то, что в 1859 г. Петербург не поддался на соблазн ударить по коварной изменнице с тылу: «Во время итальянской войны судьба Австрии находилась в наших руках. Мы

доказали ей, что ее существование является в наших глазах необходимым условием политического равновесия».

И наряду с этим — констатация насчет «инстинктивного стремления» Вены «задушить мусульманским гнетом»²⁰ стремление славян к независимости, которое не прошло, разве что возможности пошатнулись, с ней не до сотрудничества, надо держать ухо востро!

Известные корректизы были внесены в оценку отношений с Англией, появилась точка соприкосновения интересов с нею, о чем говорилось в отчете за 1861 г. (с осторожным добавлением: на этот час): «Для британской политики важно избежать в Европе насильственных потрясений», в том числе революционных. Британия — против всяких пертурбаций в Европе, и подобная предрасположенность отвечала российским устремлениям.

Либеральная Англия в принципе не отвергала преобразований на Балканах и даже приветствовала их, но с одним непременным и крайне досадным условием. Премьер-министр Г.Д. Пальмерстон, размышляя Горчаков, «признает полезность реформ, предлагает, дает советы и поддерживает их» (реформы), но с добавлением, сводящим все на нет: Высокая Порта должна выразить на них свое согласие, никакого давления на нее не допускается. Увы, досадовал князь, Сент-Джеймский кабинет считает турок единственным элементом, на который можно опереться. Справедливо или нет, но в Англии полагают, что «освобождение христианских рас обеспечит нам опасное преобладание на Востоке».

Разумеется, парламент и кабинет прилюдно преклонялись перед народовластием и «принципом национальностей», но при этом опасались, что самый пламенный его поборник Луи Наполеон доиграется до большой войны. Осуждали они и совершаемые под его прикрытием подозрительные сделки. «Приобретение» Ниццы и Савойи произвело на берегах Темзы удручающее впечатление. Королева Виктория негодовала: «Мы кругом обмануты — возвращение к английскому союзу, всеобщий мир, уважение договоров, торговое братство — все это одна личина, чтобы прикрыть перед Европой политику разбоя»²¹. Недовольство Сент-Джеймского кабинета Наполеону удалось смягчить чрезвычайно выгодным для того торговым договором.

Горчаков вознамерился использовать легкую тень, набежавшую на англо-французские отношения, чтобы подвигнуть обитателя Тюильри к большей самостоятельности на Балканах и проведению здесь согласованного с Россией кур-

са. Волнения в 1859 – 1860 гг. охватили Боснию, Герцеговину, Македонию, Фессалию, Эпир. Посол П.Д. Киселев начал хлопоты. Его зондаж на Кэ д'Орсе привел к разочаровывающим результатам: министр Э. Тувенель связал Восточный вопрос с итальянским, предложил Венецию отдать Италии, а Австрию компенсировать побережьем Адриатики и вдобавок «лично от себя» (!) посоветовал России приобрести Батум, что взваламутило бы всю Европу. Горчакову пришлось отвращать своего парижского коллегу от взрывоопасных комбинаций.

В мае 1860 г. князь в очередной раз призывал державы сплотиться ради осуществления серьезных реформ в Турции и для начала провести там международное расследование: «Страсти и ненависть не только не улеглись, но и развились с новою силою; проявления насилия, страдания населения, наконец, события на Западе Европы, отзовавшиеся как ободрение и надежда на Востоке, довершили приведение его в состояние брожения»²². Постепенными реформами Горчаков явно рассчитывал отвлечь балканцев от революционных увлечений. Ничего не получилось. Завязалась неторопливая переписка, которой конца-краю не виделось.

«Время иллюзий прошло», – вздыхал Горчаков. В начале 60-х годов удалось немного смягчить обстановку на континенте, но база для совместных действий на его юго-восточной части отсутствовала, опоры обрести не удалось. А на другом полюсе зрели гроздья гнева: «Христианское население, возбужденное во время войны, убаюканное обманчивыми обещаниями (...) пробуждается, проявляя энергию, которую трудно унять», каждая вынужденная уступка для жителей – новый стимул: «Они не удовлетворены ныне тягостным существованием (...) Они жаждут более независимой и полной социальной и политической жизни». Далее шла тревожная констатация: «Их надежду возбуждают теории, существующие в порядке дня на Западе».

Обращение к западным теориям – иными словами, к буржуазно-демократическому конституционному и в целом идеологическому арсеналу, являлось вполне естественным: не на самодержавие же было равняться в поисках образца для подражания! И хотя это грозило подрывом позиций официальной России, Горчаков на грядущую опасность реагировал мягко. Ничего похожего на николаевские приемы образца 1848 – 1849 гг. Поощрять подобные явления – значит «приближать кризис, последствия которого выходят за рамки всякого предвидения». Выступать против них – зна-

чит играть на руку Порте. Остается золотая середина — стоять на страже прав населения, не допуская их ущемления²³.

Высокая Порта попала в положение, которому не позавидуешь, — пойдя по пути уступок христианам, она скомпрометирует себя в глазах мусульман, в противном случае она рискует вызвать пожар, который трудно будет потушить. Ей предстоит сделать выбор между демонстрацией самоубийственной слабости и фатальной борьбой при расстроенных финансах, административном хаосе и отсутствии государственных мужей. И это при наличии очагов сопротивления в Сербии и Черногории, которых поддерживают соседи, — народы проявляют больше энергии, нежели благоразумия.

Далее следует констатация: «Трудно будет воспрепятствовать всеобщему пожару во всех этих странах»; если же к ним на помощь придет Россия, последует вмешательство Европы и начнется «война, размах и последствия которой не предсказуемы», от чего избави Боже! Поэтому «всякий взрыв, помешающий размеренному движению, явится, по нашему мнению, злом для них самих (т.е. балканцев. — В.В.), для нас и для Европы».

Через два года убежденность в пагубности взрывоопасного курса окрепла. «Частные изолированные восстания обречены на поражение», о чем свидетельствовал опыт. Открытое же вмешательство в события России поднимет против нее всю Европу. И тогда...

Остается действовать в рамках возможного, использовать имеющиеся в Парижском договоре статьи о проведении преобразований, тянуть за собой Францию и одновременно охлаждать горячие балканские сердца²⁴. Прозвучала даже мысль — раз распад Турции чреват хаосом и войной, то пусть она подождет разваливаться: «Наша программа — сохранять Оттоманскую империю столь долго, сколь это возможно, но предвидеть и случай ее развала», но, тут же признавался Горчаков, последствия оного «скрываются в тумане».

Стратегическая линия на сохранение спокойствия в регионе обращала российскую дипломатию лицом к реформам, в возможности которых она уже изверилась: если Османскую империю можно спасти, то лишь «путем постепенного улучшения участия христиан с помощью великих держав», которые, твердил Горчаков, могут сойтись на комбинации, предусматривающей развитие и процветание балканцев под их патронатом. И он двинулся вперед путем проб и разочарований.

В 1860 г. министр предложил образовать международную комиссию, чтобы нелицеприятно разобраться на местах, в каком положении находятся христиане. Европейская печать приписала его инициативу амбициозным российским проектам, турки расценили ее как вмешательство в свои внутренние дела и выразили готовность сами провести анкету. Горчаков сетовал: «Мы настаивали на срочном и энергичном лечении, а все свелось к недостаточным паллиативам». За «лечение» взялся великий везир Мехмед Кепрюлю паша. В итоге после четырех месяцев «обследования» он «вскрыл» отдельные злоупотребления, но в целом счел административную систему замечательной²⁵.

Турки, которых устраивало бездействие, незамедлительно воспользовались отсутствием результатов от коллективных акций на фоне вечных раздоров в «европейском концерте». Горчаков метался в заколдованным кругу: державы — Османская империя — освободительное движение народов. После очередной неудачи он впадал порой в уныние, в его дипломатической переписке появлялись нотки безнадежности, когда придуманная схема разваливалась как карточный домик. Вожди христианского населения перестали верить в то, что поддержка «Европы» может быть эффективной: «Россия — слишком далеко, Австрия — слишком близко, Великобритания — слишком враждебна», и они, говорилось в отчете МИД за 1861 г., «настойчиво просят избавить их от всякого вмешательства». У вождей явно слегка кружилась голова от отдельных успехов, они забывали, что каждый их шаг в расширении прав, даже самый скромный, закреплялся при содействии России и становился реальностью после санкций держав. Горчакову подобные заблуждения были противопоказаны. Он преодолевал уныние и возвращался к поиску комбинаций, хоть в чем-то способствовавших отстаиваемому делу. Нельзя сказать, чтобы усилия его пропали даром, власть Порты не сметалась, как того желали народы, а подтачивалась и слабела, о чем свидетельствовала зримо укреплявшаяся автономия Сербии и Дунайских княжеств. Спонтанные, локальные выступления, по мнению ministra, могли осложнить ситуацию, подведя Европу к порогу войны. Отчаянная удаль черногорцев вызывала смешанное чувство восхищения и тревоги: они сообразуются «со своей храбростью и наследственной ненавистью к туркам больше, чем со своими силами и наличными ресурсами»²⁶. Но серьезную войну на одном энтузиазме не выигрывают, «предоставить их самим себе — значит обрекать их на бес-

пощадную резню». Если турки одержат верх, христиане в своем поступательном движении окажутся отброшенными на четверть века назад, да и Австрия не позволит им победить. Что же делать России? Стерпеть или идти на войну, к которой она не готова, повторить крымский кошмар? Куда ни кинь — везде клин.

В своих расчетах Горчаков исходил из четкого и твердого понимания geopolитической ситуации России и стоявших перед нею задач. Стране для проведения реформ и преодоления цивилизационной отсталости был необходим мир: «Нам не нужны завоевания, мы не собираемся оказывать давления на соседей, мы чужды амбициозных планов какого-либо преобладания, мы не вмешиваемся в чужие дела, мы хотим жить полнокровной жизнью в своей стране, облагороженной и развивающейся в духе высоких мыслей, выраженных императором со дня его восшествия на престол».

«Территориально Россия достигла апогея могущества. Всякий вершок земли, к нам присоединенной, нас ослабляет. Все это видно простым глазом. Но трудно заставить поверить зарубежные державы, и особенно (...) Сент-Джеймский кабинет, в реальность подобного убеждения, разделемого всеми здравомыслящими русскими».

Действовать можно только в рамках железной необходимости. «В течение семи лет, несмотря на возникновение серьезных обстоятельств, прямо связанных с интересами России, голос ее звучал тихо по причине сложившейся ныне ситуации, и лишь тогда, когда молчание было бы равнозначно отказу от достоинства или бы задушило те зародыши, которые необходимо сберечь, чтобы вернуть себе принадлежащее нам место в Европе»²⁷.

Светлые умы — великий князь Константин Николаевич, Горчаков, военный министр Д.А. Милютин — понимали: Россия скатилась в пропасть цивилизационной отсталости, и только экономический рывок на основе социальных преобразований может ее спасти. Вызвести страну из тупика способен лишь дымящийся паровоз. Железные дороги, находившиеся в зачаточном состоянии, стали символом прогресса, только они могли дать толчок развитию промышленности. Крымская война низвергла страну в финансовую яму, государственный долг превышал 800 млн руб., экономили каждый рубль, расходы по военному ведомству не числились в разряде приоритетных. А армия нуждалась в реорганизации и перевооружении, между тем лишь в 1861 г. рутина Сухозанета на посту военного министра сменил та-

лантливый организатор и администратор Д.А. Милутин. Сформулированный князем основной постулат внешней политики гласил: «Поддержание мира в Европе – непременное условие для успеха наших внутренних преобразований»²⁸. Россия не могла позволить себе такую роскошь, как политика чувств. Раздувать балканский костер с перспективой распространения огня на Европу – ни Боже мой!

Что касается боев в Черногории, то, как и следовало ожидать, военная удача переметнулась на сторону турок – с трудом удалось удержать их от похода на Цетинье. Горчаков окреп в убеждении, что возможен лишь осторожный, медленный, эволюционный путь к прогрессу. Локальные, плохо подготовленные выступления будут подавлены и задержат развитие событий в направлении, приемлемом для России, вмешательство ее взбудоражит и без того «единую в антагонизме» к ней «Европу»²⁹. Горькая, но справедливая и ныне звучащая вполне актуально констатация. Однако забиться в угол изоляции означало сойти с международной арены. Горчаков и посол в Париже П.Д. Киселев полагали, что ресурс сотрудничества с Францией еще полностью не исчерпан. Последний принял хлопотать о подписании нового договора на основе обоюдного желания сохранить Османскую империю; стороны свидетельствовали свой отказ от поиска исключительных выгод на ее пространствах и обещали действовать сообща, дабы предотвратить нарушение кем-либо баланса сил и приобретение односторонних преимуществ в регионе; в неопределенном будущем предусматривалось образование в нем национальных государств в этнических пределах и их федерации с центром в вольном городе Константинополе.

Но тут, явно по причине разочарования в дружбе с Бонапартом, обозначилось расхождение во мнениях между Александром II и его министром. Царь качнулся в сторону Пруссии и решил встретиться с дядей, королем Вильгельмом, и поговорить относительно мер против подступавшей со всех сторон, как ему представлялось, революции, агентом которой выступал Луи Наполеон, учинивший – под прикрытием «принципа национальностей» – побоище монархов в Италии. Свидание назначили на октябрь 1860 г. в Варшаве. Император Франц Иосиф пожелал к ним присоединиться, и его просьбу удовлетворили. Все это навевало воспоминания о Священном союзе и погрузило французов в мрачные размышления. Горчакову пришлось давать объяснения: альянс двух держав не погибнет, а осложнения с Францией объяс-

няются ее причастностью к революционным событиям в Италии. Но расчеты Горчакова и Киселева на то, что дыры в отношениях с Парижем удастся залатать, разлетелись прахом.

Александр II встретил приехавшего в Варшаву П.Д. Киселева холодно и даже с раздражением. Прочитав записку о ходе переговоров с Наполеоном, он спросил: «Против кого?», сразу похоронив саму идею примирения. Киселев с горечью констатировал: «Рутина берет верх и заставляет молчать предусмотрительные расчеты разума, не заботясь о будущем, и потом изумляться результатам, которых не сумели ни предвидеть, ни нейтрализовать»³⁰. Старый вельможа скоро вышел в отставку.

В Варшаве монархическая троица вознамерилась потребовать от Парижа не посягать на мир в Европе. Горчакову с трудом удалось умерить ее пыл: он ограничился отправкой графу Ш.О. Морни обтекаемой информации о встрече. А российские военные круги тревожились, опасаясь разрыва отношений между Австрией и Италией, восстаний в Венгрии и Галиции.

* * *

В таких отнюдь не кабинетных условиях князь А.М. Горчаков утверждал свой курс на Балканах. Сугубый реалист, он был противником каких-либо планов раздела «турецкого наследства», чреватых европейским катаклизмом. Не территориальная экспансия в Юго-Восточной Европе, а возрождение в будущем государственности населяющих ее народов. «Что касается западных христианских провинций, мы не думаем, чтобы они желали оказаться под скипетром какой-либо державы: по нашему мнению, они должны сделаться автономными государствами в той форме, которая будет отвечать их нравам и обычаям, и тогда, как мы полагаем, граничащие с ними державы не откажут им в дружеских советах в ходе приобретения опыта нового существования»³¹. Эти размышления относятся к 1866 г., Горчаков опирался в них на богатое наследие, оставленное предшественниками, и на весь уже двухвековой опыт сношений с южными соседями.

Еще Петр I в своем обращении к «турецким христианам» перед Прутским походом 1711 г. – документе, замечательном по прозорливости и проникновению в будущее, писал: «В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и

своих древних и от родителей своих завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предовольно имеем...» Затем следовал важнейший принципиальный постулат о возрождении под российским покровительством попранной османскими завоевателями государственности балканских народов: «...позволим под нашою протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли...»³².

Зарубежные исследователи и по сей день не могут разобраться в побудительных мотивах балканской политики России, ибо меряют ее традиционным аршином государственных интересов и корыстных помыслов. Барbara Елавич посвятила анализу этой политики обстоятельную статью и зашла в тупик: в самом деле, семь войн на протяжении двух столетий, море пролитой крови, и в результате настойчивых «захватнических пополнений самодержавия» — ни клочка балканской земли, лишь исправление границы на юго-западе. Дебет явно не сходится с кредитом. «За это скучное вознаграждение Российское государство уплатило громадную цену». И далее: «Как отсталая страна, Россия не могла позволить себе такие внешнеполитические авантюры». Но позволила. Нашу державу госпожа Елавич уподобила храбому рыцарю, который вырвал прекрасную деву (т.е. Балканы) из лап дракона, но красавица вместо благодарности устремилась к другому возлюбленному (понимай — к Западу), а спасителя (Россию) обвинила в низких побуждениях³³.

Подобный набор понятий для характеристики проблемы «Россия и Балканы» по меньшей мере недостаточен, а значит — ущербен. Важным и неотъемлемым компонентом данной проблемы всегда являлся фактор идеально-психологический, уходившие в древность связи Руси с византийско-славянским миром. Первоначально этот компонент существовал в виде идеи солидарности православного мира, позднее широкое распространение получил филэллинизм и, наконец, по мере ознакомления с реалиями Юго-Восточной Европы пришло осознание славянского единства — «взаимности».

Идея, овладевшая массами, становится мощной материальной силой. В Средние века она подвигала десятки тысяч людей, а не одних только королей и рыцарей на участие в Крестовых походах. На нашей памяти идея «взаимности» привела к возрождению государства Израиль. Пожалуй, ближе всех из западных комментаторов к пони-

манию духовных стимулов балканской политики России в горчаковские времена подошел герцог Аргайл, заявив в 1876 г. в палате лордов, что освобождение балканцев произойдет «благодаря настроениям в России, которые – называйте их сентиментальными, гуманистическими или как хотите – являлись одной из самых могущественных движущих сил в истории».

Освобождение угнетенных православных воспринималось в стране как историческая миссия России. «Что касается Востока, – писал Горчаков, – то, помимо непосредственных и жизненных интересов, которые есть у нас в этом регионе, существуют еще традиции и национальные симпатии, которые небезразличны для нашей политики»³⁴. Присущая дипломатии сдержанность в выражениях не может скрыть того факта, что стены особняка на Певческом мосту не заслоняли от взора Александра Михайловича обуявших общественность страстей, волну солидарности со славянами. При том он, прагматик до мозга костей, был совершенно чужд панславистским мечтам о некоем объединении славян вокруг России, «О величии грядущем Великого славянского царя», которым охотно предавался его друг Федор Иванович Тютчев. Будущее ему рисовалось не в виде креста над Святой Софией в Константинополе, а куда более прозаичным и приземленным и не без сложностей в отношениях между обретшими свободу народами: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от их ига, христиане последуют дорогой своих материальных интересов. Мы для них прежде всего конкуренты, которым нечего продавать и у которых нечего покупать». А тут как тут поспеваю западные партнеры со своими капиталами, товарами и предпринимательским духом. О чем министр здесь умолчал, так это о том, что официальной России нечего было предложить в смысле государственного строя и гражданских прав. С малыми державами в будущем хлопот не оберешься: «Им угрожает внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывающее широкое поле для иностранного влияния»³⁵.

Но пока что – укрепление пошатнувшихся в годы войны связей с ними, поиски новых путей обретения влияния в регионе. Горячим головам, рвавшимся к освобождению славян, программа ministra представлялась слишком обыденной и скромной. Даже в его ведомстве зародилась скрытая оппозиция, группировавшаяся вокруг порывистого, талантливого и харизматического Николая Павловича Игнатьева.

При Николае I, стремившемся поставить под государственный контроль не только общественную жизнь, но даже мысль, о иных формах сношений с Балканами, помимо официальных, церковных и, разумеется, личных, нечего было и думать. При его сыне ситуация изменилась, появились новые виды контактов, при этом не пришлось ничего изобретать. Инициатива, и не случайно, исходила от болгар.

Османская империя с точки зрения государственно-правовой была образованием сложным, если не сказать запутанным. Сербия, Молдавия и Валахия обладали автономией, подтвержденной Парижским миром, Черногория вообще не признавала султанской власти. Иное дело — болгарские земли, которые официально таковыми не признавались, а жители считались «эллинами болгарского языка». Никакими национальными правами болгары не пользовались, управлялись непосредственно из Стамбула. После поражения и ослабления России надежда на ее официальную поддержку если не рухнула, то сильно поскромнела. Поисками новых связей и занялись болгары. 11 апреля 1856 г., т.е. за четыре дня до назначения Горчакова на пост, он получил записку от Найдена Герова, публициста, общественного деятеля, филолога и поэта.

Проситель сетовал на малое число «негласных агентов» России на Балканах: «Насколько мне известно, едва ли не через одного меня поддерживаются некоторые отношения со славянскими племенами». Наряду с увеличением их числа он предлагал «составить общество в видах поддержания церкви, развития вспомоществования бедным соплеменникам нашим». Последовали записки других болгарских эмигрантов в том же духе, адресованные профессору М.П. Погодину, начальнику штаба Южной армии князю В.И. Васильчикову, митрополиту Филарету, директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому. Призывы нашли отклик и в официальных, и в общественных кругах, и дело обошлось без обычной канцелярской волокиты. 26 января 1858 г. Александр II по докладу Горчакова утвердил Московский славянский благотворительный комитет, предоставив ему право непосредственных сношений с Азиатским департаментом МИД («рука» Горчакова очевидна). Вслед за златоглавой подобные комитеты появились в Петербурге, Киеве и Одессе.

Профессор С.А. Никитин писал: «Действовать через официальных агентов не всегда было возможно, и прави-

тельство пошло по пути создания ряда общественных организаций для Ближнего Востока» (т.е. славянских комитетов). С первой частью этого высказывания можно согласиться безоговорочно, но вторая вызывает возражения. Правительство лишь поощряло, но не инициировало образование этих обществ, и возникали они по инициативе снизу, их учредители действовали по велению ума и сердца, а не по указанию сверху. Ибо, как справедливо указывал сам Никитин, первое из них, московское, возникло в результате совпадения интересов южнославянской, в первую очередь болгарской, и российской общественности и правительственные кругов. Образование комитетов нельзя приписать только славянофилам. Достаточно взглянуть на состав инициативной группы «москвичей»: попечитель учебного округа А.Н. Бахметьев, профессора университета С.М. Соловьев, М.П. Погодин, О.М. Бодянский, Ф.И. Иноземцев, Ф.И. Буслаев, А.А. Майков, издатель М.Н. Катков, тогда либерал, славянофилы К.С. и И.С. Аксаковы, А.С. Хомяков, А.В. Рачинский, и тут же – Н.Ф. фон Крузе, директор попечительного тюремного комитета князь Ю.А. Оболенский и советник дворцовой конторы С.М. Сухотин³⁶. Собрались люди, взгляды которых расходились во всем, кроме желания помочь южным славянам. Царская семья отнеслась к делу с видимым сочувствием. Великий князь Константин Николаевич пожертвовал 38 ящиков с книгами религиозного содержания, императрица Мария Александровна выделила из своих средств 300 руб. в год на обучение болгар.

Московский комитет оформился как благотворительная организация, но, как отмечал С.А. Никитин, благотворительность имела отчетливую политическую окраску. Все понимали, что помочь школам, церквам, богоугодным заведениям способствовала росту авторитета России и что канал общественных связей вполне пригоден для использования в целях политического воздействия, о чем история наглядно свидетельствует.

В спокойное время комитеты осуществляли возложенные на них функции в скромных масштабах, их члены не слишком радиво платили полагавшиеся взносы, так что жизнь порой едва-едва теплилась. Расшевелить толстосумов-купцов не удавалось, И.С. Аксаков жаловался (1858), что купцы, владеющие миллионами, не жертвуют ни копейки. Попытка разжечь в их душах искру коммерческого интереса к Балканам не удавалась: чем торговать? Вино, чернослив и орехи как предмет импорта вызывали мало интереса.

Мощный подъем движения последовал в годы Восточного кризиса (1875 – 1878), и комитеты превратились во влиятельный и действенный фактор поддержки освободительного движения южных славян³⁷.

* * *

А на европейский политический горизонт надвигалась грозовая туча польского восстания. Очаги тревоги вне самой Польши располагались совсем поблизости от российских границ. Немало венгерских и польских беженцев осели в Османской империи, в том числе в Молдавии, где князь А.И. Куза их «не замечал» — иными словами, поощрял. Их агент Ф. Бреанский добился приема у господаря. Явно сгущая краски, осведомители российского министерства сообщали, будто Молдавия «почти полонизировалась». Австрийские агенты не давали столь пугающих оценок, по их неполным подсчетам, поляков насчитывалось 114 человек. В Ботошанах в конце 1862 г. началось формирование батальона для вторжения в Польшу. Консул Г.Г. Оффенберг предупреждал о переговорах между «польской национальной партией и русскими революционерами». В Карпатских горах, в Романе и самих Яссах работали мастерские по производству пороха и патронов. Из Англии на французских судах по Дунаю доставлялось оружие. На местах уже налаживалось сотрудничество российской и австрийской консульских служб для слежки за этой опасной деятельностью³⁸.

Александр II склонялся в пользу примирительной тактики руководителя варшавской администрации маркиза А. Велепольского. Самодержавие пыталось предотвратить восстание реформами. Наместником в Царство Польское назначили либерально-настроенного великого князя Константина Николаевича. На долю Горчакова выпала трудная, неблагодарная и неприятная миссия — предотвратить вмешательство в польские дела держав, прежде всего Франции. Правда, оттуда, от посла П.Д. Киселева в 1856 – 1862 гг. поступали успокаивающие и даже убаюкивающие вести: Тюильри и не думает поддерживать поляков. Принц Наполеон, двоюродный брат императора и его доверенное лицо, нанес Киселеву визит и дал соответствующие заверения. В апреле 1861 г. посольство посетил министр иностранных дел Э. Тувенель и показал статью, предназначенную для публикации в официальном «Мониторе», в которой выражалась надежда на велико-дущие Александра II. А парижская пресса бушевала³⁹.

К великой досаде Киселева, все это развертывалось на фоне охлаждения в российско-французских отношениях: «Если в интересах наших союз с Францией оказывается не-пригодным, то пусть приищут другой (...) Я позволяю себе думать – должно сохранить его, не проверяя напрасно и по меньшей мере бесполезно болтовнею». Сторонником сотрудничества с Францией, несмотря на все разочарования и огорчения, оставался Горчаков: «Тесная антантa с этой державой остается основой нашей политической системы». Это смахивало на заклинания, князь уже был не в силах настоять на своем. Осенью 1862 г. последовал отзыв Киселева из Парижа, что, по справедливому замечанию С.С. Татищева, «знаменовало окончание русским двором политики, которой маститый посол служил ревностным проводником в продолжении шести лет»⁴⁰. Во время прощального визита дипломата к императрице Евгении та ему заявила: «Я посоветовала бы предоставить поляков самим себе с правом выбора себе короля». Большую бестактность трудно было придумать. Игра в прятки с Зимним дворцом подходила к концу.

Дворы Берлина и Вены на словах выражали сочувствие попавшему в беду самодержавию, но избегали открыто выражать солидарность, ссылаясь на настроения либеральной общественности; они «согласны взвалить на нас заботу о репрессиях, возложив на нас ответственность», – констатировал Горчаков⁴¹. Чашу испытаний предстояло испить до дна.

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1858. Л. 127 – 128; Ф. Главный архив. V-A2. 1857. Д. 179. Л. 36.

² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 88; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1859. Л. 1 – 43.

³ Международные отношения на Балканах 1830 – 1856. М., 1990. С. 186; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1858. Л. 28 – 33, 36; 1859. Л. 146 – 147.

⁴ АВПРИ. Ф. Отчет 1862. Л. 13; Международные отношения на Балканах 1830 – 1856. С. 191 – 192.

⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1860. Л. 105; Сборник договоров России с другими государствами 1856 – 1917. М., 1952. С. 32.

⁶ Международные отношения на Балканах 1830 – 1856. С. 145 – 146; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1858. Л. 80, 148.

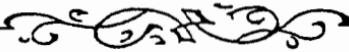
⁷ Там же. 1860. Л. 110, 228 – 230.

⁸ Международные отношения на Балканах 1856 – 1878. М., 1986. С. 166 – 167.

⁹ Там же. С. 168; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1862. Л. 17, 65 – 72; Ф. Консульство в Бухаресте. 1862. Д. 1098. Л. 180, 177 – 195, 202.

¹⁰ Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 209.

- ¹¹ Международные отношения на Балканах 1856 – 1878. С. 201 – 202; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1862. Л. 73 – 80.
- ¹² *Magnus Ph. Gladstone*. L., 1954. Р. 237, 135 – 138, 151.
- ¹³ Международные отношения на Балканах 1856 – 1878. С. 203; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 85. Л. 584 – 725; Ф. Отчеты. 1859. Л. 2; Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 433.
- ¹⁴ Феоктистов М.Е. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 79 – 81, 444.
- ¹⁵ Магзалевский Б.Л. К биографии канцлера князя А.М. Горчакова. М., 1907. С. 28; Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1. С. 389 – 405.
- ¹⁶ Очерк истории Министерства иностранных дел. М., 1902. С. 165, 166.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1861. Д. 32 – 33; 1860. Л. 11, 43; 1861. Л. 12.
- ¹⁸ Там же. 1859. Л. 72 – 73, 88 – 89.
- ¹⁹ Там же. 1862. Л. 143.
- ²⁰ Там же. 1860. Л. 43, 194, 201; 1859. Л. 162; 1862. Л. 146; 1858. Л. 13.
- ²¹ Там же. 1861. Л. 8, 130, 145, 49, 137; 1860. Л. 99; Татищев С.С. Император Александр Второй: Его жизнь и царствование: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 286.
- ²² Там же. С. 289 – 292.
- ²³ АВПРИ. Ф. 1858. Л. 132 – 134.
- ²⁴ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 165 – 166; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1858. Л. 41, 42, 48; 1860. Л. 203 – 204.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1860. Л. 76, 80, 84, 130 – 133.
- ²⁶ Там же. Л. 194; 1861. Л. 33, 35, 50 – 51; 1862. Л. 12.
- ²⁷ Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 87. Л. 389 – 390 (А.М. Горчаков – Ф.И. Бруннову, 7 февраля 1863).
- ²⁸ Там же. Ф. Отчеты. 1860. Л. 194; Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 165 – 166.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1861. Л. 26 – 27; 1861. Л. 26 – 27; 1860; Л. 203, 76, 118.
- ³⁰ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 293, 296 – 298, 286.
- ³¹ Цит. по: Канцлер А.М. Горчаков. С. 12.
- ³² Письма и бумаги Петра Великого. М., 1962. Т. 11, вып. 1. С. 226 – 227.
- ³³ Culture and Nationalism in the XIX-th Century Eastern Europe. Columbus, 1985. Р. 80.
- ³⁴ Цит. по: Виноградов В.Н. Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история. 1978. № 2. С. 113; Канцлер А.М. Горчаков. С. 325.
- ³⁵ АВПРИ. 1866. Л. 97 – 98.
- ³⁶ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 19, 20, 40, 27, 35, 39.
- ³⁷ Там же. С. 34, 48, 62, 79.
- ³⁸ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859 – 1874). Кишинев, 1973. С. 55 – 61.
- ³⁹ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 452 – 453.
- ⁴⁰ Там же. С. 455, 456; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1860. Л. 12; 1861. Л. 50 – 51.
- ⁴¹ Там же. Л. 66, 68.

Балканские дела в тени польского восстания и объединения Германии

14(26) марта 1861 г. Александр II, пытаясь разрядить обстановку, подписал указ о предоставлении Царству Польскому национально-административной автономии. В следующем году была объявлена амнистия участвовавшим в «беспорядках» полякам. По словам В.Г. Ревуненкова, те «толпами возвращались из крепостей», причем в самом решительном и непримиримом настроении. Наместником в Царство Александр II назначил великого князя Константина Николаевича, самого либерального и реформаторски настроенного представителя династии, администрацию возглавил маркиз А. Велепольский. Поляки попытки умеренных преобразований отвергли. Обстановка продолжала накаляться, в наместника стреляли. Лозунг «Свобода или смерть» пленял сердца отважных, революционный романтизм возобладал над приземленным благородствием. Военный министр Д.А. Милютин предавался в дневнике меланхолическим размышлению: если бы «польские вожаки», подобно финским, обладали здравым смыслом, Польша сравнялась бы успехами с Финляндией¹.

Последней искрой, приведшей к взрыву, явилась попытка провести принудительный набор рекрутов в армию. 10(22) января 1863 г. Центральный национальный комитет призвал страну к восстанию. Манифест был обращен к «народам Польши, Литвы и Руси», т.е. с самого начала его уязвимым местом было то, что восстановление Речи Посполитой мыслилось в границах 1772 г. со входением в нее обширных украинских и белорусских земель. Второе уязвимое место движения — его крайне умеренная аграрная программа, крестьянам обещали предоставить лишь участки земли, используемые ими на правах аренды или барщины. Ударную силу восстания представляли шляхтичи и довольно широкие слои горожан.

На долю Горчакова выпала тяжелая и неблагодарная задача — помешать перерастанию неизбежного «дипломатического похода против России» (С.С. Татищев) в нечто более неприятное и опасное как то: разрыв отношений с "Европой", морскую блокаду, а то и (чего в Петербурге особенно опасались) в войну.

В отечественной литературе, видимо для краткости, обычно констатируется, что позиция парижского двора была безоговорочно пропольской. На самом деле все обстояло сложнее. Наполеон Маленький сознавал, что для успеха любой его комбинации нужен, как минимум, благожелательный нейтралитет самодержавия. Уже в 1861 г. в Париж устремились варшавские ходоки с просьбами о поддержке. И тогда же Бонапарт в частной беседе, но так, чтобы услышали все, заявил: «Поляки — неисправимые и безумные поджигатели, их мечты не должны давать повода к нарушению спокойствия Европы. Я дорожу добрыми отношениями с Россией». В первый месяц восстания Наполеон, казалось, не отошел от позиции отстраненности. Он заявил прусскому посланнику Р. фон Гольцу, что считает польские события разновидностью мадзинизма. А близкая к ведомству иностранных дел газета «Конститюсьонель» писала: «В Польше действуют теперь не во имя любви к отчизне, а ради развязывания необузданых демократических страстей». Отель Ламбер, цитадель Чарторыйских, будучи проинструктирован на Кэ д'Орсэ, направил гонца в Варшаву с осуждением восстания как «безумного, достойного сожаления дела», не могущего рассчитывать на поддержку Наполеона².

Иной была реакция в Берлине, где опасались, что движение распространится на «своих» поляков, и не только этого. Недавно назначенный министром-президентом Отто Леопольд фон Бисмарк ясно и четко сформулировал прусскую точку зрения: «Независимость Польши равнозначна мощной французской армии на Висле (...) Мы не могли бы защищать Рейн, если бы за плечами у себя имели Польшу». В отличие от короля Вильгельма, он не предавался иллюзиям относительно действенности монархической солидарности, которой отдавал дань его августейший повелитель: «Интимные отношения двух дворов имеют опору только в личности императора Александра»³.

Вильгельм решил направить посланца в Варшаву, к великому князю Константину Николаевичу, чтобы разведать истинное положение вещей на месте. Бисмарк изменил маршрут и превратил миссию из осведомительной в политиче-

скую. Королевский адъютант Г. Альвенслебен отправился в Петербург с заданием привезти бумагу о сотрудничестве двух дворов в подавлении восстания.

Миссия увенчалась полным успехом. Александр II принял эмиссара своего дяди с распластанными объятиями: в тяжелую минуту ему, одинокому, протягивают руку помощи, вот она, солидарность монархов, на деле! В Петербурге Альвенслебен прямо с вокзала проследовал в Зимний дворец, где его, с глазу на глаз, принял царь. Он в теплых выражениях отозвался об инициативе дяди — заключить конвенцию с целью скорейшего подавления восстания: «Это прекрасно со стороны короля». Не случайно, видимо, на аудиенции отсутствовал князь Горчаков, его мнения выслушать не пожелали, ему оставалось на бумаге оформить достигнутую договоренность, против которой он восставал всеми фибрами своей души: во-первых, в конвенции Россия не нуждалась (в феврале 1863 г. он недооценивал сил и решимости повстанцев); во-вторых, — и это главное — подписание подобного документа превращало «мятеж» из внутреннего дела России в разряд международных и, стало быть, создавало почву для иностранного вмешательства: раз две стороны договариваются, почему бы не выступить с изложением своих позиций третьей и четвертой? В-третьих, Горчаков полагал, что его старый знакомый по Франкфуртскому сейму Бисмарк постараётся представить конвенцию как обращение к Пруссии за помощью, и мир придет к выводу о бессилии царайзма навести порядок в собственном доме. Князь встретил явившегося к нему Альвенслебена вежливо-холодно, но сорвать подписание документа не мог и не смел. Он пытался смягчить самый опасный пункт конвенции — о разрешении местным властям по взаимному согласию допустить переход границы русскими и прусскими войсками для преследования повстанцев, более явного вмешательства в российские дела и представить было невозможно. Он понимал: «Наш друг Бисмарк стремится расширить пропорции конвенции». Альвенслебен, заручившись поддержкой царя, не уступил ни в чем и вернулся в Берлин победителем, не подозревая, сколько хлопот доставит обожаемому монарху⁴.

Поначалу Бисмарк тоже торжествовал: без году неделя в высокой должности, и такой громкий успех! Он возмечтал, как бы унаследовать «русскую Польшу» и превратить ее в «прусскую». На балу у кронпринца он поведал вице-президенту нижней палаты ландтага Беренду, что не исключает ухода русских из Польши по причине слабости режима, и

тогда «не мешало бы приобрести прежнее великое герцогство Варшавское для династии Гогенцоллернов в форме персональной унии». Ошарашенный Беренд счел сказанное «отличной бальной шуткой». Но министр-президент говорил серьезно. Хорошо осведомленный и пронырливый российский посланник П.П. Убри ударил в колокола. Уже 12(24) февраля он докладывал: «Конвенция благосклонно встречена при дворе, в армии и в консервативной партии. Но эта самая благосклонность и широта мер, здесь принятых, заставляют меня думать, что явится соблазн придать роли Пруссии, которую она призвана сыграть, характер настоящей интервенции». Убри добавлял: «Мне ничто не кажется невозможным со стороны столь непостоянного ума и столь живого воображения, которыми обладает г. фон Бисмарк»⁵.

Слух о возможном прусском вторжении в Польшу переполошил Сент-Джеймский и Тюильрийский кабинеты. Из-за Ла-Манша доносились возгласы недовольства и подстрекательские призывы. Глава Форин оффис лорд Д. Рассел наставлял французов: «Нельзя дольше молчать. Нельзя допустить, чтобы Россия еще раз растерзала Польшу». Официальный Париж сообразил, что конвенции Альвенслебена можно придать антипрусский оттенок — как никак, но именно Бисмарк инициировал вопрос о переходе войск через границу, поправ принцип невмешательства в чужие дела и мечтая о лакомом куске в виде «русской Польши». В ответ можно приступить к пересмотру других границ. Под благовидным предлогом защиты Польши от прусских притязаний возникла мысль о сколачивании тройственной коалиции Франции — Великобритании — Австрии с конечной целью перекроики карты Европы в пользу Парижа. Глава МИД Э. Друэн де Льюис стал готовить почву для выступления представителей трех держав в Берлине с совместным протестом против конвенции Альвенслебена, разумеется, во имя сохранения мира. В дело вмешалась сильно политизированная императрица Евгения, она пригласила к себе австрийского посла Р. Меттерниха и, указав на карту Европы, изложила ему «свой» план, по которому Габсбургской монархии следовало отказаться от Венеции в пользу Италии и Галиции, предназначавшейся возрождаемой Польше в обмен на многие территориальные блага, подлежавшие определению.

Перепуганный дипломат просил начальство не считать изложенный ему план плодом воображения экзальтированной дамы, не только она, но и император «совершенно убеждены в возможности и необходимости привести его когда-

нибудь в исполнение». Британский посол лорд Г. Каули был смущен не меньше своего австрийского коллеги — обнаружилось, что ходатайства правительства ее величества в пользу Польши могут привести к неожиданному результату. Встревожилась королева Виктория: «Предложения Франции непременно приведут нас к столкновению с Пруссиею, и мы будем иметь французскую армию на Рейне прежде, чем успеем оглянуться вокруг себя». Воевать во имя утверждения Наполеона на левом берегу Рейна Джон Буль не собирался. План совместного демарша трех держав в Берлине провалился.

Бисмарк струсил. Он вынашивал планы объединения Германии вокруг Пруссии в серии войн, но собирался расправиться с противниками поодиночке, а не вступать в противоборство с мощной коалицией, да и час икс еще не наступил. Бисмарк принялся дискредитировать свое же детище, конвенцию Альвенслебена, объявив, что генерал вообще не имел полномочий на подписание подобного документа. Министру-президенту пришлось четырнадцать раз выступать в ландтаге, оправдывая свои действия.

По иным причинам под конвенцию «подкапывался» Александр Михайлович Горчаков. Охладел к своему детищу и царь, явившийся по сути дела соавтором злополучного документа. По взаимному согласию сторон пункт о переходе границы был из него исключен, он превратился в декларацию о намерениях. И все же конвенция оказала плохую услугу России. Александр II остался преисполненным теплых чувств к своему дяде, королю Вильгельму, не покинувшему его в минуту жизни трудную. Объединение Германии произошло без помех с российской стороны⁶.

Тучи над Бисмарком рассеялись, тогда как над Горчаковым сгустились еще больше. 2 марта лорд Д. Рассел обратился в Петербург с грозной нотой, требуя проведения в Польше амнистии и возвращения королевству прав, дарованных ему Александром I во исполнение решений Венского конгресса. Упоминание о конгрессе — совершенно необходимое, ибо без него нота означала открытое вторжение во внутренние дела России.

О тонкостях статуса Польши в составе Российской империи мало кто ведал, что создавало почву для дипломатического крючкотворства, которым и занялся Форин оффис. Для вмешательства требовалась ссылка на нарушение самодержавием международных обязательств. В британском парламенте, в том числе из уст министров, стали раздавать

ся обвинения по поводу отмены конституции 1815 г., которая будто бы была введена во исполнение взятых на себя Россией в Вене обязательств. На самом деле в трактате 1815 г. в общих и достаточно расплывчатых выражениях говорилось о предоставлении польским землям, вошедшим в состав Австрии, Пруссии и России, национальных учреждений «сообразно с той формой политического существования», которое считет нужным соответствующее правительство. И все. Конституцию 1815 г. Александр Благословенный, будучи тогда во власти романтических и реформистских надежд и благоволения к полякам, даровал по своей добной воле⁷. Не имевшая представления о подобных юридических тонкостях европейская общественность протестовала, негодовала и изобличала царизм в нарушении принятых на себя обязательств, в произволе и жестокости.

События торопили и не оставляли времени для хладнокровного анализа ситуации. Лорд Д. Рассел обратился за поддержкой в Париж, поставив Бонапарта в трудное положение. Отмалчиваться далее он не мог ввиду царивших в стране настроений, на улицах его и Евгению встречали возгласом «Вив ла Полонь!» Но выступать под флагом защиты Венской системы договоров, которую он стремился разрушить, не годилось. И Наполеон принялся лихорадочно искать сотрудничества с Австрией, чтобы под видом защиты Польши поднять и решить к выгоде для себя территориальные вопросы большого значения. В Вене он встретил холодный прием — расставаться с Галицией и Венецией в обмен на расплывчатые и к тому же устные посулы победителя при Сольферино здесь не собирались («Я предлагаю вам исключительное преобладание на востоке и материальную компенсацию, размеры которой вы укажете»⁸.)

Но камень поборника «принципа национальности», который Наполеон повесил себе на шею, тянул его в польский омут. В.Г. Ревуненков пишет: «Французское общественное мнение никогда не позволило бы своему императору, чтобы "коварный Альбион" перехватил у него лавры "защитника" Польши», и Бонапарт двинулся в поход, пока что дипломатический. Венский двор присоединился к двум морским державам, увлекаемый всепоглощающим стремлением навредить как можно больше России.

Раздираемая противоречиями троица польских покровителей выступила в Петербурге с одновременным, но не совместным, демаршем, ибо об идентичной по содержанию ноте она договориться не смогла. День 2 апреля выдался для

Горчакова хлопотливым, он принимал по очереди представителей Франции, Англии и Австрии. Врученная ему британская депеша отличалась особой резкостью тона, Россию обвиняли в нарушении принятых на себя на Венском конгрессе обязательств, требовали прекратить репрессии и обеспечить в Польше мир на прочных основаниях. Нота, присланная Кэ д'Орсэ, о Вене умалчивала и приписывала «периодические кризисы», сотрясавшие Польшу, неспособности российского правительства изыскать формы управления, могущие удовлетворить поляков. Открыто потребовать восстановления независимости Польши Друэн де Льюис не посмел, Горчаков подобной ноты не принял бы, но намек на это бумага содержала. Австрийцы жаловались на неудобства, причиняемые Габсбургской монархии вечно беспокойной ситуацией в «русской Польше». Демарш получил моральную поддержку союза держав — Испании, Португалии, Швеции, Нидерландов, Дании и даже Турции. Высокая Порта обрадовалась тому, что наконец-то изображают не ее. Повстанцы должным образом оценили эту поддержку. Жонд народовый 10 мая подтвердил, что намерен отторгнуть «от Москвы» литовские, белорусские и украинские земли, некогда входившие в состав Речи Посполитой. Движение распространилось на Литву и Белоруссию.

Фактический ультиматум «Европы» поставил российское правительство в безвыходное положение: смириться, явиться на суд с повинной головой означало утратить ранг великой державы, свести на нет всю послекрымскую дипломатию Горчакова и лишиться авторитета внутри страны. Отвергнуть демарш, и тогда что же — война? Именно из этой перспективы исходили военные. Знаменитому защитнику Севастополя Э.И. Тотлебену поручили укрепить Кронштадт, он попросил несколько недель «передышки», полагая, что, прежде чем идти на разрыв с будущим неприятелем, следует подготовить крепость к обороне. Морское министерство подловому готовилось к вероятной кампании, решив с помощью флота «навести страх на коммерческие предприятия, парализовать судоходство врага»⁹. После долгих споров базировать две крейсерские эскадры решили в США, где бушевала гражданская война. Правительство президента А. Линкольна находилось на грани разрыва с Великобританией, поддерживавшей мятежников-южан. В американских портах рассчитывали встретить доброжелательный прием и, что еще важнее, обеспечить себя снабжением. В Нью-Йорк прибыла эскадра адмирала Лесовского, в Сан-Франциско —

Попова. Воевать им, к счастью, не пришлось. Американская общественность восприняла прибытие кораблей под Андреевским флагом как демонстрацию солидарности с правым делом северян.

Горчаков боролся за мирный исход кризиса. На Пасху 1863 г. он уговорил царя издать манифест об амнистии. На эту акцию «партии мира» в российских высших сферах повстанцы внимания не обратили, а Александр II счел «милости» исчерпанными. В Литву был назначен жестокий каратель М.Н. Муравьев, в Польшу на смену «мягкому» великолепному князю Константину Николаевичу послали Ф.Ф. Берга. Горчакову пришлось заниматься неприятным делом — дипломатическим прикрытием расправ. Восстание он приписал «постоянным подстрекательствам партии космополитической революции», содержащиеся в нотах держав обвинения отверг, но выразил согласие на «дружеский обмен мнениями» относительно Польши.

Шовинистические поползновения Жонда народового и нотная бомбардировка со стороны «Европы» разбередили в России незажившие раны Крымской войны. Общественность взвилась на дыбы. Дворянские собрания, городские думы, сельские управы, университеты, церковные общины со всех концов страны слали царю адреса. В их составлении принимали участие люди известные — И.С. Аксаков, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, М.Н. Катков. В защиту Польши выступали немногие — А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, общество «Земля и воля», большие мастера выражать свои взгляды эзоповым языком журнала «Современник». Проявления солидарности отмечались в рядах армии¹⁰.

Настроения общественности отдавали бесшабашностью — к серьезной войне Россия не была готова. Д.А. Милютин не скрывал от Горчакова переживаемых его ведомством трудностей. Обнаружились прорехи в военной подготовке, рекрутских наборов после Крымской войны не проводилось, обученного резерва осталось 242 тыс. человек вместо положенных 612 тыс., лишь незначительную часть армии успели перевооружить нарезными винтовками, в портах догнивали оставшиеся на плаву деревянные парусники. Специалисты сомневались в возможности защитить даже Кронштадт.

Горчаков в угрозу войны не верил, но все же должен был вступить в длительную и неприятную переписку с протестантами, за что ему приходилось выслушивать упреки и спрашивать (допускает постороннее вмешательство в россий-

ские дела — на этом фланге особенно усердствовал видный журналист М.Н. Катков), и слева (надо дать Польше конституцию). Вице-канцлер явно вел дело к бесконечной бумажной волоките.

«Громоздкая колымага, именуемая европейское вмешательство за Польшу, не имела никаких шансов сдвинуться с места», — пишет В.Г. Ревуненков. Первыми ее покинули англичане. В мае 1863 г., выступая в палате лордов, Джон Рассел отмежевался от зачинщиков войны, к которым его до того времени, как обнаруживалось, ошибочно причисляли. «Что за Польшу вы желаете восстановить? Должна ли она включать в себя Познань и Галицию?» Если да — то наткнетесь на сопротивление Пруссии и Австрии, и что же — европейский пожар? Ничто не может быть более чуждым намерениям правительства ее величества. Оно ограничится «представлениями, которых требует от него достоинство Англии», — заявил глава Форин оффис, вынув из своей грозной ноты жало¹¹.

И тем не менее «колымага» покатилась. Премьер-министр лорд Пальмерстон предложил восстановить «отдельное и независимое королевство Польское» (...) в границах, отведенных для него Венским конгрессом, с добавлением территории города Кракова». Коллеги инициативу престарелого лорда Генри не поддержали ввиду ее абсолютной нереальности, к тому же австрийцы не собирались расставаться с прекрасным Краковом. (15)27 июня три посла обратились к Горчакову с идентичной нотой более скромного содержания, а именно с требованием полной амнистии и предоставления Польше широкой автономии, установления в ней фактически и даже формально национального правления¹².

Почему после апрельского афронта державы пошли на подобную акцию? Во-первых, под давлением общественности, возмущенной расправами М.Н. Муравьева и Ф.Ф. Берга. Во-вторых, по причине крайне преувеличенного мнения об успехах повстанцев. Невидимая война имеет свои законы. Неизменно терпя поражение в открытых боях с армией, инсургенты собирались вновь и вновь, что создавало ложное впечатление, что одолеть их невозможно.

Горчаков об истинном положении вещей знал гораздо больше зарубежного «человека с улицы». Информация к нему поступала как от послов в Петербурге, так и от российских дипломатических представителей. И те, и другие представляли консервативные, враждебные революции силы.

Британец Непир заверял министра, что ноты — лишь «гуманная манифестация», за которой ничего не последует. Из Лондона от Ф.И. Бруннова поступали успокоительные сведения: «Лорд Рассел сказал мне, что дело идет о простом обмене мнениями», о беседе, а не о ссоре. Умом аналитика Горчаков понимал, что «Англия не извлекла бы никакой пользы из войны, результатом которой стало бы лишь увеличение влияния Франции». Но ведь можно поощрять повстанцев посылкой оружия, признать агентов Жонда, организовать морскую демонстрацию на Балтике, договориться, наконец, о концентрации австрийского обсервационного корпуса в Галиции и причинить еще множество неприятностей России, не посягая на мир¹³. Тот же Бруннов добрые вести сопровождал от себя полупаническими комментариями: от англичан можно ждать любых каверз. Возможно, Филиппа Ивановича мучили утрызения совести, это он перед Крымской войной уверял императора Николая, что Великобритания в вооруженный конфликт не впутается, и теперь старый дипломат перестраховывался.

Мнений существовало множество, но решение предстояло принять Горчакову и ответственность взять на себя. И он это сделал. 25 июня (8 июля) 1863 г. совет из особо доверенных лиц императора одобрил текст горчаковской ноты, содержащей отказ выполнить требования троицы: мятежники посягают на белорусские и украинские земли, что ведет к «разрушению империи», они должны сложить оружие. Горчаков подводил контрмину под предложения тройки, выражая готовность обсудить с двумя партнерами по польскому наследству, дворами Берлина и Вены, как привести ситуацию в соответствие с «существующими потребностями и условиями века». Звучало все достаточно туманно, но в то же время от контактов с державами Петербург не отказывался¹⁴. Грому в ответ не грянуло. Попытки Парижа подвигнуть партнеров на что-либо действенное, вроде разрыва отношений, натолкнулись на неприятие. Французская печать бурлила, парламент негодовал, от императора требовали перейти к действию, а тот медлил. Джон Рассел заявил, что не порицает патриотизма поляков (!!), но отказывается призывать Россию даровать Польше независимость. Британцы решили предоставить французам ссориться с русскими единолично. Посол «Непир трудится, не покладая рук, чтобы сохранить мир и изыскать комбинации, могущие его обеспечить», — сообщал Горчаков Бруннову в Лондон¹⁵.

Газета «Таймс» обрушила на голову Наполеона ушат холдной воды: «Мы вместе с Францией втянулись в дипломатическую игру, но разве интересы Франции и Англии абсолютно идентичны? (...) Разве Франция не собирается завоевывать границу по Рейну? (...) Разве не в наших интересах ныне, как и всегда, сохранять европейское равновесие, а не сокрушать его всеми мыслимыми способами?». Итогом войны, если она вспыхнет, станет крах министерства, ее объявившего, и дискредитация политической партии, поддержавшей подобный курс. Газета осудила польских ходатаев, которым лорд Д. Рассел отказал в приеме, за то, что они рвались к королеве на аудиенцию: «Нам угрожает Варшава, проникшая в Лондон. Эта легко возбудимая раса, которая в истории проявляла себя лишь как гроза и вулкан, нанесла оскорбление Форин оффис и теперь пытается завербовать на свою сторону королеву».

Три посла порознь вручили Горчакову ноты невразумительного содержания, оставив самодержавие один на один с «важными последствиями, которые может повлечь за собой продолжение беспорядков». Горчаков не дрогнул и в кратком и сухом ответе посоветовал державам заниматься своими делами, предоставив польские царю. Движение он уподобил айсбергу, подводная часть которого скрывала экспансиионистские замыслы его лидеров: «Мятежники не требуют ни амнистии, ни автономии, ни более или менее широкого представительства. Даже безусловная независимость Царства Польского была бы для них не более чем ступенью для достижения дальнейшей цели их устремлений. Цель их – владычество над провинциями, в которых огромное большинство населения русское (...) словом, расширением пределов Польши до двух морей»¹⁶.

По мере того как тучи над Россией рассеивались, тон Горчакова становился тверже и решительнее. В сентябре 1863 г. «Journal de St.-Petersbourg» специально опубликовал его депешу послу в Париже А.Ф. Будбергу: «Его величество император, всегда готовый скрупулезно выполнять свои обязательства в отношении других стран, решительно отвергает, даже в виде дружественного обмена мнениями, всякий намек насчет областей его империи, положение которых не связано с выполнением каких-либо международных условий»¹⁷.

Неугомонный Наполеон продолжал носиться с идеей созыва конгресса. Британцы заподозрили его в том, что он за ширмой польских дел подбирается к венским решениям

1815 г. и наотрез отказалась участвовать в затее. Мелкий, но многозначительный казус: граф Александр Валевский, сын великого Наполеона Бонапарта, не получил агримана (согласия) на занятие поста посла в Лондоне ввиду его слишком пропольской позиции (как никак, поляк ведь!)¹⁸.

Восстание неожиданно быстро себя исчерпало. В Литве неправедный суд творил М.Н. Муравьев-Бешатель (официально – Виленский), в Польше – Ф.Ф. Берг. К стыду для отечественной общественности, она на учиняемые эксцессы не реагировала. Лишь из Лондона доносился протестующий голос А.И. Герцена. В Сибирь один за другим отправлялись конвои арестованных.

А.М. Горчаков мастерски сыграл свою роль в дипломатическом спектакле, призванном оформить подавление восстания. Но его личные позиции пошатнулись, французский союз был разбит вдребезги, ориентироваться, с его точки зрения, стало не на кого. Наполеон III проиграл, десятилетие его первенства среди монархов Европы закончилось, предстояла схватка с наращивавшей мускулы Пруссией. Галлы с опозданием обнаружили, что коварный Альбион их провел. По словам посла в Петербурге Н.Л. Монтебелло, единственной целью Лондона являлось «рассорить нас с Россией, и этот великий результат достигнут»¹⁹.

Действия Вены в рамки постижимого умом не укладываются. Император Франц Иосиф утверждал, будто примкнул к протестантам единственно ради того, чтобы отвратить их от крайних мер, например втягивания в войну, сам же он о кардинальном решении польского вопроса не помышлял, во всяком случае не расстался бы ради этого ни с одной галицийской деревней, не говоря уже о Кракове. Нелишне отметить, что способствовать сохранению мира можно было и без ссоры с самодержавием.

В большом выигрыше осталась Пруссия. Бисмарк обнаружил, что он зря поспешил отречься от конвенции Альвенслебена. Король Вильгельм и его министр не скучились на заверения в теплых чувствах к России, которые ровным счетом ничего не значили. Наивное обращение Александра к дяде в тягостную минуту (20 мая – 2 июня 1863 г.) с предложением возродить Священный союз и в случае войны грядущей встретить общего врага вызвало вежливый отказ. Несмотря на подобные шероховатости, государь был признательен дяде за то, что он, единственный, кто его не покинул. Бисмарк в письме королю изъяснялся с полной откровенностью: «Мы дешево обеспечили себе на будущее благодар-

ность императора Александра и русские симпатии»²⁰. Министр-президент собирался предъявить самодержавию счет (непременно с процентами!) за оказанную услугу. А дела предстояли великие.

* * *

В 1862 г. прусское правительство возглавил Отто Эдуард Леопольд Бисмарк фон Шенхаузен, человек железной воли, больших дипломатических талантов, которые он скрывал за грубоватой прямолинейностью, — человек маниакальной целеустремленности и вероломства, доходившего до цинизма. Управлять делами он начал в трудный для короля Вильгельма час. Ландтаг, в котором заседало много «людей 1848 года», отказывался ветировать налоги, вводимые для усиления армии. Бисмарк взялся управлять с помощью королевских декретов. Свое отношение к представительным учреждениям он определил в облетевших Европу словах: «Не речами и постановлениями большинства решаются великие вопросы времени, — в этом состояла крупная ошибка 1848 и 1849 годов, а железом и кровью»²¹. Эпопея, связанная с польским восстанием, принесла ему первый дипломатический успех: распался франко-русский альянс, при котором объединение Германии было бы если не невозможно, то во всяком случае затруднено.

Конфликт с Данией позволил Бисмарку стать знаменосцем национального движения. По мере развития кризиса оппозиция, в том числе парламентская, потонула в волнах патриотического воодушевления.

Суть дела (детали опустим, они столь запутаны, что могли бы послужить канвой для детективного романа) заключалась в следующем. Два герцогства, Шлезвиг и Гольштейн, населенные преимущественно немцами (второе даже являлось членом Германского союза), находились в личной унионе с датским королевским домом, но жили по своим законам. В 1863 г. король Фредерик VII утвердил новую либеральную конституцию Дании, которая распространялась и на герцогства, вскоре скончался, а на трон по причине пресечения династииступил Христиан IX Глюксбург. В Германии поднялась буря — введение конституции восприняли как полную инкорпорацию герцогств в состав Дании. Вдобавок этому Христиан приходился родственником умершему Фредерику по женской линии, а в Шлезвиге и Гольштейне действовал салический закон, т.е. право на престол передава-

лось лишь по мужской линии. Обретение трона Глюксбургом выглядело сомнительным.

Бисмарк не преминул воспользоваться столь щекотливой ситуацией, ибо, играя на национальных чувствах, можно было решить шлезвиг-гольштинский вопрос в пользу Берлина. 1 февраля 1864 г. прусские и австрийские войска вторглись в Шлезвиг. Участие Вены в экспедиции понятно: негоже было позволить Пруссии монопольно осуществлять великий общегерманский замысел. Дальнейшее возвышение державы Гогенцоллернов представлялось крайне опасным, как раз в это время Австрия и Пруссия яростно соперничали за первенство в Германском союзе.

Датская армия не смогла оказать серьезного сопротивления немецким войскам, покинула линию Даневиркских укреплений, очистила оба герцогства, враг вступил на землю Ютландского полуострова. Надежда копенгагенского правительства на вооруженное вмешательство Европы не оправдалась. Выяснилось, что первоначальное австро-германское требование — отменить в герцогствах датскую конституцию — лишь повод для развязывания войны. Берлин и Вена стали настаивать на аннексии провинций.

Ничего не могло быть более огорчительным для князя Горчакова, слывшего в Европе апостолом мира, чем разразившийся в Западной Прибалтике кризис. Существовали обстоятельства, делавшие его особенно болезненным для царской семьи. Мрачная тень Петра III, герцога Гольштинского, нависала над ней. Предусмотрительная Екатерина II отказалась от всяких прав на Гольштейн, но цари формально продолжали оставаться главами Гольштейн-Готорпской фамилии. Александр II поспешил отказаться от своих прав в пользу герцога Ольденбургского. Но тут вспыхнул роман наследника-цесаревича Николая с датской принцессой Дагмар, так что Романовы оказались заинтересованными в быстрейшем окончании конфликта и по семейной линии²².

Горчаков, уже в звании вице-канцлера, приложил немалые усилия, чтобы локализовать конфликт и умерить требования победителей. Он изыскал формулу — признать права Дании, не отвергая притязаний Германии в их обоснованной части, которая представлялась ему в виде личной унии Дании, Шлезвига и Гольштейна под скипетром Глюксбургов. Бисмарк тогда еще не развернулся во всю ширь, и у Александра Михайловича создалось впечатление, что Австрия и Пруссия «кажется, эвентуально согласны на эту комбинацию». Царь Александр выражал «веру в благородство взгля-

дов и лояльность» немецких дворов. Все это обернулось иллюзией²³.

Существовала слабая надежда на вмешательство лондонского кабинета, стражи баланса сил на континенте (сотрудничество с Францией после 1863 г. представлялось немыслимым). Единственно, чего удалось добиться, так это перемирия (середина мая – конец июня), во время которого в британской столице состоялась конференция послов держав. Представлявший Россию Ф.И. Бруннов занимал самую продатскую позицию, одна мысль о том, чтобы узнать мнение населения Шлезвига относительно того, где оно желает жить, в Германии или Дании, повергала старого дипломата в ужас, разве можно посягать на права помазанника Божьего! Конференция закончилась провалом. Между Россией и Великобританией нарастали противоречия в Средней Азии, где разворачивалась экспансия царизма (1863 г. – взятие крепости Сузак, 1864 г. – Чимкента). В Лондоне уже мерешилась угроза, нависшая над Индией. В Европе продолжали считать большим забиякой Луи Наполеона, а не мало известного еще Бисмарка. «Старому Паму», премьер-министру Г.Д. Пальмерстону, принадлежит поразительное от политической близорукости высказывание: «Нынешняя Пруссия слишком слаба для того, чтобы в своих действиях быть честной и независимой. И, принимая во внимание интересы будущего, крайне желательно, чтобы Германия, как целое, сделалась сильной, чтобы она оказалась в состоянии держать в узде обе честолюбивые и воинственные державы, Францию и Россию, которые сжимают ее с запада и востока. Что касается Франции, то мы хорошо знаем, как она беспокойна и задорна и как в любой момент из-за Бельгии, из-за Рейна или из-за какой-нибудь другой области, могущей быть завоеванной без особого труда, она готова начать войну. Что касается России, то она со временем превратится в державу, по величине напоминающую древнюю Римскую империю»²⁴.

После провала конференции Бисмарк понял, что никто не помешает ему завершить дело. Император Александр ограничился моральной защитой прав Дании, о «материальной интервенции» речи не шло. Горчаков призывал Бисмарка к проявлению мудрой умеренности: «С точки зрения военной и даже политической Вы одержали победу по всей линии. Стоит ли ради пространства в несколько квадратных миль подвергать спокойствие и будущее Европы опасности?» Он с равным результатом мог разглагольствовать перед глухой стеной. В ответ на призывы царя и вице-канцле-

ра к сдержанности Вильгельм и его министр-президент ссылались на мнение общественности: «Нельзя допустить, чтобы кровь прусских солдат была пролита напрасно. Страна не удовлетворится бесплодными лаврами». Всякая слабость приведет к отречению короля, отставке министра под влиянием негодующей публики и откроет дорогу революционной гидре²⁵.

30 октября 1864 г. Дания капитулировала, уступив Шлезвиг, включая его северную, населенную датчанами часть, Гольштейн и княжество Лауэнбург. Пруссия и Австрия временно установили в провинциях кондоминиум (совместное управление). Но бродила еще мысль о слиянии провинций в одну единицу в составе Германского союза. Среди претендентов на корону выделялся принц Фридрих Аугустенбург. Геральдическая комиссия углубилась в изучение его генеалогии и запуталась в ветвях родословного древа. Принц слыл либералом, его кандидатура не устраивала ни Берлин, ни Вену, затея с объединением Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга провалилась. Бисмарк принял в них хозяйствовать как на завоеванной земле, не обращая внимания на «союзников». Так, он распорядился перебазировать прусский флот из Данцига (Гданьска) в Киль вопреки протестам Вены.

Российская дипломатия участием в датских делах лавров себе не снискала, а хлопот прибавила. В печати зазвучали тревожные ноты: пруссаки обосновались в Киле, откуда можно контролировать судоходство по проливам Скагеррак и Категат, и что же, Россия лишается выхода из Балтики в открытое море, как то было в допетровские времена? Горчаков утешался мыслью, что «великая морская держава не создается в один день и по желанию». Слабое утешение. Его доклад императору от 3(15) сентября 1865 г. пронизан тревогой по поводу вероятных последствий объединения Германии вокруг Пруссии и мыслями о том, как бы предотвратить изгнание из нее Австрии. Считаясь с пропрусскими симпатиями Александра II, князь выражался осторожно, хотя и вполне определенно: «...та цель, которую преследует берлинский кабинет, и характер его современной политики, ни перед чем не останавливающейся, исключают возможность тесного сближения» с ним. Следует оставаться друзьями Пруссии, не превращаясь в ее союзника, слово «сообщник» он употребить не решился²⁶.

Князь сознавал закономерность объединения Германии и неотвратимость его конечного успеха. Смутила не идея объединения, а те формы, в которые она вылилась. Несчастье Гор-

чакова (как и немецкого народа) заключалось в слабости сил, способных в иных условиях достичь цели демократическим путем. Либералы упивались принципами и в ужасе шарахались от братоубийственной войны с австрийцами. Патриотически настроенное, но социально консервативное юнкерство и офицерство взялись за дело и довели его до конца, добившись в ходе его осуществления союза с крупным бизнесом и построив второй рейх по своему вкусу, с сохранением букета монархий, ведущего положения юнкерства в политике и с доминацией Пруссии, в которой военщина традиционно пользовалась статусом первого сословия.

Тратить время на передышку после достигнутого успеха Бисмарк не стал. Он оттеснил австрийцев от управления Шлезвигом и Гольштейном, что создавало почву для бесконечных препирательств. Терпение Вены лопнуло, когда предприимчивый министр-президент предложил реорганизовать Германский союз без участия в нем Австрии. 17 июня 1866 г. последовало объявление войны, акт «агрессии» произошел со стороны Габсбургов, что позволило Бисмарку «очиститься» от обвинений в развязывании братоубийственной резни.

Тогдашние эксперты дружно пророчили успех Австрии, хотя Пруссия мобилизовала 500 тыс. человек, на 80 тыс. больше соперницы. Ошибочная оценка потенциала сторон играла Бисмарку на руку, никто не мешал развертыванию прусских сил. В дипломатическом плане Бисмарк подготовил кампанию превосходно. На встречах с императором Наполеоном в Биарице и Париже он не скучился на обещания, признавая право Франции распространить свою власть повсюду, где звучит французская речь. Маленький Бонапарт не скрывал своих желаний: «Глаза всей моей страны устремлены к Рейну». Тюильрийский двор объявил «выжидательный нейтралитет», рассчитывая на длительную войну²⁷. Необычная формулировка означала, что Франция подождет, пока противники не истощат друг друга и тогда навязнет им свою волю. Наполеон планировал серьезную перекройку карты Европы.

Бисмарк заручился поддержкой Италии, посулив той Венецию. Король Виктор Эммануил II не обманывался насчет боеспособности своей армии и получил заверение, что добыча не ускользнет даже в случае ее поражения на поле боя.

Горчаков пребывал в глубокой тревоге, но разделял общее заблуждение, его тогда больше волновали возможные пертурбации не на Рейне, а на Дунае: по замыслам Наполеона

предстоявшие территориальные изменения предполагали передачу Италии Венецианской области, а Австрии в качестве компенсации — Дунайских княжеств, что означало серьезный подрыв российских позиций на Балканах. Кроме того, Горчаков опасался выдворения Габсбургской монархии из Германского союза и непомерного усиления Пруссии.

Выдвинутая Луи Наполеоном идея созыва конгресса для обсуждения всех спорных вопросов с треском провалилась, австрийцы заявили, что для них проблемы Венеции не существует, Вена ею владеет и будет владеть. Оставалось ждать неизбежной войны, которая и разразилась 17 июня 1866 г.

Горчаков надеялся, что после нескольких сражений, противники, пролив много крови и убедившись в равенстве сил, пойдут на мировую, согласившись на скромное изменение границы. На деле все пошло совсем не так.

Война, которую традиционно называют австро-прусской, была общегерманской: на стороне Берлина выступили 17 немецких государств плюс Италия, Вену поддержали 12 членов Германского союза, среди них: Бавария, Вюртемберг, Баден, Саксония, Ганновер. Уже 3 июля австрийцы проиграли сражение при Садовой (Кениггреце, Градце Кралове) в Чехии. Прусский штаб, видимо, не ожидал столь оглушительного успеха и преследования отступающего неприятеля не организовал.

Бисмарк находился при главной квартире. Странное зрелище представлял он на поле боя: грузный, угрюмый, на ростой рыжей лошади, в скромном мундире майора ландвера среди генеральских погон и эполетов. Но эполеты нуждались в надзоре. Поражение войск Габсбургской монархии всего за три недели — от такого успеха головы у генералов закружились и к крайнему сожалению Бисмарка, у короля Вильгельма тоже, который возмечтал въехать в Вену на белом коне и продиктовать поверженному врагу условия мира.

Иначе мыслил министр-президент. Австрийцы были разбиты, но не разгромлены. Для защиты столицы у них под ружьем оставалось 120 тыс. солдат и офицеров. На юге они разбили итальянцев под Кустоццей, против них можно было оставить небольшой заслон, а 100 тыс. солдат перебросить на основной фронт. Наконец, если Луи Наполеон проснется и двинет на Рейн 300-тысячную армию, будет совсем худо. Бисмарк один против всех ратовал за скорейшее окончание войны. Он пережил нервный срыв, подал Вильгельму прошение об отставке, но в итоге настоял на своем и избавил Вену от «завоевания». 26 июля 1866 г. стороны подписали в Ни-

кольсбурге прелиминарный мирный договор на условиях, согласованных с Францией.

Может быть, именно в этой кампании дипломатический гений Отто фон Бисмарка, его способность мыслить стратегически, на много десятилетий вперед, проявились в полной мере. Он не хотел превращать Габсбургскую монархию в вечного антагониста, жаждущего реванша, а отводил ей роль младшего партнера. Он отдавал себе отчет: Россия, несмотря на дружеские излияния и объятия дяди и племянника (Вильгельма и Александра), субальтерном не станет, а будет препятствовать разгрому Франции, когда до него дойдет очередь. Значит, следует оставить Австрийскую империю как противовес на российском юго-западном фланге.

Россия сразу после начала войны объявила нейтралитет. Разногласий относительно курса не отмечалось ни среди политической элиты, ни в прессе. Подозревали, что Берлин заранее договорился с Парижем относительно ее исхода: «Как ни смел, как ни легкомыслен г. Бисмарк, но он не решился бы поставить на карту судьбу Пруссии, если бы для своей игры не заручился разрешением из Парижа»²⁸. В то же время высказывалось мнение, что Луи Наполеон не допустит слишком большого расширения Пруссии, последует вмешательство «Европы», и зарвавшуюся честолюбицу поставят на место. Сторонников Берлина из числа прибалтийских баронов можно было пересчитать по пальцам. Консервативным кругам Бисмарк представлялся ниспровергателем троих. Всех тревожило, что выдворенная из Германии Австрия займется поиском компенсации на Балканах.

Луи Наполеон, надеявшийся выловить рыбку в мутной воде конфликта, остался с носом по причине стремительного развития событий. Двинуть армию на Рейн он не решился. В Париже с опозданием спохватились, что к сему не готовы: упустили из виду реорганизацию вооруженных сил, обнаружилась нехватка подготовленного резерва, встал вопрос о введении всеобщей воинской повинности, что предвещало немалые внутренние затруднения – далеко не всех в стране привлекала перспектива провести годы под ружьем. Демократические круги устали от бесконечных внешнеполитических комбинаций Наполеона и не желали участвовать еще в одной. Бонапарт заявил австрийцам, что не станет помогать им силой оружия. Бисмарк принял французское посредничество в мирных переговорах, посеяв в душе императора зерно надежды на то, что дипломатическими средствами удастся склонить победителя к умеренности. Вильгельм

обратился к Александру II с запросом — какие компенсации хотела бы получить Россия в Галиции и на Востоке? Зимний дворец ответил, что никаких. А вот приглашать его в посредники не стали.

Горчаков беспокоился: не произойдет ли сговора Берлина и Парижа по германским делам, и тогда прощай всякий расчет на поддержку последнего на Балканах, где «зловредное влияние Вены чувствуется все более и более». От посла в Пруссии П.П. Убри поступала информация, что Наполеон согласился на присоединение к Пруссии земель с населением 4 млн. Александр взволновался: столь важные вопросы, касающиеся «равновесия, не могут и не должны решаться одной Францией», предложил созвать конгресс, в противном случае Россия не согласится выступать в роли простого регистратора событий²⁹. Его инициатива повисла в воздухе.

Предрешенный исход войны не оставлял надежд на то, что старый порядок в Германии будет сохранен. «Мы стоим перед переменами. В этом отношении мы не тешим себя никакими иллюзиями», — замечал Горчаков. И все же какая-то тень иллюзий у него оставалась. Австрии, в его не скажем планах — это было бы слишком громко и определенно, а в замыслах отводилась роль руководителя Южногерманского союза в противовес Северному, в котором хозяйничать предстояло Пруссии. Государи, у которых вот-вот должны были слететь с голов короны, взвыли к царю о поддержке. Тот был до глубины души уязвлен столь бесцеремонным обращением с монархическим принципом и настаивал перед Вильгельмом на проявлении умеренности. Король отвечал племяннику, что мелкие князья своими склоками, интригами и взаимной грызней лишь компрометируют великий принцип. Чтобы успокоить Александра II, в Петербург отрядили (9 — 25 октября) генерала Э. Мантафеля. Именно успокоить, а не для совета, по словам Бисмарка, требовался «вежливый поклон» в сторону России. В беседе с прусским генерал-адъютантом Александр «с ужасом» отозвался о происходившем низвержении тронов, «династии эти царствуют милостью Божьей». Горчаков в разговоре с посланцем не стал скрывать раздражения, выразив пожелание, чтобы Бисмарк на политическом горизонте пребывал «не метеором, а звездою неподвижною». В утешение собеседникам (слабое!) Мантафель заявил, что с Вюртембергом и Гессен-Дармштадтом решено обойтись снисходительно исключительно по причине родственных связей их правителей с Романовыми.

Нельзя все же свести миссию генерала к «вежливому поклону». Ему предписывалось в инструкции: если российская сторона выразит пожелание сбросить путы Парижского договора, заявить, что «Пруссия никак не заинтересована в сохранении этих условий». Горчаков, пребывавший явно не в духе, холодно воспринял эту важную декларацию: к немедленному использованию она не годилась, поднимать вопрос значило бы идти на конфликт с Лондоном, да и с Наполеоном, досытая вкушившим неудач. Но скоро полученным от Вильгельма и Бисмарка авансом удалось воспользоваться.

Мантейфеля отпустили с почетом, наградили орденом Александра Невского, забыв, видимо, второпях, что святой благоверный князь разгромил на Чудском озере немецких рыцарей, к коим относился и генерал. Царь в письме заверил дядю, что ни в коем случае «не примкнет к противникам Пруссии»³⁰.

Бисмарк целеустремленно и жестко проводил курс на разъединение участников неприятельской коалиции. Никольсбургский договор касался одной лишь Австрии, которая бросила партнеров на произвол судьбы, выступавшей в прусском облике. Она вышла из Германского союза, который прекращал существование, признала прусские аннексии и согласилась с образованием союза немецких государств к северу от реки Майн, понятно с кем во главе. Участники австрийского альянса чувствовали себя покинутыми и преданными. Слухи о сговоре между Бисмарком и Наполеоном за их счет порождали панику, грозный министр не допускал их представителей перед свои очи. Прорваться через охрану в главную квартиру победоносной армии удалось лишь баварцу, но без всякого результата, а пропустивший его через кордоны офицер получил нагоняй. Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт с перепугу запросились в создаваемый Северогерманский союз, но получили отказ. Плод еще не созрел: во-первых, принятие в союз сравнительно крупных и традиционно сепаратистски настроенных государств привело бы к образованию в нем оппозиции; во-вторых, распространение прусской доминации к югу от реки Майн, т.е. на всю Германию, породило бы серьезную тревогу в Париже и Петербурге.

Истомленные ожиданием и страхом южногерманские государства стали легкой добычей Бисмарка. Муссируя слухи о предательстве их интересов со стороны Вены и о притязаниях Парижа на их территории, он добился должной говорчивости: Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дарм-

штадт по тайным конвенциям предоставили свои армии в распоряжение прусского генерального штаба. 10 августа шестнадцать государств, расположенных к северу от Майна, образовали Северогерманский союз со своей конституцией и рейхстагом, в котором король Вильгельм стал президентом, Бисмарк — канцлером, а Пруссия — полновластной хозяйствой. Проделав все эти операции, новоиспеченный канцлер счел почву подготовленной для подписания окончательного мирного договора, что и произошло в Праге 3 августа. Австрия по нему передала победительнице все права на Шлезвиг, Гольштейн и графство Лауэнбург. Последняя, уже без санкции Вены, присоединила к прусским владениям Ганновер, Гессен-Кассель, Нассау и город Франкфурт-на-Майне.

Бисмарк купался в лучах славы, король пожаловал ему титул графа, ландтаг безропотно вотировал ему вознаграждение в 400 тыс. талеров, на которые его сиятельство приобрел обширное имение Варцин в Померании. Либеральная оппозиция в парламенте притихла. А дипломатический мир с тревогой задавал себе вопрос: что же будет дальше?

* * *

Российская общественность с пониманием отнеслась к проводимому А.М. Горчаковым в тревожные 1864—1866 гг. курсу. Слово «одобрение» в данном случае не подходит, все сознавали, что в Европе произошел перевес сил в пользу Пруссии, в ущерб Франции и России. Вице-канцлер не был одинок, в политическом плане естественным союзником страны продолжала оставаться Франция. Газета «Весть» 8(21) августа 1866 г. выражала надежду на то, что Наполеон наконец поймет, пора идти на сближение с Петербургом, иначе в Европе станет хозяйничать Бисмарк. Но союз с Парижем разбрисался о риф польского восстания, а хищные провадки Бонапарта не оставляли надежд на его возрождение. И перспектив на сотрудничество с Пруссией, по убеждению Горчакова, не было никаких: «Та цель, которую преследует берлинский кабинет, и характер его современной политики, ни перед чем не останавливающейся, чтобы добиться своего, исключают возможность тесного сближения»³¹.

Тревожило не объединение Германии само по себе, общественность понимала закономерность процесса: «Благоразумие воспрещает противодействовать тому, что составляет неизбежную потребность положения дел. Та-

кую потребность нельзя не видеть в объединении Германии», — размышлял обозреватель «Московских ведомостей». Опасение внушала форма, в которую вылился процесс, и обозначившиеся уже на промежуточной стадии его результаты. Бисмарк продемонстрировал напор и бесцеремонность, пренебрежение к мнению пресловутого «концерта держав» и умение использовать противоречия между его участниками. Нельзя поручиться, беспокоилась газета «Голос», что Пруссия завтра не предъявит претензий на Остзейские провинции и Рижский порт в придачу к Кильской гавани. «Дранг нах остен» стал лозунгом бургеров, не мешало бы над этим подумать! «Современник» предавался ламентациям по поводу метаморфозы, случившейся с былыми прогрессистами: немецкие патриоты «рыщут по карте всего земного шара и ищут, не говорит ли где кто на их родном языке или по крайней мере на языке, близком к нему», и отнюдь не для того, чтобы наладить с соотечественниками культурные связи.

В печати проскальзывали нотки недовольства пассивностью отечественной внешней политики и выражалось опасение, как бы двор не вовлек страну в союз с Пруссией. Ф.И. Тютчев в личной переписке называл царское окружение «сокращенной Германией», допуская свойственную поэтам гиперболизацию. Взгляды определенной группы царедворцев встречали отклики разве что среди остзейских баронов и на страницах издаваемой Академией наук «Санкт-Петербургер цайтунг». Язвительный И.С. Аксаков с иронией описывал паломничество ее корреспондентов на родину предков, куда они «отправляются, словно в Мекку», и посещают «конюшню прусского короля», где «с умилением и признательностью лобзают кобылу его величества, бывшую под ним в день сражения при Садовой»³².

Широко читаемый и влиятельный орган М.Н. Каткова «Московские ведомости» был в набат. Пора России сбросить с себя личину смирения и явиться перед Европой «тем, чем она всегда была и есть, — великою европейской державой, всегда готовой в случае необходимости взяться за привычный ей меч для ограждения своей чести и достоинства, своих интересов и своего законного влияния в Юго-Восточной Европе». С эмоциональным всплеском у Каткова соседствовали вполне земные рассуждения: надо отстоять свои права, вернуть себе Южную Бессарабию, добиться пересмотра Парижского мира. В таком же смысле

ле высказывался «Голос»: «Пруссия овладела выходом из Балтики», так не настало ли время восстанавливать свои права на Черном море?³³

Скрытая оппозиция зародилась в самом министерстве, недовольные группировались вокруг Николая Павловича Игнатьева, восходящей звезды отечественной дипломатии. Игнатьев сделал феерическую карьеру: окончил Пажеский корпус, затем, в девятнадцать лет, — Академию Генерального штаба. Падение с коня, вызвавшее серьезную травму, помешало службе в строю. Он стал военным атташе (или, как тогда говорили, агентом) в Великобритании. По неподтвержденной версии, приводимой в мемуарах А.А. Игнатьева, при посещении выставки нового вооружения он «по рассеянности» сунул в карман винтовочный патрон последнего образца³⁴. Бдительные британцы его выследили, и Николаю Павловичу первым же пароходом пришлось вернуться на родину. При дворе оценили его предприимчивость и стали давать связанные с немалым риском поручения. В 1858 г. его во главе небольшой экспедиции отправили в Хиву и Бухару. Многое пришлось испытать Игнатьеву со спутниками: зимние ночи в степи на пронизывающем ветре, утомительные дневные переходы, недоверие и коварство восточных владык, не раз жизнь висела на волоске, а у него для защиты — всего десяток-другой казаков. Но миссия увенчалась успехом, полковнику удалось урегулировать торговые отношения с ханством и эмиратором; по возвращении Игнатьев в 27 лет стал самым молодым генералом российской армии. В 1860 г. он возглавил трудное и ответственное посольство в Китай для подтверждения Айгунского (1858) договора.

Экспедиция совпала с заключительным этапом Второй опиумной войны Великобритании и Франции против Поднебесной империи. Появление Игнатьева с ветвью мира в руке воспринималось китайцами как добрый знак — не все европейцы им враждебны. В осажденный Пекин генерал-майору пришлось пробираться через за слоны войск колонизаторов, китайские власти встретили его как избавителя от бедствий войны. Отсюда — чрезвычайно благоприятные условия заключенного 2(14) ноября 1860 г. Пекинского договора, утвердившего присоединение Уссурийского края к России. К трактату на правах его части прилагалась карта с обозначением границы, на всем протяжении которой предусматривалась возмож-

ность свободной и беспошлинной торговли между жителями двух стран*.

После возвращения Николая Павловича в Петербург его назначили директором Азиатского департамента МИД, в ведение которого входили Балканы как часть Османской империи, а в 1864 г. отправили посланником в Стамбул. Трудно представить две более несхожие личности, нежели Горчаков, начальник, и Игнатьев, высокопоставленный и авторитетный подчиненный. Первый — уже обремененный годами, многоопытный, сдержанный и суховатый человек без иллюзий и порывов. Второй — в 32 года посланник на важнейшем посту, общительный, импульсивный, обаятельный, очень энергичный. И тем не менее Горчаков сыграл важную роль в назначении Игнатьева на высокий дипломатический пост и даже «отбил» его у военного ведомства, предназначавшего Николая Павловича на роль генерал-губернатора Степного края. Этот эпизод показывает, что Горчаков ценил выдающиеся качества подчиненного, хотя уже тогда обозначилась разница в их подходах к балканской стратегии России. В Константинополе Николай Павлович осел надолго, на целых 13 лет. Он добился выделения кредита на реставрацию обветшавшего здания миссии и зажил на широкую ногу, не жалея средств, своих и супруги, урожденной княжны Екатерины Леонидовны Голицыной. Еженедельные вечера с участием дипломатов, турецкой элиты, верхушки православной общины, спектакли домашнего театра, обильное застолье. Случалось, что под звуки музыки послы, собравшись в уголке, обсуждали важные дела. А потом, сообщал Николай Павлович родителям, «я обратился в молодого человека и танцевал котильон. Знай наших».

* Пекинский договор завершил процедуру урегулирования российско-китайской границы и закрепления России на Тихоокеанском побережье. Немалая заслуга в этом принадлежала генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву. В мае 1858 г. он подписал с китайскими властями Айгунский договор, по которому левый берег Амура до его владения в океан признавался принадлежащим России, а Уссурийский край — общим владением ее и Китая. В июне 1858 г. адмирал Е.В. Путятин подписал Тяньцзинский договор, значительно расширявший возможности торговли с Китаем. Дипломатические способности Игнатьева проявились в том, что он обусловил свое согласие выступить посредником в англо-франко-китайских переговорах принятием основных российских требований китайскими правителями. В приложенной к Пекинскому договору карте граница между двумя империями прочерчивалась по течению рек Амур, Уссури, озеру Ханка, реке Баланхэ и горным хребтам до реки Туммыньцзян, Уссурийский край закреплялся за Россией.

Игнатьев щедро оплачивал расходы миссии из собственного кармана, выплачивая наградные даже Константинопольскому патриарху за произносимые проповеди. Миссию охраняли громадного роста и страхолюдного вида черногорцы. В торжественных случаях персонал разъезжал по городу в тринадцати каретах и колясках в знак уважения к столь ценимой на Востоке пышности.

А за занавесом светской жизни шла напряженная работа. Когда наступала темная южная ночь и гости разъезжались, к подъезду особняка приближались тени, появлялись «проходимцы, политические интриганы или попросту шпионы» (Н.С. Карцев). На подкуп Игнатьев денег не жалел. Члены российской колонии, греки и армяне, поставляли информацию бескорыстно.

Подчиненные на Николая Павловича разве что не молились: «В рядах нашего консульского корпуса (...) неугасимым пламенем горел игнатьевский дух»³⁵. Генерал обладал врожденным свойством внушать к себе доверие даже вельможным туркам, включая султана Абдул Азиза. Нельзя их всех поголовно считать ретроградами, многие являлись сторонниками реформ на европейский лад, укрепления империи и омоложения ее строя. Москов паша, как стали звать Игнатьева, напротив, полагал, что реформы ее развалят, но, разумеется, не выражал своего мнения гласно. Среди христиан он завоевал репутацию стойкого борца за их интересы, добивался улучшения их участия, используя в сношениях с Высокой Портой и логические доводы, и посулы, и угрозы, наладив систему явных и тайных сношений с христианами, пользуясь при случае и услугами славянских благотворительных фондов.

В вопросах стратегии и тактики он расходился с Горчаковым, казавшиеся бесконечными согласования с державами всего и вся он считал неоправданным топтанием на месте: «Я глубоко не доверяю и европейским конференциям, сознавая, что в Восточном вопросе все державы более или менее враждебны, и на этой почве легче всего создаются против нас коалиции и союзы». Игнатьев полагал, что Османскую империю можно привести в состояние покорности, не прибегая к помощи оружия: «Влияние наше должно быть первенствующим в делах Порты. Живя в дружбе с султаном и распоряжаясь министрами, мы могли бы подготовить автономию единоверных и обязанных нам христиан, сделать Турцию для нас безвредною и, приобретя право ходить в Проливах, оставить султанов в Константинополе до-

живать свой век до той поры (...) пока можно будет без них обойтись...» Цель – обратить болгарское и греческое население, с одной стороны, и армянское – с другой, «в послушное орудие русской политики и в постоянных союзников, уничтожив всякую возможность перехода их во враждебный лагерь». Свое кредо Игнатьев выражал кратко: «Союз славян с нами – вся наша европейская будущность. Иначе мы задавлены и разоряены будем. Горчаков никогда не подписался бы под подобной формулой. Славяне для него – опора в балканской политике России, причем, как он опасался, опора времененная и непрочная – только до их освобождения и обретения ими независимости, когда, как он опасался, восторжествуют «материальные интересы», и их пути разойдутся с российскими»³⁶.

Время показало, что Николай Павлович ошибался, полагая достижимым освобождение Балкан столь простым, опирающимся на его дипломатическое мастерство путем. Его успехи выглядели порой импозантно, но, как признает и В.М. Хевролина, носили все же частный характер. Но об этом – впереди.

В июле 1864 г. новый посланник в Стамбуле, генерал Н.П. Игнатьев, нанеся визиты коллегам по дипломатическому корпусу и представив верительные грамоты, погрузился в круговорть балканских дел, и прежде всего в доставлявший массу неприятностей ведомству на Певческом мосту греко-болгарский церковный конфликт.

В Болгарии «послекрымский период» ознаменовался сменой вех в освободительном движении, изменением его стратегии и тактики. Гайдучество изжило себя, османские власти быстро справлялись с отрядами смельчаков, переправлявшихся через Дунай из Сербии и Румынии, еще до того, как они обретали опору у местного населения. Началась подготовка к выступлениям в национальном масштабе. Г.С. Раковский призывал создать единый центр подготовки восстания, его усилиями удалось организовать в Сербии зародыш армии, первую болгарскую легию, правда, на короткий срок (1860 – 1862). Все болезненнее ощущалось издавна сложившееся церковное неравноправие, отсутствие своей автокефальной церкви, подчинение болгарских приходов непосредственно Константинопольскому патриарху. Высокие должности в епархиях занимали греки-фанариоты, они же вели службу во многих храмах, причем на своем, непонятном для прихожан языке. Значительная часть церковных доходов уплывала в казну патриархии, вводились дополнитель-

ные поборы (владышнины), утварь забиралась под видом спасения ценностей от турок, в монастырях уничтожали средневековые рукописи. Российская печать осуждала фанариотский гнет: «Турок, убивая физически христианина и грабя его, не препятствует развитию его духовной жизни; фанариот же вместе с грабежом давит его нравственную духовную деятельность, препятствует его развитию то силою анафемы, то мечом и попирает его священнейшее достояние — язык и народность»³⁷. Патриархия упорно сопротивлялась попыткам сделать церковь национальной по составу духовенства, в том числе высокого сана.

В 1856 г. константинопольская болгарская община обратилась к султану с петицией о предоставлении болгарам права самим избирать митрополита и светского начальника. Султан Абдул Азиз ее проигнорировал: греческая аристократия, духовные и светские фанариоты, давно и прочно вошли в систему турецкого господства и управления, и скориться с ними Высокая Порта не собиралась. Но движение, по сути своей освободительное, приняло общенациональный размах. К раздававшимся из Константинополя заклинаниям вселенская патриархия — мать всех православных — не прислушивалась.

В ведомстве Горчакова это сознавали: «Религиозная эмансиляция болгар (...) явится предтечей их освобождения». Их цель — «не столько создание своей церкви, сколько признание национальности»³⁸. Российская дипломатия болгарам сочувствовала и кляла твердолобое упрямство (эллинский папизм) греческих церковных иерархов. Но ее одлевали колебания. Патриархия была одной из опор российского влияния на Балканах, посягать на ее интересы не хотелось. Московский митрополит Филарет держал ее сторону, равно как многие греки, занимавшие консульские посты в регионе и должности в аппарате министерства. Единство православного мира — один из постулатов внешнеполитического курса — дало трещину. «Оставлять болгар на произвол и вымогательства, к сожалению злонамеренные, греческого духовенства, — размышлял А.М. Горчаков, — было бы противно нашим интересам». Но поддержать все требования «раскольников» значило посягать на единство православной церкви, в течение веков объединявшей народы. И перед взором российских сановников вставали картины одна мрачнее другой: усиливается власть Порты — греки качнутся в сторону Запада; занять позицию стороннего наблюдателя — равносильно тому, чтобы подвергнуться осуждению с обеих сто-

рон. Оставалось одно — и той, и другой преподать советы умеренности.

Удержаться в равновесии не удавалось, славянские симпатии перевешивали: «Какова бы ни была цена, придаваемая нами религиозным связям с константинопольской церковью, славянский элемент на Востоке остается самой солидной базой нашего влияния». Ведомство Горчакова убедилось на сколь трудно быть «дамой, приятной во всех отношениях».

В апреле 1860 г. болгарская община Константинополя объявила о разрыве связей с патриархией. Клирики-эллины встали непоколебимо за свои права.

Начались неприятные и компрометирующие церковь события: турецкие аскеры силой выдворяли назначенных патриархией епископов-греков в их резиденции, а паства их оттуда изгоняла; по просьбе (а если быть точными — по доносу его святейшества) двух уважаемых юрархов-болгар посадили в тюрьму. Не остались в стороне от конфликта западные державы. Британцы стали проявлять сердечную заботу о судьбе болгар, император Наполеон поощрял деятельность католических миссионеров, папский престол взял курс на осуществление унии и добился успеха, правда минимального: группа болгарских духовных и светских деятелей в декабре 1866 г. провозгласила унию и избрала ее главой 80-летнего архимандрита Иосифа Сокольского³⁹. Эффект от затеи оказался слабым, болгары в массе своей остались верны православию, сам Иосиф раскаялся и уехал в Россию доживать свои дни.

Прибывший в Стамбул Н.П. Игнатьев сразу угодил в омут противоречий и интриг. Его заслуга заключалась в том, что, разобравшись в ситуации, он твердо встал на сторону болгар, хотя от примиренческих усилий не отказывался. Турки убедились, что, поддерживая греков, они от болгар лояльности не дождутся. А когда на острове Крит в 1866 г. началось восстание, их симпатии к грекам сильно поубавились. Обострились противоречия между славянскими этносами. Болгарские радикалы, чтобы порадеть своему делу, направили Высокой Порте адрес, в котором одобрили ее свирепый курс на острове Крит. Странный тандем — Игнатьев и великий визир Али паша, — пытался добиться компромисса между враждующими сторонами. Предельная уступка патриархии состояла в согласии на образование болгарской церкви лишь на территории к северу от Балканского хребта, всю остальную (т.е. большую ее часть) она собиралась со-

хранить под своим попечением, что не могло удовлетворить оппонентов. В Сербии заявили о себе противники включения в экзархат епархий со смешанным населением. Игнатьеву с большим трудом удалось предотвратить своего рода бунт.

28 февраля 1870 г. султан Абдул Азиз издал ферман об образовании болгарского экзархата, в котором (впервые в официальном документе) признавалось существование болгар как нации (прежде они именовались «эллинами болгарского языка»). Это была крупная победа народного дела.

Игнатьев поздравил себя с успехом: «Создана новая национальность, лишенная до этого всех гражданских и политических прав». Наряду с болгарскими по составу прихожан епархиями (числом 30) в экзархат вошло 15 со смешанным населением, и вокруг них не утихала распра. Константинопольские иерархи с упорством продолжали отстаивать свое право на службу в значительных городах, откуда поступали весомые доходы. Упорный Игнатьев за время спора добился смещения трех патриархов в надежде на то, что вновь назначаемый окажется более покладистым. Но после интронизации очередной владыка занимал жесткую позицию⁴⁰.

Константинопольская патриархия стояла на своей позиции до конца, «все наши старания, констатировал Игнатьев, не смогли свернуть греческое духовенство с избранного им пути»⁴¹. В 1872 г. собор объявил примкнувших к экзархату болгар схизматиками. Впечатления это не произвело, Синод Русской православной церкви вообще не ответил на послание собора. Раскол в православной церкви был налицо.

* * *

Немало забот доставляли Горчакову и Игнатьеву Дунайские княжества. Эйфория, связанная с их объединением, была недолгой, жители княжеств вскоре узнали оборотную сторону прогресса. Князь А.И. Кута энергично приступил к реформам на западный манер: реорганизовал административную систему (в уездах появились префекты, в городах — муниципалитеты, деревни и села объединили в коммуны), усовершенствовал суд, ввел гражданский кодекс, позаимствовав основные статьи из кодекса Наполеона I, провозгласил свободу печати и собраний, издал закон о бесплатном всеобщем начальном образовании (оставшийся на бумаге). Возросшую численно армию спешно переучивали на французский манер и перевооружали, что требовало немалых

средств. Управленческий аппарат разбух, новые чиновники взяточнили и казнокрадствовали, совсем как прежде старые бояре. Российский консул Г.Г. Оффенберг сетовал по поводу «неутомимой алчности легиона неспособных чиновников». Деревня страдала от малоземелья, один засушливый и неурожайный год сменялся другим, волнения крестьян не прекращались. Земельный вопрос оттеснил в социальной и политической жизни страны все прочие на второй план.

В 1863 г. сравнительно безболезненно прошла секуляризация монастырских земель, составлявших около четверти пахотной площади. В 1864 г. открылся Бухарестский университет. Письменность спешно переводилась с кириллицы на латинский алфавит. Здесь больших осложнений не возникло, мало кто возражал против приобщения к латинской культуре.

Но дальше коса нашла на камень. Помещики мертвой хваткой вцепились в свои имения. Попытка князя провести через парламент умеренный вариант земельной реформы натолкнулась на их сопротивление. Либеральный министр М. Когэлничану взывал к депутатам: «Не требую для наших крестьян (...) больше того, что император Александр II и русское дворянство сделало для рабов, для крепостных». Консерваторы в ответ обвинили его в том, что он следует примеру братьев Гракхов, Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Сен-Симона и прочих «страшилищ»⁴². Господарь решился на государственный переворот, распустил палату депутатов, понизил уровень избирательного ценза и добился избрания лояльной к нему палаты. Реформу, в качестве главы правительства, проводил тот же Когэлничану (1864). Крестьяне могли приобрести землю за большой выкуп, но в зависимости от наличия у них рабочего скота. Более двух третей пахотной земли остались у помещиков, несмотря на это они назвали реформу «химерой с головой голубя и телом змеи». Консервативно настроенные крупные землевладельцы отвернулись от князя А.И. Кузы.

Надежда крестьян на то, что настала пора хозяйствовать на собственной земле, быстро испарилась. «Боярину» следовало платить за «утраченную» им землю коммуне, налоги — государству, а еще кормить семью и содержать скот. Засуха 1865 г. довершила бедствия крестьян. Недоимки взыскивались беспощадно, по селам рыскали карательные отряды. Российский консул в Яссах Н.М. Лекс сообщал (октябрь 1865 г.): «Экзекуции крестьянского населения Молдавии для уплаты податей и поземельных повинностей продолжаются

(...) Вообще положение царан самое плачевное. Урожай хлебов нынешнего года был весьма плохой, сена вовсе почти нет, скот продаётся нипочем, а между тем подати страшные; все это заставляет бояться серьезных беспорядков» (которые и произошли)⁴³.

Казалось бы, реформатор А.И. Кузя должен был найти общий язык с либералами и радикалами. Но те стояли за учреждение в стране парламентского правления, господарь же явно проявлял бонапартистские замашки и склонность к сильной власти. Радикальная пресса обрушилась на князя с резкой критикой за отказ поддержать польских и венгерских революционных эмигрантов (на самом деле Кузя их поддерживал, но осторожно). В ответ на нападки власти штрафовали и закрывали газеты.

Неоспоримым центром социальной и культурной жизни стал Бухарест; Яссы из столицы княжества превратились в тихий провинциальный город; в Молдавии росли сепаратистские настроения, охватившие не только выходцев из боярской среды, но и купцов и ремесленников⁴⁴.

Финансы пришли в расстройство, чиновники и офицеры месяцами не получали жалованья, пенсионеры — пособия, кредиторы — причитавшихся им процентов. Оппозиция князю росла, причем не только «справа», но и «слева», радикально-мелкобуржуазная, подогреваемая неразберихой и казнокрадством в государственном аппарате, тяжестью налогов и нарушениями гражданских свобод. Министерская чехарда не прекращалась, за первые четыре года правления Кузя сменил 21 кабинет⁴⁵. А помещики и крепнувшая буржуазия жаждали спокойствия, хотели иметь прочную государственную базу для своего господства.

Недовольство вызывала и частная жизнь господаря. Он покинул бездетную супругу Елену и «находил утешение в алкоголе и объятиях привлекательной молдавской вдовушки Марии Катарджи-Обренович» из сербского княжеского рода. Она родила ему двух сыновей, которых он признал законными. Шли толки: что же в будущем князем Румынии вместо респектабельного принца станет человек сомнительного происхождения,bastard?⁴⁶

Не кто-нибудь, а румынский агент при Высокой Порте Костаке Негри признавался в беседе с посланником Е.П. Новиковым: и «бояре», и радикалы стремятся свергнуть князя. Усталый, отчаявшийся, преследуемый анонимками Кузя думал об уходе в частную жизнь. В доверительном письме Луи Наполеону он писал: «Сир! Я готов покинуть трон (...) Я буду

счастлив выполнить любое решение, которое ваше величество сочтет нужным принять в интересах Румынии»⁴⁷.

Крайности сошлись, антагонисты 1848 г. подали друг другу руки ради свержения Кузы с престола. Современники нарекли их союз «чудовищной коалицией», настолько он представлялся им противоестественным. П.Е. Микельсон спрашивает замечает, что «коалиция не была уж столь чудовищной», так как образовался длительный и прочный союз помещиков и тесно с ними связанных представителей торговой и промышленной буржуазии, владевших тогда в основном предприятиями легкой и пищевой промышленности.

Вечером 10(22) февраля 1866 г. в особняк лидера радикалов К.А. Росетти на бал съезжались «гости», они же заговорщики. Дом сиял огнями, из окон доносились звуки музыки. А в одной из комнат печатали манифест об отречении Кузы и образовании нового правительства.

Князь был предупрежден о готовящемся перевороте, он приказал начальнику охраны майору Д. Лекке удвоить ее численность, что и было исполнено. Но сам Лекка состоял в конспираторах. В 4.30 утра группа офицеров беспрепятственно проникла в спальню и предложила князю «по желанию всей нации» подписать отречение. Мадам Обренович разрешили одеться и проводили домой⁴⁸.

11(23) февраля изумленные обыватели узнали из расклешенных на улицах объявлений, что они ошиблись в выборе господаря: «Анархия, коррупция, нарушение законов – вот принципы его правления». За сим следовало клятвенное обязательство уже учрежденного наместничества – положить все силы на алтарь отечества, сохранять незыблемым общественный порядок и забыть о личных амбициях.

Ошарашенные консулы держав, прозевавшие переворот, собравшись вместе, решили воздержаться от общения с новой властью до получения инструкций.

В тот же насыщенный событиями день 11(23) февраля палата депутатов и сенат на своих заседаниях провозгласили румынским князем брата бельгийского короля графа Филиппа Фландрского, которому, не мешкая, принесли присягу. Граф об этом даже не подозревал⁴⁹. Заговорщики спешили как на пожар: надлежало поставить «Европу» перед совершившимся фактом, что уже удавалось не раз. По букве и духу принятых «концертом» решений, державы давали санкцию на объединение Молдавии и Валахии лишь на время правления А.И. Кузы и, следовательно, княжествам предстояло вернуться к раздельному существованию. Заговор-

щики рассчитывали извлечь пользу из непрекращавшихся раздоров между «покровителями», и не ошиблись. Державы были по горло заняты нависавшей австро-прусской войной. Лишь 27 февраля (10 марта) послы собирались в Париже на совещание и потребовали от временного бухарестского правительства ограничиться делами административными и сохранением порядка⁵⁰. Затем участники «концерта» заиграли каждый по своим нотам. Председательствовавший, глава парижского ведомства иностранных дел Э. Друэн де Льюис, мягко, но настойчиво предлагал удовлетворить пожелания румын и согласиться с объединением княжеств под скрепой иноземного принца. Австрийцы, самые упорные сторонники сепаратизма, выступали нерешительно, не желая в преддверии войны с Пруссиею портить отношения с Луи Наполеоном. Британцы, поглощенные внутренними делами (шла борьба вокруг избирательной реформы), ограничились ламентациями по поводу своееволия румын. Турки предлагали направить в Румынию своего комиссара, а в случае нужды двинуть туда войска, дабы привести в чувство непослушных. Отклика их инициатива не встретила, дипломатов приводила в ужас сама мысль о возможном втором очаге конфликта на континенте, Горчакову претила сама мысль о кровавой расправе над христианами.

Позиция российской дипломатии на конференции резко изменилась по сравнению с той, которую она занимала во время Парижского конгресса 1856 г. А.И. Кузя плыл в профранцузском фарватере и явно сочувствовал польским и венгерским «мятежникам», укрывая их в своих владениях, хотя и не рисковал помогать им открыто. Сотрудничество с Луи Наполеоном обернулось серьезным ослаблением российских позиций в Молдавии и Валахии: «Под видом желания действовать вместе с нами французское правительство преследовало комбинации, противные нашим интересам (...) Оно стремилось нанести нам удар здесь, у наших границ, в сердце нашего влияния и традиционных интересов»⁵¹. Горчаков поэтому стоял за возвращение к букве принятых ранее решений держав, означавшее разделение княжеств. Представляется, что он, под воздействием консульских доносений, преувеличивал сепаратистские настроения в Молдавии. Наконец, император Александр не верил в то, что какой-нибудь христианский принц согласится стать вассалом султана, и отечественная дипломатия сперва не принимала всерьез этот вариант развития событий. Бисмарк, поглощенный подготовкой войны с Австрией, дал послу Р. Гольцу

строгое указание — не перечить ни французам, ни россиянам, и тот лавировал.

Пока участники конференции занимались бесплодными дебатами, румыны действовали. Правда, произошел небольшой конфуз: граф Филипп Фландрский отказался от предложенного ему трона в беспокойном Бухаресте, предпочтя размеренную жизнь в Брюсселе. Тогда выбор «чудовищной коалиции» пал на Карла Людвига Гогенцоллерна-Зигмарингена, отпрыска младшей католической ветви прусской династии. 27-летний драгунский капитан по материинской линии приходился родственником Бонапартам, что позволяло расчитывать на благосклонность Луи Наполеона к его кандидатуре. Второй избранник согласился взойти на трон, но хотел заручиться санкцией короля Вильгельма как главы фамилии. Тот медлил, опасаясь испортить отношения с Александром II. А инициаторы переворота, привыкшие не дожидаться решений «Европы», призвали народ к урнам. «Поскольку выборы проводили префекты и они же контролировали полицию, то можно было предсказать исход», — замечает Ф. Келлог. Румыны чуть ли не поголовно проголосовали за неведомого им немца. Демонстрацию протesta в Яссах, состоявшуюся под лозунгами: «Долой объединение!», «Да здравствует Молдова!» расстрелял вызванный из Валахии отряд, убив двадцать и ранив много людей, в том числе митрополита Калиника. «Подстрекателей» объявили российскими агентами и бросили в тюрьму⁵².

Карл Людвиг замешкался с приездом, добиваясь официального согласия на признание, но так его и не дождался. Вильгельм разрешил ему заграничный отпуск и пожелал доброго пути, Бисмарк «дружески» посоветовал ехать.

В дорогу принц пустился инкогнито с паспортом на имя швейцарского гражданина К. Геттингена и в темных очках. Из Цюриха он отправил телеграмму Луи Наполеону, сообщив в ней, что уповаает на помощь Бога и его, императора. 7(19) мая он прибыл на пароходе по Дунаю в Турну-Северин. Его встретили пушечным салютом и колокольным звоном. 10(22) мая он принес присягу.

Горчакову оставалось изливать досаду: «Никогда еще капитуляция права перед свершившимся фактом и презрение к коллективным гарантиям Европы не демонстрировались с подобным цинизмом». Но, как стратег от дипломатии, Горчаков сознавал, что по милости румын в системе Парижского договора 1856 г. образовалась еще одна брешь, из чего в дальнейшем можно извлечь выгоду для себя.

Игра была проиграна. Утешало одно: князь Карол, как его стали звать в Румынии, заверял: «Призвав на престол Гогенцоллерна, румыны должны понять, что время политических авантюри и подрывных замыслов миновало». Принц, верный традициям своего дома, вооруженной рукой подавит силы иностранных (т.е. польских) или местных последователей «секретных комитетов Запада». Князь Гогенцоллерн, — от себя добавлял консул Г.Г. Оффенберг, — одушен влен самыми наилучшими намерениями».

Австро-прусская война прервала всем надоевшую и бесполковую суету вокруг Румынии. Российский посол А.Ф. Будберг в несвойственной дипломатам резкой манере заявил, что «бессилие и апатия Европы» лишают всякого смысла его участие в дискуссии. Конференция, уже после окончания войны, испустила дух, решив смириться с существованием единой Румынии, как с наименьшим злом. 11(23) октября 1866 г. султан предоставил Карлу Гогенцоллерну инвеституру, Румыния в фермане именовалась неотъемлемой частью Османской империи⁵³.

Румынская историография венчает лаврами Луи Наполеона, приписывая ему решающую роль в создании нового порядка вещей. Налет гиперболы в этом утверждении присутствует. Ситуация благоволила румынам, их «покровители» занимались конфликтом в Центральной Европе, никто не желал осложнять ситуацию в ее юго-восточной части. Бонапарт по неформальным каналам давал понять, что в случае обострения обстановки он не станет защищать румын. Отстаивать ему ничего не пришлось. Горчаков, передавал французский посол из Петербурга, ограничится формальным протестом (да и того не последовало)⁵⁴.

Луи Наполеон вел, по обыкновению, двойную игру, упорно отстаивая идею обмена: передать Молдавию и Валахию Габсбургам, чтобы те, в свою очередь, расстались с Венецией в пользу Италии, что не оставило бы от объединения камня на камне. Хорош благодетель! Напротив, Россия принимала в штыки саму мысль о подобной сделке. В Петербурге твердо помнили, что путь к Константинополю лежит через Румынию, и он будет закрыт, если ее займут австрийцы. «Эвентуальная уступка Францией Дунайских провинций явится для России казусом белли»⁵⁵.

Заслуга в укреплении единой Румынии и в превращении ее в наследственную монархию принадлежит отцам-основателям государства, унионистам, проявившим немалую целеустремленность, умение лавировать посреди рифов сопер-

ничества держав и, не побоимся этого слова, способность к интриге. Горчакову оставалось утешаться надеждой на то, что «пруссак на престоле» установит в стране должный порядок.

* * *

В августе 1866 г. на Крите под лозунгом «нерасторжимого союза с матерью-Грецией» восстали христиане. Повстанцы отбили попытки карателей захватить горную твердыню Сфакию. В ноябре, когда турки ворвались в монастырь Аркадион, игумен Гавриил, не желая сдаваться, взорвал пороховой погреб вместе с собой. О его мученической гибели узнала вся Европа⁵⁶.

Османское войско вело себя с традиционной жестокостью. Деревни сравнивали с землей, жителей убивали, сады и виноградники сжигались, плантации оливковых деревьев, основной сельскохозяйственной культуры острова, вырубали. Наступил голод, население скрывалось от преследователей в горных пещерах.

В Греции прекратились внутренние раздоры и началась вербовка добровольцев. В сентябре на остров прибыло первое судно с волонтерами, оружием и продовольствием.

Горчаков считал «самым естественным (...) присоединение острова к Греции. Если это сочтут практически невозможным, то автономия наподобие существующей для Соединенных княжеств могла бы удовлетворить критян»⁵⁷.

Все державы стремились предотвратить большую европейскую войну, но на этом согласие кончалось. Предложения России отклика не встретили. В самом министерстве выявились разные точки зрения по тактическим вопросам. Игнатьев и некоторые консулы считали, что Балканы накануне всеобщего взрыва, и советовали активизировать помощь критянам хотя бы в форме добровольных пожертвований. Призывы Игнатьева отвечали царившим в стране настроениям, правительство выделило 50 тыс. руб. на покупку хлеба островитянам. Под новый 1857 год состоялся великосветский благотворительный бал в присутствии членов царской фамилии. Все его участники за солидные деньги приобретали лотерейные билеты в пользу критян. Митрополит Филарет обратился к пастве с призывом жертвовать единоверцам.

Державы направили в критские воды военные корабли под предлогом защиты своих подданных и для сбора инфор-

мации. Капитан первого ранга И.И. Бутаков, командовавший паровым фрегатом «Генерал-адмирал», на свой страх и риск стал вывозить с острова исстрадавшихся беженцев. Первая партия насчитывала почти 1200 человек. На пристани в Пирее «Генерал-адмирала» встречала толпа, приветствовавшая моряков. Приказа, одобряющего его действия, Бутаков не получил, но и разноса от командования не последовало. Британский капитан, вздумавший ему подражать, заслужил нагоняй от начальства.

Повстанцы держались стойко. Разбитые в одном месте, они создавали очаги сопротивления в других. Творить расправу на остров прибыл генералиссимус Омер паша, но и он увяз там на два года. В российской печати появились статьи, трактовавшие события с неоправданным оптимизмом: греки сражаются, сербы сколачивают Балканский союз, недалеко и до всеобщего взрыва. По мнению газеты «Современные известия», «если бы дело дошло до действительной борьбы, если бы только было между всеми дружное согласие, к чему тут союзники и покровители? Греция с юга, Сербия и Румыния с севера, Черногория с северо-запада, восстание в самой середине — разве тут устоять хотя с двадцатью Омер пашами?»⁵⁸ И пока османские покровители придут в себя, произойдет освобождение.

Гораздо приземленнее и ближе к истине рассуждал М.Н. Катков: «Россия как государство не может принимать участия в тамошних делах: ее вмешательство вызвало бы европейскую войну и, следовательно, не пособило бы, а повредило бы делу (...) "Европа", конечно же, начнет сочинять всякие протоколы, их усилия увенчиваются созданием хартии, которую турки, не препираясь, подпишут, не собираясь ее выполнять, и все сведется к нулю. Единство балканских народов — вот ключ к успеху»⁵⁹.

Все так и произошло, с небольшими нюансами. В российских правящих кругах единомыслие отсутствовало: Горчаков, министры — финансов М.Х. Рейтерн и внутренних дел П.А. Валуев и шеф жандармов П.А. Шувалов — стояли за действия в рамках «концерта», «партия войны» (Д.А. Милютин, Н.П. Игнатьев, председатель совета министров П.П. Гагарин) считала возможным в качестве угрозы прервать отношения с Портой. Возобладали первые. Начался дипломатический бег на месте. После длительных и сложных переговоров в марте 1867 г. удалось достичь договоренности между Россией, Францией, Пруссией, Австрией и Италией о демарше в пользу критян. Великобритания на сей раз в «концер-

те» не участвовала и действовала самостоятельно во вполне прооосманском духе. Глава Форин оффис лорд Э. Стенли признавал обоснованность жалоб критян и правомочность перехода острова к Греции, но только по доброй воле султана. Пятеро дипломатов учили в Стамбуле демарш в пользу проведения на Крите плебисцита с целью решения его судьбы, но встретили отказ со стороны великого везира⁶⁰. Проигнорировала Порта и второе обращение «Европы», на этот раз с просьбой согласиться на перемирие и приезд на остров международной делегации для ознакомления с пожеланиями повстанцев (апрель 1867 г.).

В недрах Кэ д'Орсэ еще в 1866 г. возник план, на первый взгляд смелый и реформаторский — спасти Османскую империю путем ампутации отдельных ее частей. Щедрею всех наделялась Греция, ей предлагалось передать Фессалию, часть Эпира и остров Крит. Предусматривался вывод сultanских войск из крепостей в Сербии. Самой Османской империи давались моральные и финансовые гарантии, достаточные для восстановления ее жизнеспособности.

В ведомстве Горчакова с виду соблазнительный план разнесли в клочья. Сербия от него территориально ничего не выигрывала, Босния, Герцеговина, Македония и, добавим, Болгария «отдаются на произвол мусульманского государства, укрепленного Европой». Министр усмотрел во французском замысле скрытую цель — посеять рознь между балканскими народами, «разрубить узел христианских союзов и позволить возникнуть антагонизму между греками и славянами во имя потребностей французской политики»⁶¹. В его планы входило укрепление не османского центра, а христианской периферии как очага сопротивления ему. Россия думает о будущности христиан, Франция — об укреплении турецкого владычества, замечал Горчаков.

Визит султана на всемирную выставку в Париж в 1867 г. рассеял возникшие было в диване опасения насчет позиции Бонапарта. За халифом любезно прислали целую флотилию судов для препровождения его во Францию. Ознакомившись с экспозицией и заслушав заверения императора и его министров, что сохранение и укрепление Османской державы является их сокровенной целью, падишах отправился в Лондон и Вену, где его приняли с почетом. Высокая Порта убедилась, что ничего, помимо бумажных протестов, ей со стороны «Европы» не угрожает, и посулила предоставить Криту лишь новые административные права.

Единственно, что удалось добиться российской дипломатии летом 1867 г. — это прекращения военных действий на шесть недель и формального разрешения турецких властей на вывоз беженцев в Грецию (всего Бутаков переправил в Пирей 24 тыс. человек)⁶².

Силы повстанцев иссякали. В июле 1868 г. они обратились к британской королеве Виктории с просьбой о вмешательстве и защите. Сент-Джеймсский кабинет отклонил обращение. Рисло число инсургентов, полагавших нужным смириться. Но самые отчаянные были готовы стоять до конца. В августе 1868 г. собрание руководителей в Аскиеросе решило продолжать борьбу, пока остров не присоединится к Греции. По кругу была пущена чаша с кровью повстанцев, каждый из собравшихся пригубил ее. Но уже в октябре вожди, встретившись в Милопотамо, большинством голосов приняли решение обратиться к державам с просьбой о посредничестве «с целью приостановки военных действий и введения административной системы под сюзеренитетом Порты на базисе, который обеспечит благосостояние и процветание христианского населения»⁶³. От лозунга присоединения к Греции они отказались.

В январе – феврале 1869 г. в Лондоне заседала конференция послов, но вовсе не для того, чтобы выработать статус острова. Почувствовав силу, Высокая Порта отказалась допускать подобное вмешательство в свои внутренние дела, попытки российской дипломатии под тем или иным предлогом включить в повестку дня пункт о Крите успехом не увенчались. Отношения между Афинами и Стамбулом дошли до разрыва, Порта потребовала прекратить помочь повстанцам со стороны Греции и добилась своего: конференция «рекомендовала» королю Георгу не допускать формирования отрядов волонтеров и вооружения судов для враждебных действий против Турции.

Горчаков расценивал создавшуюся ситуацию как «ублюдоющую, негодную». Но и она, рассуждал министр, все же «лучше, чем война, которая скомпрометировала бы жизненные интересы России, приостановив внезапно ход внутренних реформ и особенно столь важное строительство наших железных дорог»⁶⁴.

Критянам предложили удовлетвориться Органическим статутом от 18 сентября 1867 г., объявлявшим остров вилайетом (генерал-губернаторством), власть в котором принадлежала вали и командующему войсками. Первый имел двух помощников, мусульманина и христианина, из числа мест-

ных жителей. Чиновный аппарат, административный совет, Национальная ассамблея состояли поровну из представителей двух конфессий, хотя христиане представляли три четверти населения. Великий везир Али паша высокопарно назвал произведенный по сути своей косметический ремонт старой, изношенной и враждебной грекам административной системы введением «самоуправления в самом демократическом смысле этого слова». А Горчаков с горечью писал в апреле 1868 г.: «Я лично остаюсь убежденным, что Крит кончит тем, что будет составлять часть Греческого королевства, но когда и как, этого не может знать человеческое предвидение (...) Мы здесь ничего не можем сделать». Он утешал себя тем, что «голос России был единственным», который звучал в пользу Греции⁶⁵.

* * *

Перманентным очагом беспокойства продолжала оставаться Сербия, вопрос о турецких крепостях на ее территории, и прежде всего о Калимегдане в сердце Белграда, бередил общественное сознание. Но замыслы волевого и энергичного князя Михаила Обреновича шли дальше. Вместе с министром Илией Гарашаниным он приступил к подготовке общебалканского восстания и объединения сербов Османской империи под крышей княжества. На 1866 – 1868 гг. приходится зарождение первого в истории Балканского союза.

Сербия прежде всего обратилась к молодому черногорскому князю Николаю. Но черногорцев пугала перспектива очутиться поглощенными более сильной соседкой и союзницей. Поэтому посланцу Обреновича вручили проект союза, отвечавшего интересам Цетинье: раздел освобожденных в ходе восстания земель (Герцеговина и часть Старой Сербии – к Черногории, другая ее часть и Босния – к Сербии); введение в княжествах единообразных законов и системы управления. В случае пресечения одной из династий – объединение государств под скипетром сохранившейся⁶⁶. Последний пункт заключал в себе простодушную хитрость: Михаил Обренович был бездетен, и по истечении отпущенного ему срока жизни Николай Петрович Негош рассчитывал унаследовать сербский престол.

Подобная перспектива Белграду не улыбалась, выработанный здесь контр-проект по сути дела предполагал присоединение Черногории к Сербии, а Николай в утешение по-

лучал ранг принца правящей династии и щедрое денежное содержание.

И все же договор, предусматривавший подготовку восстания для освобождения сербских земель, был подписан в Цетиње 23 сентября (5 октября) 1866 г. Насколько лояльно Николай собирался выполнять неприятные для себя пункты, остается тайной. Оба властителя друг другу не доверяли. Сербы со скрипом и не в полной мере удовлетворили черногорские запросы о помощи деньгами и оружием. Неприязнь Михаила к партнеру доходила до того, что он наотрез отказался от личной с ним встречи.

Иного рода сложности возникли в переговорах с греками. Долго не удавалось достичь согласия о размежевании в подлежавших освобождению областях. Греческая сторона, помимо Эпира и островов Архипелага, претендовала на всю Македонию, а сербы требовали себе часть, населенную славянами. О могущих возникнуть претензиях болгар тогда вообще не вспоминали. Вмешалась российская дипломатия и уговорила греков умерить свои требования, для чего воспользовалась приездом короля Георга в Петербург на обручение с великой княжной Ольгой Константиновной. 14(2) августа 1867 г. уполномоченные Сербии и Греции подписали договор, согласно которому первая обязалась выставить армию в 60 тыс., а вторая — 30 тыс. человек и флот и сражаться до полного освобождения Европейской Турции и Архипелага⁶⁷.

Румынский князь Карл, только что избранный на престол, вел себя осторожно. Страна ориентировалась на Францию, правительство возглавлял бывший высокий османский чиновник (бей острова Самос), туркофил Ион Гика. Сербы призывали их к сплочению: «Русофилы, галлофилы (...) это значит использовать русскую или французскую протекцию, пока они служат нашим целям. Но не будем забывать о нашем общем стремлении к независимости, более дорогом, нежели милости Франции и России», — писал Михаил Обренович⁶⁸.

20 января (1 февраля) 1868 г. все же удалось подписать соглашение, в котором стороны объявили своей целью содействие прогрессу «в соответствии с их законными автономными правами» и развитие торговли. Но главное заключалось не в том, что положили на бумагу, а в том, что подразумевалось: Румыния обеспечивала в случае войны коммуникации союзников с Россией.

Велись переговоры о сотрудничестве с болгарами и хорватами.

Так обозначились контуры Балканского союза — первого в истории Турецкого государства военно-политического блока христианских народов, направленного на свержение ее власти. Был намечен срок выступления — 1 октября 1868 г.

Позицию российской дипломатии в отношении союза последовательной назвать трудно. Горчаков призывал к сдержанности, предупреждал об опасности преждевременных шагов: «Внезапная вспышка Восточного вопроса была бы теперь против наших существенных интересов». Военный министр Д.А. Милютин твердил о неготовности к войне, реформа армии только-только началась, призывал «успокаивать, охлаждать неразумные увлечения» единоверцев. А дипломаты и консулы на местах во главе с Игнатьевым с энтузиазмом включились в подготовку выступления, он лично руководил работой офицеров-разведчиков, присланных для сбора информации о состоянии Османской империи, и поручил военному агенту при миссии подготовить план операции. Штаб-ротмистр Н.Н. Раевский, состоявший при консульстве в Бухаресте, ходатайствовал о посылке на Балканы офицеров для «участия в предстоящих военных действиях». Его же перу принадлежит «Проект организации восстания на Балканском полуострове», столь невзвешенный, что у Миллютина, возможно, волосы встали дыбом при знакомстве с ним⁶⁹.

В декабре 1866 г. и в январе следующего Игнатьев направил в МИД две записки, в которых доказывал, что наступило время для низвержения турецкой власти в Европе. Он не сомневался в победе блока славян и греков, поддержанных Россией, и полагал, что достаточно будет направить 120-тысячную армию на границу с Австрией, чтобы та сидела смирно, и 60-тысячный корпус в Закавказье для устрашения турок. Александр II счел план малопрактичным и нереальным («что совершенно справедливо», — замечает В.М. Хевролина)⁷⁰.

Еще в ноябре 1866 г. Петербург посетил председатель сербского сената Йован Маринович, который был принят Александром и имел беседы с Горчаковым. Он испросил и получил согласие на получение солидного займа (300 тыс. дукатов). Маринович выразил убеждение, что общими усилиями участников союза удастся одержать верх над Портой. От России они ожидали моральной поддержки и некоторых «специальных услуг»: Петербург должен был обеспечить невмешательство держав в конфликт, а уж с турками коалиция справится сама.

Создается впечатление, что Горчаков поддался на сблизительные речи серба. Он обещал предложить державам обоснование принципа невмешательства в балканские дела, выступив с соответствующей декларацией в октябре 1867 г. Усилия оказались напрасными, партнеры придали идею совершенно иное толкование — подразумевалось невмешательство Сербии, Греции и Черногории во внутриосманские дела, т.е. их отказ от помощи восставшим соседям. «Давая такое широкое толкование принципу невмешательства, мы станем палачами наших единоверцев», — заметил министр⁷¹.

Еще раньше Горчаков пустил пробный дипломатический шар. 6(8) апреля 1867 г. он выступил с программой широких реформ в Османской империи на основе укрепления автономии отдельных ее субъектов, выдвинув идею «раздельного», но «параллельного» развития христиан и мусульман. Предлагалось создать провинции (Румелия и часть Македонии; Болгария; Босния, Герцеговина, Северная Албания и часть Косова; Эпир, Фессалия, Южная Албания, оставшаяся часть Македонии; Спорадские острова), которые сверху донизу (провинция — округ — община) управлялись бы местными властями при равенстве жителей перед законом независимо от веры и «расы». Горчаков выдавал свой проект за способ сохранения Османской империи. Но в нем усмотрели угрозу ее ослабления и распада. Инициатива заглохла.

Сербам удалось приобрести в арсенале Николаева крупную партию оружия. Операцию осуществили в глубокой тайне. Оружие переправили в Гамбург, где его закупила некая фирма, и уже «без ведома» Милитина и Горчакова оно осенью 1867 г. очутилось в княжестве.

А сроки выступления откладывались и откладывались. В самой Сербии весной 1867 г. негласно побывала российская военная миссия и вернулась домой в состоянии, близком к шоку от увиденного. Армия не была готова к военным действиям, ощущалась нехватка офицеров (их собирались заменить спешно призванными под знамена лицеистами); отсутствовала санитарная служба, в качестве госпиталей предлагалось использовать монастыри, обучив монахов азам медицины; запаса продовольствия и фуража не существовало и в помине, обозы не были сформированы, в конском составе ощущался недостаток и, главное, отсутствовало «умение взяться за дело». По замечанию капитана Н.А. Снесарева, дела шли «порядком против европейского»: в Европе готови-

лись к войне, «уверяя всех в противном: здесь шумят, но не готовятся»⁷².

Занятость Порты расправой над критскими инсургентами позволила Михаилу Обреновичу добиться в 1867 г. эвакуации оставшихся в Сербии пяти турецких крепостей. Маринович не зря объехал Вену, Берлин и Париж, даже Австрия покинула своего турецкого протеже. Когда австрийский посол посоветовал великому визиру смириться с неизбежным, тот воскликнул: «И ты, Брут!» Габсбургская монархия, потерпев разгром на поле боя от Пруссии, выдворенная из Германии, не желала вступать в конфликт с сербами и создавать себе новые трудности на Балканах, предпочтя пойти им на уступку. Оставшись в одиночестве, Порта сдалась.

Выход турецких войск из Сербии с оставлением всего крепостного вооружения в стране вполне правомерно восприняли как торжество национального дела. Князь отправился в Стамбул с благодарственной миссией, и его приняли с почетом. Потом до Петербурга дошли сведения, что Михаил вступил в сношения с австрийцами, надеясь заручиться их поддержкой в приобретении Боснии и Герцеговины (во что Горчаков не верил). В отношениях с князем наступило охлаждение. Тем временем в Белграде раскручивались политические интриги, и Михаил пал жертвой покушения. Разговоры о выступлении становились все глуше и наконец замолкли.

Балканский союз тихо скончался, выяснившиеся разногласия по территориальному вопросу стали тем фактором, который и в дальнейшем мешал балканскому сплочению и способствовал превращению региона в «пороховой погреб Европы».

* * *

Отношения между Горчаковым и Игнатьевым постепенно осложнялись. Решительная тактика и умение генерала вести дела, рост авторитета России оценивались высоко, что проявилось в возведении миссии в Константинополе в ранг посольства (1867). Но игнатьевский радикализм министр не одобрял, считая его опасным и полагая, что так можно доиграться до большой войны. Сперва Горчаков приписывал порывистость Николая Павловича свойственным молодости заблуждениям. Но годы шли, а тот и не думал успокаиваться, становился все более упрямым, своевольным и склонным к самолюбованию. «Инструкций мне не нужно. Путного

и своевременного ответа никогда не дождешься от МИД», — жаловался Н.П. Игнатьев в письме родным.

Конечно же, как посол он инструкции получал и исполнял. Сотрудничество, и плодотворное, казалось бы двух несовместимых личностей, продолжалось тринадцать лет. Горчаков сознавал, что в рамках имевшихся ограниченных возможностей настойчивый и харизматический Игнатьев — самая подходящая фигура на посту в Константинополе. Разумеется, прочность позиции Николая Павловича объяснялась и близостью его семьи ко двору. 14 декабря 1825 г., в утро знаменитого восстания, рота Преображенского полка под командованием Павла Николаевича Игнатьева первой явилась на Сенатскую площадь на защиту императора Николая. А такого цари не забывают. Через семь лет наследник цесаревич Александр стал крестным отцом новорожденного младенца Николая... Вот каким он сохранился в семейных преданиях: «Характер Игнатьева представлял собой причудливую смесь театрального блефа, грубоватой прямолинейности, взрывного славянского темперамента и политического коварства»⁷³. Со всем этим набором сложных и далеко не положительных качеств Горчакову пришлось столкнуться во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

А в России постепенно нарастало раздражение политической министра, представлявшейся вялой и безынициативной. Курс на эволюционное улучшение участия балканских христиан, приобщение их к политической жизни в надежде на то, что постепенно количество перерастет в качество и они обретут ту или иную степень самостоятельности, наталкивались на нетерпение самих народов, жаждавших свободы, на сопротивление Высокой Порты, на безразличие или противодействие «Европы».

¹ Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 102; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина, 1860—1862. М., 1999. С. 331.

² Ревуненков В. Г. Указ. соч. С. 86, 82, 140, 147.

³ Там же. С. 95, 97.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1863. Д. 87. Л. 375.

⁵ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 152, 144, 145.

⁶ Там же. С. 150, 161, 186; Чубинский В.В. Бисмарк. СПб., 1997. С. 167.

⁷ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 192, 105.

- ⁸ Там же. С. 107, 201.
- ⁹ Там же. С. 229 – 231, 298 – 304.
- ¹⁰ См.: Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.
- ¹¹ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 259, 261, 262.
- ¹² Там же. С. 289.
- ¹³ Там же. С. 291, 299, 293, 295; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 85. Л. 191.
- ¹⁴ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 314 – 317; Виноградов В.Н. Канцлер Горчаков: триумф в Лондоне и черные дни в Берлине // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 191.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 87. Л. 524.
- ¹⁶ Там же. Д. 85. Л. 310; Times. 1865. July. 25; Лопатников В.А. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. СПб., 2002. С. 327.
- ¹⁷ Journal de St.-Petersbourg. 1863. 9(21) sept.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1863. Д. 65. Л. 409 – 412, 546.
- ¹⁸ Там же. Л. 432.
- ¹⁹ Ревуненков В. Г. Указ. соч. С. 317.
- ²⁰ Я не разделяю точки зрения В.В. Чубинского, характеризующего конвенцию как «дилетантскую авантюру» (см.: Чубинский В.В. Указ. соч. С. 279, 318).
- ²¹ Там же. С. 154.
- ²² Шнеерсон Л.М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962. С. 21. После ранней смерти Николая принцессу «унаследовал» его брат Александр, в России она стала императрицей Марией Федоровной (см.: Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. М., 2000. С. 11 – 12).
- ²³ Подробнее см.: Татищев С.С. Император Александр II: Его жизнь и царствование: В 2 кн. М., 1996. Кн. 2. С. 41 – 52.
- ²⁴ Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960. С. 54, 63, 72.
- ²⁵ Там же. С. 56; Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 301, 306, 315, 316.
- ²⁶ Шнеерсон Л.М. Указ. соч. С. 117.
- ²⁷ Чубинский В.В. Указ. соч. С. 239; Шнеерсон Л.М. Указ. соч. С. 138.
- ²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 10(22) апр.
- ²⁹ Шнеерсон Л.М. Указ. соч. С. 187, 188, 221, 237, 232, 217, 270.
- ³⁰ Татищев С.С. Указ. соч. С. 55, 54, 59, 57.
- ³¹ Канцлер А.М. Горчаков. С. 316.
- ³² Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 170, 197, 247, 200, 199.
- ³³ Там же. С. 196; Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50 – 70-е гг. XIX века. М., 1970. С. 218.
- ³⁴ Подробнее см.: Хевролина В.М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев // Новая и новейшая история. 2004. № 1.
- ³⁵ Там же. Записки графа Н. П. Игнатьева // Ист. вестник. 1914. № 1/2. С. 52, 53, 55; Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев. М., 2004. С. 142.

³⁶ Фанариотами называли представителей греческих аристократических семей, традиционно проживавших в стамбульском квартале Фанар // Русский вестник. 1858. Т. 13. С. 248; Никитин С.А. Указ. соч. С. 185 – 187.

³⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1860. Л. 112.

³⁸ Там же. Л. 111, 117.

³⁹ История на България. С., 1987. Т. 6. С. 133, 135.

⁴⁰ Там же. С. 170; Лилушвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1976. С. 138; Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев. С. 126, 173 – 177.

⁴¹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1872. Л. 240 – 248.

⁴² Там же. Ф. Канцелярия. 1866. Д. 35. Л. 16, 17; Marturii despre Unire. Buc., 1959. Р. 451 – 461.

⁴³ АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A2. Д. 1160. Л. 77.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Консульство в Бухаресте. 1862. Д. 1098. Л. 138 – 149; Д. 1100. Л. 49 – 51.

⁴⁵ История Румынии 1848 – 1917. М., 1971. С. 192, 135.

⁴⁶ Kellog Fr. The Road to Romanian Independence. W. Lafaette, 1995. Р. 13.

⁴⁷ Michelson P.E. Conflict and Crises: Romanian Political Development 1861 – 1871. N.Y.; L., 1987. Р. 91 – 92. В историографии нет единого мнения по поводу того, свидетельствует ли это письмо об истинном желании господаря покинуть трон или оно было написано с целью заручиться иностранной поддержкой (АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. 1857 – 1867. Д. 10. Л. 582).

⁴⁸ Michelson P.E. Op. cit. Р. 75, 91 – 92, 99.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Д. 35. Л. 27, 26, 31.

⁵⁰ Berindei D. Un tournant decisif, la France et la course roumaine de la 1866 // Revue roumaine de histoire. 1999. № 1/4. Р. 40.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 153, 81.

⁵² АВПРИ. Ф. V-A2. 1857. Д. 179. Л. 62; Kellog Fr. Op. cit. Р. 23, 21; АВПРИ. Ф. Главный архив 1 – 9. 1860 – 1870. Л. 36 – 39, 46.

⁵³ Berindei D. Op. cit. Р. 48, 163; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 81 – 82, 163; Ф. Канцелярия. 1866. Д. 35. Л. 210, 211; Kellog Fr. Op. cit. Р. 29.

⁵⁴ Berindei D. Op. cit. Р. 48, 54, 56.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 187; о русско-румынских отношениях после объединения см.: Чертан Е.Е. Русско-румынские отношения 1859 – 1863. Кишинев, 1868; Очерки политической истории Румынии. Кишинев, 1985.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1866. Д. 35. Л. 210 – 211.

⁵⁷ Там же. Ф. Отчеты. 1866. Л. 113 – 114.

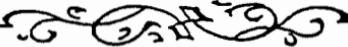
⁵⁸ Никитин С.А. Указ. соч. С. 257

⁵⁹ Московские ведомости. 1867. 6(18) июля.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1867. Л. 117 – 118.

⁶¹ Это не помешало Наполеону заключить с Францем Иосифом в августе 1867 г. Соглашение о сохранении статус-кво Османской империи (реакция Александра II): «Это уж слишком!» см.: Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев. С. 206 – 208; Сенкевич И.Г. Россия и Критское восстание 1867 – 1869 гг. М., 1970. С. 126 – 127.

- ⁶² Там же. С. 135, 140, 196.
- ⁶³ Там же. С. 181 – 183.
- ⁶⁴ Там же. С. 193, 150 – 151.
- ⁶⁵ Там же. С. 197 – 198.
- ⁶⁶ Старая Сербия ныне обычно именуется Косовым (см.: Карапев А.В. Балканский союз 60-х гг. XIX в. // Становиште, славенског порчекла у Албанији. Титоград, 1990. С. 540 – 543).
- ⁶⁷ Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 99; Международные отношения на Балканах 1856 – 1878. М., 1986. С. 171, 172.
- ⁶⁸ Iorga N. Politica externa a regelui Carol. Buc., 1991. Р. 56 – 57.
- ⁶⁹ Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 91 – 92.
- ⁷⁰ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев. С. 194.
- ⁷¹ Международные отношения... С. 152.
- ⁷² Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 102.
- ⁷³ Игнатьев М.П. Русский альбом: Семейная хроника. СПб., 1996. С. 44. Автор – правнук Н.П. Игнатьева.

Долой вериги Парижского мира!

В июне 1867 г. исполнилось пятьдесят лет дипломатической службы Александра Михайловича. Грустный юбилей. Без году семьдесят, пора бы и на покой. Уже и сыновья начали тянуть служебную лямку. В начале шестидесятых в доме появилась внучатая племянница Надин Анненкова, урожденная Акинфиева. Сперва скрывалась от постылого мужа; развелась; переселилась к дядюшке. Огромная казенная квартира преобразилась со вселением молодой грациозной женщины. Частый гость Ф.И. Тютчев запечатлел ее появление в стихах:

И старый дом наш будто ожил,
Ее жилицею избрав...

Веселая, оживленная, мило-капризная:

При ней и старость молодела,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

Сердце Горчакова оттаяло, а в свете поползли слухи о скором браке. Император Александр, большой греховодник по женской части, — не ему бы давать советы, как поступать, — имел бес tactность заговорить с Горчаковым о будущем. Александр Михайлович не решился на смелый шаг, пугала разница в возрасте — сорок лет, ломка привычных жизненных устоев. Надежда Сергеевна упорхнула. Осталось одиночество — впрочем, иные называют его свободой...

Юбиляра пышно чествовали. Император пожаловал ему высший чин государственного канцлера, в печати появились лестные оценки его деятельности. М.Н. Катков писал в самой читаемой газете «Московские ведомости»: «Пример князя Горчакова лучше всего свидетельствует, что национальная политика ничего общего не имеет с так называемым

квасным патриотизмом (...) Сила ее заключается в живом уме, исполненном чувства народной чести и пользы»¹.

Но у самого именинника настроение было отнюдь не праздничное. Всеподданнейший доклад Александру II (1865), отчет по министерству за следующий год и записка о внешней политике за прошедшее десятилетие написаны скорее в минорных тонах. После Крыма, сетовал князь, будь кабинеты доступны голосу разума, они осознали бы, что не в интересах Турции и Европы загонять Россию в тупик. Но здравый смысл обошел стороной правительственные особняки и застрял где-то в закоулках. Возобладало стремление лишить Россию всякого участия в делах Востока: «Отсутствие военных сил на Черном море ставит нас в ситуацию, худшую, нежели та, что существовала в 1854 г., перед лицом преобладания западных держав»². Ориентация на Францию после польского восстания рухнула так, что собирать осколки не было смысла: «Оказалось, что под личиной согласия с нами французское правительство не прекращало комбинаций наперекор нашим взглядам». Следовал прозрачный намек на Польшу, на попрание российских интересов в зоне ее традиционного влияния. Не забывал Париж и о Дунайских княжествах, стремясь превратить их в «оборонительный вал и в агрессивный боевой пост против нас». Горчаков сетовал по поводу переменчивой политики Франции, «ее агрессивной враждебности (...) и католических устремлений»³.

Правда, от послекрымской расстановки сил не осталось и следа: «Австрия ослаблена, Пруссия расширилась, Франция изолирована, Англия замкнулась в своих эгоистических интересах». К тревогам по поводу метаний Наполеона III добавились опасения в связи с крепнувшими не по дням, а по часам силами Пруссии. Стремясь нейтрализовать последствия объединительного процесса Германии, Александр Михайлович в 1864 и в 1866 гг. пытался созвать международную конференцию с целью умерить притязания Берлина, но оба раза неудачно по причине полного раздора между предполагаемыми участниками. Австрию исключили из Германского союза, малые немецкие дворы трепетали, выстроившись по стойке смирно перед прусским начальством.

Сдвинуть с мертвой точки вопросов — о возрождении флота на Черном море — не удавалось, «брехня, доставшееся нам от Парижского мира, отнюдь не стало легче, оно довлеет над нами, и терпеть это недопустимо»⁴. А терпеть приходилось.

Со страниц печати раздавались недовольные и даже раздраженные голоса: Россия осталась на уровне 1853 г., железной дороги, связывающей Балтийское море с Черным, не построено. На фоне судьбоносных свершений в Германии и Италии собственная политика представлялась вялой и малоинициативной. Газета «Московские ведомости» напоминала 6 декабря 1866 г.: румыны только что попрали Парижский договор, уцелели только статьи, ущемляющие права России. Органу М.Н. Каткова вторил славянофильский «Голос»: «Если трактаты нарушаются так открыто и смело (...) то неужели мы одни будем хранить их»?⁵

Горчаков задумался: а не пора ли поднять злополучный вопрос? «Все силы брошены на запад (...) Эту обстановку надо использовать для наших интересов на Востоке (...) В территориальных потрясениях настоящего времени я не теряю надежды снять клеймо договора 1856 года» (из письма Н.П. Игнатьеву от 22 августа 1866 г.)

Глава иностранного ведомства Австрии Ф. Бейст вдруг осознал, насколько этот злополучный акт тяжел и несправедлив, и дал знать Петербургу, что Вена не станет возражать против отмены его одиозных для России статей. Игра была шита белыми нитками: Бейст еще не вполне расстался с мыслью о реванше и мечтал о возрождении антипрусской коалиции времен Семилетней войны (Австрия – Россия – Франция). Прожект Бейста мог показаться заманчивым разве что невеждам, кабинеты Лондона и Парижа быстро наложили бы на него вето⁶.

Отказ от идеи пересмотра договора произошел не по инициативе Горчакова. В ноябре 1867 г. совещание под председательством царя высказалось против: великий князь Константин Николаевич, министры – военный Д.А. Милютин и финансов М.Х. Рейтерн – заявили: армия не готова, деньги отсутствуют. Даже присутствовавший на встрече Н.П. Игнатьев счел момент неподходящим⁷. Александр Михайлович утвердился в правильности своего умеренного курса как единственно возможного. Восторжествовала доктрина малых дел, или, по словам ее автора, «прогрессивного статускво», т.е. проведения реформ в рамках Османской империи. Горчакову пришлось их осуществлять, преодолевая сопротивление Высокой Порты и безразличие держав. Российская дипломатия направила свои усилия на то, чтобы улучшить участь христиан и добиться включения их в политическую жизнь. На них оказывали давление, убеждая, что «восточный кризис, вспыхнувший до того, как силы наши и

наших единоверцев будут готовы», чреват пагубой. Инициаторы малых дел без устали пытались внести согласие в среду христиан с тем, чтобы, «когда наступит момент, приступить к действию энергично и единодушно».

Но к советам Александра Михайловича адресаты прислушивались неохотно, более того, советы побуждали их к колебаниям в сторону Запада. Открывалась невеселая перспектива: «Христианские народы постепенно теряют силу своих религиозных традиций и национальных устремлений; это приведет к тому, что они встретятся лицом к лицу либо с усилившим власть султаном, либо с восходящей западной цивилизацией»⁸.

Но именно к этим неуправляемым строптивцам перешла инициатива в происходящем процессе, именно они превратились в определяющую силу в развитии Восточного вопроса. К вящему огорчению Горчакова, каждый из них тянул одеяло на себя. Никаких иллюзий насчет балканского единства не существовало, канцлер прозорливо предрекал: надо следить за тем, чтобы ни одна из здешних наций не получила прав и привилегий за счет других и чтобы сегодня в здешнюю почву не бросали зерен завтрашнего антагонизма: «Единственно Россия может сцепментировать различие рас и интересов». Он предвидел немало терниев на пути сотрудничества с балканцами. Рвавшиеся к власти прогрессивные круги относились к самодержавию с антипатией, предпосылок для тесных экономических связей с Россией не существовало. «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от их ига, христиане последуют дорогой своих материальных интересов. Мы для них — прежде всего конкуренты, которым нечего продавать и у которых нечего покупать». А что творится в малых странах? «Им угрожает внутренняя анархия и внешнее соперничество, открывающее широкое поле для иностранного влияния»⁹. Впереди новые осложнения и неведомые еще опасности.

Наконец, намечал канцлер, «помимо непосредственных и жизненных интересов, которые есть у нас в этом регионе, существуют еще традиции и национальные симпатии, которые небезразличны для нашей политики». Показательно, что он дважды упомянул о «страстях» народных в обзоре внешних сношений за 1856—1867 гг., столь большое значение на внешнеполитической арене он им придавал¹⁰. В 60-е годы, в условиях ослабления цензурного гнета, развития гласности и распространения периодической печати, быстро форми-

ровалось общенациональное общественное мнение по делам, затрагивавшим душу народную, включая балканские. Вот что передавал корреспондент газеты «Русские ведомости» 23 марта 1867 г. с одного из благотворительных концертов в пользу восставшего населения Крита: «Тут было и высшее общество, и мелкое купечество: разряженные дамы сидели рядом с бородатыми купчиками в длинных кафтанах, золотые эполеты помещались в одном ряду с приказчиками из Ножевой линии; множество никогда, нигде не видимых лиц в старомодных фраках с орденами в петличке и на шее и немалое число лиц духовного звания довершали картину». Такого раньше не происходило.

В 1867 г. по случаю проведения в Москве этнографической выставки Славянский комитет первопрестольной выступил с инициативой проведения здесь славянского съезда. Его приурочили к дням просветителей Кирилла и Мефодия в мае. Случайно или нет, но он пришелся на время, знаменательное во многих отношениях. Только что произошло образование двуединой Австро-Венгерской монархии, немцы и мадьяры в ней заняли привилегированное положение, румыны и славяне остались с ущемленными национальными правами. Достоянием гласности стали слова главы правительства Ф. Бейста, что славян надо прижать к стенке. Чехи, словаки, сербы, хорваты, украинцы негодовали и протестовали.

Сербский князь Михаил Обренович сколачивал союз балканских стран — свое княжество, Черногория, Греция, Румыния, с участием болгар. Министр И. Гарашанин поручил отправлявшемуся в Москву И. Миличевичу сказать, «где будет нужно и удобно» (явно не с трибуны собрания и не в застолье), что с Черногорией достигнуто полное согласие о выступлении, с болгарами установлены дружеские контакты, а хорватам предложено отстаивать свои права.

Все жаждали поддержки России.

Австро-немецкая пресса встретила весть о съезде со скрежетом зубовным: побратимство на панславистской основе — заговор против Австрии. Посол граф Ревертера в Петербурге пытался протестовать перед Горчаковым, но тот сослался на свою непричастность к затее. Дипломат тогда зачитал полученную им от Ф. Бейста инструкцию, цель съезда приписывалась в ней «прославлению мнимой объединенной славянской национальности, которая, хотя и утопия, все же причина потрясений»¹¹. Горчаков с наибольшей наивностью успокаивал взволнованного графа:

правительство в стороне от оного прославления и не может взять на себя ответственность за могущие быть произнесенными речи. На самом деле канцлер, конечно же, был очень даже в курсе дел.

Делегатов встречали сердечно — хлебом-солью, объятьями, приветственными речами и возгласами «Слава». Представители местных властей, еще по дороге гостей в Москву, не подозревая о своей полной непричастности к событию, участвовали в «демонстрациях» солидарности. Съезд вылился в серию встреч и бесед, включая застольные, утомительных заседаний его организаторы старались избежать. Делегаты всем составом посетили столицу, и злобствовавший граф Ревертера заметил: «Эти господа — львы Петербурга», что дает представление об оказанном им приеме. Гости прослушали оперу М.И. Глинки «Жизнь за царя», осмотрели Зимний дворец, Эрмитаж, Морской музей, присутствовали в Исаакиевском соборе на богослужении по случаю дня святых Кирилла и Мефодия 11(23) мая, приняли участие в заседании в Академии наук, их чествовали на банкете в Дворянском собрании. Все это логично и закономерно входило в программу их пребывания, как и обед у министра народного просвещения графа Д.А. Толстого. Но вот аудиенции у Горчакова, великого князя Константина Николаевича и самого императора в перечень обязательных мероприятий не вписывались. Александр II в Царскосельском дворце приветствовал «славянских братьев на родной славянской земле», что выходило за рамки официальной бессодержательности. Он спросил сербов, очистили ли уже турки белградский Калимегдан и другие крепости, заметив: «Я сделал, что мог»¹².

Горчаков по своему официальному статусу не мог проявлять солидарности с людьми, представлявшими оппозицию в соседних странах. Он в общих выражениях подчеркнул, что всегда выступал за прогресс в славянских дела, а сербам пообещал и впредь стоять на страже их интересов. Явно при его поддержке княжеству предоставили немалый заем. Поощрять радикалов в южнославянской среде он не мог и не хотел, ибо считал локальные выступления обреченными на неудачу, а вмешательство России в события чреватым войной, наподобие Крымской. Граф Ревертора не прекращал надзора за ним и подсчитал, что из семидесяти делегатов съезда лишь одиннадцать исповедуют православие; католики же, т.е. большинство, принадлежат к подданным его величества Франца Иосифа, из чего следовало, что съезд — антиавстрийская затея¹³. Пресса Вены и Будапешта бушева-

ла, запутывая обывателя жупелом агрессивного панславизма и ассоциируя с ним все славянофильское движение (на Западе это делается и поныне).

Что скрывалось за подобным предвзятым подходом? Недостаточная осведомленность или преднамеренная политизация явления? Скорее всего, и то, и другое. В действительности панславизм представлял лишь мало влиятельное течение в довольно широко развитом славянофильстве, и слабый отклик на труды его ведущего представителя Николая Яковлевича Данилевского о том свидетельствовал.

Данилевский, видный естествоиспытатель, социолог и теоретик панславистских воззрений, именно теоретик, ибо на собраниях и в газетах шумели иные витии. В описываемое время он напряженно трудился над книгой «Россия и Европа», которую по главам в 1869 г. печатал журнал «Заря». Остановимся вкратце на высказанных им взглядах.

Согласно разделяемой Даниловским теории культурно-исторических типов, он считал, что его славянский вариант, пребывающий в процессе становления, максимально развит у русского народа. Расцвет славянского культурно-исторического типа, или цивилизации, полную реализацию его потенций в религиозной, культурной, политической и социально-экономической областях он связывал с объединением славянских народов, находящихся в чуждой им цивилизационной среде, вокруг России. Европа в культурно-историческом плане представлялась ему «поприщем германо-романской цивилизации», тогда как Россия «к сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью, не принадлежит к Европе».

Данилевский в своих рассуждениях отталкивался от широкого распространенного (и по сей день) на Западе русофобства: «...каковы бы ни были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем чувстве враждебности к России». (В том же духе высказывался Н.П. Игнатьев: «Как только затрагивается интерес русский или православный, так все заодно против нас становятся (...) Одна мысль всеми руководит и всех соединяет — вредить России»)¹⁴.

Но справедливая констатация не сопровождалась у Данилевского трезвым и реалистичным выводом. Он отрекался от Европы, игнорировал теснейшие связи нашей страны с другими населяющими ее народами в культурной, экономической и социальной сферах, принадлежность к общей христианской цивилизации. При Петре Великом, полагал он, «русская жизнь была насильственно перевернута на ино-

странный лад». Его выводы односторонни, а суждения категоричны: «Европа не признает нас своими. Она видит в славянах нечто вообще ей чуждое». Славянам необходимо формировать и совершенствовать свою цивилизацию — не как часть общеевропейской, а обособленно — свой культурно-исторический тип. Для этого, считал Данилевский, есть веские предпосылки: славяне выдержали проносившиеся над ними бури, не утратив самобытности; подобно старшим братьям на цивилизационном пути, они должны доказать, что славянство — термин одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом.

Большинству славянских народов предстоит долгая и трудная дорога к самоутверждению: «Всякая народность имеет право на существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание (...) Исторический народ, пока не соберет воедино всех своих частей, всех своих органов, должен считаться политическим калекою. Балканцы, сербы, болгары, греки, румыны должны достигнуть полной народной и политической независимости и самостоятельности»¹⁵.

На пути к самоутверждению две препоны — Турция и Австро-Венгрия. В последней положение национальностей, невзирая на видимость предоставления им каких-то прав, вызывает «только горький смех и негодование», туркам же «нет места по северную сторону Геллеспонта, Босфора и Пропонтиды». Данилевский был уверен, что «с возникновением самобытной славянской силы турецкое владычество утратило всякий смысл — магометанство закончило свою историческую роль»(!). Миссия России — «в освобождении славян от турецкого ига, в разрушении оттоманского могущества и самого Турецкого государства». Россия уже немало сделала для сокрушения моши бросавших ей вызов соседей — Швеции, Польши, Османской империи, под ее ударами «лопнули эти политические лягушки, тщившиеся превратиться в быка». Но Турция и в увядании своем стремится отодвинуть смерть и находит в том поддержку у российских соперников: «Не в свое дело не соваться! — кричит Европа России. — Это не ваш Восток, и так уже много развелось всякой славянщины, которая мне не по нутру. Сюда направляется благородный немецкий Drang nach dem Osten по немецкой реке Дунаю»¹⁶.

В успех мирных усилий по освобождению Балкан Данилевский не верил, вероятно поэтому, его размышления окрашивались в мистические тона. «Дипломация» бессильна ре-

шить Восточный вопрос, в ее компетенции лишь «мелкая текущая дребедень событий». Великие дела, «вселенские решения, которые становятся законом жизни народов на целые века», история решает сама, «без всяких посредников, окруженная громами и молниями, как Саваоф с вершины Синая»¹⁷.

Книга Данилевского далека от чистого академизма, она политически ангажирована. В роли Саваофа у него выступает Россия, политика которой представлена в розовом свете: «Россия — не честолюбивая, не завоевательная держава», впутывающаяся, к сожалению, в чуждые ей европейские дела. Страна должна осознать — свои интересы выше всех других, какими бы «бескорыстными и возвышенными они ни казались». «Завоевания России, все, что можно при разных натяжках назвать этим именем, ограничиваются Туркестанской областью, Кавказским хребтом, 5—6 уездами Закавказья и, если угодно, еще Крымским полуостровом». Замечание Данилевского о «жалкой манере говорить, что Россия достаточно, даже слишком велика», отдает шовинизмом¹⁸.

Он не сомневается во всепобеждающей силе родной крови: «...для всякого славянина (...) после Бога и его святой церкви идея Славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага». В поэтической форме ту же мысль выразил Ф.И. Тютчев:

«Единство, — возвестил оракул наших дней (то бишь Бисмарк. — В.В.), —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Достижение единства мыслилось Данилевским так: славяне должны образовать федерацию и осуществить тем самым «единственно разумное, а потому и единственное возможное решение Восточного вопроса». Замышлялась федерация в широких рамках с включением в нее всех стран и народов от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до островов Архипелага в Средиземном море с центром в Царьграде (Стамбул, пояснял Данилевский, не имя, а позорное клеймо). Прямое присоединение Константинополя он считал крайне вредным для России: нельзя отвлекать на юг нравственные, умственные и материальные силы страны, поэтому «Царьград должен стать (...) столицей всего Всеславянского союза», находящегося «под политиче-

ским водительством России» и при ее «гегемонистическом преобладании». Союз, по замыслу Данилевского, должен был включать Российскую империю и присоединенные к ней Галицию и Угорскую Русь (Закарпатскую Украину); Сербо-Хорвато-Словенское, Болгарское, Румынское, Эллинское, Мадьярское королевства; Царьград с обоими берегами Проливов и Мраморным морем. Внятного ответа на вопрос, какими путями заманить румын, венгров и греков в славянский парадиз, автор не дал; нельзя же таковым считать фразу — другие народы «не так чужды славянам по крови»¹⁹.

Конечно, приземленный и прозорливый прагматик А.М. Горчаков не верил ни поэтическим прозрениям Ф.И. Тютчева, ни отвлеченным социологическим конструкциям Н.Я. Данилевского. Он не понастышике знал о спорах и соперничестве славян, обретя свободу, они не станут изъясняться друг другу в любви, а продолжат споры и соперничество.

Книгу Данилевского постигла незавидная судьба. Как уже сказано, по главам ее в 1869 г. опубликовал журнал «Заря», в 1871 г. она вышла скромным даже по тогдашним понятиям тиражом в 1200 экземпляров, который распродавался в течение 15 лет, что свидетельствовало о непопулярности панславистских идей в стране. «Смело можно сказать, что сочинение Данилевского, которого в Австрии именуют «апостолом славянства», — писал его последователь К.Н. Бестужев-Рюмин, — едва известно в России»²⁰.

После появления труда Данилевского А.С. Будилович в журнале «Беседа» пытался обосновать реальность объединения славян в федерацию самостоятельных во внутренних вопросах государств с общим русским языком и кириллическим алфавитом. Даже братья-славяне из редакции журнала не одобрили подобного «панруссизма» и выдвинули свою, уже совсем аморфную идею объединения: «С движением человечества вперед значение материальной силы должно умаляться, а нравственное развитие славянских народов — возрастать, и тот из них возвысится над прочими и будет нравственно первенствовать в их деятельности, кто более духовных даров принесет с собою в славянскую семью»²¹. Идея «духовных даров» никакой угрозы славянского экспансионизма не содержала.

Влиятельные органы печати в меру своего остроумия высмеивали подобную заумь. «Санкт-Петербургские ведомости» (3–4 апреля 1871 г.) назвали «всеславянское государство (...) безобразным, чудовищным явлением». В России мно-

жество своих нерешенных внутренних дел. «Ведомости» панславистские устремления сочли «безумием [и] диким подстрекательством». Газета советовала славянам не обольщаться: «Только во имя наших кровных жизненных интересов вправе мы требовать от русского народа тяжелых жертв». А пока надо оказывать славянам «нравственную поддержку и помочь, ободрять их в тяжелой борьбе и доле, помогать нашим влиянием и литературным общением»²².

На съезде в 1867 г. посреди шумных торжеств, заверений в славянском братстве и звона бокалов раздувать факел панславизма и тем самым явить свету существовавшие в обществе разногласия было как-то негоже, да и путать венцев не следовало, те и так пребывали в истерике. Немногочисленных единомышленников Данилевского постигло разочарование: о каком-либо общеславянском государственном образовании (хотя бы в отдаленном и неопределенном будущем) во главе с царем на съезде никто из гостей даже не упомянул. Химерическая идея образования общеславянского языка или принятия русского как такового не была воспринята.

«Сны об образовании и распространении одного языка общеславянского суть сны, и ничего более», — заметил глава партии старочехов Ф. Палацкий. Сербы, болгары, чехи, словаки интерпретировали славянскую солидарность применительно к своим нуждам, искали поддержки России для достижения своих конкретных целей. Прекрасные речи гостей звучали несколько абстрактно: «Все, что мы, славяне, можем достичь, — это единение в духе и любви, это твердое помятование, что мы дети одной семьи и как братья призваны взаимно помогать друг другу в наших усилиях» (Ф. Ригер). Отсюда — нотки разочарования в российской среде, окрашенные досадой и даже недовольством отклики в прессе: «Мы убедились, что наши братья — близорукие эгоисты, требующие жертв, но не несущие их»²³.

Подобные высказывания не что иное, как следствие несбывшихся надежд. На самом деле съезд явился крупным событием общественной и культурной жизни, и не только: солидарность с южными славянами, как показали события 1875 г. и последующих годов, превратилась в мощный политический фактор, побудивший правительство вступить в войну.

Взвешенной представляется оценка, данная съезду в «Московских ведомостях»: «России нужно не расширение своей территории, которая и без того безмерно гро-

мадна, и даже не приращение своего населения, которое и без того растет с пугающей всех быстротой; ей нужно, напротив, взаимодействие, которое возможно только между силами, существующими самостоятельно и отдельно, но на одной почве. Племенная связь еще жива и сильна между славянскими народами». В укреплении этих уз съезд сыграл свою роль, славяне повернулись лицом к России. Газета «Москва» ставила в заслугу съезду усилия, предпринятые для того, чтобы «рассеять в славянах предубеждения против завоевательных походов России». Обоснованным представляется поэтому сделанный Сергеем Александровичем Никитиным вывод: «Славянские комитеты со всей шумихой съезда лили воду на горчаковскую мельницу, хотя и заявляли подчас о своем стремлении идти дальше иными путями, чем правительство»²⁴. Никаких мятежных призывов на съезде не прозвучало, Горчаков утвердился в правильности своего осторожного эволюционного курса на Балканах.

А на западе сгущались тучи франко-пруссской войны, внимание облеченного канцлерским чином Горчакова устремилось туда. Следовало использовать приближавшийся кризис для взрыва уже подточенных со всех сторон устоев Парижского мира 1856 г., чем князь и занялся.

* * *

Не успели высохнуть чернила под Пражским договором, завершившим австро-прусскую войну 1866 г. как император Наполеон предъявил счет за свой нейтралитет, и немалый — герцогство Люксембург²⁵. Посланник В. Бенедетти допустил в своих переговорах с Бисмарком оплошность, непростительную для кадрового дипломата, изложив французские притязания на официальном бланке миссии. Бисмарк запасся бумагой, чтобы предъявить ее миру в подходящий момент: хорош поборник «принципа национальности», пытающийся присвоить целую страну за спиной ее народа!

Канцлер не ответил шантажистам прямым отказом, а прибег к тактике затягивания, ссылаясь на необходимость получить санкцию короля Вильгельма («...без личного и продолжительного воздействия президент-министра согласие короля недостижимо...»), а потом удалился, по совету врачей, из шумного Берлина в свое померансское поместье Варцин, дабы обрести покой в сельской тишине. Посланника в Париже Р. Гольца он информировал: «Мы ничего не имели

бы против, если бы переговоры прошли бесследно», изящно изложив суть своей тактики.

Великое герцогство Люксембург, тогда маленькая сельскохозяйственная страна, состояло в личной унии с Голландией. Король последней Вильгельм согласился продать своих люксембургских подданных Наполеону III за приличную сумму, или, выражаясь конституционным языком, отказаться от своих прав на герцогство. Но Люксембург являлся членом Германского союза; слухи о готовящейся сделке (а Бисмарк постарался предать переговоры огласке) стали достоянием общественности и вызвали негодование. Как нельзя кстати в рейхстаге взволновалась оппозиция, напомнившая, что прежде король Пруссии клятвенно обещал не уступать никому ни одной немецкой деревни, — а тут продается целяя провинция! Бисмарк притворился смущенным, оправдывался и свалил вину на нидерландского короля Вильгельма. Париж информировали о том, что общественность, рейхстаг и военная партия негодуют²⁶. Монарх Голландии взял назад свое согласие на продажу Люксембурга. Наполеоновская дипломатия забила отбой, заявив, что всю кашу заварила Гаага.

Но и Бисмарк осознал, что время для схватки с Францией еще не наступило. Осторожный зондаж в Петербурге о желательности придать более осозаемые черты несколько сентиментальным интимным связям двух дворов оставил Горчакова равнодушным, не помог и намек на поддержку в деле отмены угнетавших Россию условий трактата 1856 г.

Усилиями России, Австрии и Великобритании в Лондоне (май 1867 г.) состоялась конференция, провозгласившая Люксембург вечно нейтральным государством; его личная уния с Голландией под скипетром короля-отступника Вильгельма IV сохранялась навсегда.

В том же году произошло событие, тогда мало затронувшее сердца россиян, а ныне привлекающее значительное внимание нашей общественности — продажа Соединенным Штатам Америки Аляски и прочих российских владений в Новом Свете. Самодержавие оказалось не в состоянии обеспечить развитие обширного и богатого природными ресурсами края. Российско-американская компания, которой поручили управление Аляской, действовала вяло и безынициативно, ограничиваясь скопкой у населением мехов и продажей их в Китай. Спрос на них падал — дорогая кустарщина уступала по качеству канадским изделиям. Наладить рыболовный промысел компания не сумела, у берегов рыскали

суда предприимчивых американских контрабандистов, обеспечить приток колонистов из России она не смогла — всего 600 человек, из которых 200 — солдаты и офицеры гарнизонов, на 16 тыс. алеутов и 40 тыс. индейцев.

Завоевание Россией Средней Азии крайне обострило отношения с Великобританией. Опасения, что столкновения с нею не избежать, не проходили, и тогда что же? Не одной же гарнизонной роте сопротивляться флоту ее величества и армейским частям из Канады. Так не лучше ли добровольно расстаться с Аляской? В декабре 1866 г. участники совещания у царя единодушно и безоговорочно высказались в пользу продажи. 18(30) апреля следующего года состоялось подписание акта о продаже Аляски и Алеутских островов всего за 7,2 млн долл. (или 10 млн руб.)²⁷.

Что же касается завоевания Средней Азии, то, как это ни странно звучит, Горчаков оказался вовлеченным в процесс вопреки своей воле. Он считал Россию территориально насыщенной и вместе с военным министром Д.А. Миллютиным предлагал остановить продвижение после занятия в 1864 г. городов Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент, что позволило сомкнуть Оренбургскую и Западносибирскую линии укреплений. Но случилось нечто неслыханное в строго централизованном государстве с въевшимся в плоть и кровь чинопочтанием. Местные власти открыто предписаниям из Петербурга не перечили, но молодые, энергичные, предприимчивые и склонные к авантюре полковники и генералы продолжали занимать города и аулы, благо, свое воле можно было списать на большие расстояния и связанную с этим задержку почты. А победителей, как известно, не судят. Не успел Горчаков успокоить британский кабинет, встревоженный будто бы нависшей над Индией угрозой, заверением — « дальнейшего продвижения не будет », как генерал М.Г. Черняев с отрядом в 2 тыс. человек занял Ташкент (апрель 1865 г.) Изумленный министр внутренних дел П.А. Валуев воскликнул: « Ташкент занят генералом Черняевым ! Никто не знает, почему и для чего ». К списку присоединенных городов добавились Ходжент и Самарканда; Бухарский эмират и Кокандское ханство признали свою вассальную зависимость, правительство образовало Туркестанское генерал-губернаторство. Горчакову приходилось отбиваться от обвинений британцев в вероломстве. В ходе трудных переговоров с Лондоном стороны отказались от притязаний на Афганистан, но договориться о конфигурации буферной зоны не удавалось²⁸.

И все же основным очагом тревоги оставалась Западная Европа. «Люксембургская история» завершилась очередным конфузом для Наполеона Маленького; попытка вмешаться в польское восстание потерпела крах; из австро-пруссской войны не удалось извлечь никакой выгоды; в далекой Мексике повстанцы Бенито Хуареса расстреляли его ставленника — императора Максимилиана (1867), и, наконец, афронт с Люксембургом и полное одиночество на континенте.

Обитатель Тюильрийского дворца вздумал поправить свои дела, воспользовавшись Всемирной выставкой 1867 г. в Париже. Император Александр принял приглашение и в сопровождении Горчакова прибыл в столицу. Бонапарту фатально не везло, добиться смягчения отношений не удалось; когда два монарха проезжали в открытой коляске по Парижу, поляк Березовский несколько раз выстрелил в царя, но, по счастью, промахнулся. Разумеется, последовали официальные извинения. Императрица Евгения приехала в Российское посольство, чтобы добавить к ним свои личные сожаления, но из-за волнения спазмы скжали ей горло, она не смогла выговорить ни слова и пулей вылетела из помещения. Когда же Александр с сопровождавшими его лицами появился во Дворце правосудия, группа адвокатов встретила его возгласом «Виа ла Полонь!»²⁹. (Впоследствии, в 80-е годы, один из крикунов в ранге главы правительства хлопотал о заключении союзного договора с Россией.)

На этом фоне речи Наполеона о дружественном отношении к России впечатления не производили. Единственным утешением для государя оставалось общение с Катенькой Долгорукой, его последней и преданной любовью. Не обошлось без забавного инцидента. Однажды вечером Александр объявил свите, что желает совершить прогулку в одиночестве, но запросил при этом немалую сумму денег — 100 тыс. франков. Никто не посмел выразить удивления. Коронованый гуляка сел в наемный фиакр, за ним негласно последовали «родная» и французская охранка. У калитки, ведшей в некий особняк, царь застрял, будучи не в силах справиться с дверной ручкой. Появившийся «случайный прохожий» из французских секретных служб помог ему проникнуть в обитель Катеньки.

Политически визит к сдвигу не привел. На аудиенции у Наполеона Александр Михайлович держал себя почти дерзко и даже заметил: территориальному расширению Пруссии «Вы способствовали больше, чем мы». О злополучном черноморском вопросе Бонапарт промолчал.

Контакты продолжались и дальше. Горчаков оставался сторонником сотрудничества с Францией, но его позиция становилась все больше теоретической, чуть ли не абстрактной. Беседы с послом, генералом Э. Флери, оставляли его в «в сумерках», а то и погружали «во мрак», столь туманно тот изъяснялся. Посягать на Парижский мир Бонапарт не смел. Министр иностранных дел маркиз К. Мустье инструктировал подчиненных: трактат — единственный материальный результат «славной войны, из которой мы не извлекли никакой выгоды»³⁰. Оставалось ждать неизбежного — противоборства галлов и германцев.

Связанные с ним расчеты и просчеты князя Горчакова видны из его всеподданнейших докладов и отчетов по ведомству. Александр Михайлович размышлял: «Сегодня ни Франция, ни Пруссия не в состоянии уничтожить одна другую». Некоторые формулировки позволяют сделать вывод, что шансы французов на победу в войне казались ему более предпочтительными: «Не претендую на предвидение результата, можно, однако, допустить вероятность того, что она не будет иметь столь решающих результатов, что (...) война 1806 года», — иными словами, быстрого поражения Пруссия не потерпит. О молниеносном разгроме французской армии речи не шло, подобный вариант исключался из калькуляций канцлера. «Вне зависимости от того, кто из них выйдет победителем, — полагал Горчаков, — война, по всей вероятности, посеет зерно новых раздоров между двумя соседними странами, которые, как одна, так и другая, приадут лишь большую цену нашей дружбе». Россия займет положение некоего неофициального арбитра, а из сего можно извлечь определенную выгоду. Князь выражался по обычаю осторожно: быть может, удастся использовать ситуацию, чтобы «начать действовать по другим направлениям», понятно, каким³¹.

Тогдашний политический бомонд почти единодушно предрекал победу в предстоящей войне Франции. В глубоком заблуждении находился и Горчаков, он тревожился — не придется ли сдать в архив план восстановления прав на Черном море по причине усиления Наполеона, стражи Парижского договора и покровителя поляков, кроме того, он опасался аннексионизма Габсбургской монархии, не скрывавшей своих вожделений на Боснию и Герцеговину. И что же тогда предстоит России — выдворение с Балкан?

И Александр Михайлович принял сооружать дипломатический вал против угроз, которым не суждено было сбыться, и делать реверансы в сторону Пруссии. Он уверял

Бисмарка, что Россия и Пруссия составляют «залог спокойствия и силы», являются опорой «консервативных начал и мира». За любезностями следовал совет: не форсировать объединения с Южной Германией, что неминуемо привело бы к войне. Но, видимо, в высших петербургских сферах слабо верили в то, что ее удастся избежать. Царь заверил посланника Г. Рейсса (март 1868 г.), что, если против Пруссии выступит и Австрия, он двинет к ее границе обсервационный корпус³². Установившиеся отношения, которые Бисмарк именовал «союзом сердец», его вполне устраивали — забиякой выступал Бонапарт, следовало набраться терпения и позволить высокочке втянуть Германию в войну.

События развивались совсем не по разработанному Александром Михайловичем сценарию. Кризис наступил в 1870 г. После свержения королевы Изабеллы «освободился» испанский трон, и кортесы пригласили на престол Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена, брата румынского князя Карла и отпрыска правящей прусской династии. Официально Берлин откращивался от участия в пригласительной процедуре, но подозрений (позднее документально подтвержденных), что участвовал, не рассеял. На предварительных переговорах король Вильгельм как глава фамилии не возражал против водворения своего родственника в Мадриде.

Последовала бурная реакция во Франции, у старца потребовали не давать санкции на воцарение Леопольда. Вильгельм, осаждаемый посланником В. Бенедетти, который ловил его даже на вокзальном перроне, склонялся к уступке и сообщил, что санкции не последует. 12 июля принц Леопольд «добровольно» отказался от предложенной ему чести. Наполеон, однако, не удовольствовался достигнутым, его дипломатия «громко и угрожающе рычала» (А.С. Ерусалимский) и требовала гарантiiй, что и в будущем Гогенцоллерны не станут посягать на испанский престол, что смахивало на провокацию. В ответ на домогательства Бенедетти Вильгельм реагировал миролюбиво и продиктовал длинную и составленную в примирительных тонах телеграмму, объясняя французам, что не пристало одному государству принимать подобные обязательства перед другим.

Телеграмма попала на стол к Бисмарку (не письменный, а обеденный, канцлер вкушал трапезу в обществе военного министра А. Роона и начальника генерального штаба Г. Мольтке). Бисмарк спросил генералов, уверены ли они в победе над Францией. Оба ответили утвердительно. И тогда, взяв карандаш, он вычеркнул часть текста, так что его

смысл, из рассудительного и миролюбивого, превратился в резкий и грубый отказ. Такова история знаменитой «эмской депеши»

В Париже вообразили, что удачно спровоцировали войну. 19 июля 1870 г. войска перешли границу и вступили на немецкую землю. А дальше произошло то, что французам не виделось и в кошмарном сне.

Война 1870 – 1871 гг. традиционно именуется франко-прусской. На самом деле против Наполеона сражалась вся Германия, одерживая одну победу за другой. 2 сентября сдалась крепость Седан со стотысячным войском и самим императором впридачу, через день восстание в Париже смело бо-напартистский режим.

* * *

Весь август Александр Михайлович провел в хлопотах, пытаясь сколотить лигу нейтральных государств с целью посредничества между воюющими и достижения взаимоприемлемого мира. Его труды сильно смахивали на Сизифовы. Перспектива колоссального усиления «Прусско-Германии» всех тревожила, но склонить к совместным действиям antagonистов – Великобританию, Австрию и Россию, – подозрительно и неприязненно следивших друг за другом, не удалось. Шансы на вмешательство в конфликт нейтралов представлялись ничтожными. 8(20) августа канцлер делился своими размышлениями с послом в Лондоне Ф.И. Брунновым: «Ошеломляющие успехи пруссаков предвещают со дня на день полную пертурбацию во французском правительстве. Я начинаю сомневаться в намерении кабинета Берлина согласиться на участие нейтральных государств в заключении мира. Вполне возможно, что Пруссия добивается того, чтобы вести переговоры тет-а-тет с Францией и, следовательно, продиктовать» его, Берлина, условия³³. Вмешаться в конфликт, дабы, по словам Ф. Бейста, «умерить требования победителя, облегчить горечь чувств, удручающих побежденного», оказалось за пределами возможного. В беседах с прусским посланником, князем Г. Рейссом Горчаков взывал к здравому смыслу: Франция, несмотря ни на какие поражения, с расчленением не смирится, «мир, продиктованный опьянением победы, не может быть прочным». Александр II упрашивал дядю отказаться от территориальных притязаний. Канцлер наметил возможные условия мира: возмещение Пруссии издержек войны, разоружение пограничных

французских крепостей, в крайнем случае отделение Эльзаса от Франции и слияние его с Люксембургом в буферное между двумя странами государство.

Но вопрос, как навязать торжествующему победителю компромиссное урегулирование, повисал в воздухе. Глава Форин оффис Д. Грэнвилл предложил, было, обратиться всей братией к королю Вильгельму с предложением приемлемых условий мира и тем самым предотвратить осаду Парижа. Царь счел акцию бесполезной ввиду отсутствия каких-либо средств убеждения. Ведомство Горчакова держалось осторожно, не желая портить отношения с единственной страной, готовой поддержать ключевое для России требование, о чём Бисмарк в августе весьма своевременно напомнил: «Если у России есть пожелания относительно Парижского трактата, мы охотно сделаем для нее все, что сможем»³⁴.

На призывы к благоразумному миру, «почетному для Германии, но умеренному для побежденного», Вильгельм и его первый министр отвечали уже по традиции – общественность не позволит похитить у армии ее лавры. Им и лицемерить не пришлось. Немецкая пресса словно с цепи сорвалась, газеты разных направлений трубили о присоединении Эльзаса и Лотарингии к фатерлянду. Обсуждался вопрос о необходимости преодолеть их «офицерскую неприязнь». Раздавались призывы не ограничиваться в своих вожделениях двумя провинциями, вспоминали о Люксембурге, полагали, что Германии пора подумать о колониях (называли Алжир), призывали не забывать об остзейских немцах.

Трудности Александра Михайловича усугублялись нескрываемым расположением царя к немцам. Узнав о Седане, он отправил дяде исполненную родственных чувств телеграмму, принцам Фридриху Вильгельму и Фридриху Карлу присвоил звания российских фельдмаршалов, на прусских генералов и офицеров посыпалась Георгиевские кресты. Не какой-нибудь демократ, а академик и цензор А.В. Никитенко свидетельствовал в своих дневниковых записях: Франция на краю пропасти, «а в наших так называемых высших сферах продолжают радоваться успехам пруссаков (...) Зато в обществе решительная и всеобщая неприязнь к пруссакам и сочувствие Франции».

О настроениях в «верхах» Никитенко судил слишком строго. Наследник престола и его супруга, урожденная датская принцесса Дагмар, не скрывали своих профранцузских симпатий. Им предложили держать язык за зубами. Свет

раскололся. «Пропруссская фракция» облюбовала салон великой княгини Елены Павловны, бывшей принцессы Бюртембергской, их оппоненты встречались в салоне Е.Э. Трубецкой, посещал его и Горчаков. В. Мещерский в письме наследнику выражал тревогу: «Партия ликующих за колбасников уменьшается и жижеет. Невольно у всех на языке то, что, хочешь не хочешь, приходит в голову: черт возьми, эдак и до нас доберутся...»

Л.М. Шнеерсон справедливо отмечал: «Полного совпадения личной пристрастности царя к Пруссии и его оценок и решений как политика быть не могло». И все же родственные излияния Александра Николаевича, слухи об «интимной близости» петербургского и берлинского дворов затрудняли тонкие маневры Александра Михайловича, а к середине сентября стала очевидной их беспредметность. 16 числа этого месяца появился циркуляр Бисмарка, в котором объяснялось, что безопасность рейха от козней соседки нельзя считать обеспеченной, доколе крепости Страсбург (Эльзас) и Мец (Лотарингия) не перейдут к нему. Программа аннексий провозглашалась официально. Горчаков сразу прекратил свои усилия по посредничеству, ибо «посредничать» при расчленении Франции было унизительно. Правда, Александр Михайлович тешил себя надеждой, что без участия России процесс мирного урегулирования не обойдется («роль простого регистратора столь важного факта ей не подобает»). Еще больше заблуждался император: «Нужно помешать Пруссии урегулировать дела одной и только в свою пользу, я дам свое согласие только на условия, обеспечивающие длительный мир»³⁵. Сие уже отдавало маниловщиной, ибо на самом деле с ним советовались лишь из вежливости.

В конце сентября в Петербурге появился уполномоченный французского правительства Адольф Тьер. Встретили его сочувственно, разве что соболезнований не выражали, но могли предложить лишь утешения. Горчаков сказал собеседнику: «Вы найдете здесь только живые симпатии к Франции, порожденные предпочтением, питаемым в России к вашей родине и старою общностью интересов, давно забытых». Намек был ясен: наломали дров в отношениях с Россией — теперь выбирайтесь из тупика сами. Тьери не следуя за заблуждаться насчет симпатий: «Вам помогут вступить в переговоры без потери времени, и, поверьте мне, это все, что можно для вас сделать». Император принял Тьера ласково и обещал предпринять «все от нас зависящее, чтобы Франция понесла как можно меньшие жертвы, земельные и денеж-

ные». Но от вежливых российских демаршей в Берлине столь же вежливо отмахивались (правда, сумму контрибуции все же снизили с 6 до 5 млрд франков). Довольный нейтралитетом России, король благодариł племянника: «Никогда Германия не забудет, что она Вам обязана тем, что война не приняла крайних размеров. Да благословит Вас за это Господь! До конца жизни признательный друг Вильгельм»³⁶.

Под аккомпанемент этих дружеских излияний Пруссия навязала Франции унизительный мир. Никто не потребовал представить его условия на обсуждение конгресса. Канцлер возникшего второго рейха, теперь уже князь О. Бисмарк, ограничился уведомлением о ниспровержении существовавшего в Европе баланса сил.

Можно ли считать это чрезмерной платой за осуществленное тогда же избавление России от тягостных условий 1856 г.? Или следует расценить случившееся как крупный промах ее дипломатии? Рассуждая абстрактно, да; беря в расчет сложившуюся ситуацию — нет. К чести общественности и дипломатии России, они сознавали закономерность и неотвратимость объединения немецкого народа и ему не препятствовали. Это произошло во главе с патриотически настроенным, но глубоко консервативным юнкерством и военщиной Пруссии, что предопределялось исторически сложившейся в стране конфигурацией социальных сил. Иное дело — возможность воздействовать на процесс так, чтобы он не привел к образованию потенциально опасных для соседей государств с гегемонистскими замашками. Теоретически такую задачу мог взять на себя блок Франции и России при непременном отказе Парижа от территориальных притязаний и его согласии хотя бы на постепенную и пусть даже растянутую во времени ликвидацию обременительных для союзника условий договора — 1856 г. В этом заключались «послекрымские» планы Горчакова, развеявшиеся как дым. Наполеон Маленький с его вечными притязаниями на земли соседей в партнеры для обеспечения стабильности на континенте не годился. Сам он пал жертвой более сильного и искусного немецкого хищника. Отсюда — ностальгический тон Горчакова в беседе с Тьером насчет «старой общности интересов, давно забытых» в Париже, его досада по поводу упущеных возможностей: «Если бы Французская империя считалась с нами, она избежала бы тех бедствий, которым она подверглась»³⁷.

Но, как говорится, нет худа без добра. Потерпел поражение триумфатор Крымской войны. Идея отказа от унизи-

тельных положений 1856 г. витала в воздухе. Горчаков в напоминаниях не нуждался. 15(27) октября 1870 г. в Царском Селе состоялось заседание совета министров под председательством Александра II. Царь поставил вопрос об отмене пресловутых пунктов. Все были за; военный министр Д.А. Милютин проявил крайнюю осторожность и рекомендовал ограничиться восстановлением сил на Черном море, не касаясь Южной Бессарабии. С ним согласились, полагая, что иначе придется воевать с Турцией.

И уже 19(31) октября Горчаков выступил со знаменитой циркулярной депешей. От имени императора в ней заявлялось, что Россия больше не считает себя связанный со статьями договора, запрещающими ей содержать на Черном море флот, поскольку они ограничивали его верховные права. Те же права возвращались султану. Вместе с тем говорилось, что Россия не намерена поднимать Восточный вопрос и выдвигать территориальные требования. Горчаков выражал готовность собраться на конференцию, чтобы подтвердить прочие условия Парижского мира или заменить его «справедливым уговором» и обеспечить тем самым спокойствие Востока. Державам представлялась возможность собраться в кружок и выйти «с честью» из положения. Отмене решение императора не подлежало³⁸.

Первый сигнал о грядущих неприятностях Горчаков получил от британского посла сэра Э. Бьюкенена. Раздобыв информацию о готовящемся циркуляре, видимо, достаточно точную, тот послал к министру слугу с запиской: предпринимаются шаги, «столь вызывающие по отношению к королеве и достоинству Великобритании», что он ожидает приказа «затребовать паспорта и покинуть Петербург». Это был пробный шар — как отнесется Горчаков к угрозе разрыва отношений? Ответа не последовало³⁹.

Свой циркуляр канцлер снабдил наставлениями, каждому послу отдельно, что тому говорить при вручении бумаги. Существование Османской империи, заверял он Форин оффис, нужно продлить, но для этого необходимо отменить неприемлемые для России статьи, мешающие ее гармоничным отношениям с Турцией. В Вене Е.П. Новикову надлежало напомнить Ф. Бейсту, что тот сам ранее признавал неприемлемость для России пресловутых условий, и намекнуть, что в зависимости от реакции ведомства на Балльхаузпляц будут впредь строиться отношения между двумя странами. Посланник во Флоренции заявил итальянцам, что их двор, преисполненный сознания собственного достоинства, дол-

жен с той же меркой подходить к действиям России, направленным на восстановление ее попранных прав.

Поверенный в делах в Константинополе зачитал реис-эффенди декларацию, в которой говорилось: «Аномальное положение, созданное между Россией и Турцией договором, не только составляет камень преткновения между ними, но является также постоянным возбуждением для тех, кто свои расчеты и интересы основывает на разрыве обоих государств. Решение принятное нашим августейшим государем, направлено на то, чтобы мирным способом устранить этот постоянный способ к раздору». Наиболее резкие выражения в своем циркуляре Горчаков припас для обращения к приютившемуся в Туре французскому кабинету. Причины бедствий, переживаемых Францией, — в Крымской войне, в злосчастном договоре, положившем начало катастрофическим потрясениям. А посему французам пора приступить к искоренению зла, порожденного ими же низвергнутым режимом⁴⁰.

На адресатов красноречие канцлера впечатления не произвело, реакция на его демарш последовала резко отрицательная. Циркуляр, утверждалось в телеграмме Форин оффис, не предложение участникам договора обсудить общие проблемы, а заявление, что Россия сама освобождает себя от неугодных ей статей трактата. Подобный подход означает дискредитацию самой идеи договоров. Несмотря на готовность соблюдать некоторые положения акта, ясно, что Петербург считает себя единственным судьей: хочу — соблюдаю, хочу — отвергаю. Державам предлагаются согласиться с тем, что Россия нарушает торжественно принятые на себя обязательства. Курс, провозглашенный князем Горчаковым, «создает опасный прецедент относительно, ценности международных обязательств». Британский посол долго и нудно толковал князю насчет нерушимости трактатов. Зачитанная им депеша графа Д. Грэнвилла походила на «диссертацию о правах человека». Но угрозы разрыва отношений она не содержала.

Венское ведомство тоже заявило, что предпринятая акция нарушает саму идею договоров. В ответ на напоминание о его прежнем демарше Ф. Бейст сказал: «Мы предлагали раскрыть перед вами двери, а вы ломитесь в окно, что совсем не то же самое». Итальянцы, в свою очередь, заявили, что освободить Россию от обязательств могут лишь пять держав по взаимному согласию⁴¹.

Пруссаков император известил о «своем» решении личным письмом королю Вильгельму. Реакция была кислая,

инициативу сочли несвоевременной. Силы сопротивления французов не иссякли, под Парижем немцы застряли, ширилось движение франтизеров. «Окруженные вооруженными бандами» оккупанты, по словам генерала Г. Мольтке, «отбивали их отчаянные вылазки». Половина наполеоновской армии находилась в Германии в плену, «а против нас во Франции больше вооруженных людей, чем в начале войны». Конференция по пересмотру статей Парижского договора, будь она созвана, по всем законам логики могла бы также заняться жгучим вопросом франко-германского урегулирования, и отнюдь не для того, чтобы поощрять непомерные запросы победителя. Немцы поэтому предпочли бы приступить к совещаниям после того, как они сокрушат галлов. Напротив, Горчаков с полным основанием полагал, что «пока идет война, мы с большей уверенностью можем рассчитывать на благожелательность Пруссии»⁴². Бисмарк был связан данными прежде и повторенными в августе 1870 г. обязательствами и понимал, что «стомиллионному народу нельзя надолго запретить осуществлять естественные права суверенитета над принадлежащим ему побережьем» и подвергать его «невыносимым унижениям». Свои чувства он выразил в досадливом ворчании, но проявил «благожелательность поневоле» к российским притязаниям.

Центром переговоров, естественно, стал Лондон, существовало четкое представление, что именно Великобритания занимает в мире ключевые позиции и в ее столице следует добиваться осуществления цели. 28 октября (9 ноября) Бруннов с душевным трепетом отправился в Форин оффис. Лорд Грэнвилл выслушал сообщение посла с каменным лицом, в объяснения не пустился, заметив, что важность проблемы не позволяет ему до заседания кабинета обозначать правительенную позицию. «Он был холоден, сдержан, торжествен — совсем другой человек». Собеседники волновались, разговор по обыкновению шел по-французски. Министр не нашел эквивалента слову *sudden* и произнес его по-английски. Бруннов в донесении в Петербург прибег к русскому переводу — *внезапно*. И все же послу показалось: «Он принял мое сообщение лучше, чем я опасался»⁴³.

Филипп Иванович полагал, что, прежде чем дать ответ, кабинет разведает реакцию на циркуляр в Константинополе, Вене и Берлине, и советовал не посягать на основы Парижского мира (помета царя: *Такого намерения нет*), не уязвлять самолюбия англичан и не возбуждать их подозрительности.

Грэнвилл, действительно, взял тайм-аут для консультации с прочими участниками крымской эпопеи. Особых усилий прилагать ему не пришлось: австрийцы, турки, итальянцы бросились в Лондон за советом. Венский кабинет выразил желание «в согласии с Англией» отвергнуть горчаковский демарш. Бейст инструктировал посла: максимы, взятые русскими на вооружение, «компрометируют не только существующие, но и будущие договоры». Но в его переписке появилась фраза, намекавшая на возможность отступления: «Я никогда не делал тайны из своего убеждения, что договор 1856 года поставил Россию на Черном море в положение, недостойное великой державы, подорвал ту роль, которую она призвана играть в водах, омывающих ее берега...»⁴⁴.

В немецкий лагерь под осажденным Парижем для «категорических объяснений» с Бисмарком поехал лорд Одо Рассел. Он взял, было, решительный тон: возник вопрос, который вынудит Великобританию, «с союзниками или нет, пойти на войну с Россией». На собеседника декларация не произвела впечатления, он знал, что британский лев в одиночку не воюет. Немец ошарашил визитера заявлением, что, на его взгляд, русские действуют слишком мягко, им следовало бы разорвать Парижский договор, а затем, в виде снисхождения, пойти на восстановление некоторых его позиций. Продолжая брутальный натиск, он предложил созвать конференцию в Петербурге. В утешение сникшему собеседнику Бисмарк поведал, что осуждает форму, в которую выились российские требования, и выбранное для демарша время, однако считает себя не вправе не только вмешиваться, но даже отвечать на циркуляр Горчакова. Полученная от Одо Рассела информация разочаровала графа Грэнвилла: Бисмарк — «за ревизию договора 1856 года в духе русских требований». Посол И.Г. Бернсторф в ответ на жалобы министра «дружески» советовал ему соблюдать осторожность и не переходить на свойственный прессе полемический тон. Бруннов, выслушав речи о святости договоров, напомнил, что Пруссия только тем и занималась, что оные святыни нарушала, например — венское урегулирование 1815 г. Тогда никто, включая британский кабинет, пальцем не шевельнул, чтобы призвать ее к ответу. У Грэнвилла к 24 ноября сложилось впечатление, что Россия с помощью Пруссии добьется желаемого.

Высказываясь за проведение конференции в Петербурге, Бисмарк шел на провокацию: отправляясь в северную столицу для победителей в Крымской войне было равно-

значно покаянию в совершенных тогда грехах. Грэнвилл тотчас ответил: Вена, Флоренция, Лондон, даже Гаага или Берн и Брюссель, но только не Петербург или Берлин⁴⁵. Само перечисление стольких мест свидетельствовало, что идея конференции пустила корни. Горчаков не стал возражать против встречи в Лондоне. Только в логове льва можно было достичь решающего результата. Согласие британского кабинета на отмену пресловутых пунктов предопределяло позицию остальных оппонентов, никто из них без поддержки из-за Ла-Манша не решился бы бросить вызов России. Со стороны Горчакова это был ход ферзем — опасный, но в случае успеха суливший выигрыш партии. Гордиев узел надлежало разрубить в туманном Альбионе, пользуясь заодно тщеславию Джона Булля.

На Певческом мосту отдавали себе отчет: мало знать настроение министров, «необходимо бдительно следить за настроением в палатах, за общественным мнением, за течениями в прессе, за всем механизмом публичной жизни». Либеральный кабинет В.Ю. Гладстона, предупреждал Бруннов, упрекают за излишний радикализм в делах внутренних и малодушие во внешних. Члены кабинета ссыплют недостаточно нахальными, а такая оценка, по словам посла, чрезвычайно обидна для британского ministra. Ходили слухи, будто Бисмарк сравнил Гладстона с сидельцем в лавке, чем задел премьер-министра. Общественность он уподоблял то нервной даме с изменчивым характером, то «зверю, начинаяющему рычать еще, до того, как с него начитают сдирать шкуру», и рекомендовал обращаться с этим чудищем крайне осторожно: «Я настаиваю: общественное мнение — это власть, доминирующая в Англии, Гладстон не руководитель мнения, а его раб»⁴⁶. Пресса полна «злонамеренных инсинуаций, ее тон становится агрессивным, когда она считает, что Джона Булля берут за рога». Влиятельнейшая газета «Таймс» предупреждала: Россия, запасшись поддержкой победителей под Седаном и Мецем, воображает, что не встретит сопротивления со стороны других держав. «Мы полагаем, она обнаружит, что ошибается». По мнению консервативного органа «Стандард», Россия считает момент благоприятным для «возрождения старых агрессивных мечтаний». Не нынешнему слабому либеральному кабинету ей препятствовать. В Петербурге, конечно, не забыли, что один из министров назвал Крымскую войну «ужасным преступлением». Сам мистер В.Ю. Гладстон в руководители военного кабинета не годится. Российским требованиям надо сопротивляться «даже це-

ной новой войны (...) Русский флот на Черном море может иметь одну лишь цель — захват Константинополя». Другая торийская газета «Джон Булль» упрекала правительство за то, что оно не прислушалось к мудрым советам лидера консерваторов Бенджамина Дизраэли и не попыталось предотвратить франко-прусскую войну; тогда не всплыл бы и злосчастный черноморский вопрос⁴⁷.

Ведомство Горчакова не упускало из виду психологический фактор. Оробевший Бруннов советовал избегать экстремизма, ибо даже слабый (понимай — британский кабинет), будучи прижат к стенке, становится храбрецом; не следует раздражать англичан непродуманными шагами в Средней Азии, ибо в этом вопросе «человек с улицы» особенно чувствителен: «Я расцениваю ситуацию как очень серьезную, но на сегодняшний день не трагическую» (2 — 14 ноября 1870 г.) «Надо смело идти вперед, не забывая о благородстве...».

Он учил ученых. Помета царя на полях депеши гласила: *Мы так и собираемся поступить.* В болевой точке, Средней Азии, размышлял Горчаков, «каждая из двух сторон имеет сферу естественных интересов и законных стремлений, с которыми надо взаимно считаться, остерегаясь возбуждать взаимные предрассудки». Надлежало притушить бурную активность предприимчивых генералов и полковников, что и было сделано⁴⁸.

Следовало контролировать не только всякое слово в переписке, но и каждый звук, вылетавший из уст, и выиграть время, позволить «успокоиться умам, находящимся в возбужденном состоянии».

Новая встреча Бруннов — Грэнвилл состоялась 2 — 14 ноября. Британец поведал послу, что горчаковский циркуляр привел кабинет в «оцепенение». Бруннов давал пространные разъяснения: ни одна держава не в состоянии удерживать то, что разваливается силой вещей, принцип нейтрализации Черного моря изжил себя. Он погиб под развалинами империи Наполеона, ничто не в состоянии его возродить, нет надежды на сохранение конструкции, тогда, к несчастью, сооруженной (об активном участии англичан в сем деле Бруннов тактично умалчивал).

Любой намек, свидетельствовавший о сдвиге партнеров в сторону примирения, фиксировался. «Полл Молл Газетт» предрекала: Россия воспользуется прусскими победами для выдвижения своих требований, но до войны дело не доведет: «Это не входит в планы князя Горчакова (...) Его политика

слишком искусна, его амбиции сдерживаются терпением». В печати зазвучали обнадеживающие ноты: нельзя допускать отмены Парижского договора, иное дело — его «модификация», считала либеральная «Дейли Ньюз». Тот же «Джон Булл» предупреждал: не следует «в припадке лихорадочной русофобии искать выхода в ненужной войне» 16(28) ноября Бруннов получил от Грэнвилла записку с выражением надежды, что их личные отношения останутся дружескими, и обещанием зайти в посольство и поговорить, что было сочтено свидетельством о сдвиге к примирению⁴⁹. Но никто, кроме пруссаков, не признал уже ставшего знаменитым циркуляра.

Горчакову совершенно неожиданно пришлось сражаться на внутреннем фронте, барон Бруннов, его опора в деле урегулирования конфликта мирным путем, оробел от свалившейся на него ответственности и стал вносить предложения, не вязавшиеся со здравым смыслом и, что еще хуже, грозившие похоронить еще хрупкую конструкцию, сооружаемую канцлером. По мысли старого дипломата, ревизия трактата являлась слишком ответственным делом, затрагивавшим «национальные интересы России, чтобы его можно было обсуждать на обычной конференции». Посему надлежало собрать «настоящий конгресс для морального возрождения европейской политики» с участием глав государств. Пока идет война, созыв подобного форума невозможен, но это и к лучшему, пусть улягутся страсти (помета царя: *Это время ушло*)⁵⁰.

Ничего не могло быть более чуждым планам Горчакова, чем этот замысел. Следовало соорудить некую дипломатическую ширму, скрывшись за которой, представители Европы могли бы, производя как можно меньше шума и не роняя чести и достоинства, капитулировать. А Бруннов замахивался на нечто величественное и длительное, в результате чего можно было упустить момент для осуществления акции. Старец явно струсил, ведь именно ему предстояло выступить в трудной роли российского представителя.

Бруннов встретил вежливый, но твердый отказ: созывать совещание глав государств — значит откладывать решение вопроса до греческих календ и проводить его в условиях, менее благоприятных, чем существующие. Для пруссаков, единственных, от кого можно ждать поддержки, идея конгресса неприемлема, поскольку чревата возбуждением вопроса об их собственной войне.

Бисмарк полагал, что форум в Лондоне должен быть кратким, простым, без обращений к прошлому, без протокола и со строго ограниченной программой, понятно какой. Немецкий канцлер действовал исключительно в своих интересах. В глубине души Бруннов сознавал: «Граф Бисмарк выдвинул проект совещания в Лондоне с задней мыслью выиграть время и привлечь к нему внимание общественности, а самому иметь возможность закончить без какого-либо вмешательства войну с Францией». Как дипломат, Бруннов понимал игру немца; как царедворец, он гнал от себя опасные мысли: «Не надо сомневаться во всем в мире. Придется отказаться от всякой политической деятельности, если не верить в добрую волю наших самых старых и верных друзей» (вздох царя: *Истинно так...*).

Князь Горчаков умел делать выговоры в необидной для самолюбия провинившегося форме: «Вы впали в пессимизм, не оправдываемый ситуацией». Он, Горчаков, не теряет надежды на то, что здравый смысл восторжествует, англичане ведь так заботятся о своих коммерческих интересах. Они с Брунновым почти одногодки, да и болезней у него, Горчакова, побольше: «Я ведь, дорогой барон, не почиваю на ложе из цветов». Филиппу Ивановичу надо собраться с силами и завершить карьеру славным деянием.

В конце ноября «любезноверный» барон Бруннов получил полномочия на участие в конференции. Следовали предельно четкие указания: ни о полной ревизии акта 1856 г., ни о новом договоре речь не вести, а «единственно, просто и исключительно» только об отмене допущенного тогда ограничения российских прав и восстановлении суверенитета России на всей ее территории. И декларация от 19 октября «продолжает сохранять для нас силу закона»⁵¹.

В Великобритании наступила пора размышлений. Ситуация сложилась проигрышная. Ведущий участник крымской коалиции, Франция, вышла из строя. Османская империя в дружеских объятиях западных покровителей катилась к государственному банкротству, Высокая Порта устала от назойливой опеки держав и в восстановлении прав на Черном море стала усматривать для себя плюс. Храбрилась только Вена, требуя отзыва циркуляра Горчакова. Австро-Венгрия, раздиаемая после двух военных поражений распрыми между национальностями, серьезным партнером не представлялась, и ее запальчивые предложения были отклонены, лондонский кабинет с огнем играть не собирался. Британская дипломатия недаром слывет опытной и умелой, в случае

неизбежных уступок она идет на них и умеет извлекать выгоду даже, казалось бы, из проигрышного положения.

Лорд Грэнвилл не мог тянуть время до бесконечности, следовало решить дело до созыва парламента, чтобы не быть растерзанным в палате общин зубастыми консерваторами во главе с лидером оппозиции ее величества Бенджамином Дизраэли.

Горчаков направил свои усилия на то, чтобы найти точку соприкосновения с британцами. Он чуть ли не ежедневно встречался с послом сэром Энтони Бьюкененом и снабжал Бруннова многочисленными инструкциями, стараясь облечь российские претензии в наименее обидную для собеседников форму: петербургский кабинет посягает не на весь Парижский мир, а только на ущемляющие интересы России положения и желает всех благ Османской империи.

Встречные усилия главы Форин оффис привели его к формуле, открывавшей путь к компромиссу: державы собираются на совещание без принятия на себя каких-либо заранее оговоренных обязательств (т.е. не признав циркуляр). Поскольку тот реально существовал, и Горчаков отменять его не собирался, изощренные умы в британском ведомстве придумали следующую утешительную формулировку: «сделанная декларация означает отмену теоретического принципа без немедленного его воплощения в жизнь»⁵². Горчаков не возражал, потому что немедленно воплотить принцип в жизнь было невозможно, эскадры ведь не появляются из пены морской по мановению волшебной палочки, требовались годы на то, чтобы воссоздать Черноморский флот. Приоритетной задачей тогда для России являлись не внешние дела и не укрепление вооруженных сил, а преодоление экономической отсталости, строительство железных дорог, выход хозяйства на современный уровень. Сильный боеспособный флот появился на Черном море лишь 25 лет спустя!

Если брать на веру каждое слово из заявлений канцлера, предназначенных к распространению за рубежом, не существовало человека, более озабоченного сохранением незыблемости власти султана и пресловутого трактата: ни Англия, ни Россия не угрожают Османской империи, «оба кабинета в равной мере обуреваемы желанием продлить ее существование возможно дольше путем примирения и устранения разногласий между Портой и христианскими подданными султана». Правительство ее величества никогда не согласилось бы поставить безопасность берегов королевства в зависимость от изменчивой политической конъюнктуры. Рос-

сия добивается исключительно устранения этой зависимости. Никто иной, как лорд Генри Джон Пальмерстон, сказал, что его детище – Парижский мир 1856 г. – вряд ли просуществует десять лет, настолько его условия неприемлемы для России. Та с терпением, схожим с ангельским, мирилась с ним целых пятнадцать лет, она и теперь готова начать переговоры и «либо подтвердить общие положения, либо заменить их другой договоренностью, имеющей ту же цель». Канцлер разглагольствовал перед послом Э. Бьюкененом: «Наша декларация – сильнейшая из гарантий, когда-либо сделанных во имя сохранения спокойствия на Востоке». Россия хотела бы достичь результата путем доброго согласия. Никто не пошел ей навстречу. Императору следовало «исполнить свой настоятельный долг перед страной». Царь не может более навязывать России соблюдение «обязательства, против которого протестует национальное чувство». Поэтому решение, «принятое во имя сохранения своего достоинства и безопасности значительной части империи, является незыблемым». Возвращение России права, коего не может быть лишена ни одна страна, не есть нарушение мира. И Горчаков с настойчивостью, достойной Катона Старшего, повторял: отмена некоторых пунктов учиненного в 1856 г. урегулирования не означает посягательства на весь трактат. Чтобы не будоражить умы, Бруннов представит на конференции российскую точку зрения, не ссылаясь на циркуляр. Свою депешу послу от 8(20) ноября князь охарактеризовал как «спокойную, примирительную и далее дружественную в отношении Англии». Сам он в беседах с послом Бьюкененом – воплощенная куртуазность⁵³.

Что до российского представителя в Лондоне, то его одолевали сомнения. Как верноподданный, Филипп Иванович был готов беспрекословно выполнять монаршью волю, но... на конференции начнется торговля по поводу числа судов, имеющих быть на Черном море, и укреплений Севастополя. Успеха он гарантировать не может. Если встреча закончится общим разочарованием, придется отвергать доводы оппонентов, что приведет к их сплочению. Не лучше ли подождать: «Предоставим времени прийти к нам на помощь, чтобы счастливо преодолеть кризис, в котором находимся (...). Дождемся мирно момента, я полагаю, не столь отдаленного, когда станет возможным созыв европейского конгресса».

Филипп Иванович излагал свои тревоги в письмах в родное ведомство: он не считает нужным скрывать свою не-

уверенность, а его упрекают в излишнем пессимизме. Он не может успокоить «ни сердца, ни ума» при мысли, что ему предстоит подписать то ли протокол, то ли конвенцию, «долженствующую удовлетворить императора». И вообще ему по старости и состоянию здоровья пора идти на покой, он и раньше уже просился в отставку: «На сегодняшний день я самый старый из сотрудников Вашего министерства, работающий за рубежом. Я льщу себя мыслью, что, как таковой, я подаю пример необходимого подчинения даваемым Вами указаниям и приказам императора». В Лондоне он уже отслужил 25 лет, и за посольством не числится ни фунта долга. «В мои годы трудно уже отказаться от привычек, от воспоминаний, от дружбы, от личных связей тридцатилетней давности». Он готов уйти. И князь Горчаков вновь и вновь ободрял своего старого товарища: пусть лорд Грэнвилл будет лоцманом на корабле конференции, но руль должен находиться в руках Бруннова, и тогда плавание окажется не столь уж опасным⁵⁴.

28 ноября королева Виктория изъявила согласие на проведение форума держав в Лондоне. «Любезноверный» барон Бруннов, действительный тайный советник и кавалер многих орденов, получил царский рескрипт, уполномочивший его представлять на нем российские интересы.

Оставалось преодолеть еще одну сложность — обеспечить присутствие (не скажем — участие) на встрече французского делегата. Новые власти страны хотели бы воспользоваться случаем, чтобы добиться послаблений от Пруссии, а именно — заключения перемирия на разумных условиях, включая снабжение осажденного Парижа продовольствием на время перерыва в военных действиях: «Было бы крайне желательно, чтобы правительство ее величества дало заверение, что на конференции могут быть подняты вопросы франко-прусских отношений (...) Все христиане должны испытывать шок, видя, что Рождество и Новый год осквернены военными операциями».

Добрый христианин Отто фон Бисмарк не испытывал шока — никаких послаблений, никакого перемирия, пусть дипломаты Третьей республики явятся на кордоны осаждавших Париж прусских войск, их пропустят. Подобный способ появления своих представителей на международной встрече в Туре и Париже сочли несовместимым с достоинством страны. Разъяснения Грэнвилла усилили сомнения: конференция созывается с определенной и строго ограниченной повесткой дня, и если французы поднимут другие воп-

росы, он будет вынужден прервать их речи. После заседания и в частном порядке они вольны говорить, что угодно.

Но проигнорировать совещание – не значит ли это вычеркнуть себя из списка великих держав? В конце концов было решено направить в Лондон для исполнения чисто протокольной роли лицо малоизвестное, герцога Брольи, который послушно подписал все необходимые бумаги.

Не ко времени Ф. Бейста осенила малоудачная мысль: предварительно посовещаться втроем (Великобритания – Австро-Венгрия – Турция), чтобы договориться относительно выработки инструкций для уполномоченных. Грэнвиллу пришлось объяснить венскому коллеге, что тот задумал порушить основной принцип – садиться за стол совещания без предварительно принятых решений⁵⁵.

Пикантность ситуации заключалась в том, что всю операцию по отмене запрета на содержание флота на Черном море следовало провести без ссылки на знаменитый циркуляр, который признала одна Пруссия; будь о нем заявлено, да еще со словами «не признаем», Ф.И. Бруннову ничего не оставалось бы, как взять в руки цилиндр и откланяться.

Перед самым открытием форума чуть не произошел срыв: Грэнвилл ознакомил посла с пригласительной нотой, и тот вздрогнул, – текст явно предназначался для публикации в очередной Синей книге. «Английская нота по содержанию представляет обвинительный акт, предъявляемый Россией перед лицом европейского трибунала». Бруннов заявил, что, получив подобную бумагу, он откажется от участия в совещании. Циркуляр от 19 октября получил в России силу закона, его приветствовали дворянские собрания и купеческие управы. Страна одобрила решение императора, принятое в интересах безопасности и достоинства государства. На каком же основании российский посол может принять послание, ставящее под сомнение законность акта монарха на его же собственной территории?

Грэнвилл осознал, что номер с нотой не пройдет, и вместе с Брунновым сел за ее редактирование. Такое с последним произошло впервые за 30 лет пребывания в британской столице. Филипп Иванович вспомнил всех министров, с которыми имел дело, Г.Д. Пальмерстон, Д. Абердин, Д. Кларенсон, Д. Рассел, Э. Стенли – никто ему подобного сотрудничества не предлагал! Члены кабинета, люди «спокойные и рассудительные», вошли в положение российского правительства, ознакомились с брунновскими замечаниями и, как сказал Грэнвилл, уполномочили его отправить державам простое

приглашение при условии, что российский уполномоченный воздержится от упоминания «определенных вещей» (т.е. циркуляра от 19 октября) и не станет возражать против азбучной истины дипломатии, а именно обязанности впредь выполнять международные договора⁵⁶.

17 января 1871 г. делегаты собрались в Лондоне под председательством графа Д. Грэнвилла. Пустовало лишь место представителя Франции, его на всякий случай задержали на прусских аванпостах и пропустили лишь для того, чтобы поставить подпись под готовыми решениями. В первом же протоколе участники совещания зафиксировали правовое положение, гласящее, что ни одна держава не может отказываться единолично от принятых ею обязательств, и условия трактатов могут меняться не иначе, как по согласию всех подписавших их сторон, «достигнутому в духе сердечного взаимопонимания»⁵⁷. Обратной силы протокол не имел. О циркуляре все благоразумно умолчали.

Палки в колеса переговорам ставили одни австрийцы, предложившие создать в Синопе стоянку для военных кораблей западных держав; получив отпор, они выдвинули идею постройки базы в устье Дуная. Ф.И. Бруннову, при поддержке турецкого представителя, отстаивавшего суверенные права Высокой Порты, удалось отбить насоки. Окончательный акт отменил статьи Парижского трактата, воспрещавшие России и Османской империи содержать флот на Черном море, подтверждал закрытие Босфора и Дарданелл для прохода боевых кораблей с предоставлением султану права «открывать сказанные Проливы для военных судов дружественных и союзных держав» в случае возникновения угрозы безопасности его владениям⁵⁸.

Британская газета «Морнинг пост» уныло констатировала: «Мартовский договор 1856 г. больше не существует». Циркуляр Горчакова она уподобила перчатке, брошенной каждому, кто пожелал бы ее поднять. Охотников не оказалось, никто не счел возможным вступить в войну. В качестве искупительного выхода появилась идея конференции, при том, что горчаковская нота так и не была отозвана: «Бесспорный исторический факт заключается в том, что Россия участвовала в недавней конференции, имея на руках ясно выраженную и зафиксированную декларацию, что не станет в будущем соблюдать определенную статью Парижского договора, и не дав никаких заверений, что в том случае, если собравшиеся уполномоченные или их большинство сочтут, что указанная статья должна сохранять силу, она (Рос-

сия) склонится перед их решением. Для нее, следовательно, отмена нейтралитации Черного моря являлась *ab initio* свершившимся фактом».

Завершалась статья всплеском горестных эмоций: «...Было бы самообольщением предположить, что конференция не была созвана, чтобы зарегистрировать заранее принятное решение»; державам следовало бы настоять на отзыве горчаковской ноты. Допустив бросившую вызов Россию на конференцию, ее устроители совершили серьезную ошибку. «Европейские державы с мечом, подвешенным над их головами, пошли на уступки России, которая с помощью пера достигла того, ради чего готова была применить силу, она, и только она, может поздравить себя со счастливым результатом своей беспрецедентно дерзкой политики»⁵⁹.

И все же лорд Грэнвилл не зря маневрировал и взял на себя хлопоты по созыву и проведению форума: в последней, восьмой статье заключенной конвенции стороны подтвердили прочие статьи 1856 г., а о подписанных всеми протоколе насчет незыблемости договоров вспомнили через семь лет к пагубе России.

Но пока что Россия торжествовала, и Горчакова венчали лаврами триумфатора. Александр II пожаловал ему титул светлейшего князя. Печать отдавала должное его достижениям: положен конец беззащитности южных рубежей, осуществлено желание всей общественности, решение черноморского вопроса делает честь государственному канцлеру. Взвешенную оценку итогам кризиса дал первый советник министерства А.Г. Жомини в письме Бруннову от 10(22) мая 1871 г. «Достойный шеф» (т.е. Горчаков), по мнению барона, слишком оптимистично взирал на события, «он предвидел войну первьев, но не более того». Жомини ожидал худшего, правда не войны, нет; но можно было ожидать жесткого противодействия, формального отказа европейского концерта принять циркуляр от 19 октября и контрдекларации о сохранении в силе Парижского трактата. Горчаков тщательно взвесил все про и контра, и события подтвердили его правоту. Он, Жомини, не знает в истории случая «мирной отмены договора всего через 15 лет после его подписания», причем в обстановке дружеских излияний. Во внутренней переписке не имело смысла наводить тень на ясный день итвердить что-то насчет сохранения каких-то основ почившего урегулирования 1856 г.⁶⁰

Когда эйфория улеглась и оглянулись «с холодным вниманием вокруг», то озабочились. Прежний баланс сил в Европе рухнул, произошло невиданное возвышение одного государства, Франция получила удар, оправляясь от которого предстояло десятилетиями, и как активная политическая сила исчезла с горизонта, а в «концерте» все громче звучал прусский барабан. Эвентуального геополитического союзника для противодействия второму рейху не существовало. В Австро-Венгрии произошла смена настроений, реваншисты приумолкли, Ф. Бейст подал в отставку со своего поста и удалился в Лондон в качестве посла, возобладало желание стать партнером, пусть даже младшим, могущественного соседа. Российские газеты перепечатали статью из влиятельной венской «Нойе фрайе прессе», в которой говорилось: Германия должна готовиться к неизбежному столкновению со славянством, и эту «трудную борьбу против общего врага ей придется вести в дружеском союзе с нами». Антиславянские выступления в Габсбургской монархии переросли в кампанию, что, в свою очередь, способствовало укреплению идеи славянской взаимности в России. Вектор австро-венгерской политики переместился на Балканы. «Австрия, выдворенная из Италии и Германии, обращается к Востоку, где ее интересы нам особенно враждебны», — констатировал Горчаков⁶¹.

Новый глава внешнеполитического ведомства граф Дьюла Андраши, представитель венгерской магнатской группировки, определял свою политику кратко: «Протянуть руку Германии и показать кулак России». В феврале 1872 г. в Вене состоялось сверхсекретное совещание под председательством императора и короля Франца Иосифа. Выступивший на нем Андраши полагал, что пришло время создания благоприятных условий для будущей войны с Россией; главное — лишить ее возможности использовать «национальный принцип» в своих интересах, подорвать ее влияние в балканской среде, спровоцировать русско-турецкую войну и, когда противники завязнут в схватке, нанести удар по московитам⁶².

Явно авантюрный замысел Андраши не встретил поддержки участников совещания. И главное, он рассуждал без хозяина, а хозяином являлся Бисмарк. В условиях еще не консолидированной Германии, с партикуляристскими настроениями у южан, чувствовавших себя неуютно в прус-

ской казарме, не следовало поощрять венских и будапештских забияк, а охлаждать их разгоряченные головы. Отсюда — курс на разрядку напряженности в Восточной Европе.

В том же нуждалось самодержавие. Страсти в Англии по поводу нанесенного ей в 1871 г. «оскорблений» не утихали. Британский лев представлялся горячим головам всеми брошенным беззащитным котенком. «Нет никаких оснований доверять России, памятуя о том, что произошло в 1871 г. на Черном море, а позже с Хивой. Если нависнет угроза над Оттоманской империей, нельзя полагаться на Австрию, а еще меньше — на Францию». Россия, чудилось обозревателю газеты «Морнинг пост», несет угрозу Египту, Константинополю, Азии; утешает лишь то, что «все политики и все партии Великобритании сходятся в одном: Константинополь должен быть огражден от российских посягательств»⁶³. Трения в отношениях с Великобританией в связи с продолжавшимся завоеванием Средней Азии доходили до такой степени, что приходилось всерьез опасаться столкновения с ней. Понадобилось вмешательство Александра II, чтобы договориться о «буферной зоне» между двумя империями (1872). И опять не обошлось без трений: англичане настаивали на разграничении зон влияния по течению Аму-Дарьи, что означало вторжение на территорию, которую в Петербурге считали своей. В следующем году генералы с трех сторон, из Красноводска, Ташкента и Оренбурга, начали наступление на Хиву и добились ее превращения в вассальное ханство*.

* Среднеазиатские дела будоражили английскую общественность. Правда, изредка со страниц печати раздавались примирительные голоса. Так, обозреватель «Дейли телеграф» полагал: «Истина заключается в том, что варварские правители Оксуса (Аму-Дарьи) не заслуживают покровительства (...) Не в наших силах сохранить независимость Хивы, но даже, будь это возможно, этого не стоило бы делать. Более сильное и, со всеми его ошибками лучшее по сравнению с этими нецивилизованными княжествами, государство появилось рядом, и (здесь) восторжествует порядок, разовьется торговля, вступят в силу правовые нормы, — пусть это будет московитская торговля и очень грубое право; у нас нет основания оспаривать подобное развитие событий, но мы не только можем, но и должны следить за ходом (процесса) и быть готовыми к соответствующим шагам в случае возникновения угрозы нашей безопасности» (Daily Telegraph. 1872. Nov. 10).

А.М. Горчаков предлагал сообща осуществлять в Средней Азии цивилизаторскую миссию, а не соперничать и не ссориться там: «Будет досадно, если две великие державы поддадутся на интриги азиатских властителей или на подстрекательства журналистов» и вступят в конфликт. «Про себя» он оценивал успехи в Средней Азии несколько иначе: «Раньше Великобритания всегда была для нас неуязвимой соперницей. В течение веков мы

В таких тревожных условиях на Востоке надлежало обеспечить политическими средствами безопасность западных рубежей. На границе с Пруссиею вообще не существовало ни одной крепости, что вынуждало обращать особое внимание на отношения с этой державой.

оставались безоружными в отношении Англии. Ее морская мощь позволяла ей наносить удары где угодно, а методами политики она добивалась создания коалиций. Мы нигде не могли до нее добраться. Наши новые приобретения в Средней Азии дали нам в руки оружие» (АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 66; 1873. Л. 72).

В немалой степени усилиями канцлера удалось добиться признания Афганистана буферной зоной между двумя империями, но британцы настаивали на том, что линия раздела должна пройти по его северным рубежам. Тронная речь королевы (февраль 1874 г.) включала следующий пассаж: «Правительства России и Соединенного королевства считают, что для установления спокойствия в Центральной Азии было бы желательно прийти к единому мнению относительно линии, проходящей по северным рубежам афганских владений». Состоялась соответствующая переписка. В печати выражалось недовольство будто бы излишней уступчивостью кабинета: Россия «осуществляет свои планы осторожно, последовательно и успешно, мы же плывем по течению. Люди, стоящие у власти, стремятся сохранить спокойствие в отведенное им время. Итог этого курса — один свершившийся факт следует за другим», — сетовала газета «Морнинг пост» (Morning post. 1874. Febr. 7; Aug. 18).

Сведения о готовящемся занятии Мервского оазиса доводили британских обозревателей до исступления: Мерв — в двухстах милях от Герата, а Герат — ворота в Индию на северо-западном направлении. «Если русские займут Мерв — они у нашего порога, Афганистан — у их ног; мы отделены от этой страны широкой горной грядой, русским же достаточно пройти по Мургабской долине, и они — в Афганистане» (Ibid. Dec. 18).

Российское продвижение осуществлялось осторожно и настойчиво; Мерв был занят через десять лет после предупреждений «Морнинг пост» об опасности. Дипломатические маневры Горчакова и некоторые привходящие обстоятельства, вроде бракосочетания великой княжны Марии Александровны с герцогом Эдинбургским Альфредом и государственного визита царя в том же 1874 г. в Лондон, несколько ослабили напряженность в отношениях двух стран.

Во время русско-турецкой войны (1877–1878) премьер-министр Бенджамин Дизраэли планировал нанести удар России через Среднюю Азию (см. главу «В водовороте Восточного кризиса семидесятых годов»).

В 1879 г. вице-король Индии лорд Литтон направил в Кабул многочисленный индийский отряд и добился от эмира согласия на то, чтобы прислушаться к «советам» из Дели (= подчиниться). В ноябре того же года жители Кабула восстали и почти поголовно перебили интервентов. Это побоище несколько остудило впечатительные умы в Лондоне. Во время своей Мидлотианской избирательной кампании (1880) В.Ю. Гладстон расценил афганскую авантюру кабинета Дизраэли как пиратство и тем способствовал падению кабинета (см.: Виноградов В.Н. Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М., 2004. Очерк: Отставка и угасание).

Следующим долговременным этапом великодержавной политики Германии в прусском варианте являлось достижение гегемонии на континенте. Добиться этого в одиночку, при затаенной враждебности Франции, подозрительности России, еще не отказавшейся окончательно от мечтаний о «возвращении» в Германию Австро-Венгрии и стремившейся к «равновесию» (т.е. вечному соперничеству двух держав на континенте), Великобритании не представлялось возможным. В Берлине поэтому приветствовали наметившуюся переориентацию «немецкой сестры». Однако альянс с Габсбургской монархией требовал учета ее интересов в единственном регионе, оставшемся открытым для ее экспансии, т.е. на Балканах. Такое обещание было дано в 1872 г., но в общей и, главное, не привязанной к определенному времени форме⁶⁴. Постоянно натянутые австро-руssкие отношения ставили перед Бисмарком перманентную задачу по предотвращению возможного конфликта. Австрия же была нужна как противовес России на случай войны с Францией.

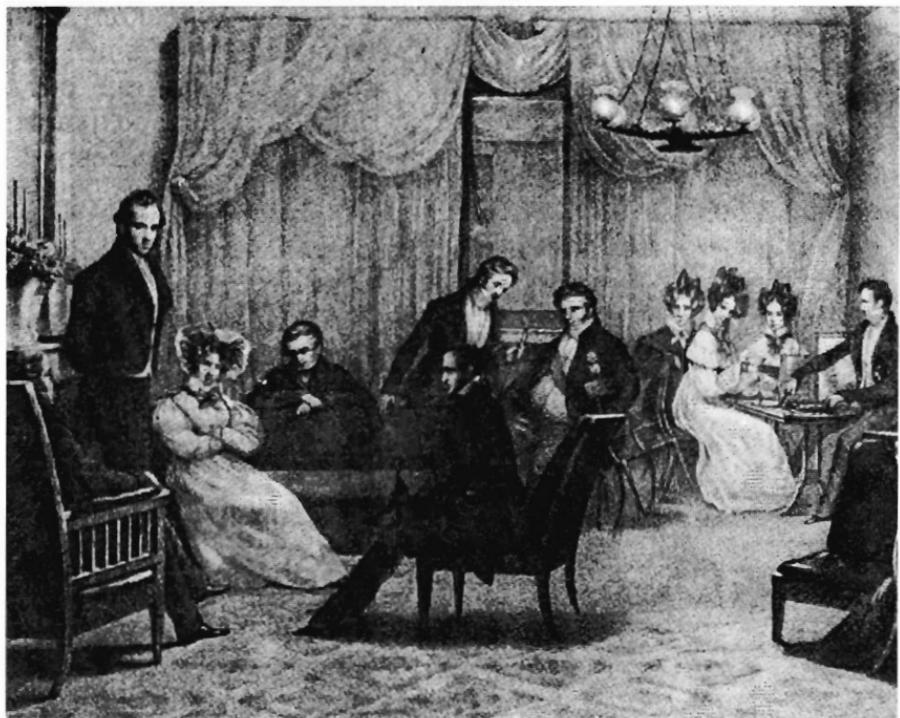
Горчаков сознавал, что на арену внешних сношений тяжело и мощно вступил его величество капитал. Глубокую тревогу внушали австрийские планы строительства железных дорог (Вена – Стамбул, Вена – Салоники) и установления контроля над судоходством по Дунаю. Канцлер констатировал: сближение с Германией усиливает немецкий элемент в державе Габсбургов, она становится авангардом германизма на Дунае. Объединение капитала двух стран придаст ему невиданную доселе мощь. Термина «Дранг нах Зюд-Остен» канцлер не употреблял, но именно вторжение имел в виду.

Он сознавал, что с подобным вторжением нужно сражаться тем же оружием, т.е. финансовой и промышленной мощью: «Нам следует противодействовать этому нашествию материальных интересов путем развития собственных ресурсов». Или, в ином случае: «Наша задача – бороться на арене прогресса, открытой для всех современной цивилизацией, используя собственное индустриальное и коммерческое развитие»⁶⁵. Но пока что собственных ресурсов недоставало даже на сооружение железных дорог в стране и возрождение Черноморского флота. Купечество, занятое предпринимательством «дома», проявляло равнодушие к балканскому рынку. А там умы манила политическая система Запада. Кругом одни трудности. Выбраться из клубка противоречий удалось с помощью комбинации, вошедшей в историю под незаслуженно громким названием Союза трех императоров.

Саша Горчаков-лицеист:
«Тебе рукой
фортуны своенравной
Указан путь
и счастливый
и славный»

Вечер в посольстве
в Вене.

Сидят: слева — Мария
Александровна
Мусина-Пушкина,
в будущем Горчакова,
и А.М. Горчаков

В расцвете сил,
но не у дел,
1841 г.

Сыновья Михаил
и Константин,
1848 г.

Император
Александр II

А.М. Горчаков.
Во главе
Министерства
иностранных дел
и внешней политики
России

Великий князь
Константин Николаевич

Павел Дмитриевич
Киселев

Наполеон III
и императрица Евгения

Отто фон Бисмарк

Дмитрий Алексеевич
Милютин

Николай Павлович
Игнатьев

Император Австрии,
король Венгрии
Франц Иосиф

Бенджамин Дизраэли,
граф Биконсфилд

Цесаревна Мария Федоровна
и ее брат греческий король Георг

Румынский князь
А.И. Кузя

Дьюла Андраши

Сербский князь Милан Обренович

Главная квартира Дунайской армии в Болгарии,
1877 г.

Сан-Стефано, место подписания
предварительного мирного договора,
март 1878 г.

А.М. Горчаков.
За год до смерти

Надгробие
на могиле
А.М. Горчакова,
его жены
и сына Михаила

В Вене осознали, что не ей, ослабленной революцией и двумя войнами и раздираемой национальными противоречиями, бряцать оружием. Граф Дьюла Андраши обнаружил качества первостатейного лицедея: перед Горчаковым он выступал в образе ангела мира... Андраши, свидетельствовал Горчаков, объясняется с ним откровенно и внушиает доверие, он заверяет, что лишь мир позволит сохранить баланс дуализма в монархии, и клянется, что не допустит усиления в ней немецкого элемента в ущерб мадьярскому. Россия заинтересована в том, чтобы Вена проводила миролюбивую и оборонительную политику. Горчаков, по его словам, был готов аплодировать каждому слову обольстительных речей графа Дьюлы. Не отличавшийся дипломатическим талантом посол в Австрии Е.П. Новиков поддакивал: Андраши — честный соперник. В далеком Лондоне Ф.И. Бруннов тревожился, как бы консулы на Балканах (подчиненные Н.П. Игнатьеву) не накалили обстановку и не порушили наметившуюся идиллию в отношениях с Австрией: часто они «в порыве усердия» выходят за рамки своих обязанностей, у них руки чешутся от нетерпения помочь населению. Будь его воля, Филипп Иванович начертал бы на дверях консульств мудрые слова: «Тише едешь, дальше будешь» (по-русски). Замечание Горчакова «Андраши — первый из деятелей монархии, посоветовавший Францу Иосифу руководствоваться в отношениях с Россией здравым смыслом», — показывает глубину его заблуждения.

Петербург, в свою очередь, тоже демонстрировал миролюбие, в «Правительственном вестнике» (декабрь 1871 г.) появилась явно инспирированная статья, в которой власть имущие открецивались от всяких связей с панславизмом. Стороны заверяли друг друга в стремлении сохранить на Балканах статус-кво⁶⁶.

Инициативу сближения с немецкими дворами взял на себя царь. Просыпав о предстоящей встрече Вильгельма и Франца Иосифа, он спросил германского посла: «А разве меня не желают видеть в Берлине?» Приглашение поступило немедленно. Примечательно, что на последней перед столицей станции в императорский вагон сел принц Г. Рейсс, чтобы предупредить царя о беспокойстве в Берлине насчет настроения Горчакова, — тот не сочувствовал столь явлому сближению троицы.

Свидание трех монархов состоялось в августе 1872 г. С.С. Татищев писал о нем: «Съезд трех императоров в Бер-

лине (...) знаменовал коренной перелом во внешней политике императора Александра II, восстановив политическое сочетание, известное под именем Священного союза». Многие современники сочли, что мрачная тень пресловутой ассоциации вновь нависла над континентом. Сходная характеристика с добавлением соответствующих эпитетов давалась в советской историографии.

Охранительный компонент, несомненно, присутствовал в сближении. Уже два покушения на Александра, наращивание сил социал-демократии в Германии, национальные распри в Австро-Венгрии, подозрительная активность Интернационала — все внушало опасения. О деятельности Международного товарищества рабочих в отчете МИД за 1871 г. говорилось: «Характер и сила этой опасной организации, проявившиеся в эксцессах Парижской Коммуны, поразили все правительства. Они увидели в ней социальную опасность, в той или иной степени угрожающую всем⁶⁷. И все же сравнение создаваемого альянса со Священным союзом неправомерно. Августейшая троица клятв верности легитимизму не приносila, революций не подавляла, интервенций в чужие земли не учиняла и с «врагом внутренним» сражалась поодиночке.

Взвешенную оценку достигнутой договоренности, на наш взгляд, дал Л.М. Шнеерсон, назвав ее сугубо консультативной; существовало понимание того, что обсуждение таких вопросов, как балканский или французский, исключено, ибо оно тотчас привело бы к обострению отношений, которого все стремились избежать⁶⁸.

Встреча в Берлине соответствовала всем канонам монархической солидарности. Гремели оркестры, солдаты чеканили шаг на парадах, смотрах и разводах, на торжественном обеде в Белом зале старого замка в бокалах пенилось шампанское, избранная публика приветствовала трио на спектакле, многих зверей лишили жизни во время тщательно подготовленной охоты, дядя и племянник прилюдно заключали друг друга в объятия. Участники встречи соревновались друг с другом в произнесении миролюбивых деклараций... и все же Александр на всякий случай успокоил французов — ничего против них не замышляется.

Что же говорить о Горчакове? В глубине души он остался сторонником сотрудничества с Парижем: «Мы желаем, чтобы Франция залечила раны, восстановила силы и заняла свое место в Европе (...) Какое бы правление ни ус-

тановилось во Франции, без различия его имени и формы, оно встретит с нашей стороны самое дружеское расположение, ибо оно не стало бы угрожать ни общественному строю, ни всеобщему миру, в сохранении которых мы заинтересованы»⁶⁹.

Никаких документов императоры не подписали, их перед наступил позже. Содержание достигнутой договоренности сводилось к обещанию не прибегать к силе в случае спора между сторонами, а при возникновении угрозы войны они обязались, «не заключая новых союзов, сначала договориться между собою», какого образа действий следует придерживаться сообща.

Александр Михайлович был опытным царедворцем, а Александр Николаевич — падок на лесть и гордился своим детищем. Лишь этим можно объяснить, почему в отчетах МИД появились оценки, имевшие мало общего с действительностью: «Именно согласие, установившееся между тремя дворами, дает (...) гарантию как для избежания осложнений на Востоке, так и для предотвращения европейской конфронтации». В отношениях с Веной «вызывающее раздражение прошлого забыто, фантомы панславизма, пангерманизма и полонизма и венгеро-дунайской державы низвергнуты на полагающееся им место» (будто бы!)⁷⁰.

Создается впечатление, что Александр Михайлович сам себя убаюкивал. Отсюда — вывод: в Боснии и Герцеговине «общее состояние умов за истекший год было спокойное». (Это утверждалось в 1874 г. накануне восстания!) За сим следовала успокоительная констатация: «К России устремлено сейчас доверие правительства и надежды народов». А мир стоял на пороге Восточного кризиса⁷¹.

1875 год начался с разнужданной антифранцузской кампании в немецкой печати, поводом для которой послужило перевооружение армии недавно созданной Третьей Республики. Никто не сомневался, что она инспирирована Бисмарком: Франция неожиданно быстро оправлялась после разгрома, досрочно выплатив 5-миллиардную контрибуцию; оккупантам пришлось покинуть страну. Встревоженный «железный канцлер» надумал учинить над нею новую расправу. В феврале Петербург посетил высокопоставленный чиновник И. Радовиц с разведывательной целью — выведать, какую позицию займет восточный сосед в случае осложнений на западе, Пруссия же готова «содействовать всем видам России на востоке» (понимай — на

Черном море). Горчаков дал понять посланцу; что у России нет честолюбивых замыслов ни здесь, ни там, она желает лишь сохранения территориального статус-кво и улучшения участия «турецких христиан».

Перепуганный французский посол, генерал А.Ш. Лефло умолял Александра II о заступничестве. По его словам, самодержец пользуется «таким весом в Европе», что Франция может рассчитывать на его «могущественное вмешательство». Царь успокоил собеседника, пообещав пресечь «достойные сожаления происки Бисмарка». Обрадованный министр, герцог Л.Ш. Деказ направил Лефло письмо, явно предназначеннное для царского ока, в котором разливался слово: «В моих глазах русский император есть верховный хранитель мира вселенной», готовый поставить под охрану своей мудрости «то успокоение сердец и интересов, которое принято им под свое покровительство»⁷².

Горчаков связался с Лондоном на предмет скоординированных действий и встретил положительный отклик: видеть Францию под прусским сапогом там не желали. К настоятельным российским советам — проявлять осмотрительность идержанность — присоединились британские. В конце апреля (по н.ст. в мае) по пути на курорт в Берлин пожаловали царь и Горчаков. Кайзер Вильгельм заверил их, что и в мыслях не имел задирать Францию, Бисмарк свалил вину на Мольтке и «военную партию», назвав престарелого фельдмаршала молокососом. Светлейший князь был доволен успехом миссии. Переданная им для печати информация была слегка (по ошибке) подправлена на телеграфе и звучала резко: «Теперь мир обеспечен». Фраза показалась Бисмарку оскорбительной, и в разговоре с Александром II он, как бы шутя, отозвался нелестно о своем партнере и сопернике, предложив поставить пьесу и вывести в ней Горчакова в образе ангела-хранителя мира в белых одеждах. Царь повел себя не вполне лояльно по отношению к своему первому сановнику: покуривая и улыбаясь, он заметил, что старости свойственно тщеславие. А Бисмарк еще раз убедился, что рейх по сути дела находился в «блестящей изоляции»; недаром он еще раньше писал Вильгельму, что нельзя оставаться в одиночестве против России и Франции, «имея рядом поверженную и брошенную на произвол судьбы Австроию»⁷³. Жалкий провал военной тревоги 1875 г. убедил его в правильности курса на сближение с Габсбургской монархией.

Судьбоносные свершения во Франции переместили вектор российской политики на Запад. Балканы на время, очень краткое, оказались на ее периферии. Балканские дела, по мнению светлейшего князя, пришли в полное расстройство. Греко-болгарский церковный конфликт привел к расколу православного мира, к стыду для него, спор пришлось улаживать мусульманскому владыке: «Сегодня не только религиозный распад почти завершен и церковь смиленно созерцает, как мусульманское правление с помощью фермана решает сокровенные вопросы, касающиеся святая святых православной веры, но, что еще больше отягощает последствия достойного сожаления конфликта, так это то, что он подрывает древнее единство рас под символом православия и обнаруживает непримиримый антагонизм между ними». Все это «компрометирует вековую деятельность по объединению и примирению, которую одна Россия с полной независимостью проводила и от которой зависит будущность православия на Востоке».

Румыния и Сербия отнеслись к греко-болгарскому спору с «полнейшим безразличием». Все проводят политику эгоизма. Налицо «абсолютное отсутствие согласия и сотрудничества христианских рас и в то же время, под влиянием либеральных учреждений и революционных идей, их частные национальные устремления утверждаются со стремительностью неблагоразумной и мало соответствующей ситуации». Схема Н.П. Игнатьева: цель России — создание в регионе национальных государств, как ее опоры на Балканах и средства давления на Турцию⁷⁴, представлялась канцлеру слишком простой и прямолинейной, не учитывавшей все сложности ситуации. Душевная драма Горчакова состояла в том, что он не верил в подобную идилию, не верил в возможность ее реализации, наблюдая раздрай в христианской среде и явное тяготение к западным ценностям. Если подобное происходит в условиях существующего зависимого положения, когда надо сплачивать ряды, — что же будет после обретения государствами самостоятельности?

В Сербии после смерти бездетного князя Михаила Обреновича трон оказался вакантным. В государственном совете и правительстве раздавались голоса в пользу возвращения к старому обычанию — избранию принца. Но вмешался военный министр Миливое Блазнавац и потребовал возвести на престол 14-летнего племянника убиенного, Мила-

на, обучавшегося тогда в Париже. За Блазнавацем стояла армия, сам он подкрепил приведенные аргументы демонстративным ударом рукой по сабле, и спорить с ним охотников не нашлось. Регентство при малолетнем принце, естественно, возглавил Блазнавац, внешние дела взял на себя Йован Ристич.

Наместничество отказалось от основного постулата курса Михаила Обреновича — Илие Гарашанина — от объединения балканских сил для подготовки восстания. По мнению Ристича, Сербия не была в состоянии вести наступательную борьбу за освобождение угнетенных братьев до достижения независимости, лишь после ее обретения можно приступить к объединению разрозненного сербского народа. Процесс представлялся ему долгим и трудным, но достижимым путем ряда «комбинаций», с точки зрения Горчакова, не всегда продуманных. Идея регентов — провозгласить независимость по достижении Миланом в 1872 г. совершенолетия и его вступления на престол — пугала Петербург не предсказуемыми последствиями. К счастью, регентов удалось отговорить от опасного замысла.

Другая «комбинация» замаячила еще при жизни Михаила. Граф Дьюла Андраши (тогда глава венгерского правительства) поддержал замысел князя Михаила — получить с австрийской помощью от имени султана Боснию и Герцеговину в управление. Посулы Андраши тогда ровным счетом ничего не значили, он не отвечал за внешние дела монархии, в Вене его заигрываний с сербами не одобрили, но наместничество всерьез поверило в добрые намерения Габсбургского двора и повернулось лицом к Вене. Разочарование наступило быстро Балльхаузплац не собирался отдавать провинцию кому бы то ни было, а предназначал ее себе. Флирт с Австро-Венгрией ничего не дал. Горчаков с удовлетворением констатировал: «Сербские регенты, убедившись окончательно в том, что сближение с Австрией не привело ни к какому практическому результату, и что, напротив, заискивая расположения этой державы, они только возбуждали всеобщее неудовольствие сербского народа и отталкивали от себя всех южных славян, решили сближением с Россиею упрочить свое крайне шаткое положение и вновь обрести утраченное доверие славян»⁷⁵.

Юный Милан в сопровождении Блазнаваца посетил Александра II в Ливадии, где они встретили ласковый прием.

Отсутствие успехов во внешних делах регентство компенсировало определенными достижениями в упрочении

государственности. В 1869 г. скупщина приняла новую конституцию, по которой парламент стал регулярно работающим органом, что несколько ограничивало власть короны. Но князь по-прежнему назначал четвертую часть законодателей, имущественный ценз ограничивал число избирателей, гражданские права оставались урезанными. Сама процедура принятия конституции, сменившей закон 1838 г., «дарованный» султаном в виде фермана, показала, какой путь к самостоятельности проделали сербы. Высокой Порте был вручен экземпляр конституции на сербском языке. Великий везир Али паша вежливо поинтересовался — нет ли французского перевода, но получил ответ, что такового не существует⁷⁶. Явное пренебрежение к прерогативам султана сошло сербам с рук.

Циркуляр от 19 октября 1870 г. был воспринят на Балканах как сигнал к войне. «Нет ни малейшего сомнения, что мир на Востоке зависит от одного слова из уст вашего величества», — докладывал Горчаков императору. Регентство «конфиденциально довело до нашего сведения заверение, что все вооруженные силы княжества будут предоставлены в наше распоряжение в случае всеобщего столкновения». Черногорцы предлагали самодержавию заключить формальный союз, греки и в королевстве, и на Крите «жаждали действий». Все это противоречило российскому курсу на выход из конфликта мирным путем. Сербам поэтому заявили, что им не следует пускаться в преждевременные предприятия (понимай — авантюры), чтобы не стать жертвой превентивных мер со стороны Высокой Порты. С черногорцами вступили в переговоры, но не торопясь и не боясь на себя никаких преждевременных обязательств, которые быстро стали бы достоянием гласности. Горчакову удалось удержать Балканы от вовлечения в европейский кризис начала семидесятых.

В 1872 г. наступило совершеннолетие Милана, и в ведомстве на Певческом мосту вздохнули с облегчением: Сербия освободилась от опеки Блазнаваца и Ристича. «Интригами, потворством проискам политических партий, подкупом газет, шпионством они внесли в высшей степени растлевавший элемент в нравственный организм народа»⁷⁷. Рано в Петербурге радовались. Милан оказался властителем слабым и лукавым, недоверчивым и подозрительным, безвольным и упрямым, опорой российской политике он служить не мог.

Молодой черногорский князь Николай демонстрировал лояльность в отношении Петербурга. После визита в Россию

ему вдвое (до 46 тыс. рублей в год) увеличили пособие. Но ведь Черногория — такая маленькая... Главное, размышлял Горчаков, «избежать всего, что может даже косвенно подорвать фактическую независимость княжества»⁷⁸. Ситуация же складывалась столь хрупкая, что случайный частный эпизод привел ее на грань взрыва.

7 октября 1874 г. турки, использовав в качестве предлога убийство в Подгорице своего чиновника, учинили в городе и его окрестностях резню, убив 17 черногорцев. Последовал взрыв возмущения — черногорцы были готовы к мести и войне. Князь Николай потребовал компенсации, и не только денежной, он попытался добиться признания великими державами независимости Черногории де-юре. Отклика он не встретил. После недавних потрясений «европейский концерт», включая Россию, не желал разжигать пожар на Балканах и стремился разрешить конфликт мирным путем. Николай проявил благородство и, не афишируя, от своих претензий отказался. Это произвело благоприятное впечатление и повысило авторитет Черногории в глазах дипломатического мира как страны, имеющей эффективную власть и государственный аппарат, способный поддерживать порядок. Но резню в Подгорице черногорцы не забыли и отложили месть до лучших времен, ждать которых пришлось недолго.

* * *

По ряду причин франко-прусская война встретила бурный отклик в Румынии. Радикально настроенные круги в стране к тому времени успели разочароваться в правлении князя Карла, явно стремившегося к установлению сильной власти, и с ностальгией вспоминали свергнутого Александру Иона Кузу. Последний, явно демонстративно, в начале 1870 г. был избран членом палаты депутатов. Российский консул Г.Г. Оффенберг приписал этот казус «несерьезному характеру румын», обнаружив тем самым отсутствие должного подхода к делу. Сам эксгосподарь в письме к председателю палаты счел свое избрание знаком того, что беспристрастная страна стоит над ненавистью и страстями, и, если ему удалось кое-что сделать для родины, она об этом не забыла.

На самом деле страсти в Румынии не утихли, и так называемое дело Штруссберга — тому свидетельство. Прусский предприниматель Б. Штруссберг получил при содействии со-

отечественника, румынского князя Карла, подряд на строительство железной дороги. Строил он дорого и плохо, станционных сооружений — складов, семафоров, будок — явно не хватало, из Германии прибыли маломощные паровозы. Обнаружились многочисленные хищения. А немецкие акционеры требовали выплаты процентов по имевшимся у них бумагам⁷⁹.

И тут разразилась война между Францией и Германией. «Пруссак на престоле», принц Карл, не скрывал своих симпатий к фатерлянду, общественность открыто демонстрировала сочувствие «латинской сестре». Декларацию о нейтралитете правительство сопроводило заявлением, что Румыния — вместе с Францией, и тут же наложило запрет на уличные демонстрации, которые неминуемо обратились бы против главы государства. Зрела мысль о перевороте, питаемая воспоминаниями о чрезвычайной легкости, с которой в 1866 г. удалось свергнуть Кузу. Сеть конспираций охватила Бухарест, Крайову, Плоешти, Бузэу и военный лагерь Фурчени. Все делалось наспех, без разработанного плана, в надежде на быстрый успех. Весть о молниеносном разгроме прославленной армии Луи Наполеона произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Конспираторы-офицеры, обретя благоразумие, решили повременить и дождаться исхода войны.

У склонного к авантюре А. Кандяну-Попеску, отставного артиллерийского офицера, выдержки не хватило. 8(20) августа 1870 г. он со своими сторонниками поднял восстание в Плоешти, захватил оружие доробанцев (милиции), занял телеграф, арестовал власти и торжественно объявил о смешении принца с престолом⁸⁰. Правительство двинуло в Плоешти армейский батальон, но еще до его подхода некий майор, находившийся в городе по случаю рекрутского набора, с помощью своей команды и пожарной части взял под стражу Кандяну и его ближайших сподвижников, прочие участники complota рассеялись. Кабинет арестовал более сорока действительных и мнимых заговорщиков из числа оппозиционеров, но, что характерно для царивших настроений, все они были судом оправданы. Самого Кандяну-Попеску избрали в нижнюю палату, и он обрел депутатскую неприкосновенность.

Принц Карл решил по ходу борьбы за искоренение мятежного духа в стране укрепить свою власть. Он разоспал державам-покровительницам и Высокой Порте письма с жалобами: нет на румын никакой управы, для наведения в стра-

не порядка нужна сильная рука и намекнул на свое отречение. Александр II, знакомясь с ламентациями принца, не удержался от злорадной реплики: поделом ему, нечего было лезть в вассалы к султану. Покровители «предложили симпатии, но не поддержку», взоры у всех были устремлены на французские поля.

В ответе на тронную речь князя парламентарии сумели раскланяться со всеми: они, как и князь, никогда не забывают о признательности по отношению к благородной нации, пролившей кровь ради освобождения Румынии и связанной с нею узами расы (т.е. Франции). Они выразили сожаление по поводу событий в Плоешти и заявили о своей верности главе государства и конституции (против которой глава выступал!)⁸¹.

Карл сделал тогда своего рода политический ход конем, опубликовав в «Аугсбургер альгемайнे Цайтунг» письмо вымышленному другу оскорбительного для румын содержания: страна одним прыжком, без всякого переходного этапа, перешла от деспотического режима к ультралиберальному, что явилось для нее несчастьем, ибо румыны не могут похвастаться гражданскими добродетелями, «необходимыми в квазиреспубликанском государстве». Ответ парламента на свою тронную речь он назвал «шедевром фанариотского коварства». Принц поэтому намерен покинуть трон и вернуться на родину, притягивающую его с магнитической силой⁸².

Казалось бы, следовало ожидать взрыва негодования в палате депутатов. Ничего подобного не произошло. Министр-президент Ион Гика объяснил, что письмо принц написал в состоянии глубокой озабоченности судьбами страны. Самый рьяный оппозиционер Н. Бларемберг отказался верить в то, что будто князь вознамерился покинуть страну в столь критический момент, что равнозначно измене. Консул Г.Г. Оффенберг полагал, что в Румынии найдется достаточно сил, способных дать отпор «демократическим и республиканским тенденциям». Так и случилось. Заслушав мало вразумительные объяснения Гики, палата депутатов выразила свое глубокое удовлетворение, засвидетельствовала преданность трону и «несгибаемую решимость сохранять верность конституции», сумев и монархические чувства излить, и либеральную невинность сохранить⁸³.

Последним аккордом румынской политической бури явились события 10(22) марта 1871 г. в Бухаресте. В этот день немецкая колония во главе с консулом Й. Радовицем отмечала день рождения новоиспеченного императора, прусского

короля Вильгельма. Зал, где происходило торжество, окружила негодующая толпа, состоявшая главным образом из студентов. Затем в окна ресторана полетели камни, брызнули стекла, сотни полторы молодых людей с криками «Да здравствует республика!», «Долой иностранцев!», «Ко дворцу!» ворвалась в зал. Полиция при сем присутствовала, но не вмешивалась в начавшуюся драку. Немцы сумели постоять за себя и вытеснили протестантов из помещения. К ночи к месту события прибыли войска, но толпа уже разошлась⁸⁴.

Поутру премьер-министр И. Гика явился во дворец с повинной. Его ждала отставка. Карл заявил, что останется в Румынии только в случае формирования правительства, пользующегося его доверием, и принятия бюджета (т.е. выплаты требуемых компанией Б. Штруссберга средств). Весь день 11(23) марта палата депутатов заседала за закрытыми дверями, пытаясь найти выход из положения. В полночь удалось сформировать консервативный кабинет под председательством Ласкара Катарджи, продержавшийся у власти невиданно долгий для молодой Румынии срок — пять лет.

Либеральная оппозиция капитулировала перед волей монарха, всплеск республиканских симпатий ее перепугал. И консерваторы, и либералы выбрали твердую власть. Ведомство на Певческом мосту отнеслось к тихому государственному перевороту в Бухаресте с пониманием. Горчаков писал: «Глубокое впечатление, произведенное в стране ужасами Парижской Коммуны, не могло не отразиться на общественном мнении»⁸⁵. Утратив опору в лице империи Бонапарта, олигархия качнулась вправо и устремила свои взоры к Пруссии. «Чудовищная коалиция» помещиков и крупной буржуазии доказала свою жизнеспособность.

* * *

В Греции после неудачи Критского восстания призывы к реализации Мегали (Великой) идеи стали звучать глушше, хотя горячие головы не успокоились. В недрах богатой константинопольской общины зародился диковинный план создания Греко-Турецкой империи во главе с султаном, в коей Греция, включая присоединенные к ней Эпир, Фессалию и Македонию, существовала бы как особое королевство с собственным правительством, администрацией и голосом в общеимперских делах. Правительство Э. Делигиоргиса (1872–1874) взяло курс на сближение с Турцией и ради экономии закрыло почти все дипломатические миссии за рубе-

жом, оставив их лишь в Стамбуле и Вене. Османы сочли маневры Делигиоргиса заигрыванием, влиятельные круги в стране расценили их как измену национальному делу.

В российской дипломатической переписке встречаются сетования вроде следующего: «Неисправимая фантазия греков устремляет их в политике по противоположным направлениям — туда, где они надеются найти возможную поддержку своим чаяниям, связанным с Великой идеей»⁸⁶. Но сигналов к действию ни из России, ни тем более из Великобритании, на которую ориентировались влиятельные политические силы страны, не поступало.

Центр национально-революционного движения переместился в Болгарию, Боснию и Герцеговину. Представляется, что ведомство Горчакова и сам министр недооценили всю значимость процесса. Сербия, Черногория, Румыния обладали значительными государственными прерогативами, в них действовали свои законы, представительные собрания и вооруженные силы. Болгарии как государственного образования не существовало, она управлялась непосредственно турецкими властями, при том, что в плане хозяйственного и культурного развития болгарские земли далеко опережали этнически турецкие районы. В провинции (по балканским меркам) получила широкое распространение грамотность, окрепла процветающая торговая буржуазия, появилась прослойка интеллигенции. Утвержденная в долгой и упорной борьбе церковная самостоятельность вдохновляла на свершения в политической сфере. Османское владычество, осуществлявшееся в уродливой средневековой форме, представлялось одиозным. На начало 70-х годов падает создание организаций для руководства освободительным движением в общеболгарском масштабе. В 1870 г. Любен Каравелов основал в Бухаресте Болгарский революционный центральный комитет, в Ловече нечто подобное под именем Временного (Привременно) правительства образовал Васил Левский. Оба центра приняли общую программу борьбы в союзе с другими христианскими народами региона; Левский как «апостол» двух организаций развернул кипучую деятельность по созданию местных революционных комитетов (около тысячи) с целью свержения деспотического турецкого господства и создания республики, руководствующейся партией прав человека и гражданина. В декабре 1872 г. Левский попал в руки турецких властей и погиб на виселице в Софии⁸⁷.

В Боснии и Герцеговине водораздел между этносами (сербы — хорваты — мусульмане) совпадал с религиозным (православие — католицизм — ислам). Угнетенной частью общества являлись христиане. Мощной притягательной силой для них служили Сербия и Черногория, притязания княжеств на боснийско-герцеговинские земли встречали сочувственный отклик у местного населения. В 60-е годы брожение в провинции не раз перерастало в волнения и даже восстания. Формирующаяся сербская и хорватская буржуазия грезила обществом свободного экономического развития и религиозного равноправия. Православная церковь способствовала распространению образования и активно участвовала в антиосманском движении. Российской дипломатии, создается впечатление, прозевала сам факт созревания предпосылок для мощного подъема национальной борьбы.

Власть Высокой Порты давала видимые трещины. Вассалы, князья Сербии и Румынии, не говоря уже о Черногории, наносили друг другу визиты, посещали Петербург, Ливадию, Вену без санкций и даже извещения сузерена. Провинции, как продолжали называться княжества, самостоятельно принимали законы, обзаводились железными дорогами, наращивали вооруженные силы, заключали телеграфные конвенции и торговые договоры, для скромности именовавшиеся протоколами. Порта пыталась прикрикнуть на своеевыельных христианских властителей, взывала к державам-гарантам о поддержке своих некогда признанных ими прав. Покровители по обыкновению расходились во мнениях и никакого решения не предлагали. Горчаков утверждался в правильности своего курса «прогрессивного статус-кво» — быть может, в ходе эволюции Османская империя тихо и мирно развалится и восстаний не понадобится: «Порте не надо опасаться всеобщего восстания, что же касается частных выступлений — у нее достаточно военных сил для расправы с ними». Но это — в далеком будущем. А пока что, заявлял князь, обнаруживая несвойственную ему недальновидность, «несмотря на существующие зародыши распада, зреющие в Турции, в ближайшее время насильственный кризис ей не угрожает» (констатации 1873—1874 гг.) Вот так!

¹ Московские ведомости. 1867. 18 июня.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1867. Л. 88—89.

³ Там же. 1866. Л. 81; Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 324.

⁴ Канцлер А.М. Горчаков. С. 325.

⁵ Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. М., 1989. С. 81 – 82.

⁶ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 165; Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 80; Mémoires du comte de Beust. Р., 1888. Р. 67. Т. 2; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 117, 124.

⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 88 – 89, 93; Канцлер А.М. Горчаков. С. 325.

⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1866. Л. 134.

⁹ Там же. Л. 91, 97.

¹⁰ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50 – 70-е гг. XIX в. М., 1970. С. 81.

¹¹ Там же. С. 171 – 172, 183.

¹² Там же. С. 189 – 193; Татищев С.С. Император Александр II. М., 1996. Т. 2. С. 21.

¹³ Никитин С.А. Очерки... С. 198; Он же. Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 233.

¹⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 251; Хевролина В.М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 46.

¹⁵ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 41, 48, 223.

¹⁶ Там же. С. 21, 85, 104 – 105, 176.

¹⁷ Там же. С. 5, 50, 272, 278, 285, 294, 298.

¹⁸ Там же. С. 35, 36, 320.

¹⁹ Там же. С. 309, 316, 326, 327, 330.

²⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Там же. С. 433.

²¹ Никитин С.А. Очерки... С. 285, 286.

²² Там же. С. 282 – 283.

²³ Там же. С. 211, 226; Русско-славянский календарь. М., 2001. С. 95; Голос. 1867. 17(29) июня.

²⁴ Московские ведомости. 1868. 13 мая; Никитин С.Ф. Очерки... С. 201, 203, 229.

²⁵ Сперва в числе требований значились Бельгия и некоторые немецкие земли, но, встретив сопротивление, Наполеон от них отказался.

²⁶ Шнеерсон Л.М. В преддверии франко-прусской войны. Минск, 1969. С. 43, 64, 65.

²⁷ История внешней политики России: Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 145; Лопатников В.А. Пьедестал: Время и служение канцлера А.М. Горчакова. СПб., 2002. С. 314; подробнее о русско-американских отношениях см.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. М., 1990.

²⁸ История внешней политики России. С. 100 – 109.

²⁹ Боборыкин П.Д. Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 444; Палеолог М. Роман императора. М., 1990. С. 22.

³⁰ Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 121, 125, 127 – 128.

³¹ Канцлер А.М. Горчаков. С. 124 – 125.

³² Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 145 – 146.

³³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 85. Л. 80, 99.

³⁴ Ерусалимский А.С. Бисмарк: Дипломатия и имперализм. М., 1968. С. 71; Шнеерсон Л.М. В преддверии франко-прусской войны.

С. 98, 159, 165, 169, 175; *Бисмарк О. Мысли и воспоминания*. М., 1940. Т. 2. С. 97.

³⁵ Шнеерсон Л.М. В преддверии франко-пруссской войны. С. 156, 157, 165, 184, 187. Поначалу Бисмарк не был сторонником аннексии Эльзаса и Лотарингии, но быстро сдался под напором генералов (*Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 81*).

³⁶ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 67 – 68.

³⁷ Канцлер А.М. Горчаков. С. 339.

³⁸ Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 178; Канцлер А.М. Горчаков. С. 335 – 336.

³⁹ Correspondence respecting the Treaty of March 30, 1856. L., 1871. Р. 11 – 13.

⁴⁰ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 71 – 74; Сборник, изданный в память 25-летия управления Министерством иностранных дел А.М. Горчаковым. СПб., 1881. С. 101 – 111.

⁴¹ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 14; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 64. Л. 131.

⁴² Шнеерсон Л.М. В преддверии франко-пруссской войны. С. 196, 292; *Бисмарк О. Указ. соч. С. 99; Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 75*.

⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 84. Л. 25; Д. 82. Л. 145 – 148, 152, 173; Д. 83. Л. 270.

⁴⁴ Correspondence... Р. 14, 15, 18, 23.

⁴⁵ Ibid. Р. 44 – 48.

⁴⁶ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 75; Correspondence... Р. 21, 45.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 84. Л. 17; Д. 82. Л. 17, 174 – 178, 186; Д. 83. Л. 284.

⁴⁸ Times. 1870. Nov. 14 – 15; Standard. 1870. Nov. 15; John Bull. 1870. Nov. 19.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 83. Л. 276, 283; Д. 84. Л. 22.

⁵⁰ Там же. Д. 82. Л. 160 – 164; Pall Mall Gazette. 1870. Nov. 7; Daily News. 1870. Nov. 15; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 83. Л. 312.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 83. Л. 314; Д. 82. Л. 281.

⁵² Там же. Д. 84. Л. 170; Д. 82. Л. 265; 1871. Д. 68. Л. 112; 1870. Д. 85. Л. 165, 166. 170, 182 – 183.

⁵³ Correspondence... Р. 31.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 84. Л. 116, 131; Д. 85. Л. 107; Д. 84. Л. 140, 13. 53; Д. 85. Л. 123.

⁵⁵ Там же. Д. 83. Л. 31 339; Д. 82. Л. 78, 79; Д. 85. Л. 196 – 198.

⁵⁶ Correspondence... Р. 49 – 50, 62, 65, 105.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 66. Л. 45 – 46.

⁵⁸ Там же. 1870. Д. 84. Л. 198; 1871. Д. 68. Л. 49 – 50.

⁵⁹ Текст Лондонской конвенции от 1(13) марта 1871 г. см.: Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 221 – 223.

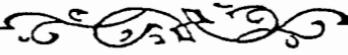
⁶⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 68. Л. 40 – 41

⁶¹ Там же. Д. 66. Л. 201 – 211; Виноградов В.Н. Россия и Балканы: от Екатерины Великой до первой мировой войны. Льюистон (США), 2000; Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 191.

⁶² Никитин С.А. Очерки... С. 263; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1862. Л. 195,

⁶³ Международные отношения на Балканах 1856 – 1878. М., 1986. С. 230 – 231.

- ⁶⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1874. Д. 86. Л. 207; Morning Post. 1874. July 14.
- ⁶⁵ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 89.
- ⁶⁶ Международные отношения... С. 278; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1872. Л. 40 – 42; 1873. Л. 17.
- ⁶⁷ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1872. Л. 25 – 32; 1873. Л. 7 – 9; Ф. Канцелярия. 1870. Д. 83. Л. 44 – 45.
- ⁶⁸ Там же. Ф. Канцелярия. 1871. Л. 95.
- ⁶⁹ Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 90; Шнеерсон Л.М. В преддверии франко-пруссской войны. С. 125.
- ⁷⁰ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1871. Л. 55 – 56.
- ⁷¹ Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики: Австро-русско-германские отношения 1871 – 1875. Минск, 1984. С. 125; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 47.
- ⁷² АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 153.
- ⁷³ Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 103 – 105; подробнее см.: Ерусалимский А.С. Указ. соч.
- ⁷⁴ Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики. С. 21; Татищев С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 107.
- ⁷⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1871. Л. 140-141; 1872. Л. 89 – 90; Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 38.
- ⁷⁶ Международные отношения... С. 236; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1871. Л. 239.
- ⁷⁷ Международные отношения... С. 239.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1870. Л. 170 – 172; 1873. Л. 145.
- ⁷⁹ Там же, 1872. Л. 235; 1873. Л. 27.
- ⁸⁰ Там же. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 16. Л. 10, 16; Kellogg Fr. The Road to Romanian Independence. W. Lafaette, 1995. Р. 78.
- ⁸¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1870. Д. 16. Л. 77 – 79.
- ⁸² Там же. Л. 103 – 105, 116.
- ⁸³ Istoria Romaniei. Buc., 1964. Vol. 50. Р. 556; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 14. Л. 23.
- ⁸⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 14. Л. 23.
- ⁸⁵ Istoria Romaniei. Р. 557; Kellogg Fr. Op. cit. Р. 78 – 79.
- ⁸⁶ Istoria Romaniei. Р. 558 – 561.
- ⁸⁷ Международные отношения... С. 235; АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 74.
- ⁸⁸ Международные отношения... С. 247.
- ⁸⁹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 26, 57; 1873. Л. 44.

В водовороте Восточного кризиса семидесятых годов

В 1875 г. началась растянувшаяся на трехлетие великая балканская драма. Восстали жители Боснии и Герцеговины. Избавление от османского ига одни из них видели в присоединении к Сербии, другие — к Черногории. Оба княжества поспешили на помощь восставшим, завязалась кровавая война. В апреле (по н.ст. — в мае) 1876 г. вспыхнуло восстание в Болгарии, центром которого стали южные районы. Казалось, произошло то, чего одни ждали с надеждой, другие — со страхом и тревогой: поднялась волна все сокрушающего народного гнева. Россия открыто и самозабвенно демонстрировала миру солидарность с братьями-славянами, не сентиментально-сочувственную, а энергичную и действенную. Общественность всталла горой на защиту славян. В храмах, на сельских сходах, в земских управах добровольцы организовывали кружечный сбор денег на нужды восставших, на заседаниях городских дум и дворянских собраний проводилась подписка.

Московский и Санкт-Петербургский славянские благотворительные комитеты пожертвовали солидную по тому времени сумму — 1,5 млн руб. Закупалось оружие и снаряжение, на Балканы отправлялись полевые лазареты. На полях сражений оттачивал свое мастерство хирург Н.В. Склифосовский. Пять тысяч волонтеров прибыли в княжества, среди них немало офицеров, которым сохранялись чины и очередность продвижения по службе в собственной армии. Газеты разных направлений призывали «На войну!». Общему азарту поддался Федор Михайлович Достоевский: «На войну! Мы всех сильнее!»¹

Не склонный к обольщению и душевным порывам, многоопытный А.М. Горчаков не разделял оптимизма соотечественников, и его мрачные предчувствия оправдались. Ап-

рельское восстание было подавлено с чудовищной жестокостью. Одолеть регулярную турецкую армию повстанцы Боснии и Герцеговины, равно как недавно созданные, не прошедшие должной выучки, без опыта командного и штабного состава вооруженные силы Сербии и Черногории, не смогли. Сербская армия потерпела поражение, а наступление неприятеля на Белград остановил врученный Н.П. Игнатьевым 18(30) октября 1876 г. Высокой Порте ультиматум. Под угрозой разрыва отношений с Россией турки пошли на перемирие, затем Сербия вышла из борьбы.

Ведомство Горчакова было по горло занято поисками решения балканских проблем мирным путем. Дипломатическая история кризиса 1875 – 1878 гг. в деталях исследована отечественной наукой, и не здесь ее повторять². Наша задача иная – попытаться взглянуть на события глазами канцлера и оценить его действия.

Синдром Крымской войны довел и над Александром II, и над князем. Они опасались ее повторения и считали своим долгом это предотвратить или, по крайней мере, локализовать конфликт до противоборства с Османской империей. В течение двадцати лет своей службы во главе Министерства иностранных дел Александр Михайлович упорно и успешно избегал вовлечения России в международные столкновения, создавая тем самым внешние условия для осуществления alexандровских реформ. А тут порыв общественной солидарности с южными славянами грозил погрузить страну в неведомые испытания с непредсказуемым исходом. И он, и его коллеги по кабинету – М.Х. Рейтерн (финансы), А.Е. Тимашев (внутренние дела), П.А. Валуев (государственное имущество) – считали Россию неподготовленной к надвигающейся войне. Воспоминания о крымской эпопее не вдохновляли. Страна вышла из нее с астрономическим государственным долгом – 800 млн руб., понадобилось 15 лет, чтобы выплыть из финансовой ямы. В случае нового катаклизма глава казначейства М.Х. Рейтерн предрекал полный дефолт, о чем и писал в записке на высочайшее имя: упадет стоимость ценных бумаг, возникнут сложности с выплатой процентов по внешним займам, тогда придется заключать новые договоры на обременительных условиях. Обеднение населения, пугал он царя, создаст почву для революционной пропаганды. Понадобится двадцать лет, чтобы вернуться к финансовому состоянию 1876 г.³ Рейтерн запросился в отставку, но получил отказ.

Сходную позицию занимал военный министр Д.А. Милютин: «Война в подобной обстановке была бы поистине великим для нас бедствием. Страшное внутреннее расходование сил усугубилось бы еще внешним напряжением; вся полезная работа парализовалась бы, и непомерные жертвы могли бы быстро привести государство к полному истощению⁴. Но, как солдат, Милютин об отставке не заикнулся.

К большой войне Россия все еще не была готова, реформа вооруженных сил не была завершена, лишь в 1874 г. Милютину удалось преодолеть сопротивление рутинеров (фельдмаршалов А.И. Барятинского и Ф.Ф. Берга, великих князей Николая и Михаила Николаевичей) и добиться введения всесословной воинской повинности. Флот на Черном море так и не построили, денег постоянно не хватало, две «поповки», тихоходные круглые бронированные баржи, вооруженные тяжелой артиллерией, в счет не шли. Они годились только для защиты своих берегов⁵. Ни перебросить водным путем войска, ни высадить крупный десант в тылу врага командование не могло. На театре морских операций было полное превосходство турок.

Сеть железных дорог находилась в зачаточном состоянии, а они превратились в фактор первого стратегического значения. Безбрежные пространства и бездорожье, что раньше, когда воинство топало пешком, считалось преимуществом России, в условиях быстротечных конфликтов конца XIX в. обернулось недостатком — можно было проиграть кампанию, не успев подвезти армию к границе. К Румынии, на пути к Балканам, вела единственная одноколейка с малой пропускной способностью. В самой Румынии положение было не лучше: «чугунку» здесь строил прусский предприниматель-авантюрист Б. Штруссберг и, как с удовольствием отметил Ф. Энгельс, восхитительно непрочно. В дальнейшем пришлось наскоро сооружать линию Бендера — Галац, о чем рассказано в романе Н.М. Гарина-Михайловского «Инженеры»

А на кону стояло будущее России — вырвется ли она из сетей отсталости на пути реформ или преобразования придется свернуть, и страна останется на обочине европейской цивилизации.

Помимо этих, очевидных для любого аналитического ума сложностей, существовали иные, скрытые от общественности. Демарши в Вене обнаружили, что Австро-Венгрия заломит несусветную цену за свой нейтралитет в случае войны.

Ее вожделения распространялись на Боснию и Герцеговину; граф Д. Андраши категорически возражал против образования на Балканах большого славянского государства, будь то Сербия или Болгария. Итоги войны, о чём мало кто знал, заранее урезывались. Предстоящая оккупация боснийцев и герцеговинцев Габсбургской монархией, что было зафиксировано в Будапештской конвенции 1877 г., в обмен на австрийский нейтралитет тяжелым гнетом ложилась на совесть Горчакова.

Трезвые головы в Военном министерстве не верили ни в возможность откупиться от Вены, ни в лояльность О. Бисмарка: «Австрия ведет двойную и даже тройную игру, и с трудом сдерживает мадьяр, которые ищут решительного с нами разрыва. Германия покровительствует всем видам Австрии». Франция и Италия сидят смироно, Россия отделена от них «призраком Союза трех императоров». Великобритания — традиционный антагонист. Вывод: «во всей Европе нет ни одного государства, которое искренно сочувствовало бы решению Восточного вопроса». К Бисмарку, толкавшему Александра II на войну, чтобы без помех заняться расправой и с Францией не было никакого доверия, и заслуженно. В ноябре 1876 г. немецкий канцлер разоткровенничался в беседе с британским министром Р. Солсбери — в России, по его мнению, недооценивали трудности предстоящей войны, вряд ли ее войскам удастся пересечь Балканы: «когда же она почувствует истощение людских и денежных ресурсов, то станет говорчивее в отношении разумных» (с точки зрения Бисмарка) условий урегулирования, и тогда наступит момент для вмешательства. Сам он собирался заняться сведением счетов с галлами, а лишать Россию плодов победы предоставлял Лондону⁶.

Александр Михайлович сознавал, что лидеры балканской буржуазии после освобождения обратят взоры не к самодержавию, а в сторону Запада с его соблазнительным рынком, передовым строем, конституционными порядками и гражданскими свободами, и позиции официальной России в регионе не окрепнут, а ослабеют. Вот констатация, относящаяся к 1866 г.: «Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от ига, христиане последуют дорогой своих интересов. Мы для них — прежде всего конкуренты, которым нечего продавать, и у которых нечего покупать». Малым балканским странам угрожает «внутренняя

анахархия, внешнее соперничество, открывающее поле для иностранного влияния»⁷.

В числе компонентов международных отношений признательность не значится. Внешняя политика — особа холднокровная, начисто лишенная сердечных порывов. О. Бисмарку принадлежат слова: «освобожденные народы не благодарны, а требовательны»⁸, и подтверждал он их примерами, взятыми из летописи российско-балканских связей. Так что никак нельзя сказать, что тревоги российских министров возникли на пустом месте.

Откровенно опасения, связанные с войной, да еще в преувеличенной форме, в письме другу, которое просил не сжигать, высказал человек высокого благородства и патриотизма, князь Петр Андреевич Вяземский: «Все, что делается по Восточному вопросу, — настоящий и головоломный кошмар. Правительства не видать и не слыхать, а на сцене X и XX с компанией. Они распоряжаются судьбами России и Европы (...) Поток бушует и разливается во все стороны (...) Война теперь может быть для нас не только вред, но и гибель. Она может наткнуться на государственное банкротство (...) Главная погрешность, главное недоразумение наше, что считаем себя больше славянами, чем русскими, русская кровь у нас на заднем плане, а впереди славянская (...) Лучше иметь для нас сбоку старую Турцию, слабую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Славянию, которая будет нас опасаться, но любить не будет»⁹. Достоевский называл людей с подобными взглядами «общечеловеками» и «самооплевниками». Их не слушали¹⁰.

Горчаков не был бы самим собой, если бы не исчерпал до конца возможности мирного урегулирования кризиса. Его ведомство без устали вырабатывало проекты реформ, которые процеживались через австрийское сито и поступали на расправу в Лондон, где от них мало что оставалось. Не то, чтобы Сент-Джеймский кабинет выступал против преобразований в принципе. Но Османская империя по-прежнему рассматривалась как страж Черноморских проливов и оплот против самодержавия. Поэтому министры ее величества выступали против всякого давления на Порту и требовали ограничиться уговорами. Два влиятельных русофоба, консервативный премьер-министр Бенджамин Дизраэли и сама королева Виктория, были тревогу по поводу приписываемых России захватнических планов. В ноябре 1876 г. последовал первый обмен словесными уколами между Дизраэли и Александром II. Выступая на традиционном банкете в резиденции

лондонского лорд-мэра, Дизраэли не остановился перед скрытой угрозой: хотя политикой Англии является мир, «не существует страны, более подготовленной к войне (...). Вступая в кампанию, она не спрашивает себя, выдержит ли вторую или третью»¹¹. Царь поднял перчатку и заявил в Московском дворянском собрании, что миролюбие России не безгранично и что он не остановится перед войной во имя защиты прав южных славян.

В ноябре – декабре 1876 г. мелькнул последний луч надежды на благополучный исход затянувшейся переговорной одиссеи: собравшиеся в Константинополе представители держав под председательством Н.П. Игнатьева договорились (пока что без турецкого участия) о программе реформ, являвшихся, по мнению Горчакова, приемлемым минимумом, – предусматривалось объединение Боснии и Герцеговины, разделение Болгарии на Восточную и Западную со столицами в Тырново и Софии. Им гарантировалась местная администрация, свобода вероисповедания, равенство прав христиан и мусульман. В положении южных славян намечался реальный сдвиг¹².

23 декабря 1876 г. (3 января 1877 г.), едва конференция официально открылась, прозвучал пушечный салют, и Савфет паша радостно возвестил, что его величество султан даровал верноподданным конституцию, в которой предоставил им всем, независимо от религии, широкие права и, стало быть, ни в каком особом попечении болгары, боснийцы и герцеговинцы не нуждаются. Никто ни в Турции, ни за ее пределами не верил в осуществление обещанных мер. Участники конференции не смогли настоять на принятии выработанной программы. Савфет паша, ознакомившись с их творением, воскликнул: «Европа сошла с ума». Дипломаты, долго корпевшие над бумагами и спорившие друг с другом, разошлись, несолено хлебавши.

Еще одно совещание (Лондон, март 1877 г.) выработало что-то вроде ходатайства перед султаном о реформах на базе достигнутой было в Константинополе договоренности. Высокая Порта отклонила прошение. «Вся эта дипломатическая бумажная кампания, уже так долго и так бесплодно продолжающаяся на позор Европе, не изменит рокового хода событий», – меланхолически замечал Милютин в своем дневнике¹³. Стала очевидной бесплодность дальнейших проволочек. Содержать бесконечно ударную армию, сосредоточенную в Бессарабии еще в ноябре 1876 г. и приготовленную для броска на Балканы, Россия не могла. 12(24) апреля

1877 г. Александр II подписал в Кишиневе манифест о войне. По своим побудительным мотивам это была, как писал Достоевский, народная война, итог давления общественности на власть. В официальных документах Генерального штаба ее цели формулировались так: «вырвать из власти турок ту страну, Болгарию, в которой они совершили столько злодейств». Немногочисленные голоса, твердившие что-то о трудностях и жертвах, были заглушены. Причины войны были сложны и многообразны и не зависели от воли одного человека. Напрасно В.А. Лопатников называет Н.Г. Игнатьева «одним из виновников» ее развязывания¹⁴.

* * *

А за пограничной рекою Прут лежала Румыния, и добраться до Балкан можно было, лишь пройдя ее. Общественность княжества мечтала о разрыве вассальных связей с Османской империей и обретении полной независимости. Но высшие эшелоны власти заняли в 1875 г. осторожную позицию, на помощь к южным славянам не бросились и принялись хлопотать в Стамбуле и столицах держав, рассчитывая добиться желаемого дипломатическим путем. Высокая Порта получила заверение, что «политика абсолютного нейтралитета будет религиозно соблюдаться».

В Зимнем дворце подобная позиция вызывала нескрываемое раздражение. Крепло убеждение, что Бухарест выживает, на чьей же стороне окажется перевес сил. Горчаков предписал консулу Д.Ф. Стюарту напомнить власть предержащим, что «преимущества, которыми пользуется княжество, добыты ценой русской крови» и «равнодушие к страданиям христианских братий, основанное на эгоистических расчетах, им не к лицу»¹⁵.

В Бухаресте далеко не сразу вняли напоминанию. Настроения изменились лишь после того, как посетившие европейские столицы эмиссары убедились, что в обмен на свое невмешательство в конфликт Румыния не получит ничего. Стало очевидно — остаться в стороне не удастся, предстоял выбор, или способствовать проходу российских войск на Балканы, или превратиться в арену военных действий. Последнее было чревато опустошением страны без каких-либо гарантий на будущее. Оппозиция договоренности с Россией оружия не складывала, ее возглавлял бывший бей острова Самос Ион Гика. В сенате «нейтралисты» имели большинство, пришлося его распустить, и провести новые

выборы с тем, чтобы верхняя палата перестала препятствовать сближению с Россией, с которой следовало устанавливать контакты на высшем уровне¹⁶.

В связи с приездом Александра II в Ливадию, его любимую резиденцию в Крыму, туда явилась высокая делегация во главе с премьер-министром И.К. Брэтиану (29 – 30 сентября – 11 – 12 октября 1876 г.). Согласие на прохождение российских войск через Румынию было предоставлено быстро, однако Брэтиану обусловливал его подписанием не просто «деловой» военной конвенции, а политического акта, т.е. такого, какие заключаются с независимыми государствами. Никаких протоколов не велось, поэтому нельзя документально доказать, был ли затронут вопрос о возвращении России Южной Бессарабии, болезненно воспринимавшийся в Румынии. Вспоминания современников, в том числе самого Брэтиану, свидетельствуют о том, что царь высказал пожелание добиться отмены всех условий Парижского мира 1856 г., и возражений с румынской стороны не последовало¹⁷.

Румыны осторожничали до конца. Визит в Ливадию высокопоставленной делегации объяснялся естественным желанием исполнить долг вежливости и приветствовать монарха соседней державы, министры заверяли депутатов парламента, что правительство не намерено «провоцировать кого-нибудь» и проливать кровь. Переговоры между сторонами шли тугу и медленно, заключение политической конвенции означало де-факто признание независимости Румынии и принятие на себя обязательства поддержать ее перед европейским ареопагом, зная, что все прочие его участники стоят на страже турецкого суверенитета. Это было возможно лишь в случае победоносной войны, а всякая война – прыжок в неизвестность. Ставить «в лоб» бессарабский вопрос, единственный реликт 1856 г., значило, при царивших в Румынии настроениях, рисковать срывом переговоров. Но и румыны отказаться от сотрудничества с Россией не могли, не идя на риск превратить свою страну в поле военных операций и расстаться с надеждой на обретение независимости. 2(14) марта 1877 г. консул Д.Ф. Стюарт, дабы рассеятьющие возникнуть недоразумения, решил объясниться с Брэтиану польному вопросу. После беседы он телеграфировал Горчакову: премьер-министр «признает, что поездка в Ливадию совершенно убедила его в том, что Бессарабия впредь потеряна для Румынии и что Россия не упустит случая при первой же возможности вернуть себе этот малень-

кий участок земли, столь ей необходимый. Затем он заверил меня, что все здравомыслящие румыны хорошо сознают настоящую необходимость ликвидации аномалий, созданных Парижским миром, но им трудно примириться с безвозмездной утратой территории, которую они считают принадлежащей ей (Румынии. — В.В.)»¹⁸. В Петербурге принялись размышлять над возможной территориальной компенсацией и остановили свой выбор на Северной Добрудже.

А румынское правительство продолжало придерживаться фигуры умолчания, не реагируя на известные ему планы российского кабинета, хотя о них шумела не только местная, но и зарубежная печать. Оно делало вид, что ничего не видит, не слышит, ни о чем не ведает, дабы в дальнейшем прибегнуть к протестам и воззвать к «Европе», что и произошло. В то же время оно стремилось включить в готовившееся соглашение с Россией условия, которые затруднили бы Петербургу предъявление требований о Южной Бессарабии.

12(24) января 1877 г. в буксовавшие переговоры вмешался великий князь Николай Николаевич, назначенный главнокомандующим Дунайской армией. Из Кишинева он обратился к принцу Карлу Гогенцоллерну с письмом, в котором подчеркнул освободительный характер предстоявшей войны: ее «цель исключает всякую идею захвата, завоевания и воинственных амбиций и сводится к священному долгу защиты угнетенных от угнетателя, к восстановлению наших единоверцев в их законных правах...»

Карл в ответ заверил Николая Николаевича, что российская армия «может быть уверена в сочувствии и братском приеме при своем прохождении через Румынию, которая не забыла и никогда не забудет, что своим первоначальным освобождением она обязана этой армии и попечительству царей о ней». Затем следовало вежливое, но твердое требование — заключить по договоренности между правительствами «политический акт».

Лишь за неделю до войны, 4(16) апреля 1877 г., удалось подписать конвенцию, во второй статье которой российская сторона обещала соблюдать «права Румынского государства, установленные внутренними законами и существующими трактатами, а также поддерживать и защищать нынешнюю неприкословенность Румынии»¹⁹.

На румынской земле россиян ожидала теплая встреча. Особые почести пришли на долю Александра II. На станциях девушкисысыпали царский вагон цветами. В Яссах толпа приветствовала самодержца криками «ура» (и тут же

свидетель, военный министр Миллютин сделал замечание: «Мосты на румынских дорогах рушатся (...) движение прерывается»²⁰.

Освободительный поход начался.

* * *

Александру Михайловичу пришлось покинуть привычный кабинет в особняке на Певческом мосту и двинуться в путь: царь вздумал отправиться вместе с армией на Балканы, чтобы вдохновлять войска. Свои впечатления от встречи с канцлером в «походных условиях», а проще говоря — в вагоне, оставил Сергей Юльевич Витте, служивший тогда на железной дороге. Горчакова он увидел, когда тот только проснулся, «это был совершенно разбитый старец; лицо его состояло из морщин; у него совсем не было ни бровей, ни зубов. Занимался он своим туалетом часа два, и в конце концов все это у него появилось: явился фальшивый цвет лица (...) зубы и брови»²¹. Молодость беспощадна к старости и дряхлости.

За Дунай Александра Михайловича не взяли; тягот, связанных с кочевой жизнью, он бы не вынес. Красочное их описание содержит дневник Н.Г. Игнатьева, входившего в свиту монарха по должности генерал-адъютанта: верхом — по пыли летом, грязи осенью и снегу зимой, ночевки — то в палатке, то в землянке, крестьянской хате и даже в хлеву, так что послы и генерала будила то свинья своим хрюканьем, то заливистый лай пса.

Канцлер учредил свою канцелярию в Плоешти, потом переселился в Бухарест. Министерство в Петербурге превратилось в своего рода почтовую контору по пересылке бумаг.

Александр Михайлович, опасаясь постороннего вмешательства в войну и будучи связан конвенцией с Австро-Венгрией, стремился локализовать ее масштабы. Он надеялся, что не потребуется пересекать Балканский хребет. Условия мира рисовались ему так: Болгария — до гряды гор — автономное княжество, турецкие крепости на ее территории подлежат срытию, войска — эвакуации, чиновники — удалению. Южная Болгария, Босния и Герцеговина получают учреждения, признанные державами отвечающими их потребностям. Сербии, Черногории и Румынии предоставляются территориальные приращения; последней, возможно, удастся добиться независимости. Россия возвращает себе

Южную Бессарабию и приобретает порт Батум на Черном море. Она не станет противиться «вознаграждению Австро-Венгрии Боснией и Герцеговиной»²². Условия он сообщил в Вену, Берлин и Лондон. Канцлер выступал против вовлечения в войну Румынии и Сербии, что в крайней степени осложнило бы достижение даже скромного мира: Горчаков знал, что придется иметь дело с их сталкившимися претензиями, в паутине которых можно было и запутаться.

Замыслы князя полетели кувырком. Генералы придерживались совершенно иной концепции. Автор стратегического плана войны Н.Н. Обручев считал, что без занятия Константинополя почетного мира не добиться (оговариваясь, что речь не идет о его присоединении). Избегнуть общевероятного столкновения он предполагал на путях блицкрига. Предложенный им план нес на себе отпечаток легко мыслия, войну он рассчитал по дням: до Адрианополя – 70–80 суток, буде понадобится поход на Стамбул – еще 14, всего на кампанию – 3–4 месяца, и победа!²³. Великий князь Николай Николаевич полагал, что «дипломатия вообще вмешивается в дела, до нее не касающиеся»²⁴.

Военные операции поначалу развертывались блестательно. В мае армия сосредоточилась в Румынии. Парламент страны 9(21) мая констатировал состояние войны с Турцией и провозгласил независимость. 15(27) мая началась переправа главных сил через Дунай, осуществленная благополучно и с малыми потерями. Передовой отряд генерала И.В. Гурко, в который входили и дружины болгарского ополчения, освободил город Велико Тырново и захватил важнейший Шипкинский перевал Балканской гряды. Восточный отряд успешно продвигался по течению Дуная. Казалось, последний рывок и Высокая Порта будет повергнута.

Первоначальные наметки мира, составленные Горчаковым, перестали соответствовать сложившейся обстановке. Особенно удручен пункт, предполагавший образование двух Болгарий, обманывать ожидания освобождаемых представлялось зазорным. Горячим головам казалось, что старец не поспевает за событиями. Его осмотрительность и осторожность стали воспринимать как свойственную старости нерешительность и трусость, его призывы к благородству отвергались. Окрепли позиции сторонников кардинального решения Восточного вопроса. Восторженная встреча российских войск на болгарской земле, героическое участие дружин ополчения в боях убедили самого Горчакова (да и напор оппонентов сказался), насколько было

бы несправедливо разрезать живое тело Болгарии на части. На первый план в разработке целей выдвинулись трое – Н.П. Игнатьев, Д.А. Милютин и начальник дипломатической канцелярии при ставке А.И. Нелидов. Наступление на позиции Горчакова велось в резкой форме. Больно и грустно читать дневниковые записи Д.А. Милютина: «Князь Горчаков вместе с графом Шуваловым готовы наложить строгую узду на собственные наши действия» (16 мая 1877 г.). Дальше – больше: «Бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о будущей части Болгарии» (30 мая). «Дипломатия наша не перестает копошиться и противодействовать военным планам» (7 июня). И наконец, 6 ноября: «Этот выживший из ума эгоист продолжает артасаться». Милютину вторил Игнатьев (запись в дневнике от 30 мая): «собран был у государя сегодня комитет, доказавший необходимость освободить всю Болгию, не давая дробить ее на северную и южную. Главнокомандующий, Черкасский, Милютин, Непокойчицкий и я стояли единодушно против канцлера, который должен был уступить»²⁵.

На совещании у императора 30 мая Горчакова по сути дела отстранили от руля внешней политики. Он продолжал разрабатывать варианты мирного урегулирования (в июне месяце – четыре) и хлопотать в Лондоне и Вене о смягчении обстановки. Его не слушали²⁶. Старый канцлер пытался «спустить на землю» своих горячих оппонентов. В несвойственной ему запальчивой манере он заявил Игнатьеву: «Нас теперь не хотят слушать, но пройдет некоторое время, и положение изменится, когда тиф и лихорадка будут истреблять нашу храбрую армию, когда погибнет 40 или 50 тысяч человек (...) то скажут, что мы были правы, будут просить нас уладить дела». Князь как в воду смотрел, но в ответ слышал лишь недовольное брюзжание (правда, не столь резко выраженное, как в дневнике Игнатьева): «Старик вместе с Шуваловым ухитрились испортить блестящее положение наше и наготовить беды государю и России потому, что не хотели молчать, а чувствовали потребность говорить...»²⁷

Я далек от мысли превозносить Горчакова. Годы брали свое, он одряхлев, утратил прежнюю энергию, честолюбие переросло в старческое тщеславие, он ревниво относился к молодым коллегам в качестве своих преемников, хотя пора было подумать об уходе на покой. Но громадный опыт подсказывал ему: надо добиваться компромисса сейчас, а не дожидаться, пока в Черном море появятся британские и турец-

кие броненосцы, последние — под командованием адмирала с необычным в османском флоте именем Ф. Хоббарт паша; в сложившейся ситуации номер с политикой свершившихся фактов, сторонником которой был Игнатьев, не пройдет. Отмолчаться, не вступать в полемику с возможными противниками значило затеять игру с огнем.

На долю Александра Михайловича выпала черная работа, хлопотливая и неблагодарная задача — предотвратить скатывание к войне с Великобританией и Австро-Венгрией, ибо граф Д. Андраши вел себя так, будто Будапештской конвенции не существовало и находился в постоянном контакте с Лондонским кабинетом на предмет противодействия России.

* * *

На английской политической арене доминировали тогда две колоритные фигуры — премьер-министр Бенджамин Дизраэли, получивший в 1876 г. титул графа Биконсфилда, и королева Виктория.

Мало кто сейчас помнит, что при крещении будущей королевы дали имя Александрина, упомянутое при коронации, а затем преданное забвению, — королева ссыла русофобкой, а имя напоминало об Александре I и сотрудничестве с Россией при низвержении Наполеона. Однажды, видимо случайно, в разговоре с императором герцог Кентский, ее будущий отец, упомянул, что пора ему вступить в брак, а хлопоты по поиску невесты связаны с большими расходами. Александр Павлович от широты души пожаловал герцогу тысячу червонцев, и тот отправился в Германию, тогдашний питомник суженых для августейших особ.

Может быть, этот эпизод повлиял на выбор имени для младенца, появившегося на свет в 1819 г., но, скорее всего, причиной колossalный авторитет Александра I в Европе. В 1837 г. мужская ветвь Ганноверского дома оборвалась, и Виктория взошла на престол. Британцы с симпатией отнеслись к 18-летней девушке, волею судеб оказавшейся номинальным главою империи, над которой никогда не заходило солнце. Никто не подозревал тогда, что царствование продолжится 62 года и юная леди превратится в символ эпохи, которую нарекут «викторианским веком». Ни особым умом, ни образованием, ни внешними данными она вроде бы не блестала. Цесаревич Александр Николаевич, посетивший Лондон во время путешествия по Европе и танцевавший с

ней в паре на придворном балу, отозвался о ней нелестно: маленькая и очень некрасивая.

Чем отличалась Виктория, так это твердой волей и непоколебимой прочностью жизненных устоев. Предшествовавшее поколение Ганноверского дома славилось буйством нравов, безалаберностью, амурными похождениями и расточительностью. Престиж короны пал, августейшие особы стали объектом едкой критики в прессе. Всему этому Виктория положила конец. Она воплощала те идеалы в быту и нравах, к которым стремилась элита могущественной империи, — солидность, основательность, упорядоченность во всем, что подразумевало строгость нравов. Виктории удалось поднять авторитет королевского звания, министры не то, чтобы следовали королевским советам (никаких конституционных оснований для этого не существовало), но прислушивались к ее мнению, тем более что королева всегда имела в виду укрепление реноме и влияния Англии в мире. Она выступала в образе верной супруги и заботливой матери многочисленных отпрысков. Достойный пример для подражания подданным!

С Бенджамином Дизраэли у нее сложились отношения, которые иначе, как особыми, с оттенком душевой теплоты, не назовешь.

Когда в 1874 г. в особняк на Даунинг-стрит, 10 на смешну постылому либералу В.Ю. Гладстону, опасному, по мнению королевы, социальному поджигателю, который изматывал ее длинными нудными докладами и обрушивал на нее горы бумаг, вселился милый Диззи, способный с легкой иронией коснуться самых сложных сторон парламентской жизни и запутанных ходов политики, Виктория испытала облегчение. Впереди были «шесть лет восторга, счастья, славы и романтики», — повествует ее биограф. Дизраэли «облекал государственные дела в прелестный доверительный разговор; она всегда была коронованной леди, обожаемой и почитаемой госпожой, он — преданным и почтительным другом»²⁸. Широким жестом он повергал к ногам Виктории кабинет. В ответ она посыпала ему примулы с лугов Осборна. Диззи преподнес «феи», как он называл грузную 60-летнюю женщину, собрание своих литературных произведений. Королева презентовала ему описание экскурсии своей семьи в горах Шотландии. В одном из благодарственных писем Дизраэли обронил фразу: «Мы, авторы», приобщив тем самым Викторию к писательскому сословию. Увы, идиллия в их отно-

шениях распространялась и на сферу внешней политики и принимала здесь порой зловещий оттенок.

Но сперва несколько слов о самом Бенджамине Дизраэли. Его биография не укладывается в каноны жизни и карьеры представителей аристократических родов, у которых рядом с колыбелью просматривалось министерское кресло. Он был выходцем из состоятельной и культурной еврейской семьи. Отец, Айзек, всей душой предавался изысканиям в области английской старины, облюбовав эпоху ранних Стюартов. Он поселился поблизости от Британского музея, в котором и пребывал с утра до вечера. Будучи поборником идей Просвещения, старый д'Израэли (именно так!) не поладил с верхушкой лондонской еврейской общины и по совету друзей крестил детей по англиканскому обряду, тем самым он открыл для Бена путь к политической карьере.

Впрочем, тогда об этом никто не думал. Юный Бен слыл непутевым: поступать в университет не захотел, занятиями в юридической конторе пренебрегал и вел богемную жизнь. Крикливо разодетый, в умопомрачительного цвета жилетах, увешанный цепочками и брелочками, изукрашенный позументами, он являл собой тип плейбоя той эпохи. Пустившись в биржевые спекуляции, Бенджамин залез в долги, да так глубоко, что избавился от них лишь на пороге шестидесятилетия; по иронии судьбы, еще будучи должником, он занял пост канцлера казначейства и управлял финансами страны.

Недюжинные политические способности позволили ему обойти титулованных претендентов на высшие должности в государстве и занять место на первой парламентской скамье, не помешала даже репутация человека, немного легкомысленного, — качество, столь присущее литераторам романического склада²⁹.

Дизраэли принадлежит заслуга реанимации увядавшей партии тори. Он повернул консерваторов лицом к социальным проблемам (один из его романов озаглавлен: «Сибилла, или Две Англии»). Его формула — собственность неразрывно связана с исполнением долга перед народом, это «основа хорошего правления», — ключевая в развитии консервативной мысли Великобритании. Не худо было бы и нашим отечественным олигархам ее усвоить. Неважно, что сам Дизраэли связывал ее с патриархальными отношениями в «доброй, веселой, старой Англии», где лэнд-lord по-отечески (будто бы) заботился о йоменах; главное — в утверждении: «дворец не будет в безопасности, пока остается несчастным коттедж»³⁰.

Дизраэли принадлежит заслуга проведения серьезной парламентской реформы 1867 г., приведшей к избирательной урне верхушку людей наемного труда. К рабочим он обращался не как к страдающей массе (на манер филантропов) или носителям революционного потенциала, а как куважаемым и достойным членам социума.

Предметом особых забот Дизраэли являлась империя. Он был своего рода предтечей Редьярда Киплинга в воспевании цивилизаторской миссии англосаксов в мире. Немалую роль сыграл он и в приобщении обывателя к имперской идеологии, «человек с улицы», гордившийся своей независимостью, легко глотал приманку. На счету у Дизраэли такие деяния, как провозглашение Виктории императрицей Индии и покупка (под носом у французов), контрольного пакета акций Суэцкого канала.

Главной целью внешней политики Дизраэли всегда считал укрепление позиций Британской империи, обеспечение ее безопасности. Перефразируя Вольтера, можно сказать: если бы самодержавия не существовало, его следовало бы выдумать, — настолько удобно было под флагом противодействия экспансионистским устремлениям царизма (зачастую мнимым и во всех случаях преувеличенным) утверждать британский капитал на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и на Балканах.

С точки зрения Дизраэли, в истории существовали сменившие друг друга цивилизационные эпохи — древнегреческая, римская, иудейская и, разумеется, англо-саксонская. Места для прочих этносов в схеме не оставалось. По словам биографа Дизраэли, «его никогда не интересовали примитивные народы, и было бы нелогично питать к полуварварским славянам — крестьянам Балкан ту симпатию, в которой он отказывал стремившимся к независимости итальянцам и немцам»³¹. Соответственно повел себя премьер-министр при наступлении кризиса. Его раздражала «нерасторопность» турок, которые никак не могли справиться с какими-то боснийцами, он упорно «не замечал» зверских расправ над участниками апрельского 1876 г. восстания в Болгарии и мирными жителями заодно, что вызывало нарекания со стороны его почитателей. Голоса протesta раздавались даже из-за океана. Газета «Чикаго трибюн» сетовала: жаль, что «Дизраэли, человек блестящих способностей и широко распространенной славы, запятнал последние дни своей карьеры, выступив апологетом убийств и защитником палачей женщин и малых детей», «стыд и позор покроют его имя»³².

Но Британия ответила на вести о творимых в Турции расправах волной сочувствия к южным славянам. В.Ю. Гладстон выступил с памфлетом «Ужасы в Болгарии и Восточный вопрос»³³. На Даунинг-стрит на время перестали выражать поддержку султана. Глава Форин офис лорд Э. Дерби обратился к Порте с «дружеской угрозой» (существует, оказывается, и такая): если она не перестанет допускать акты варварства, доброжелатели оставят ее без своего попечения: «под влиянием негодования общественности мы будем вынуждены лишить Турцию своего покровительства, и в этом случае, если какая-либо держава, руководимая своими славянскими симпатиями, возьмется за оружие и вмешается во имя прекращения этих жестокостей, мы не воспротивимся»³⁴.

К сожалению, подобное настроение царило в британских верхах недолго. Стоило России взять в руки меч, как подули холодные ветры неприязни. Общительному послу Петру Андреевичу Шувалову стало неуютно в британской столице. В дипломатии он был новичком, а до этого возглавлял печально знаменитое Третье отделение собственной его величества канцелярии и командовал корпусом жандармов. Сысском он (в отличие, скажем, от А.Ф. Орлова) занимался истово. Степень влияния Шувалова была столь высока, что его называли Петром IV. Отсюда — и холодно-враждебное отношение к нему отечественных историков. Шувалов на своем опыте ощутил, что положение даже первых сановников в самодержавном государстве зависит от милости и прихоти августейшего повелителя. Стоило Петру Андреевичу по долгу службы сообщить Александру II, что в обществе не вполне лестно отзываются о его связи с Екатериной Михайловной Долгоруковой, как Шувалов оказался в местах весьма отдаленных, хотя и вполне комфортабельных — послом в Лондоне. На этом посту проявились иные способности Шувалова, хотя одно из прежних, а именно: умение добывать секретную информацию, он сохранил.

В среде дипломатов ценятся качества, табелью о рангах не предусмотренные, такие, как обаяние, эрудиция, умение слушать и беседовать не только на служебные темы, способность вжиться в обычай страны. Все эти качества, отличавшие Н.П. Игнатьева, были присущи и его врагу П.А. Шувалову, который на новом месте быстро обрел репутацию заслуживающего доверия человека, чему не помешало пребывание «до того» на посту шефа жандармов. Он освоил английский язык в такой степени, что, по свидетельству Дизраэли,

разбирался даже в жаргонах, стал частым гостем светских салонов и загородных домов министров. Неофициальное общение он ценил не меньше переговоров в кабинетах, особенно во время верховых прогулок в Гайд-парке. В здешних светских кругах его ласково называли «граф Шу» — такого мало кто удостаивался. Никому в голову не пришло бы называть, например чопорного Ф.И. Бруянова «бароном Бру», хотя он прожил в Лондоне тридцать лет.

Петр Андреевич нравился женщинам, молва приписывала ему не одну победу... Не берусь судить об этом, как и о высказывании Р. Миллмена, сравнившего Шувалова с плейбой. Но у Миллмена есть одно бесспорное утверждение: «Он завоевал привязанность леди Дерби, которой стукнуло 52, и льстил ее самолюбию, обсуждая с нею политику»³⁵. А дама сия была супругой ministra иностранных дел графа Э. Дерби, слышавшего «голубем» в политике и полагавшего, что переходить в ссоре с Россией известные границы опасно. Леди Дерби не считала нужным утаивать от Шувалова даже святая святых — сведений о заседаниях кабинета, которые происходили за закрытыми дверями и без ведения протоколов. Сам Петр Андреевич скромно свидетельствовал: «она без устали трудится во имя доброго дела». Коллеги ее мужа придерживались иной точки зрения, один из министров записал в дневнике: «Странные вещи говорят в связи с откровениями леди Дерби перед Шуваловым (...) Ясно, что она вела себя в высшей степени неосторожно вплоть до сообщения сведений о дискуссиях в кабинете, которые ей вообще знать не надлежит»³⁶. Что правда — то правда: информация «графа Шу» почти текстуально совпадает с опубликованными десятилетия спустя документами.

Лимиты мировоззрения Шувалова очевидны, в политике он был правее правого, историческое значение освободительной борьбы южнославянских народов осталось для него тайной за семью печатями. Он, будучи убежденным противником вступления в войну, недоумевал — ради чего? Ради каких-то князей, которые Россию не слушаются? Ради присоединения к Сербии или Черногории какого-то населенного пункта? (Здесь на полях донесения помета Александра II: *Все, что он утверждает, ни в малой степени не изменит курса, которому я решил следовать.*)³⁷.

Но не как стратег, а как тактик от дипломатии, в рамках, предписанных инструкциями, Шувалов достаточно искусно маневрировал и вполне справлялся с порученной ему миссией — препятствовать вступлению Великобритании в вой-

ну. А ноша была тяжела, Шувалов быстро почувствовал скротечность симпатий общественности: «Здесь все может измениться со дня на день. Телеграфная депеша, движение на бирже, перемена в общественном мнении, — всего этого достаточно, чтобы изменить убеждения тех, кто определяет судьбы Англии»³⁸. Их протурецкие симпатии опирались не только на традиционное соперничество с Россией, но и на экономические кости: «Мы не любим турок, — заметили однажды Шувалову в клубе, — но они задолжали нам столько денег, что мы желаем успеха их оружию». Средства массовой информации тогда не достигли еще нынешней степени влияния на умы. Но все же... Видный либерал В. Харкур свидетельствовал: «Газеты, которые патронируют правительство или которым правительство патронирует, истощили все языковые возможности, все ухищрения ума, чтобы нагромоздить вымысл на вымысл, разжечь предрассудки, возбудить подозрительность и ненависть по отношению к России»³⁹.

6 мая 1877 г. «умеренный» граф Дерби пригласил Шувалова к себе и ознакомил его с нотой, содержание которой ошеломило собеседника: интересы Великобритании будут затронуты, и она не сможет сохранить нейтралитет, если военные действия станут угрожать Суэцкому каналу, Египту, Месопотамии, Персидскому заливу, не говоря уже о Константинополе и Черноморских проливах. Было ясно: интересы представлены с такой почти глобальной широтой для того, чтобы иметь под рукой предлог для вмешательства в конфликт. Александр II глазам своим не поверил и сделал на шуваловской депеше пометку: *Это не вяжется со здравым смыслом*⁴⁰. А сам Шувалов пустился в пространные объяснения, «доказывая», что российская армия о вторжении в Месопотамию не помышляет и что «российские канонерки в Индийском океане» угрозы для могучего флота ее величества не представляют.

На долю Александра Михайловича выпала задача — отвечать на запрос-угрозу. Россия, говорилось в его депеше от 18(31) мая 1877 г., «не хочет ни блокировать навигацию по Суэцкому каналу, ни прерывать ее, ни угрожать ей». Успокоительные заверения давались по поводу путей в Индию и зоны Персидского залива. О Константинополе в ноте упоминалось в следующем контексте: «Не имея возможности предрешить заранее развитие и ход войны, императорский кабинет все же повторяет, что захват этой столицы не входит в планы России». И тут же давалось обязательство «для

сохранения мира и всеобщего спокойствия» решить вопрос о Проливах «с общего согласия европейского концерта», в котором, к слову сказать, Петербург чувствовал себя достаточно одиноко⁴¹. Важный и имевший общеевропейское значение вопрос отдавался на суд держав.

Канцлер не только действовал по повелению, но и, можно сказать, шел по стопам монарха: Александр II еще в октябре 1876 г. дал британскому послу О. Лофтусу «священное честное слово», что он не намерен посягать на Константинополь и открещивался от наследия Петра Великого и Екатерины II. В июне 1877 г., почему-то втайне от канцлера и военного министра, он повторил это заверение⁴².

Турки, несмотря на неудачи на фронтах, склонности к миру не обнаруживали, надежда Горчакова на быстрое открытие переговоров не сбылась. В упоении успехами командование утратило бдительность, а расплачиваться армии пришлось большой кровью: вовремя не заняли крепость Плевну (Плевен), Кавказская казачья бригада вошла в нее, разоружила жителей-мусульман и отправилась дальше, не осмотрев видинской дороги, по которой приближались турки⁴³. Этим воспользовался самый способный из турецких полководцев Осман паша и занял город с корпусом в 40 тыс. штыков. Продвигаться дальше, оставляя в тылу такую силищу, не представлялось возможным. Поспешно проведенный 8(20) июля штурм неприятель отбил с большими для русских потерями. Вместо того чтобы обложить крепость со всех сторон и подвергнуть ее эффективной бомбардировке, командование по привычке решило отметить «царский день» победою, бросило полки на приступ 18(30) июля и потерпело серьезную неудачу, потери достигали 7 тыс. солдат и офицеров.

На совете в присутствии Александра II прозвучали панические голоса — снять осаду, отойти, подождать прибытия гвардии. Николай Николаевич предлагал даже отступить за Дунай. Военный министр Д.А. Милютин и генерал В.К. Левицкий настояли на продолжении операции. Главнокомандующий отправил телеграмму румынскому князю Карлу, прося о помощи. Тот откликнулся немедленно, сознавая, что независимость страны недостаточно провозгласить, ее надо утвердить на поле боя: «Сражение с турками, будь то на этом или на другом берегу Дуная, — вопрос жизни и смерти для нашей армии. Крещение кровью для нее необходимо»⁴⁴. Имели значение и личные мотивы, принц мечтал о воинских лаврах.

Молодая румынская армия численностью 32 тыс. прибыла под стены Плевны и с честью прошла испытание огнем.

Третий штурм 30—31 августа (11—12 сентября) захлебнулся в крови. Дивизии М.Д. Скобелева удалось было пробиться к стенам города, русские и румыны овладели Гривицким редутом, но, ввиду общей неудачи, отошли. И тогда под Плевну вызвали героя обороны Севастополя генерала Э.И. Тотлебена, который приступил к длительной и изматывающей осаде. Наступили военные будни. На этом фоне вызывают недоумение слова В.А. Лопатникова: «После нескольких дней осады турки капитулировали».

Ропот против наплыва в войска августейших особ дошел до военного министра: «Не скрывают негодования на то, что должности в армии разданы великим князьям и принцам, как будто вся кампания ведется для того, чтобы доставить случай членам царского дома украситься георгиевскими крестами»⁴⁵. Хромала интендантская служба, разъедаемая злоупотреблениями. Жаловался не кто иной, как начальник Рущукского отряда, наследник-цесаревич Александр Александрович: «Опять хлеба и сухарей не присыпают, и войска съедают свой 8-мидневный запас, а некоторые полки уже съели. Вообще интендантская часть отвратительная, и казну обворовывают в огромных размерах» (из письма «душке Минни», Марии Федоровне)⁴⁶.

На дипломатическом фронте наступило затишье, в Лондоне и Вене успокоились, страхи, что вот-вот начнется марш на Стамбул, рассеялись. Дизраэли и королева Виктория прибегли к акции, которая не укладывалась в рамки парламентского правления и напоминала тайную дипломатию Людовика XV. В конце августа военный агент полковник Ф. Уэлсли, вернувшись из отпуска, сделал Александру II заявление от имени королевы, о котором в Форин оффис не знали и не ведали: если боевые действия продлятся и «последует вторая кампания, нейтралитет Англии не может быть сохранен, и она станет воюющей стороной»⁴⁷. Этот неуклюжий демарш произвел обратное действие и побудил командование продолжать боевые операции с крайней энергией.

Британских ястребов отрезвляло лишь отсутствие у короны отважных союзников, штыками которых велись обычно «английские войны». Традиционный ноябрьский прием у лорд-мэра Лондона продемонстрировал это с впечатляющей очевидностью. Шувалов и германский посол приглашение отклонили. Узнав, что от имени дипломатического корпуса речь будет держать его дуайен, представитель Порты грек

Константин Мусурус паша, их примеру последовали представители Франции и Италии. В последний день австриец Ф. Бейст сообщил, что у него сломалась карета и тоже не явился. Видимо, осторожности ради приглашение лорд-мэра проигнорировали посланники Бельгии, Голландии, Испании, Португалии, Швеции и Дании. «Англия и Турция остались в одиночестве», — констатировала газета «Морнинг пост»⁴⁸. В донесениях Шувалова появились нотки самоуспокоенности. А зря.

Только Австро-Венгрия могла вывести Лондон из состояния изоляции и в случае войны «вцепиться» в бок империи Романовых. Правда, денег в венском казначействе едва хватало, чтобы наскрести на мобилизацию армии, пришлось бы развязать тугой британский кошелек. Но выбор отсутствовал, Форин оффис принял заманивать графа Д. Андраши в свои тенета. Тот вел себя так, будто обязательства соблюдать в отношении России благожелательный нейтралитет по Будапештской конвенции не существовало. Шувалов своевременно и, поскольку начавшиеся переговоры были сугубо секретными, довольно полно информировал о них Петербург. Александр II, воспитанный в традициях консервативно-монархической солидарности, позабыв уже уроки Крымской войны, поначалу не поверил в изощренное двуличие венцев.

Реакция Андраши на британские предложения о сотрудничестве сводилась к следующему. Две страны должны решить, когда над их интересами нависнет опасность. Для Австрии неприемлемо образование на ее границах независимых государств. Вена не возражает против английской морской экспедиции в Мраморное море и оккупации полуострова Галлиполи у входа в Дарданеллы. Однако ее собственная позиция в отношении России в высшей степени деликатна. Англия и Россия, которых он уподобил акуле и волку, могут показать друг другу зубы и удалиться каждая в свою стихию. Австрии же деваться некуда, и оставаться один на один с северным колоссом она не желает. Андраши уповал на то, что российская армия застрянет на Балканах, и тогда демонстрации английского флота и габсбургских войск будет достаточно для того, чтобы заставить ее удалиться домой. Он высказывался за поддержание контактов, но только в устной форме, отказываясь от письменных обязательств⁴⁹.

Создается впечатление, что осенью 1877 г. Шувалов на какое-то время утратил присущую емудержанность и трезвость в оценках, став жертвой собственной осведомленно-

сти. Зная о спорах в кабинете, в которых Дизраэли не удавалось одолеть «голубей» во главе с графом Э. Дерби, не желавших брятьать оружием, и о безуспешных пока попытках обзавестись союзником, Шувалов преисполнился оптимизмом и писал о «правительстве, раздиаемом разногласиями и не знающим, какому Богу молиться», о «войстину жалкой картине, которую являют миру его колебания и метания»⁵⁰.

Война затягивалась. Члены парламента разошлись на каникулы, министры разъехались по поместьям. Наступил мертвый сезон. Дипломаты заходили в особняк на Даунинг стрит, 11 раз в неделю, чаще там не принимали. Шувалов расслабился. Он упустил из виду главное: споры в кабинете велись вокруг тактических, а не принципиальных вопросов. Дерби горой стоял за укрепление британских позиций на Балканах и отвергал саму идею об образовании единой Болгарии, которая ему представлялась цитаделью российских интересов. Он убедительно для многих доказывал неразумность вооруженного столкновения с самодержавием: война с Россией бесперспективна, броненосцы на колеса не поставишь и в поход по сухопутью не двинешь. Решающего удара по неприятелю нанести не удастся; нетрудно довести небогатую петербургскую казну до банкротства, при этом разорятся держатели российских ценных бумаг и потеряют прибыли многочисленные негоцианты. Как Россия ни бедна, она обладает обширной территорией, устойчивыми продовольственными ресурсами и многомиллионным населением; иноземное вторжение всегда вызывало у него взрыв патриотизма. Вывод напрашивался сам собой: рваться к войне, которая продлится неизвестно как долго, ради того, чтобы вдохнуть искру жизни в угасающую Османскую империю, смысла нет⁵¹.

Но позитивной программы решения Восточного вопроса министры-оппозиционеры не предлагали. Дизраэли приступил к осаде своих непослушных коллег по кабинету. Медленно, но систематически он вырывал у них уступку за уступкой. Нерешительный, склонный к колебаниям Дерби кончал тем, что поддавался напору премьера.

* * *

27 ноября (9 декабря) 1877 г. в штаб 16-й дивизии привели случайно взятого в плен турка, показания которого подняли всех на ноги: Кышинский редут очищен, враг отступает. Такова версия событий в изложении корреспондента га-

зеты «Новое время» В.И. Немировича-Данченко. То ли Василий Иванович многое не знал, то ли журналисты уже тогда ценили сенсации, но на деле все выглядело несколько иначе. 27 ноября великий князь получил собственноручную записку Э.И. Тотлебена: «По показаниям перебежчиков, Осман паша собирается выходить из Плевны или в эту, или в следующую ночь»⁵². 28 ноября генерал повел своих измученных осадой, изголодавшихся аскеров на прорыв, бросив раненых и больных на произвол судьбы. Отчаянная затея провалилась, ему удалось преодолеть кое-где лишь первую линию русских укреплений. Потеряв 6 тыс. человек, Осман сдался. Вместе с ним в плен попали 43 тыс. солдат и офицеров. Наступил перелом в войне, для дальнейших операций у командования освободилось 100 тыс. человек. В битве при Шипке-Шейново М.Д. Скобелев разбил корпус Вессел паши. Туманы над Шипкой рассеялись, российские войска устремились на равнину неудержимом потоком — и это после тяжелейшего зимнего «сидения», усталые и обносившиеся. Гвардейцы, краса армии, сообщал великий князь военному министру, «от стоянки и работы на высоких Балканах и при переходе через них остались (...) равно офицеры и нижние чины без сапог. (...) Мундиры и шинели — одни лохмотья (...) У большинства белья нет»⁵³. Телеграмму зашифровали, дабы не раскрывать, в каком состояния находилась армейская элита.

А у Горчакова возобновилось время испытаний, барометр внешней политики зашкалил за черту, означающую «буря». Попытки объясниться с австрийцами ни к чему не привели. Александр II в письме императору Францу Иосифу взял было решительный тон: «Ты понимаешь, надеюсь, что я не могу подчинить то, что для меня является необходимостью, твоим пожеланиям». Франц Иосиф решительно не понимал. В тесном кругу он именовал царское письмо «указом». Александр Николаевич до конца дней своих не выбрался из паутины представлений об особой солидарности помазанников Божьих и пугал Габсбурга развалом Союза трех императоров: «Малейшая трещина в согласии трех императорских дворов вернет Англии всю ее дерзость», — и это при том, что царь знал о кознях Андраши⁵⁴. Иллюзии питал и Горчаков: великий князь получил его просьбу не спешить с заключением перемирия. Действовало вполне обоснованное соображение — добиться возможно большего стратегического преимущества. Была занята София, 5(17) января В.И. Гурко разгромил под Пловдивом армию

Сулеймана паши. Теплилась надежда, что удастся договориться с Веной об условиях мира: «Главная цель проволочки, — записывал Милютин в дневнике, — состоит в том, чтобы сперва сойтись с Австрий, которая уже начинает нам портить дело»⁵⁵.

«Сойтись» не удалось. Назойливые предложения посредничества со стороны Лондона и Вены были отклонены — все понимали, на чьей стороне выступят ходатай. Становились очевидными планы Д. Андраши: не участвуя в войне, обеспечить австро-венгерскую гегемонию на Балканах. Лорд О. Лофтус в Петербурге бомбардировал ведомство Горчакова запросами и протестами. Правительство ее величества заседало чуть ли не ежедневно и — невиданное дело — собралось даже в воскресенье. Дизраэли, по словам Милютина, «опять взбеленился». Поступили чрезвычайно ободрившие премьер-министра вести: Андраши сам намекнул на желательность посылки британской эскадры в Проливы. Решающие заседания кабинета происходили 21, 22 и 23 января (н.ст.) Премьер предложил заключить оборонительный союз с Австро-Венгрией и предоставить ей субсидию, если она мобилизует армию, сосредоточит ее на границе с Россией и согласится на идентичные с Англией шаги в Петербурге⁵⁶.

Не тут-то было. Хитрый мадьяр отказался подписать предложенную конвенцию, заявив, что он не просил, а только советовал послать английские суда в турецкие воды (!). Шувалов раздобыл эти сведения и 12(24) января телеграфировал, что Андраши не хочет брать на себя обязательств, пока Лондон не вступит в дело (пометка Александра II: *Совершенная гнусность!*). Посол предупреждал: речь идет не только о посылке флота, но и разрыве отношений с Россией⁵⁷.

Враждебность Великобритании, шантажистская тактика Вены, холодность Берлина — все внушало глубокую тревогу. В Петербурге были уже не рады, что медлили с перемирием, и пребывали в «лихорадочном выжижании». Великий князь не скрывал своих опасений: дальнейшее наступление приведет к крайнему обострению внешнеполитической ситуации. А вал войск катился вперед. 8(20) января без сопротивления был занят Адрианополь. Прибывшие туда на переговоры турецкие представители тянули время. Николай Николаевич с некоторой растерянностью сообщал брату: «Я употребил все усилия, чтобы действовать по твоему указанию и предупредить разрушение Турецкой монархии, и если мне это не удалось, то положительно виноваты оба паши, которые не

имели достаточно мужества взять на себя и подписать наши условия...»⁵⁸ А британское правительство предупреждало: оно «считает крайне желательным со всех точек зрения избежать занятия Константинополя русскими войсками, даже временного и исключительно в военных целях». Пожелания распространялись и на берега Дарданелл. Горчаков без устали заверял, что ничего подобного не входит в замыслы командования, но на его разъяснения не обращали внимания. В британском меморандуме от 3(15) января 1878 г. говорилось: «Любой договор между правительством России и Портой, затрагивающий договора 1856 и 1871 гг., должен носить европейский характер» и «не будет иметь силы без согласия держав»⁵⁹. Английская стратегия в отношении мира прояснилась: приняв один раз участие в войне против России, Лондон хотел быть вечным победителем и поставить обсуждение мира под свой контроль.

Наконец, 19(31) января 1878 г. упорство султана удалось сломить, военные действия прекратились⁶⁰. Успокоения на европейской арене перемирие не принесло, причем «горячая точка» переместилась на Британские острова. Кабинет разразился протестами: он не признает подписанных условий «в той части, в которой эта договоренность рассчитана на изменение европейских договоров и затрагивает общие и британские интересы» и требует «достижения формального соглашения сторон-участниц Парижского трактата»⁶¹.

Связанный обязательствами 1871 г. и обещаниями, данными предшествовавшим летом, Горчаков соглашался на обсуждение статей, имевших общеевропейское значение, но не на данной стадии: «Ясно, что коллективные размышления вьшестером над предварительными условиями абсолютно не-практичны»⁶². Вторжение представителей Порты пустило бы их под откос. Лондон доводы Александра Михайловича отвергал с порога. В британском кабинете возобладали «ультра»; оппоненты, сообщал Дизраэли своей приятельнице леди С. Брадфорд «пали на колени». Королева Виктория пребывала в раздражении, осыпала «своих» министров упреками и грозила: припадать к стопам «русских» она не желает, лучше сложит с себя корону, превратившуюся для нее в терновый венец. Ее «повседневное и настойчивое вмешательство (...) во все детали кризиса» серьезно тревожило Шувалова. Он жаловался на «некий заговор полусумасшедшей бабы с министром, не лишенным дарований, но выродившимся в политического клоуна» (то бишь Дизраэли). Шовинистические страсти в стране бушевали, обыватель уве-

ровал, что над британскими интересами нависла угроза. Кабинет решил пустить в ход бронированный кулак. 13 февраля (н.ст.), в полном противоречии с нормами международного права, эскадра адмирала Хорнби (б броненосцев и фрегат) вошла в Дарданеллы и бросила якорь в Мраморном море.

Новость была столь серьезной, что Александр II вызвал Горчакова в Царское Село телеграммой, написанной, вопреки тогдашнему обыкновению двора, по-русски: «Так важно, что я желал бы знать твое мнение, прежде чем отвечать...»

Ответ был дан решительный. Канцлер сообщил Шувалову, что в создавшихся условиях придется временно ввести войска в османскую столицу, — пока британский флот не покинет Дарданеллы: «История учит нас, что слабость континента подстегивает наглость Англии»⁶³.

В главной квартире Дунайской армии воинственность штатских (к которым причисляли и царя) вызвала переполох. «Мысль о занятии Константинополя лучше бросить, ибо занять его еще можно, а удержать нельзя, — размышлял полковник М.А. Газенкампф. — А скоро даже трудно будет занять без боя, ибо подойдут неприятельские войска из очищенных турками крепостей. У нас ничего не приготовлено. Боевые запасы далеко позади, и неизвестно, когда подтянутся, а интендантской части вовсе нет. Жили мы до сих пор, со дня перехода через Балканы, исключительно местными средствами, пользовались ими бессистемно и беспорядочно, а теперь и этого источника не предвидится (...) Связи с тылом не существует, да и тыл-то в хаотическом состоянии»⁶⁴.

«Слабым звеном» на сей раз оказалась ставка главнокомандующего. Великий князь Николай Николаевич, получив приказ брата — вступить в Стамбул, немножко схитрил и с санкции турок занял местечко Сан-Стефано в 12 верстах от города, а царю сообщил, что вошел в предместье столицы. Не лишены интереса и детали вступления. Николай Николаевич обратился к Порте с необычным ultimatum: ей следовало в 48 часов согласиться с перенесением его главной квартиры в Сан-Стефано. Что делать — приглашение в Сан-Стефано поступило, и 12(24) февраля великий князь со штабом и 10-тысячным отрядом прибыл на место новой дислокации. Александр II с ним молчаливо согласился, существовало серьезное опасение, что в противном случае султан Абдул-Хамид переселится на Принцевы острова, под защиту британских пушек⁶⁵.

В Петербурге царила нервная атмосфера, спешили с мирным урегулированием, чтобы поставить Лондон и Вену

«хотя бы по некоторым вопросам перед совершившимся фактом». Бремя переговоров возложили на Н.П. Игнатьева, он же подготовил проект договора, столь секретный, что набело текст переписывала супруга Николая Павловича. 12(24) января состоялось решающее заседание у императора. Горчаков внес поправки (отказ от провозглашения «Большой Болгарии» независимой, от присоединения к Греции острова Крит и части Эпира и Фессалии и некоторые другие). Принимался текст постатейно. В инструкции Игнатьеву канцлер особо оговаривал: «Вопросы, представляющие европейский интерес, будут оставлены на коллективное рассмотрение и решение»⁶⁶.

По дороге Игнатьев заехал в Бухарест, где встретился с князем Карлом и министрами И. Брэтиану и М. Когэлничану. Беседы с ними предваряла только что полученная ими телеграмма из Петербурга от агента Э. Гики: «Император и канцлер формально известили меня о своем намерении вернуть часть Бессарабии до Килии. Как возмещение Румыния получит дельту Дуная и Добруджу до Кюстендже» (Констанцы).

У Николая Павловича создалось впечатление, что ему удалось убедить собеседников в неизбежности принятия российских требований и даже, как он писал, «поддержки наших взглядов»⁶⁷. Скромный чиновник, консул Д. Стюарт дал совершенно иное толкование итогам пребывания генерала в Бухаресте, сославшись на «некоторые признаки», заставлявшие усомниться в «искренности столь быстрой, стремительной перемены» в румынских умах. Консул обратил внимание на то, что князь Карл не нанес Игнатьеву полагающегося визита в гостиницу, что на вокзале его никто не провожал из членов правительства, ни даже префект полиции, а «возбуждение общественности и прессы достигло предела». Сенат и палата депутатов объявили «о своей решимости не допустить отчуждения какой-либо части румынских земель в обмен на территориальную компенсацию или возмещение убытков»⁶⁸. Назревал тяжелый конфликт с Румынией.

Ненастной зимней ночью, перебираясь через балканский перевал, Игнатьев едва не расстался с жизнью: колеса кареты за что-то зацепились, она накренилась, генерал, опасаясь падения в пропасть, выпрыгнул из экипажа и ухватился за куст, чтобы не скатиться по крутизне. Охрана вытащила его наверх.

В ставке главнокомандующего, пребывавшей еще в Адрианополе, он застал настроение, показавшееся ему слиш-

ком миролюбивым: пора домой! В переписке с Горчаковым нарастало раздражение. Россия, по мнению Николая Павловича, не должна предстать перед конгрессом с пустыми руками и с видом провинившегося школьника. Поэтому надо вырвать у Высокой Порты как можно больше обязательств, от которых она не смогла бы отказаться. Канцлер опасался, что подобный напор может закончиться срывом переговоров. Поначалу они в самом деле не внушали оптимизма. Порта предложила перенести встречу в Петербург, явно желая потянуть время. Пришлось отучать ее от этой мысли. Прибывший в Адрианополь Савфет паша выглядел туча тучей; ознакомившись с проектом, он заявил: «Это — смерть Османской империи в ее нынешней форме»⁶⁹.

Отношения с румынами зашли в тупик. Протесты из Бухареста сыпались дождем, его эмиссары устремились в Вену, Лондон и даже, к удивлению турок, в Стамбул. Д. Андради выслушивал жалобы румын с видом сочувствия, явно желая использовать их в своей игре. А те не сознавали, что Румыния сама по себе никого не интересовала, ее услугами собирались воспользоваться как разменной монетой в большой дипломатической игре.

Стороны, будучи в конфликте, друг друга не понимали; российская полагала, что существует джентльменский договор насчет Южной Бессарабии, который надлежит официально оформить, притом на условиях щедрой компенсации; так можно ли, не моргнув глазом, утверждать, как то делал Когэлничану: «Наше решение об отказе от какого-либо соглашения по поводу уступки Бессарабии было принято в самый день, когда это требование было нам предъявлено»⁷⁰. Тот же Когэлничану совсем недавно в беседе с Игнатьевым обещал «напечатать брошюру, в которой, на основе данных статистики (...) говорится, что часть Добруджи, предложенная в обмен на Бессарабию, даст бесспорные преимущества, что непрактично их лишаться и навлекать на себя досаду могущественного соседа и союзника, противясь обмену»⁷¹.

Иначе рассуждали в Бухаресте и, учитывая полнейшую изоляцию России, решили сыграть на противоречиях в «европейском концерте». В главную квартиру великого князя Николая Николаевича прибыл полковник Е. Арион, уполномоченный участвовать в мирном урегулировании. Горчаков разъяснил мятежным союзникам, что Румыния не может претендовать на это, не будучи субъектом международного права: «ее независимость не утверждена Европой, и лишь после того, как новое положение Румынии будет признано

европейским концертом, она сможет принять участие в международных актах, требующих внешнего суверенитета»⁷². С точки зрения Высокой Порты княжество представлялось восставшим вассалом. На все эти доводы в Бухаресте не обратили внимания, отказ включить Ариона в состав делегации сочли забвением немалых заслуг румынской армии в войне за независимость своей страны.

Далеко не гладко складывались отношения с сербами. Августовская неудача под Плевной побудила командование и самого императора повернуться к ним лицом. Л.В. Кузьмичева подсчитала, что с призывом вступить в войну к ним обращались восемь раз. Ответы поступали уклончивые: надо оправиться от поражения 1876 г., восстановить силы армии, потребны большие деньги. Князь Милан и глава правительства Й. Ристич явно осторожничали, стремясь действовать наверняка и выжиная, когда победа обрисуется с полной очевидностью. В ответе на поздравление Милана по поводу взятия Плевны царь выразил сожаление, что сербы не последовали примеру румын и не присоединились к российской армии. Лишь 2 декабря князь Милан выступил с манифестом об объявлении войны Высокой Порте. Его войска действовали успешно, но не так, как хотелось бы командованию Дунайской армии, не сосредоточив силы в направлении главного удара, а разбросав их по широкому фронту, дабы занять возможно большую территорию. За полтора месяца операций они достигли немалого, вступив, в частности, в города Ниш и Пирот⁷³.

В ставке бурную активность развил сербский эмиссар полковник Г. Катарджи, лицо влиятельное, дядя княгини Натальи. Он имел резкие объяснения с Игнатьевым, протестуя против намеченной линии сербско-болгарского разграничения, в соответствие с которой сербам приходилось уступать уже занятые ими земли. Он требовал присоединения к княжеству всего Косова, Ниша, Пирота и Ак-Паланки и жаловался штабным на чинимую в отношении сербов несправедливость. Черногорец Радонич настаивал на включении в его княжество части Косова до реки Дрина, западной Герцеговины до реки Наранта и албанского Шкодера (Скутары). Игнатьев отбивался, как мог, но переубедить оппонентов оказалось выше его сил. В депеше Горчакову недавно получивший звание граф писал: в создавшихся условиях «обоим княжествам, судьба коих уже решена нами и Турцией, нужно только благодарить могущественную и щедрую руку, которой они обязаны своим существованием и, если Бог этого

захочет, своим процветанием»⁷⁴. Нечего и говорить, что в Белграде и Цетинье подобных взглядов не разделяли.

Совсем не ладились дела с греками. В стране царила министерская чехарда, менялись кабинеты, партии шли стенка на стенку, из Лондона поступали грозные предостережения — сидеть смирно, а общественность требовала освободить Эпир и Фессалию. В сношениях с Россией греки требовали предоставить им гарантии будущих приобретений (а кто мог их дать?) и помочь для защиты побережья, «одолжив» им часть российского флота (который, по большому счету, отсутствовал). Последнее отдавало химерой и свидетельствовало о стремлении греческой стороны приобрести желаемое без риска. Даже взятие Плевны не побудило афинское правительство перейти к действию. Лишь 21 января (2 февраля) 1878 г. отряд греческой армии (8 тыс. штыков) перешел границу. Король Георг телеграфировал Александру II: «Я и все греки твердо рассчитываем на Ваше благожелательное отношение к нашему делу, общему с делом всех христиан, которых Вы столь великолепно поддерживаете». Царь в ответе не считал нужным скрывать раздражения: «Я могу, только сожалеть, что Ваше величество, объявляя войну Турции, избрали тот момент, когда я заключаю с ней мир»⁷⁵.

Пожалуй, в Адрианополе и затем в Сан-Стефано Игнатьев впервые столкнулся с тем, что позднее превратилось в кошмар европейской дипломатии, — с взаимоисключающими претензиями балканских государств, невозможностью (даже теоретически) наметить удовлетворяющее всех территориальное разграничение. Чересполосица в расселении народов, наличие анклавов одного «племени» в глубине расселения другого, капризы истории, в ходе которой одна и та же местность меняла свою государственную принадлежность, — все эти обстоятельства, умноженные на стремление правительств толковать спорные территориальные казусы в свою пользу и посягать при удобном случае на бесспорные земли соседей, превращали вопрос о пересмотре границ, когда он возникал, в шараду без разгадки. Всякая попытка разобраться в межбалканских земельных противоречиях походила на погружение в трясину без дна.

Существовал готовый ориентир для определения границ Болгарии — территория канонической службы созданного в 1871 г. экзархата. Соседи считали этот вариант не просто неблагоприятным, но неприемлемым для себя. Игнатьевым владела «одна, но пламенная страсть» — подписать побе-

доносный, славный, блестательный мир. Но этой опасности не заметил Горчаков, изнемогавший в дипломатическом противоборстве с англичанами и австрийцами, ее недоучел.

* * *

Турки отчаянно сопротивлялись навязываемым им условиям. Савфет паша по каждому вопросу запрашивал инструкции. Второй уполномоченный Саддулах бей не торопился с приездом из Берлина и появился за столом переговоров лишь под занавес. В район Константинополя прибывали турецкие войска из очищенных ими по перемирию крепостей. Это, а также пребывание в Мраморном море британских броненосцев усиливало упрямство Высокой Порты. Расхождение Игнатьева с канцлером углублялось, отношения обострялись. Николай Павлович полагал, что следует заключить окончательный мир, который не смог бы существенно изменить предстоявший конгресс, продемонстрировать туркам «безоговорочный характер обязательств, которые они приняли, и подготовить их к тому, чтобы они почувствовали себя морально связанными, а потом и законно обязанными поддерживать и защищать, в случае необходимости, перед Европой смысл и формулировку условий, о которых мы договоримся»⁷⁶. Александр Михайлович не верил, что турок можно превратить в защитников навязанного им договора. По его настоянию готовившийся акт был признан прелиминарным, предварительным. К. Косев справедливо полагает: для Горчакова Сан-Стефано – тактический ход, поле для маневра и более или менее безболезненного отступления от отдельных его положений без унижений, связанных с пересмотром на конгрессе окончательного трактата. Канцлер явно заблуждался, считая, что важнейшие его статьи удастся отстоять. Отсюда – его указание: «Особенно твердо стойте во всем, что касается Болгарии»⁷⁷.

Опоры в виде поддержки своего жесткого курса Игнатьев у главнокомандующего не находил. Когда споры с Савфетом пашой зашли в тупик, граф решил прервать переговоры и отправился к Николаю Николаевичу за санкцией. Тот еще нежился в постели в богатом особняке купца Дадиани. Услышав о намерении дипломата, великий князь учинил ему разнос, обвиняя в стремлении спровоцировать войну с Великобританией.

Гвардейские полки, расквартированные в Сан-Стефано и окрестных местечках, отдыхали после ратных трудов. Лас-

ково светило весеннее солнышко, у ног плескались воды Мраморного моря. Из Стамбула понаехали множество публики — полюбоваться на молодцов преображенцев, семеновцев, улан, артиллеристов: «Наши офицеры и солдаты всех родов оружия, приезжие зеваки из Константинополя, уличные торговцы, певцы и музыканты, международные девицы легкого поведения — все это с утра до вечера толпится на улицах»⁷⁸. Жажда мира охватила всех.

В невероятно сложной обстановке Игнатьев добился своего: подписал 19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано прелиминарный мирный договор с незначительными отступлениями от первоначального проекта, среди которых был отказ от передачи России турецких броненосцев. Акт предусматривал коренные перемены в положении балканских народов и решительно изменял соотношение сил на полуострове. Турция признала государственную независимость Румынии, Сербии и Черногории, что явилось исторической вехой в развитии этих стран. Оговаривалось их значительное территориальное расширение. В Боснии и Герцеговине Турция обязывалась провести реформы. Болгария возрождалась как «самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством» в широких пределах, от Черного до Эгейского морей; зависимость ее от Порты ограничивалась выплатой дани. Россия возвращала себе Южную Бессарбию, на Кавказе к ней отходили Батум, Карс, Ардаган и Баязет. К Румынии переходила Северная Добруджа. На острове Крит, в Эпире и Фессалии Высокая Порта обязалась ввести регламент, выработанный с участием представителей местного населения⁷⁹. Звезда Игнатьева достигла апогея, чтобы немедленно покатиться вниз. Ему прочили портфель министра, а на деле через два месяца он удалился в свое поместье в Киевской губернии.

Круг изоляции России замкнулся. 21 февраля Шувалову вручили в Лондоне очередной меморандум: в случае вступления российских войск в Константинополь без согласия Порты Великобритания отзовет своего посла из Петербурга. На подобное согласие не существовало никакой надежды. Товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс делился с Игнатьевым своими тревогами: «Наше положение очень ухудшилось, и вряд ли ему много поможет вступление наших войск в Царьград, если, как теперь выясняется, султан нам изменяет. Мне сдается, что при появлении наших войск он переедет не в Малую Азию, а на Принцевы острова и прямо потребует покровительства Англии». Вполне химерические

расчеты на то, что удастся выдворить британские броненосцы из Проливов с помощью османов, разлетелись прахом.

Кабинеты Лондона и Вены встретили Сан-Стефанский договор в штыки. Д. Андраши заявил послу Е.П. Новикову: ни один министр монархии не даст согласия на расширение Болгарии за Балканский хребет, и он будет сопротивляться этому «любыми средствами». «Даже с помощью войны?» — задал вопрос дипломат. Андраши избежал прямого ответа и повторил: «Любыми»⁸⁰. О позиции Великобритании свидетельствовали пушки ее броненосцев. Меморандум Форин оффис от 13 марта гласил: «Каждая статья договора между Россией и Турцией будет представлена конгрессу не обязательно для принятия, но с целью рассмотрения, какие статьи требуют принятия или согласования с несколькими державами, а какие нет». Горчаков сопротивлялся из последних сил: державы могут поднимать вопросы по своему усмотрению, а Россия оставляет за собой право принять или отвергнуть обсуждение того или иного пункта. Его позиции были опрокинуты: рассмотрению подлежит весь трактат, от доски до доски⁸¹.

Мутная волна военной истерии ползла по Британским островам. Пресса во главе с негласным рупором правительства «Дейли телеграф» рисовала фантастическую картину русских замыслов: «Они состоят, грубо говоря, в установлении господства над Константинополем и Проливами, в превращении Оттоманской империи в петербургский удел (...) Коварства России не миновали Австрии, где она стремится распространить славянскую заразу». Статья заканчивалась на воинственной ноте: «Какой бы "мир" ни был подписан в Сан-Стефано, он останется клочком бумаги, пока не будет представлен на всеобщее обсуждение; если же этого не произойдет честно и открыто — лучшими британскими представителями явятся наш флот и наша армия, с союзниками или без них». Мало кто решался выступить тогда против царившей пропагандистской вакханалии. К числу этих немногих принадлежал В.Ю. Гладстон, призывавший «перестать размахивать кулаками» и «прекратить пиры и разгул британского флота в Дарданеллах и Мраморном море». Разъяренная толпа разбила стекла в окнах его лондонского дома⁸².

Российская дипломатия металась в поисках выхода из изоляции; создается впечатление, что она утратила в какой-то степени присущий ей реализм. Горчаков настаивал на том, чтобы предстоящий форум прошел на высшем уровне, в виде конгресса, а не конференции, с участием

глав кабинетов, видимо, уповая на свой высокий авторитет. И он, и Александр II, до конца дней своих остававшийся пленником идеи ниспосланной Богом солидарности монархов, пытались вдохнуть жизнь в одряхлевший Союз трех императоров. Особые надежды возлагались на Бисмарка, не обескуражила их и речь канцлера в рейхстаге 19 февраля, в которой тот бросил знаменитую фразу, что собирается выступить «честным маклером» в споре о Балканах. «Общие высказывания князя Бисмарка по всем вопросам справедливы и беспристрастны», — телеграфировал Горчаков послу П.П. Убри в Берлин. Но «тем меньше мы можем понять его колебания употребить свое огромное влияние в Вене, чтобы подчинить ему графа Андрадиши» (!)⁸³.

Идти в Каноссу, безразлично от ее географического положения, будь то Вена, Баден-Баден или Берлин, не хотелось, а альтернативой представлялась война. 27 марта «примирениец» граф Дерби подал в отставку с поста министра иностранных дел и портфель «захватил», по выражению Шувалова, маркиз Р. Солсбери. Прекратилось поступление ценной информации через леди Дерби. Петр Андреевич попытался найти ей замену в лице супруги канцлера казначейства Ст. Норткота, с которой договорился о совместном чтении и изучении Библии, но бдительный муж прекратил богоугодное занятие после первого же сеанса. «Разрыв с Англией почти неизбежен», — телеграфировал Александр II брату 18(30) марта. Далее следовало указание: в предвидении столкновения с британским флотом просить санкции Порты на занятие российскими войсками укреплений по европейскому берегу Босфора с целью помешать прорыву броненосцев адмирала Хорнби в Черное море *{...}* Мы не должны вступать в самый Константинополь, но утвердиться только на берегах Босфора, заняв несколько пунктов, чтобы эшелонировать заграждения»⁸⁴.

В главной квартире наступил переполох, приказ представился дилетантским с военной точки зрения. Пассаж относительно Турции — если она «заодно с нами, то немедленно должна передать в наши руки укрепления Босфора, по крайней мере на европейском берегу», — свидетельствовал, что император в обстановке не разбирается. На самом деле Высокая Порта склонялась на сторону Британии, о чем Горчаков информировал и Зимний дворец, и ставку («секретным путем узнали, что султан ищет соглашения с англичанами против нас»).

Возможно, в заблуждении царя в какой-то мере был повинен его брат: он сообщал о радушном приеме у падишаха Абдул-Хамида и его заверении, что в конфликте с Англией он будет соблюдать нейтралитет. В ответ на зондажи о сотрудничестве турки не говорили нет, но затем следовало желание смягчить условия Сан-Стефано. В своем кругу «приветливый» султан изъяснялся иначе — ему руки-ноги обломали, Турцию довели до полного бессилия и чего то еще домогаются...

Как перекрыть английской эскадре доступ в Босфор, изумлялся полковник М.А. Газенкампф, «при отсутствии у нас как флота, так и артиллерии большого калибра, единственно способной бороться с английскою судовою артиллерию?»⁸⁵ Загадка... Николай Николаевич не решался высказать брату всю правду, отвечал уклончиво, соглашаясь в принципе с полученным распоряжением и тут же перечисляя причины, мешающие его выполнить. В ответ он получил от вспыльчивого и раздражительного Александра II резкий выговор, причем публичный, открытым, а не зашифрованным текстом: «Удивляюсь, что ты принял ее (телеграмму от 18 марта. — В.В.) только к сведению, а не к исполнению, о чем предупреждаю тебя наистройнейше»⁸⁶. Император предлагал перебросить тяжелые пушки и мортиры из Керченской крепости. Но как? Каким путем, под носом у англичан и турок?

Потрясенный великий князь разъяснял: это невозможно, у Порты вокруг Константинополя уже солидная армия и сильный флот, нечего и думать о том, чтобы получить разрешение султана на оккупацию высот по берегу пролива, «если бы мы настаивали на занятии Босфора, нам, вероятно, пришлось бы брать его силой», предупредив неприятеля за три дня о разрыве перемирия. «Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией в то время, как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улажению затруднений и к прекращению пагубной для нас войны», — писал главнокомандующий⁸⁷.

До сих пор бытует миф о том, что дипломаты похитили лавры у победоносной армии, подписав в Берлине недостойный мир. Истина заключается совсем в ином. Николай Николаевич был не одинок в своем мнении. Запись военного министра Милютина в дневнике 25 марта 1878 г. гласит: «Как ни прискорбны для нас подобные уступки после победоносной войны, не могу, однако же, не признать, что еще прискорбнее будет рисковать новой войной против полови-

ны Европы. Все благоразумные люди полагают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас бедствием, во всяком случае не могла бы доставить нам более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать достоинство России»⁸⁸.

Такую позицию занимали наиболее авторитетные военные деятели страны. Генералы растеряли прежний задор и удалились в политические кулисы, предоставив действовать на сцене прежде третиремым дипломатам.

Русская армия представляла внушительную силу, ее численность, включая иррегулярные части, достигала 1800 тыс. человек. Англия могла послать за море два экспедиционных корпуса по 30 – 40 тыс. штыков и сабель каждый, и не их опасались в военном министерстве. Пугала экономическая, политическая, финансовая мощь владычицы морей. Тревожила неустойчивость международной обстановки, коварство Габсбургской монархии, перспектива нового варианта Крымской войны⁸⁹.

Позволю себе не согласиться с утверждением, содержащимся в компетентном труде «История внешней политики России. Вторая половина XIX века»: Англия «сухопутными войсками не располагала, а ее флот не мог нанести России сколько-нибудь существенного ущерба»⁹⁰. Очень даже мог, и опыт Крымской войны о том свидетельствовал. Тогда поход эскадры адмирала Ч. Непира на Балтику завершился неудачей, атаки в Финском заливе удалось отбить. Но ценой каких усилий?

Чтобы воспротивиться высадке на берег десанта союзников (дивизии генерала Барагэ д' Илье – 10 тыс. штыков), по побережью была рассредоточена целая армия (270 тыс. человек), далеко превосходившая силы, сосредоточенные в Крыму и на Кавказе⁹¹. Таковы были оперативные возможности британского флота.

В 1878 г. открывалась перспектива войны, причем неизвестно на скольких направлениях; кроме уже существовавших фронтов, Балканского и Кавказского, предвиделось столкновение с Австроией на юго-западной границе империи. В случае прорыва британских, а заодно и турецких броненосцев (а их в Средиземном море насчитывалось около 20), можно было предвидеть развертывание операций на Северном Кавказе. Нельзя было пренебрегать возможностью английского десанта на Балтике. Нельзя было сбрасывать со счетов попытку вторжения в Среднюю Азию, нападения на порты в Белом море и на Дальнем Востоке. Уже были преду-

смотрительно усилены гарнизоны Владивостока, Николаевска и Посьета⁹².

Сразу после Сан-Стефano численность войск за Дунаем стала сокращаться: 27 февраля (11 марта) Милютин в предвидении столкновения с Австро-Венгрией распорядился об отводе на границу с нею пяти пехотных, трех кавалерийских дивизий и двух отдельных бригад. А турки сосредоточили вокруг Стамбула немалые силы, 100 тыс. человек, и на острове Мальта в готовности к отплытию находился английский экспедиционный корпус.

Александр II не простил брату неповиновения, великий князь получил запрос, не допускавший кривотолков: «Скажи мне откровенно: здоровье твое позволяет тебе командование армией с должной энергией?». Николаю Николаевичу оставалось лишь подать прошение об отставке. Ему на смену назначили героя обороны Севастополя генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена, человека высокой и безупречной военной репутации. Старый воин дипломатическими играми не занимался. Ознакомившись с ситуацией на месте, Тотлебен пришел к выводу, что, ввиду отсутствия тяжелой артиллерии он не в состоянии воспрепятствовать проходу британских броненосцев в Черное море. Свои соображения на случай войны он доложил Д.А. Милютину: «Полагая противниками Турцию, Англию и Австрию, а союзником Сербию», он считал возможным «сохранить то, что достигнуто в прошлую кампанию». Вырисовывался оборонительный вариант ведения операций. В дальнейшем генерал поскромнел еще больше и счел необходимым занять оборону по линии Балканского хребта⁹³.

Полковник М.А. Газенкампф записал в дневнике: «Настроение невыносимой напряженности. Мрачная неизвестность душит как кошмар». Опытный штабной офицер понимал: европейская война «сразу обнаружит нашу несостоятельность. Приобретенная нами военная слава рассеется, как дым. Храбости, самоотвержения, умения сносить неслыханные лишения и преодолевать невероятные препятствия у нас никто отнять не может. Но для ведения европейской войны нужны еще система, порядок и умение»⁹⁴. А систему мог дать лишь прогресс — экономический, социальный, технический.

Потери России во имя освобождения балканских народов составили 248 654 человека убитыми, ранеными, искалеченными, замерзшими⁹⁵. И что же — бросать еще 50, 100, 150 тыс. в пасть Молоха? Самая безнадежная и бессмыслен-

ная война — это та, в которой успех недостижим даже теоретически, победа не маячит даже в дымке десятилетий. Люди в здравом уме и твердой памяти сознавали, что одолеть неприятельскую коалицию Россия не в состоянии. Разгромить Австро-Венгрию не позволила бы Германия, победить укрывшуюся за морями Великобританию можно было разве что во сне. Зато реально и грозно вырисовывалась другая перспектива: предприимчивый князь О. Бисмарк, воспользовавшись тяжбой на востоке Европы, учинит новый разгром Франции, и тогда немецкая гегемония на континенте из кошмарного видения превратится в явь.

Оставалось одно — пройти через чистилище конгресса.

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1983. Т. 25. С. 94.

² Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII — начало XX века. М., 1978; История внешней политики России: Вторая половина XIX века. М., 1997; Международные отношения на Балканах, 1856 — 1878. М., 1986; Киянина Н.С. Внешняя политика России во второй половине XIX в. М., 1974; Чернов С.П. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875 — 1878 гг. М., 1984; Виноградов В.Н. Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.; Он же. Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история. 1978. № 2/3; 1979. № 6; 1980. № 1.

³ Татищев С.С. Император Александр II: Его жизнь и царствование: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 165 — 166.

⁴ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877 — 78 гг. СПб., 1908. Прил. 2. С. 1.

⁵ Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 196.

⁶ Газенкампф М.А. Указ. соч. Прил. 2. С. 2 — 3; Cecil G. Life of Robert Cecil, Marquis of Salisbury. L., 1921. Vol. 2. P. 96.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты. 1866. Л. 91, 97.

⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2. С. 244.

⁹ Цит. по: Татищев С.С. Указ. соч. С. 296 — 297.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 25. С. 100.

¹¹ Times. 1876. Nov. 10.

¹² Международные отношения на Балканах 1856 — 1878. С. 303, 307; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 210; Татищев С.С. Указ. соч. С. 321 — 322.

¹³ Дневник Д.А. Милютина. М., 1949. Т. 2. С. 147.

¹⁴ Киянина Н.С. Указ. соч. С. 210; Лопатников В.А. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. М., 2004. С. 100.

¹⁵ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. С. 138, 139; подробнее о русско-румынских отношениях см.: Залышкин М.М. Внешняя политика России и румыно-руссские отношения в 1875 — 1877 гг. М., 1974.

¹⁶ Istoria Romaniei. Buc., 1964. Vol. 4. P. 593 — 598.

¹⁷ Jelavich B. Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia // Sud-Ost Forschungen. München, 1968. Bd. 28. S. 208 – 209; Бессарабия... С. 141, 143.

¹⁸ Н.П. Игнатьев имел случай поговорить с румынами польному вопросу в конце ноября 1877 г. Итоги беседы с И. Брэтиану в изложении Игнатьева выглядели так: «В противоположность прошлому он старался выставить мне все затруднения, невозможности и опасности для него и его партии подобной уступки. Я был непреклонен и дал понять румынскому министру, что он должен считать вопрос этот решенным, а себя – счастливым, что приобрел для себя и своей страны дружбу и покровительство России». Следовала поразительная по легковесности характеристика этого прожженного политика: Брэтиану – «честный, но увлекающийся либерал-демократ, патриот, завербованный мною в союз с Россией и поддающийся замечательным образом моему влиянию» (*Игнатьев Н.П. Походный дневник 1877 г.* М., 1999. С. 276, 277). Горчаков выразил несогласие с выводами Игнатьева.

¹⁹ Бессарабия... С. 144, 145, 147 – 148; Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898. Вып. 11. С. 234.

²⁰ Дневник Д.А. Милютина. Т. 2. С. 173, 171, 169.

²¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Таллин, 1994. Т. 1. С. 100.

²² Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 90 – 91.

²³ Газенкампф М.А. Указ. соч. Прил. 1. С. 4 – 5.

²⁴ Там же. С. 53; Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900. Вып. 4. С. 29.

²⁵ Дневник Д.А. Милютина. Т. 2. С. 169, 174, 178, 241; Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 28 – 29.

²⁶ Подробнее см.: Чернов С.Л. Указ. соч.

²⁷ Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 42, 47.

²⁸ Strachey L. Queen Victoria. L., 1924. P. 219 – 221.

²⁹ Подробнее о Дизраэли см.: Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1993.

³⁰ Stepleton R.G. Disraeli and the New Age. L., 1944. P. 85, 100.

³¹ Murray D.L. Disraeli. L., 1927. P. 231.

³² Bulgarian Historical Review. 1990. N 4. P. 17.

³³ Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and the Question of the East. L., 1876.

³⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 426. Л. 142.

³⁵ Millman R. Britain and the Eastern Question. Oxford, 1974. P. 272.

³⁶ Ibid. P 349; АВПРИ. Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 427. Л. 112.

³⁷ АВПРИ. Канцелярия. 1876. Д. 71. Л. 262.

³⁸ Там же. Ф. Посольство в Лондоне. 1876. Д. 425. Л. 293.

³⁹ Там же. Д. 426. Л. 39; Times. 29.01.1877. Jan. 29.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 70. Л. 270.

⁴¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 80 – 82.

⁴² Татищев С.С. Указ. соч. С. 308 – 309; Sumner B.H. Russia and the Balkans 1870 – 1880. Oxford, 1937. P. 323.

⁴³ Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 121.

- ⁴⁴ *Iorga N. Politica externa a regelui Carol I.* Buc., 1991. P. 235.
- ⁴⁵ Дневник Д.А. Милотина. С. 224.
- ⁴⁶ Лопатников В.А. Указ. соч. С. 317; Кудрина Ю.В. Из писем цесаревича Александра Александровича его августейшей супруге // Известия на музейто в Северозападна България. 1998. № 4. С. 175.
- ⁴⁷ Monirennu W.F., Buckle G.E. The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. L., 1920. Vol. 6. P. 173 – 176.
- ⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Л. 481 – 483; Morning Post. 1877. Nov. 12.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Л. 372 – 376; 387 – 389.
- ⁵⁰ Там же. Л. 347, 395.
- ⁵¹ Parliamentary Debates. 3-rd Ser. L., 1878. Vol. 239. С. 793 – 798.
- ⁵² Улуян А.А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. М., 1971. С. 87; Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 199.
- ⁵³ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 279 – 280.
- ⁵⁴ Sumner B.H. Op. cit. P. 432.
- ⁵⁵ Дневник Д.А. Милотина. М., 1950. Т. 3. С. 11.
- ⁵⁶ Там же. С. 13; Monirennu W.F., Buckle G.E. Op. cit. P. 227.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 81. Л. 17; Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 419.
- ⁵⁸ Дневник Д. А. Милотина. Т. 3. С. 16; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 414 – 415; Татищев С.С. Указ. соч. С. 405.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 56. Л. 37.
- ⁶⁰ Текст перемирия см.: Газенкампф М.А. Указ. соч. Прил. 5. Намечаемые основы мира предполагали образование автономной Болгарии, предоставление независимости Сербии, Черногории и Румынии, автономию Боснии и Герцеговины (подробнее см.: Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 171).
- ⁶¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 58. Л. 66.
- ⁶² Там же. Д. 81. Л. 323 – 324.
- ⁶³ Там же. 1877. Д. 71. Л. 547, 384; 1878. Д. 80. Л. 55, 69 – 70; Д. 81. Л. 389, 480.
- ⁶⁴ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 434.
- ⁶⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 503.
- ⁶⁶ Там же. С. 444.
- ⁶⁷ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1986. С. 149. Горчаков выразил несогласие с выводами Игнатьева (Там же. С. 152).
- ⁶⁸ Там же. С. 153.
- ⁶⁹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 494.
- ⁷⁰ Independenta Romaniei. Documente. Buc., 1978. Vol. 4. P. 346.
- ⁷¹ Бессарабия... С. 152.
- ⁷² Там же. С. 151.
- ⁷³ Кузьмичева Л.В. Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. и Сербия // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 71 – 82.
- ⁷⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 524.
- ⁷⁵ Следует сказать, что война Турции не была объявлена // Международные отношения на Балканах 1856 – 1878. С. 388 – 389.
- ⁷⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 524.

⁷⁷ Косев К. Бисмарк, източният въпрос и българското освобождение. С. 1978. С. 406; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. С. 489.

⁷⁸ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 450.

⁷⁹ Сборник договоров России с другими государствами 1856 – 1917. М., 1952. С. 159 – 175.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 111, 253, 254.

⁸¹ Там же. Д. 58. Л. 65 – 68, 147.

⁸² Daily Telegraph. 1878. Mar. 11; Nineteenth Century. 1878. Mar. P. 694 – 696.

⁸³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 81. Л. 480, 514 – 515.

⁸⁴ Татищев С.С. Указ. соч. С. 448 – 449.

⁸⁵ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 451, 462.

⁸⁶ Там же. С. 547.

⁸⁷ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны... Вып. 4. С. 114 – 115.

⁸⁸ Дневник Д.А. Милютина. Т. 3. С. 35.

⁸⁹ Россия и национально-освободительная война на Балканах 1875 – 1878 гг. М., 1987. С. 31; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 31.

⁹⁰ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 194.

⁹¹ Тарле Е.В. Крымская война. М., 1950. Т. 2. С. 456 – 457.

⁹² Компетентные военные оценивали перспективы войны с Англией мрачно. Так, полковник М.А. Газенкампф писал о британском способе ведения войны: «Пошлет во все моря флот, который парализует торговлю, уничтожает торговые суда и разоряет берега, преимущественно беззащитные. Изнуряя и разоряя противника, Англия вместе с тем интригует до тех пор, пока не образует коалицию или не приобретает хотя бы одного сильного на сухом пути союзника; тогда дает деньги взаймы или в виде субсидий и начинает воевать чужими солдатами...» (Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 484).

⁹³ Там же. С. 548; Международные отношения на Балканах... С. 369; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 7906. Л. 75 – 76; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. С. 29.

⁹⁴ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 490, 504 – 505.

⁹⁵ История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955. С. 179.

Берлинский конгресс 1878 года перед судом истории

Один из канонов внешней политики гласит: чтобы внести раскол в ряды противников, следует договориться с одним из них. По совету О. Бисмарка, решили начать с Австро-Венгрии, она продаётся дешевле, уверял «железный канцлер». Но отправившийся в Вену Н.П. Игнатьев потерпел там полное фиаско. Граф Д. Андраши настаивал на разделе Болгарии, оккупации Боснии и Герцеговины габсбургскими войсками, переходе под австрийский контроль стратегически важного острова Ада-Кале на Дунае, сокращении территориальных приращений Черногории. Он наотрез отказался воздействовать на англичан с целью вывода их флота из Мраморного моря. Более того, Андраши «разновременно, раза два или три, дал понять, что, если вооруженное столкновение произойдет между нами и Англиею, он не может обязаться воспротивиться течению, которое увлечет не только венгерцев, но, как ему кажется, и немцев Габсбургской монархии к союзу с Великобританией». Немецкая аристократия Вены встретила Игнатьева радушно, в салонных разговорах осуждала «мадьярские выходки» Андраши, но какой-либо поддержки он не получил.

Николай Павлович дал нелицеприятный отчет о провале своей миссии, австрийцы, по его словам, собирались обрести «без выстрела и без усилий все выгоды, политические, военные и экономические, могущие сделаться (...) после победоносной войны» и «обратить сербское племя в вассальное владение короны Святого Стефана». Игнатьева обидела холодная встреча по возвращении домой: «Никто не сказал мне в Петербурге "спасибо" за быстрое и твердое исполнение данного мне поручения». Но, видимо, было не до любезностей. По словам самого графа, «нам Европа предоставляла лишь право бить турок, лить русскую кровь и тратить рус-

ские деньги, но никак не извлекать пользу ни для себя, ни для единоверцев наших по собственному усмотрению»¹.

Николай Павлович остался тверд в своем убеждении: Вена дальше интриг и козней не пойдет, а значит, действовать надо напролом. Он надеялся, что, то ли в качестве посла в Турции, то ли как уполномоченный на конгрессе он сумеет отстоять свое детище, Сан-Стефанский трактат. В его отчете о миссии мелькнула мысль — не худо было бы отстранить зловредного графа Дьюлу Андраши от должности и заменить его кем-либо попокладистее, что не только выходило за рамки возможного, но и явилось бы недопустимым вмешательством в австро-венгерские дела². Другое его предложение — прибегнуть к третейскому суду императора Вильгельма (т.е. Бисмарка) было по сути дела осуществлено, и известно, с каким результатом³. Заняться разработкой далекоидущих уступок в пользу Великобритании и Австро-Венгрии он отказался: «Будучи лицом, подписавшим Сан-Стефанский договор, я призван скорее защищать постановления оного, но не считаю приличным заниматься указанием средств разорвать его в клочки». Оставалось занять позицию в стороне. Причины своего падения Игнатьев усматривал прежде всего в личностном факторе, в желании оппонентов «во что бы то ни стало угодить европейским кабинетам», в интригах и зависти по отношению к нему⁴. Не без этого, конечно. Но главное заключалось в ином: он с его непримиримостью оказался лишним человеком на пути к нелегкому компромиссу. В Турции популярность графа рухнула, послом в Константинополь назначили князя А.Б. Лобанова-Ростовского. Посыпать на Берлинский конгресс творца Сан-Стефano значило раздражать собравшихся там недругов. На том блистательная дипломатическая карьера Николая Павловича оборвалась. Автор недавно вышедшей в США его биографии Д. Маккензи замечает: «Создатель Сан-Стефano и Андраши были несовместимы»⁵. Николай Павлович тяжело переживал крах дела всей своей жизни, запросился в отставку (всего в 48 лет) и в письме Н.К. Гирсу с грустью иронизировал: пришло и его время заболеть.

Александру II и Горчакову оставалось постучаться в лондонскую дверь, хотя ничего хорошего от Альбиона они не ждали. Посол П.А. Шувалов чувствовал себя неуютно в прежде гостеприимной и радушной британской столице: «Королева воистину лишилась рассудка (...) Английской конституции недостаточно, чтобы пресечь влияние этой женщины, вбившей себе в голову мысль о войне с нами». Он испросил

(и получил) разрешение не являться на многие приемы, чтобы избежать колкостей и оскорбительных намеков⁶. Разнужданная антироссийская кампания в прессе не утихала. «Наша примирительные попытки терпят неудачу, — сигнализировал посол. — Воинственный дух все растет, британцы усматривают только две возможные альтернативы — либо война с Россией, либо унижение Англии. Избави нас Бог от того и другого». Помета царя: Да⁷. Печать по обыкновению подчеркивала высокие помыслы и благородные мотивы, которыми руководствовался кабинет, — дело вовсе не в Турции, затронуты «фундаментальные принципы современного общества, верховенство закона». До Шувалова с разных сторон доходили сведения, что одушевленное столь благородными идеями правительство ее величества размышляет о компенсации за оказываемую Высокой Порте поддержку. Граф Э. Дерби говорил П.А. Шувалову на прощальной перед отставкой аудиенции, что моральные принципы не разрешают ему участвовать в задуманной сделке, в приобретении базы для стоянки флота в Восточном Средиземноморье.

Шувалов изверился в возможности достичь договоренности с англичанами: «Если наш августейший повелитель решится пойти на уступки по Сан-Стефанскому договору, чтобы избежать новой войны, — советовал он Горчакову, — лучше обратиться прямо к Австро-Венгрии и изолировать Англию»⁸. Под посланием дата — 27 апреля (8 мая). Его автор отстал от событий, Игнатьев уже завершил свою печальную миссию, на Певческом мосту были поглощены одной заботой — как выбраться из тупика. Число возможных адресов сократилось до одного — Лондон.

Воистину справедлива поговорка «Кто ищет, тот обрящет». Шувалову в налаживании контактов с англичанами помогла одна особенность великокавказского общества: верхом на лошади британские министры были раскованнее и общительнее, нежели в офисе. Во время верховых прогулок в Гайд-парке джентльмены не ограничивались разговорами о погоде, и Шувалов уловил в суждениях собеседников, что они не прочь договориться по восточным делам. Ободряющие сигналы поступали и от нового министра иностранных дел маркиза Р. Солсбери, пожелавшего обменяться мнениями с глазу на глаз: «Мы искренне желаем мира, и если таково и ваше стремление, ничто не помешает нам прийти к решению». Но, «если начинать размышления вшестером, мы не разрешим наших разногласий». Шувалов отметил «поворот мыслей» у своего собеседника, тот призна-

вал, что господство султана в Юго-Восточной Европе подошло к концу, и игнорировать сложившиеся реалии Великобритания не в состоянии⁹. Как бы мимоходом Солсбери бросил многозначительную фразу: он «еще свободен» в принятии решений (20 апреля – 2 мая), намекнув на то, что участившиеся визиты австрийского посла Ф. Бейста в Форин оффис пока что ни к чему не привели. А в Вене воцарилась паника: как бы не остаться в стороне, мало ли на что способны британский лев и русский медведь!

И Дизраэли, и Солсбери посоветовали Шувалову съездить в Петербург с британскими предложениями, посол в России лорд Огастес Лофтус крупным дипломатом не считался, и его (по молчаливому согласию сторон) от переговоров отстранили.

Шувалов испросил и получил согласие на поездку. На совещании в Царском Селе требования англичан сочли обременительными, но все же приемлемыми, выбора все равно не было. В вагоне поезда по пути из Царского в столицу Милютин сказал Шувалову: «Мы не можем больше сражаться. Мы не можем ни по финансовым, ни по военным соображениям»¹⁰.

Инструкции, которыми снабдили посла, содержали своего рода самообман: британские предложения, утверждалось в них, не противоречат главной цели войны – обеспечить «безопасность и процветание христианского населения Балканского полуострова, гарантировав ему стабильные институты и хорошее управление», и это при том, что немалая его часть оставалась под властью Высокой Порты.

Сам Шувалов преувеличивал свои «успехи» в достижении договоренности с Солсбери. Он, видимо, решил, что начал его звездный час, пришла пора вписывать свое имя в скрижали истории. Он не сознавал, что роет могилу собственной карьере: «При всей скромности я могу сказать, что в это время я был единственным государственным человеком в России, могущим привести это дело к благополучному исходу как благодаря дружеским отношениям, существовавшим между князем Бисмарком и мною, так и благодаря тому доверию, которое мне оказывают в Лондоне и Вене». Он настойчиво просил разрешить ему подписать подготовленные с Солсбери меморандумы: «Прошу императора доверить это мне. Англичане начинают сознавать, что уступили нам слишком много...»¹¹.

Вопрос ребром поставил Бисмарк, заявив в беседе с российским послом П.П. Убри, что австрийские претензии

в отношении Болгарии «не стоят войны между европейскими государствами. Всего этого можно было бы избежнуть, если бы генерал граф Игнатьев, вместо того чтобы заключать блистательный мир, удовлетворился бы более скромным и полезным»¹². То же самое на разные лады твердили Шувалову его британские собеседники. А в Петербурге оба великих князя, Михаил и Николай Николаевичи, недавние главнокомандующие на Дунае и Кавказе, «заклинали» Шувалова «сделать все возможное, чтобы предупредить продолжение войны». Михаил заметил, что достаточно англичанам подбросить несколько полков в помощь туркам, — и Россия очутится в критическом положении. Впереди маячит поражение и, стало быть, решения болгарского вопроса в англо-австрийском варианте не избежать¹³. С моральной точки зрения, встревоженную совесть успокаивали мыслью, что раскол болгарских земель не выдержит испытания временем.

На всех европейских перекрестках пресса трезвонила, что в лице Болгарии самодержавие сооружает себе форпост. Чуждый иллюзий, светлейший князь сознавал беспрецедентность подобных утверждений, — родилось молодое, энергичное, самостоятельное и самолюбивое государство, с явной антипатией относящееся к прелестям царского режима. В памятной записке от 28 марта (9 апреля) Горчаков писал: княжество не будет поставлено под контроль России; сделано то же, что в 1829 г. было осуществлено в отношении Молдо-Валахии и что способствовало ее процветанию, и никакого преобладания или особого влияния России, от которого пострадало бы европейское равновесие, не произошло. И если «Молдо-Валахия, обязанная своим существованием России и соседняя с нею, сделалась от нее совершенно независимой, с тем большим основанием можно ожидать подобного же результата в отношении Болгарии, чья территория от России отделена...»¹⁴ Канцлер разделял симпатии общества к южным славянам и сознавал, что «страсти» воздействуют на внешнюю политику. Война 1877–1878 гг. о том свидетельствовала. Виднейший из западных балканистов, профессор Барбара Елавич писала о невозможности свести балканскую политику России к чисто рациональным факторам. Она пыталась заглянуть в тайники «русской души», чтобы объяснить, почему Россия была столь отзывчива к призывам балканских национальных лидеров и почему царские сановники были готовы пожертвовать интересами своей страны и пойти навстречу балканским просьбам о покровительстве¹⁵.

Ответа она не находила, фактора народного давления на правительство не учитывала.

В поисках ответа приходится обращаться к истокам христианства, к сознанию нависшей над православием угрозы со стороны «неверных». Горчаков сознавал исключительность, единичность той солидарности с балканскими народами, которая являлась константой в отношениях России с ними, не менявшей общую закономерность: внешняя политика строится на основе интересов, а не эмоций. Канцлеру и в голову не приходило рассчитывать на взаимную жертвенность «с той стороны». Он принимал во внимание, что каналов экономического, политического и идеологического влияния на «братьев-славян» у официальной России нет. Приходившие к власти в молодых государствах круги обращали взоры не на восток, а на запад. Не случайно, видимо, в своей записке он для сравнения приводил пример Румынии, быстро и радикально порвавшей быые узы с Россией.

Союз с сербами и румынами лежал в развалинах. В Белграде предавали анафеме Сан-Стефанский договор, похоронивший радужные надежды на присоединение Боснии и Герцеговины и скорое объединение сербов¹⁶. С Бухарестомссора шла по нарастающей. Разъехавшиеся по столицам румынские эмиссары привозили оттуда вести, воспринимавшиеся как ободряющие. Д.А. Стурдза вернулся из Будапешта «в восторге от рыцарского отношения мадьяр, их решимости идти вместе во имя интересов румын и сохранения Бессарабии»¹⁷. Правительство И. Брэтиану пустилось во все тяжкие. Поводов для ссор с Петербургом при тесном соприкосновении двух армий находилось сколько угодно, особенно по вопросу пребывания войск в Болгарии. Жару в румыно-руssкие разногласия добавляла статья 8 Сан-Стефанского договора, предусматривавшая сообщение с расположенной за Дунаем армией через Румынию, что вызывало протесты по поводу нарушения суверенитета страны и угрозы закрыть этот путь. Россия не могла допустить разрыва связей с оставшимися на Балканах дивизиями, Горчаков заявил: в таком случае «мы зайдем княжество своими войсками и разоружим румынские». Бухарест на эту угрозу ответил, по словам Н. Йорги, «с известной всему миру благородной гордостью: армию, боровшуюся под Плевной под очами императора и его императорского высочества великого князя, можно разбить, но никому и никогда не удастся ее разоружить». Нелишне отметить, что в донесениях консула Д. Стюарта эта гордая декларация не упоминается.

Создается впечатление, что князь Карл одним из первых забил тревогу, поведав Стюарту, «сколь он удручен» создавшейся ситуацией и «сколь он желает, чтобы на смену ей пришло сердечное согласие и тесная дружба между двумя странами»; но, добавил князь, при любом раскладе разоружения свое армии он не потерпит, и намекнул на отречение (сказав, что имеет готовое положение «дома», т.е. в Германии). Карл выдвинул явно химерический план: пусть Александр II, вернув России Южную Бессарабию и «стерев последние следы Парижского договора», затем передаст ее Румынии как «проявление собственного величия». У консула создалось впечатление, что его собеседник «желает мирного исхода». Характерна помета царя на телеграмме: *И я тоже*¹⁸.

Но страсти в Румынии продолжали бушевать. Из ведущих политиков один лишь Николае Крецулеску, бывший глава правительства, призывал к хладнокровию идержанности, выступив с брошюкой «Размышления о возвращении трех уездов Бессарабии». Он советовал соотечественникам «принять решение в спокойной обстановке, не приводя в волнение всю страну и не нанося оскорблений могущественному соседу»¹⁹. Его не слушали.

Российская сторона в долгу не оставалась. 16(28) марта 1878 г. официоз МИДа, «Journal de St. Petersburg» опубликовал чрезвычайно резкую по содержанию и тону редакционную статью. В 1856 г., говорилось в ней, Южная Бессарабия была отторгнута от России не по каким-либо историческим соображениям, а потому, что страну решили лишить выхода к Дунаю. Парижский мир нарушен всеми его участниками, и Россия не собирается стоять на страже его бренных останков. Румыния в 1877 г., вступая в войну, руководствовалась не благородным порывом прийти на помощь своим православным единоверцам, а сугубо эгоистическими соображениями: ей предстояло либо встать на сторону России и, «приняв крещение своей армии огнем в тени русской», завоевать независимость, либо превратиться в театр военных действий. Ее выбор «не являлся ни жертвой, ни актом преданности со стороны Румынии. Это был расчет, причем расчет справедливый...»

Южная Бессарабия в составе Румынии прозябала, будучи забыта если не Богом, то властями, и влачила жалкое существование, так что раздающиеся декларации, будто она является драгоценнейшим национальным достоянием по крайней мере неуместны. Румыния «вольна пренебречь значительным возмещением, предоставляемым ей в обмен на

ключек земли», которым она так дурно управляла, но ее прав на Южную Бессарабию Россия не признает²⁰.

Румынская дипломатия, обладая большим опытом игры на вечных противоречиях между державами, продолжала делать ставку на крупную ссору между ними. «В апреле и мае сложилась ужасающая ситуация, — писал Йорга. — Наши войска были отведены в Олтению (Западную Валахию. — В.В.), к горам, ее готовили к столкновению с недавним союзником. Мы полагали, что можем продолжать этот курс, веря, что Австрия и, разумеется, рядом с нею Англия не допустят унижения Румынии и даже утраты Бессарабии. (...) С точки зрения романтической, поэтической, моральной все то, что мы творили в 1878 г., вызывает восторг, — замечал Йорга, — но политики, приняв в сем участие, забыли, что являются политиками»²¹. Вот именно.

В апреле премьер-министр И. Брэтиану совершил блиц-визит в Вену и Берлин. Д. Андраши толкал его на дальнейшее сопротивление России, избегая брать на себя какие-либо обязательства. Император Франц Иосиф с ним ласково беседовал, но заметил под конец, что разыгравшиеся в Бухаресте страсти к добру не приведут. В Берлине эмиссара постигло разочарование, Бисмарк советовал ему не сопротивляться российским требованиям, а выторговать возможно больше в смысле территориальных приобретений. Но собственные настроения увлекали Брэтиану к продолжению конфликта. Он упустил из виду, что судьбы Румынии сами по себе никого не интересовали, что бессарабский вопрос оставался в тени англо-австро-российских разногласий, и не вокруг него, а вокруг образования Болгарского государства разгорелись основные споры и, по мере достижения договоренности по нему интерес к румынской диверсии падал.

* * *

18—19 (30—31) мая 1878 г. П.А. Шувалов подписал в Лондоне три кратких меморандума, намечавших основы мирного урегулирования. Затем произошло нечто чрезвычайно подозрительное: газета «Глоб» опубликовала их содержание. Источник утечки информации удалось обнаружить, им оказался некий Чарлз Марвин, подрабатывавший в Форин оффис перепиской бумаг. Предать его суду не удалось: в штате министерства он не состоял, клятвы о неразглашении государственной тайны не приносил и, стало быть, с точки зрения права, деликта не совершил. Да и вреда кабинету он не

нанес, Р. Солсбери с апломбом «опроверг» публикацию, объявив ее «абсолютно неаутентичной и не заслуживающей доверия». И теперь кабинету, по логике вещей, следовало от чего-то в достигнутой договоренности отказываться и какие-то требования добавлять, дабы не быть изобличенным во лжи, что Дизраэли и Солсбери и делали на Берлинском конгрессе. Весть об англо-российской договоренности повергла в смятение высокие австрийские сферы, Андраши, стремившийся обмануть всех, сам оказался обойденным. Прежний его страх — связать себя письменным обязательством — сменился еще большим опасением, как бы не очутиться у пустого корыта. Он поспешил заверить Лондон, что ничем не связан с Россией, «позабыв» про Будапештскую конвенцию 1877 г. На Даунинг-стрит австрийского посла приняли как раскаявшегося блудного сына, здесь не собирались сражаться в Берлине в одиночку, а лучшего партнера, чем Андраши, не появлялось. В жертву были принесены Босния и Герцеговина. В отношении Болгарии и возможно большего отстранения России от балканских дел стороны находились в совершенной гармонии²².

У Форин оффис оставалось еще одно дело, которое следовало завершить до конгресса в Берлине, — после долгих поисков кабинет избрал остров Кипр в качестве места для сооружения там базы флота ее величества.

Остров, к берегам которого, согласно легенде, из пены морской вышла Афродита, занимает выгоднейшее положение на подступах к Черноморским проливам, Месопотамии, Сирии и Египту. Оставалось уладить задуманное дело с Турцией. Посол Г. Лейрд, большой специалист по психологическому воздействию на османских сановников и султана Абдул Хамида, принял запугивать их русским жупелом и облазнять британской дружбой и покровительством, которые, разумеется, подлежали оплате. В данном случае Форин оффис не нанимал корыстных переписчиков-почасовиков, как то произошло с англо-российским меморандумом, аппарат министерства вообще ничего не ведал о переговорах с турками. Переписка велась через личного секретаря Роберта Солсбери, копии депеш после одобрения их кабинетом он самолично сжигал. Лейрду предписывалось «не давать передышки» пашам, не допускать с их стороны сомнений и колебаний. Распад Османской империи близок, вслед за европейскими владениями начнется отпадение азиатских. Турция должна признать, что нуждается в протекции единственной державы, которая берется предотвратить это бедст-

вие, то биши Великобритании. Иначе Лондон прекратит сопротивляться российским домогательствам, которые само собой подразумевались, и бросит султана на произвол судьбы. Лейрд все-таки усомнился в успехе нажима: «Турция еще недостаточно беспомощна», чтобы принять английский диктат. Он ошибался. Расчет строился на том, что удастся вырвать уступки у Абдул Хамида, который сидел затворником во дворце и боялся появляться даже в мечети. Неудачная попытка государственного переворота в двадцатых числах мая довела его до состояния пароксизма. Он потребовал, чтобы английский корабль дежурил перед окнами серала на случай его бегства, и даже обсуждал с Лейрдом вопрос о спасении семьи в случае собственной гибели²³.

30 мая последовал ультиматум об уступке Кипра. Солсбери играл наверняка: поражение турецкой армии вкупе с потерянностью правительства, говорилось в его депеше, породят у населения Сирии, Месопотамии и, возможно, даже Малой Азии веру в скорое падение Высокой Порты, и тогда наступит анархия. Сохранность азиатских владений может обеспечить лишь держава, «достаточно сильная для того, чтобы пресечь с помощью оружия притязания России на турецкие территории» (т.е. Англия). Но для сего благого дела необходимо согласие султана на два условия: предоставление британской армии и флоту стратегической позиции в Восточном Средиземноморье — «остров Кипр представляется со всех точек зрения наиболее удобным»; заверение падишаха о его намерении провести реформы. Второй пункт появился явно с целью произвести впечатление на публику.

На следующий же день поступило согласие султана на подписание документа, скромно названного «Конвенция об оборонительном союзе между Великобританией и Турцией»²⁴. Осуществление захвата острова представлялось маркизу следующим образом: как только Берлинский конгресс приступит к обсуждению вопроса о разграничении в Закавказье, связанном с территориальными потерями для Турции, сэр Стаффорт Норткот, канцлер казначейства, огласит в парламенте конвенцию как свидетельство того, что Джон Буль не оставляет гибнущую Османскую империю своими заботами. А адмирал лорд Джон Хей устремляется к берегам Кипра, и его корабли бросают якорь в гавани Фамагусты. Далее следовал пассаж, который дочь и биограф маркиза Гвендолен Сесил приписывает тонкому чувству юмора своего отца: французский министр иностранных дел В. Ваддингтон, пребывающий в Берлине, приходит в отчаяние и

шлет телеграмму в Тулон, настаивая на отправке флота к Кипру. Туда приплывают три корабля, но поздно, над островом развеивается Юнион Джек. Далее Солсбери описывал, как Гладстон выступает с четырехчасовой речью в парламенте, изобличая эгоизм Англии и восхваляя чистоту побуждений России²⁵.

Все произошло по сценарию, разве что с меньшим драматическим эффектом. 7 июля Солсбери передал своему парижскому коллеге Ваддингтону «дружеское» послание, в котором сетовал по поводу того, что Великобритания одна взвала на свои плечи трудную и неблагодарную задачу по защите турецких владений в Азии. Делать это, опираясь только на Мальту, невозможно, уверял Солсбери. Со всех сторон кабинету советовали «оккупировать Египет или по крайней мере берега Суэцкого канала». Однако, учитывая «замечательно сердечные отношения» с правительством Франции, Уайт-холл остался глух к этим призывам и ограничился занятием Кипра.

Реакция Парижа на эту акцию была нервной, произошел «взрыв» удивления и тревоги. Однако французские суда у Кипра не появились, международное положение страны, оставалось столь неустойчивым, что Ваддингтон не решился выступить с протестом против явного нарушения баланса сил в Восточном Средиземноморье в пользу Великобритании. В утешение коллеге Солсбери заверил его в отсутствии у правительства ее величества пополнений на Египет²⁶. А всего через четыре года английские войска, подавив восстание Араби паши, заняли Каир, и некоронованным владыкой на четверть века стал британский консул лорд Э. Кромер.

* * *

1(13) июня 1878 г. в Берлине открылся конгресс, продолжавшийся ровно месяц. Горчаков, возглавивший делегацию, собирался в Пруссию словно бы на похороны — «доигрывать партию в заранее проигранном положении». На конгрессе он столкнулся, по собственному выражению, со «злой волей почти всей Европы»²⁷. Воспоминания современников сохранили множество свидетельств о его дряхлости и немощи; разобраться, что в нихстина, а что сплетня, затруднительно, да и ни к чему. В работе конгресса он участвовал мало, постоянно недомогал, по рассеянности допускал оплошности. Так, однажды развернул перед британцами карту, составленную в Генеральном штабе, с обозначением

возможных территориальных уступок в Закавказье. Третий российский делегат, П.П. Убри, отличался разве что безли-костью. Основная тяжесть трудов выпала на долю второго уполномоченного, П.А. Шувалова. Западная историография высоко оценивает его полемический дар, находчивость и цепкость в дискуссиях. Клеймо бывшего шефа жандармов, на мой взгляд, мешает отечественным историкам дать взвешенную оценку его усилиям на конгрессе. Английскую делегацию возглавил сам премьер-министр Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд. Британские авторы и поныне венчают его лавровыми ветвями, именуя «львом» конгресса. По возвращении домой его ожидал триумфальный прием и престижный орден Подвязки. Маркиз Р. Солсбери, второй британский уполномоченный, бросая взгляд «изнутри», оценивал заслуги премьера скромнее. Он писал жене о своем шефе: «В дополнение к глухоте и незнанию французского языка, да еще при особенностях речи Бисмарка, Биконсфилд имеет самое туманное представление, что же происходит, понимает все шиворот-навыворот, и ему повсюду мерещатся заговоры». Здесь едва ли не каждое слово нуждается в разъяснении. Назначение Дизраэли главой делегации вызвало переполох среди профессиональных дипломатов. Университета «Диззи» не кончал, единственным тогда языком международных переговоров — французским — владел, как бы мы сейчас сказали, на бытовом уровне. Окружение премьера встревожилось: что подумают участники конгресса, услышав как представитель могущественной Британии изъясняется на «языке бакалейщика». В гостиницу к Дизраэли явился посол лорд Одо Рассел, принявшийся толковать главе правительства, что собравшиеся жаждут услышать речь прославленного оратора на его родном английском языке. Дизраэли дал себя убедить, и впервые на высоком международном форуме прозвучал английский язык.

Компетентность Дизраэли в обсуждаемых вопросах вызывала у его коллег сильное сомнение. Во всяком случае, когда Солсбери информировали, что «два престарелых джентльмена» (Горчаков и Дизраэли) вздумали самолично решать вопрос о русско-турецком разграничении в Закавказье, он с каким-то испугом молвил: «Но лорд Биконсфилд не может вести переговоры, он в жизни своей не видел карты Малой Азии»²⁸.

Заслуживает пояснения и замечание Солсбери о германском канцлере. Бисмарк при высоком росте и массивной комплекции обладал тонким голосом. Вдобавок он боялся

зубных врачей, не прибегал к их помощи, к старости сохранил лишь остатки зубов и в разговоре отчаянно шепелявил. Однако ж это не помешало Бисмарку быть ключевой фигурой на конгрессе.

Последние надежды на то, что Бисмарк отплатит благодарностью за ту роль, которую Александр II сыграл при объединении Германии, рассеялись. Он свел свое «участие» к тому, что, поставив вопрос на обсуждение, оставлял Шувалова на растерзание маркиза Р. Солсбери и графа Д. Андраши, и тому приходилось «отбиваться» от наседавших оппонентов, о чем он позднее вспоминал как о наиболее мучительных часах своей жизни²⁹. Все решалось в рамках трио – представители Франции и Италии вели себя смирно.

Впоследствии гнев российской общественности обрушился не на открытых противников, а на «коварного друга», Бисмарка. Но, рассуждая без страсти и сантиментов, почвы для надежд на его поддержку, а значит, и последующего горького разочарования не существовало. «Железный канцлер» действовал в соответствии с логикой империализма: надлежало нанести еще один удар по Франции и утвердить преобладание рейха на континенте. Ни того, ни другого Россия не допустила бы без ожесточенного сопротивления. В 1875 г. усилиями Александра II и Горчакова удалось унять спровоцированную немцами военную тревогу. Россия представлялась Бисмарку ненадежным другом. На роль младшего партнера самодержавие не годилось, более того, такой персонаж требовался рейху именно для противодействия России – на случай наступления желанного момента для расправы с Францией. А добровольно на это амплуа записывалась Австро-Венгерская монархия. Смена руководства у руля внешней политики в 1871 г. означала и смену курса: Франц Бейст еще не расстался с реваншистскими по отношению к Пруссии замыслами, Дьюла Андраши представлял мадьярскую магнатскую группировку, горой стоявшую за сотрудничество с Германией, согласной на должность субальтерна при ней, в частности для борьбы со славянским движением. Бисмарк на всех парах шел к союзу с Веной. До подписания формального акта оставался лишь год. Но австро-венгерские услуги следовало оплачивать, поддерживая планы и шаги Австро-Венгерской монархии на Балканах, что Бисмарк и делал, не мешая им.

Итальянцы и французы на конгрессе держались осторожно, первые – по причине еще скромной роли в «европейском концерте», вторые еще не оправились от разгрома

Границы Болгарии, Сербии и Черногория, наимеченные Сан-Стефанским договором (3. III. 1878 г.)

Границы государств согласно решению Берлинского конгресса (13.VI.-13.VII. 1878 г.)

Границы Восточной Румелии (с 1878 г. автономной провинции Османской империи)

Территории, возвращенные к эпохе восшествия в состав России

Территории, отошедшие

к Румынии к Сербии к Черногории

Территории, оккупированные Австро-Венгрией

Территории, отошедшие к Греции в 1881 г.

Балканские государства после Берлинского конгресса
Карта мирного урегулирования 1878 г.

1871 г. и пуще огня боялись нового катаклизма, в ходе которого могли стать вновь жертвой прусского меча.

Турки в Берлине ничем себя не проявили, они «смирно скрывались под британским крылом»³⁰, благо, имели влиятельных и искусных ходатаев. Глава делегации, образованный грек Карапеодори паша лишь изредка подавал голос. Второго уполномоченного, Мехмеда-Али пашу, родом немца и дезертира прусской армии Карла Детройта, Бисмарк открыто третировал. Третий делегат, Садуллах бей, слыл горьким пьяницей. «Отличились» они на конгрессе, иронизировал Б. Самнер, лишь роскошным банкетом, данным в посольстве. Приглашенным особенно понравился плов, некоторые попросили дополнительную порцию. Так что подготовка решений оставалась уделом тройки, в которой Шувалов пребывал в безнадежном одиночестве при «отстраненности» Бисмарка, шедшей на пользу его, Шувалова, оппонентам.

1(13) июля 1878 г. уполномоченные семи держав подписали на конгрессе Берлинский трактат, который провозгласил независимость трех княжеств — Румынского, Сербского и Черногорского — и утвердил их территориальное расширение. Болгария, напротив, была значительно урезана по сравнению с намеченными в Сан-Стефано пределами и не получила выхода к Эгейскому морю. Единую страну разделили по линии Балканского хребта. Лишь северная ее часть, к которой, в немалой степени усилиями Горчакова, присоединили районы Варны и Софии в Забалканье, превратилась в автономное княжество с широкими правами; южная часть под названием Восточная Румелия обрела лишь местное самоуправление во главе с губернатором-христианином. Боснию и Герцеговину передали под бессрочную австро-венгерскую оккупацию. Южная Бессарабия возвращалась России. Поскольку она входила в состав Румынии, последнюю наградили более населенной и экономически более перспективной Северной Dobруджей. Бухарестское правительство, поддержанное общественностью, хотело и Бессарабию сохранить, и Dobруджу получить, и у него возник резкий конфликт с самодержавием³¹. На Кавказе к России отошли Карс, Ардаган и порт Батум. Вокруг последнего приобретения разгорелись ожесточенные споры. Батум не был занят российскими войсками, а в случаях, когда не существует казуса ути посидетис (чем владеешь), переход земли к победителю связан обычно с осложнениями. Оппонентам очень не хотелось предоставлять России его великолепную естественную гавань, идеальное место для сооружения военно-

морской базы, обеспечивающей стратегическое прикрытие Кавказа. Правда, Солсбери «уступил» Батум по подписаным в Лондоне меморандумам, но в кабинете раздавались голоса протesta против этой якобы слишком большой уступки, которые глава Форин оффис считал «экстравагантной и бессмысленной болтовней», но с которыми должен был считаться. Дело удалось уладить в личном общении Горчакова с Дизраэли, предоставив Батуму статус свободного порта.

Узнав результаты мирного урегулирования, Россия погрузилась в душевный траур. На общественность угнетающее действовали учиненная над Болгарией расправа и оккупация Боснии и Герцеговины зловредными «австрийками». Козлами отпущения стали дипломаты, к несчастью для себя представлявшие страну на конгрессе. Родилась легенда, будто их нерадивость позволила похитить лавры победы у доблестной армии. Ее крестным отцом был видный славянофил Иван Сергеевич Аксаков, произнесший громовую речь перед московскими соратниками: «Не собрались ли мы хоронить великое, святое дело, хоронить русскую славу, русскую совесть...» Западные державы «ссыпают с России победный венец» и преподносят взамен «шутовскую с гремушками шапку», — витийствовал оратор. «Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия»³².

Горчаков тяжело переживал неудачу. «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере», — с грустью писал он царю. *И в моей тоже*, сделал помету Александр II³³. По сравнению со Сан-Стефанским договором учиненный в Берлине акт выглядел недостаточным и жалким, так с сияющей вершиной что-то видится в глубине пропасти. Но оправдано ли подобное сопоставление? Действительно, подписанный Н.П. Игнатьевым документ олицетворял «программу-максимум русской политики на Балканах на тот период», — пишут А.Г. Задохин и А.Ю. Низовский. И тут же добавляют: «реализовать полностью эту программу Россия не надеялась и не могла», подразумевается — по причине несговорчивости держав³⁴.

Традиционно анализ в отечественной историографии ограничивается столкновением интересов «великих». Но существовала ведь и балканская панорама, поэтому следует рассмотреть Сан-Стефанский договор на ее фоне. Упоминание о нем содержится в недавно вышедших «Очерках истории Министерства иностранных дел России», но именно упоминание: Сан-Стефано «был прохладно встречен в Сер-

бии, претендовавшей на большее расширение территории, и в Румынии»³⁵. Мне эта формула представляется слишком мягкой и не соответствующей сложившейся обстановке. Реакция в указанных странах, а также в Греции была не «прохладной», а очень даже бурной — в смысле протesta. В Берлин приехали представители всех балканских стран и краев, за исключением болгар. Они сочли, что карта полуострова перекроена в пользу Болгарии. Российская дипломатия оказалась без вины виноватой, знания о расселении этносов в регионе оставались еще нечеткими. Игнатьев придерживался в основном рубежей, намеченных для Болгарского экзархата султанским ферманом 1871 г. и договоренностью, достигнутой на Константинопольской конференции 1876 г. Из 45 епархий, входивших в экзархат, 15 имели этнически смешанное население. Не нам определять «правильные границы», это занятие неблагодарное и трудно выполнимое ввиду чересполосицы в расселении народов. Но важно отметить, что представители сербов и греков, не говоря уже о румынах и албанцах, считали намеченное в Сан-Стефано разграничение несправедливым и для себя неприемлемым.

Балканцев никто в Берлин не приглашал, и библейское выражение «глас вопиющего в пустыне» вполне подходит к эффекту их пребывания в прусской столице. Они встретили здесь высокомерие и чванство. Бисмарк не скрывал, что, с его точки зрения, балканские народы стоят вне европейской цивилизации и заниматься их судьбой стоит лишь в плане отношений между державами; конгресс собрался не ради них, а чтобы обеспечить мир на континенте. Дизраэли высказывался в том же духе: «Нет слов, чтобы описать обстановку на значительной части Балканского полуострова, занятой Румынией, Сербией, Боснией, Герцеговиной и другими провинциями. Здесь царят политические интриги, непрекращающееся соперничество партий, расовая ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, отсутствие верховной власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок»³⁶. Р. Солсбери досадовал в письме к жене: «Жара здесь невероятная, место отвратительное. В Потсдаме — комары, здесь — малые страны. Не знаю, что хуже». За исключением России, констатировал Б. Самнер, «державы не проявили ни малейшего сочувствия стремлению балканских народов строить новую жизнь. Представлялось, что турки, хоть и побитые, все еще способны в будущем сопротивляться русским, и британское правительство было преис-

полнено решимости бороться с панславизмом, опираясь на Константинополь»³⁷.

Меморандум, привезенный делегатами боснийских повстанцев В. Видовичем и М. Деспотовичем, не обсуждая, сдали в архив. Россия от них отвернулась, а больше защищать их было некому. Дизраэли на конгрессе, и позже в парламенте воздавал хвалу австрийцам, взявшим на себя заботу о «процветании провинции». Австро-Венгрия, заверял премьер, не покинет Боснию и Герцовину, «пока не заложит здесь прочных основ спокойствия»³⁸. А повстанцы поворачивали оружие против новых оккупантов.

Сербы были обижены Сан-Стефанским актом, поставившим крест на их расчетах на присоединение Боснии и Герцеговины, «славянской Эльзас-Лотарингии», к княжеству. Учитывая это, Вена стремилась привязать князя Милана к Габсбургской монархии земельными приращениями (конгресс утвердил за ним округа Нишский, Пиротский, Враньский, Топлицкий) – в значительной степени за счет территорий, предназначавшихся «Большой Болгарии», с явной целью посеять рознь между двумя странами, что и удалось. Но обида в Белграде не проходила, влиятельные круги полагали, что место старого, традиционного, можно сказать, привычного врача, Высокой Порты, занял новый, более сильный и искушенный – Австро-Венгрия. Решения конгресса породили раскол в сербском обществе. Милан Обренович, ориентируясь на сильного и заботясь об интересах династии, мечтая о королевском титуле, отдался под покровительство Вены, обязавшись согласовать с ней свои внешнеполитические шаги.

Иначе расценивали ситуацию радикальные круги во главе с молодым и талантливым Николой Пашичем, они не хотели мириться с подчинением Вене и отказываться от объединения сербских земель: «Большая часть общества рассматривала сближение с Австро-Венгрией, оккупировавшей сербские земли за Дриной, как предательство национальных интересов». Российская дипломатия расплачивалась за совершенный в 1877 г. грех, за подписание Будапештской конвенции. Тем самым Сербия «недвусмысленно толкалась (...) под покровительство Австрии». Баланс интересов в регионе не был достигнут, «подобная ассиметричность России в подходе к Болгарии и Сербии привела к столкновению сербской и болгарской национальных идей в македонском вопросе»³⁹.

Албанцам, пожаловавшимся Бисмарку на то, что в «Сан-Стефанскую Болгарию» включены их земли, тот ответил, что не знает албанской национальности.

В Греции передача части македонских земель «Большой Болгарии» вызвала бурю протестов. Посланник П.А. Сабуров докладывал о «демонстрации неистовой злобы», общество пришло в состояние «массового психоза». В Македонии происходили стычки между отрядами славян и греков, и заводилами выступали последние. Глава афинского правительства Т. Делиянис приехал в Берлин хлопотать о присоединении к королевству острова Крит, Эпира и Фессалии. В более отдаленном будущем претензии простирались на значительную часть Македонии. «Хотя на конгрессе в Берлине голос Греческого королевства звучал шепотом, — замечает Э. Кофос, — западная, и в первую очередь британская, дипломатия использовала "греческую карту" для восстановления в Македонии и Фракии турецкого правления»⁴⁰. Так были заложены основы болгаро-сербо-греческого спора за обладание Македонией.

Вся эта хлопотливая деятельность разворачивалась в кулуарах конгресса, министерских и посольских особняках и гостиницах. В зал заседаний удалось прорваться только румынам. 1 июля Иону Брэтиану выступил со своим экспозе, доказывая трагические для Румынии последствия в случае отторжения от нее Южной Бессарабии: «Лишение нас части нашего национального достояния породит у румынского народа не только скорбь. Это разрушит у него всякое доверие к действенности договоров и к соблюдению как справедливости, так и письменного права, подвергнет испытанию его веру в будущее, парализует его мирное развитие и порыв к прогрессу»⁴¹. Каменные сердца делегатов не дрогнули — в услугах Румынии перестали нуждаться. Собравшиеся мирно дремали под журчание голоса оратора. Б. Самнер высказывает предположение, имеющее, на мой взгляд, право на существование: доведенные Брэтиану до сведения делегатов пожелания предназначались для внутреннего потребления. И он, и М. Когэлничану осознали, что иллюзии, ими питаемые, «оказались фатально-ошибочными», а выражения симпатий — платоническими и по сути дела стерильными. Но, по всем канонам парламентской игры перед общественностью, следовало «бороться до конца», что Брэтиану и сделал. Вернувшись в Бухарест, он заявил консулу Д. Стюарту: «Румыния имела процесс с вами, проиграла его, протягивает руку, надеясь на великодушие»⁴².

Сие не означало примирения. Стоило возникнуть союзу Германии и Австро-Венгрии, как Брэтиану запросился в него и, разумеется, не с целью возвращения крошечной Юж-

ной Бессарабии, а с замыслами амбициозными, встревожившими Бисмарка и побудившими его держать ухо востро, да бы не очутиться в войне с Россией из-за «румынских реваншистско-завоевательных вожделений, простирающихся до Днестра и далее».

Позиции России на Балканах после победоносной войны не укрепились, а ослабели (как то и предвидел Горчаков) по множеству причин. Не только противоречия с державами, но и возросшая самостоятельность молодых национальных государств и их нежелание находиться в тесных отношениях с самодержавием были тому виной: «Ни один балканский режим, ни один политик, познакомившийся с современным образом жизни, не восторгался российской политической моделью (...) и не относился с уважением и благодарностью к ее представителям»⁴³. Эта констатация Б. Елавич в основе своей верна.

* * *

Отечественная историография традиционно рассматривает акт Берлинского конгресса в связке со Сан-Стефанским договором, вольно или невольно подчеркивая тем самым масштабы понесенного российской дипломатией поражения, а иногда и глубину ее падения. На мой взгляд, однако, неверно представлять творение Н.П. Игнатьева неким эталоном успеха, ибо Сан-Стефанский договор не имел шансов на претворение в жизнь не только ввиду противодействия держав, но и из-за отвержения его большинством балканских государств.

Н.С. Киняпина прибегла к следующей формулировке: «При бесспорных преимуществах перед Берлинским трактатом условия Сан-Стефano опережали события»⁴⁴. Но прошло 125 лет, — и ни разу не сложилось обстановки, допускавшей повторения Сан-Стефano. В Берлине в 1878 г. каждое из балканских правительств через своих представителей тянуло одеяло на себя, и продолжало этим заниматься в последующие десятилетия. Национальная идея каждым обыгрывалась в свою пользу, отсюда необыкновенная трудность достижения согласия между ними. Сан-Стефанский договор никак нельзя считать удачным примером слаживания противоречий между ними и поиска компромиссных решений. Скорее наоборот. Более или менее длительный и прочный мир в регионе мыслим лишь при учете баланса интересов, а подписанный Игнатьевым документ означал дисба-

ланс, произведенный в пользу одной страны. Если бы (большое «бы») договор был реализован, то вероятнее всего, превратился бы в мину замедленного действия, подведенную под стабильность в регионе.

Решения Берлинского конгресса поэтому целесообразнее сопоставлять не со Сан-Стефанским трактатом, а с предвоенной ситуацией в регионе и с первоначальными наметками мира, сделанными Горчаковым. И тогда перед взором предстанет впечатляющая картина.

Османское владычество на большей части Балканского полуострова пало, Высокая Порта потерпела поражение, от которого уже не смогла оправиться. Американский историк турецкого происхождения Кемал Карпат подразделяет историю своей родины на два этапа — имперский и национально-турецкий, считая водоразделом между ними 1878 год: «Оттоманско-русская война 1877 – 1878 гг. и последовавшие за ней Сан-Стефанский и Берлинский договоры нанесли смертельный удар по традиционному Отоманскому государству и открыли дорогу для развития турок как национальной группы со своим политическим лицом»⁴⁵. Доктрина статус-кво — целости владений и сохранности власти падишаха, которая почти целый век сковывала христианские народы и мешала их развитию, испустила дух. Изменился государственный статус Румынии, Сербии и Черногории, произошло международное признание их независимости (а летом 1877 г. Горчаков помышлял лишь об автономии двух из них). Они стали обладателями полного набора суверенных прав, превратились в субъектов международного права. После 500 лет небытия возродилась государственность болгарского народа. Учиненное в прусской столице противоестественное разделение болгарских земель не выдержало испытания временем и рухнуло через семь лет. Российская дипломатия считала образование Восточной Румелии акцией не только временной, а краткосрочной. Товарищ министра Н.К. Гирс инструктировал посла в Стамбуле князя А.Б. Лобанова-Ростовского: «Консулы не должны упускать из виду, что конечной целью нашей политики является объединение этой провинции с Болгарским княжеством». Д.А. Милутин выражал уверенность в том, что «образуемая на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для объединения всего болгарского народа»⁴⁶; а генерал Э.И. Тотлебен позаботился о создании материальных условий для слияния «двух Болгарий», оставив в княжестве после ухода

да из него российских войск целый арсенал оружия и даже конский состав для кавалерии.

История совершила свой суд, она отделила в берлинских решениях зерна прогресса от реакционных плевел. Прочным, жизненным оказалось то, за что сражались народы. Жертвы, принесенные на алтарь освобождения российской армией, солдатами Румынии, Сербии и Черногории, ратниками болгарского ополчения, не пропали даром. Расчленение Болгарии продолжалось всего семь лет, его смело восстание. О другом злом деле Берлинского конгресса — оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками — человечество вспомнило в июне 1914 г., когда в Сараеве прогремели выстрелы Гаврилы Принципа, оборвавшие жизни эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги и явившиеся поводом для развязывания Первой мировой войны.

1878 год — переломная дата в жизни народов Юго-Восточной Европы. Рухнул душивший их развитие принцип статус-кво — неприкосновенности власти и владений Османской империи. Началось самостоятельное развитие их молодых государств. А естественным эпилогом этого этапа их истории стала первая балканская война 1912 г., когда объединенные силы Болгарии, Сербии, Греции и Черногории наголову разгромили войска некогда грозной Османской империи. Нет нужды закрывать глаза и на мрачные страницы балканской летописи, забывать о территориальных претензиях правителей отдельных стран друг к другу, их борьбу за место под солнцем, поиски покровителей для осуществления великодержавных планов — все то, что способствовало превращению региона в «пороховой погреб Европы».

Россия стерла последние следы крымского поражения, ее армия прославилась в боях, ее позиции на Кавказе укрепились. Великая война 1877—1878 гг. — судьбоносный рубеж в летописях Балкан, веха в жизни России, Турции и Европы в целом. Умалять ее значение, а тем более «вычеркивать» ее из истории нет смысла, согласиться с мнением В.А. Лопатникова — «трагедия была в том, что эта война вообще состоялась», — невозможно.

В заключение приведу слова «великого старца» британской политики Уильяма Юарта Гладстона, произнесенные в парламенте в разгар Восточного кризиса 1875—1878 гг.: «Вне всякого сомнения, Россия защищает славян (...) Она оказала им услуги, столь величественные и основательные, какие когда-либо великкая держава оказывала угнетенному народу»⁴⁷. Остается лишь присоединиться к этому высказы-

ванию. Больше Россия сделать не могла, не рискуя вступить в бесконечную и безнадежную войну и утратить статус великой державы.

* * *

Ропот недовольства российской общественности продолжался несколько лет. Славянофильская и консервативная печать, не обращая внимания на людские потери и финансовое истощение страны, строила планы относительно того, как выйти из унизительного положения и установить контроль над Черноморскими проливами. Особо рьяные разделители не исключали войну⁴⁸. Философ К.Н. Леонтьев мечтал о создании некоего Восточноправославного союза с центром в Царьграде, как он на древнерусский манер именовал Константинополь⁴⁹. В ответ раздавались одинокие либеральные голоса. Один из авторов «Вестника Европы» в августовском номере 1878 г. доказывал, что Берлинский трактат не следует считать поражением России; достигнуто многое, объединение Северной и Южной Болгарии не за горами, а некоторые статьи Сан-Стефанского мира нужно отменить по причине их полной нереальности⁵⁰. Наиболее аргументированно подобную точку зрения выразил публицист, учёный и общественный деятель Б.Н. Чичерин в меморандуме «Берлинский конгресс перед русским общественным мнением», долгое время остававшимся неизвестным. В 1964 г. академик С.Д. Сказкин посвятил меморандуму статью, не назвав имени его автора (позже это сделали Н.С. Киянина и В.М. Хевролина)⁵¹. Сергей Данилович обнаружил экземпляр записки в конверте найденном в бумагах императрицы Марии Александровны после ее смерти и возвращенном в Министерство иностранных дел; это дало академику основание предположить, что А.М. Горчаков представил ранее записку царице как частный документ, отражавший и его мнение. Не менее важно то обстоятельство, что с меморандумом знакомился Александр II — на полях сохранились его пометы, выражавшие согласие с высказанными мыслями.

Чичерин отмечал, что общественность с уникальным единодушием выступила в защиту «турецких христиан»: «Одни видели в этом деле религию, другие — свободу, трети — славу отечества. Но мало кто видел в нем политику». Далее следовал главный тезис: «Ни один здравомыслящий русский не думает о завоевании и о присоединении к себе Константинополя. Такое решение было бы не усилением, а

ослаблением России. Центр тяжести перенесся бы с севера на юг, в нерусские земли. Если Россия должна оставаться Россией, она не может сойти со своего места и стать у Средиземноморья» (здесь — помета царя: *Совершенно справедливо*)⁵². Отвечал мыслям и опасениям Горчакова и следующий пассаж: не время еще окончательно разрушать Османскую империю, при этом возникнут «бесчисленные затруднения от незрелых и сталкивающихся друг с другом освобожденных народов, к чему соединилось бы неизбежное соперничество европейских держав». Вырисовывалась перспектива превращения Балкан в «пороховой погреб» Европы. Потому, полагал Чicherin, не следует дергаться и торопиться, лучше подождать, пока «дряхлое тело» Турции не развалится само собою⁵³.

Взглядам прагматика Горчакова отвечало и замечание автора о прелиминарном мире: «Сан-Стефанский договор совершенно приходился по вкусу тем воинственным мечтателям, которые с самого начала проповедовали поход против Турции во имя филантропии, либерализма и призыва России, но тут-то и оказалось, что эти газетные ярлычки служат плохими руководителями в политике». Чicherin «пролил бальзам» на душевые раны старого канцлера: «Государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на бесспорную благодарность всякого русского человека»⁵⁴.

Одинокий голос поддержки — слабое утешение. Скорбь и боль не проходили. Нет, Александра Михайловича не удалили в отставку, он продолжал занимать свой пост до 1882 г. Но именно занимать, ибо делами ведал Николай Карлович Гирс.

¹ После Сан-СтефANO: Записки графа Н.П. Игнатьева. Пг., 1916. С. 11, 37, 38.

² Там же. С. 20.

³ MacKenzie D. Count N.P. Ignat'ev — the Father of Lies? N.Y. etc. 2002. Р. 576—578.

⁴ После Сан-СтефANO. С. 66, 73.

⁵ MacKenzie D. Op. cit. Р. 562, 591.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. Канцелярия. 1878. Д. 80. Л. 392—398.

⁷ Там же. Л. 582, 592.

⁸ Daily Telegraph. 1878. Mar. 11.

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 80. Л. 40, 709, 715, 716.

¹⁰ Там же. Д. 81. Л. 148, 597; П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 года // Красный архив. 1933. № 4. С. 99, 101.

- ¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 81. Л. 166.
- ¹² После Сан-Стефano. С. 63.
- ¹³ Красный архив. 1933. № 4. С. 94 – 97.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 58. Л. 285.
- ¹⁵ Jelavich B. Tsarist Russia and the Balkan National Movement // Culture and Nationalism in the 19-th Century Eastern Europe. Columbia (Ohio), 1985. Р. 56.
- ¹⁶ Искендеров П.А. Сербия при Обреновичах // В «пороховом портре Европы». М., 2003.
- ¹⁷ Iorga N. Politica externa a regelui Carol. Buc., 1991. Р. 295.
- ¹⁸ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. С. 129 – 132.
- ¹⁹ Kretzulesco N. Réflexion sur la retrocession des trois districts de la Bessarabie. Buc., 1878. Р. 11 – 12.
- ²⁰ Journal de St. Petersbourg. 1878. Mar. 16(28); Iorga N. Op. cit. P. 204, 279.
- ²¹ Iorga N. Op. cit. P. 296 – 297; Indépendenta Romaniei: Documente. Buc., 1977. Vol. 4. Р. 30.
- ²² Подробнее см.: Виноградов В.Н. Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история. 1980. № 1; Англо-австрийскую конвенцию от 6 июня 1878 г. см.: Cecil Gw. Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1920. Vol. 2. Р. 263.
- ²³ Seton-Watson R.W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1935. Р. 427; подробнее см.: Шпаро О.Б. Захват Кипра Англией. М., 1974.
- ²⁴ Turkey N 34: Correspondence Respecting the Convention between Great Britain and Turkey. L., 1878. Р. 1 – 3.
- ²⁵ Cecil Gw. Op. cit. P. 276.
- ²⁶ Turkey N 48: Further Correspondence Respecting the Affairs of Turkey. L., 1878. Р. 1 – 2, 3, 6.
- ²⁷ Лопатников В.А. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. СПб., 2002. С. 268; Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 362.
- ²⁸ Seton-Watson R.W. Op. cit. P. 437, 454.
- ²⁹ Красный архив. 1933. № 4. С. 103.
- ³⁰ Sumner B.H. Russia and the Balkans. Oxford, 1937. Р. 500, 510.
- ³¹ Берлинский трактат см.: Андреев А.Р. Последний канцлер Российской империи А.М. Горчаков. М., 1999. Примеч.; о российско-румынском конфликте см: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1996.
- ³² Аксаков И.С. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878. С. 6, 8, 20.
- ³³ Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. М., 1984. С. 116.
- ³⁴ Задохин А.Г., Низовский А.Н. Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 77.
- ³⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1. С. 386; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 58. Л. 285.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Л. 439: Sumner B.H. Op. cit. Р. 515, 519.
- ³⁷ Sumner B.H. Op. cit. Р. 506, 553.

³⁸ Ibid. Р. 530; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Л. 432.

³⁹ Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. М., 1998. С. 147 – 149.

⁴⁰ Balkan Studies. Thessaloniki, 1980. N 21(1). Р. 46; Ямбаев М.Л. Македония в 1878 – 1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». С. 300; о позиции балканских стран см.: Виноградов В.Н. Южные славяне: от статуса турецкой райи к возрождению государственности // Славяноведение. 2004. № 5. С. 10 – 12.

⁴¹ Independenta Romaniei. Бuc., 1978. Vol. 4. P. 356.

⁴² Ibid. P. 352; Sumner B.H. Op. cit. P. 537; Бессарабия на перекрестке... С. 167.

⁴³ Ерусалимский А.С. Бисмарк: Дипломатия и милитаризм. М., 1968. С. 203; Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements. Cambridge (USA), 1991. P. 268 – 270.

⁴⁴ Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины девятнадцатого века. М., 1974. С. 189.

⁴⁵ South-Eastern Europe (Arizona State University). 1978. Vol. 5. N 1. Р. 2.

⁴⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 215; Дневник Д.А. Милютина. М., 1950. Т. 3. С. 69 – 70.

⁴⁷ Новая и новейшая история. 1978. № 2. С. 113; Лопатников В.А. Время и служение канцлера Горчакова. М., 2004. С. 319; Parliamentary Debates. 3-rd ser. Vol. 237. P. 1367.

⁴⁸ Подробнее см.: Хевролина В.М. Власть и общество 1878 – 1914. М., 1999.

⁴⁹ Там же. С. 183 – 185.

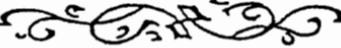
⁵⁰ Цит. по: Там же. С. 214.

⁵¹ Там же. С. 189; Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 215.

⁵² Сказкин С.Д. Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его канцлерства // Международные отношения: Политика. Дипломатия в 16 – 20 вв. М., 1964. С. 414, 418, 419.

⁵³ Там же. С. 410 – 420.

⁵⁴ Там же. С. 420, 422.

Наследие светлейшего князя

В России духоподъемная атмосфера военных лет сменилась горьким разочарованием, своего рода общественным похмельем. Недовольны были все. Самодержавие исчерпало отпущеный ему историей лимит реформ. Среди крестьян, не удовлетворенных полученными наделами, бродили слухи о новом земельном переделе. На промышленных предприятиях прошли первые стачки. Дворянство с трудом приспособливалось к предпринимательской эпохе, многие некогда славные роды разорялись, не говоря уже о мелкопоместных, и раньше с трудом державшихся на плаву, — им ли было приобщаться к деловой жизни! Значительная часть интеллигенции была настроена по традиции оппозиционно, а то и враждебно к царизму. Студенты своевольничали и бунтовали, требуя автономии университетов. Революционное движение находилось на переломе, предпринятое землевольцами «движение в народ» потерпело неудачу. Деревня, предмет их идеальных забот, отнеслась равнодушно к агитации, и в августе 1879 г. «Земля и воля» раскололась, из ее среды выделилась группа отчаянных и обреченно-решительных, воображавших, что цареубийство подвигнет народ на всеобщее восстание. Родилась «Народная воля», ее исполнком объявил царя-освободителя «символом деспотизма, лицемерного, трусливо-кровожадного и всерастлевающего», и приговорил к смерти¹. Революционная энергия устремилась в террористическое русло. Всего несколько десятков людей наводили ужас на властей предержащих. Жандармерия слыла опытной и проницательной, еще М.Ю. Лермонтов писал о «всевидящем оке и всеслышащих ушах» «голубых мундиров». А на рубеже 70—80-х годов они допускали немало промахов. Значительная часть общественности их ненавидела и шарахалась от слова «донос»; даже Федор Михайлович Дос-

тоевский, изобличавший «нигилистов» в романе «Бесы», прзинавался, что на подобное, на донос, не способен.

В обстановке всегда отличавшей россиян беспечности случались прямо-таки неправдоподобные «казусы». 28 февраля 1881 г., накануне цареубийства, в «сырную лавку» на Малой Садовой нагрянула комиссия, якобы санитарная, но во главе с генералом (!) Мравинским, и не заметила прорытого из нее хода под проезжую часть улицы для закладки динамита².

Еще раньше приговор над Александром II взялся исполнить Степан Халтурин. Будучи прекрасным краснодеревщиком, он устроился на работу в Зимний дворец под фамилией Батышков. Небезынтересны детали подготовки покушения. Халтурин свел знакомство с дежурившим у входа полицейским и стал ухаживать за его дочерью — ладный парень, мастер золотые руки, хорошо зарабатывает, чем не жених? Он перетащил в Зимний больше трех пудов взрывчатки. «Столяр» свободно ходил по дворцовым покоям и составил их план³. Царскую фамилию народовольцы собирались истребить за обедом. Столовый зал располагался не прямо над комнатой, в которой «трудился» Халтурин, а через этаж, непосредственно над нею находилось караульное помещение, всегда полное солдат. Гибель множества ни в чем не повинных людей во время «акции» революционеров не смущала.

5 февраля 1880 г. предстоял торжественный обед в честь царских родственников из Германии. Тайны из этого не делалось, и в назначенное время прогремел оглушительный взрыв. Лишь по счастливой случайности задержавшийся где-то император избежал смерти. Погибли десятки солдат Финляндского гвардейского полка, несшего в тот день караульную службу.

Великий князь Константин Николаевич записывал в те дни в дневнике: «все ошалели окончательно», «всеобщая паника». Его адъютант, известный славянофил А.А. Киреев, повторял то же самое: «Паника, нагнанная нигилистами, распространяется на все классы, многие уезжают из города, самые фантастические слухи о взрывах». Далее многозначительное добавление: «Не хочется, а приходится сказать, что зверская попытка помешала разным пагубным конституционным пополнениям и имела хороший результат»⁴. Консервативно настроенный Киреев усматривал благо в том, что перепуганная власть взялась за кнут репрессий. Страну разбили на временные генерал-губернаторства. В Петербурге начальником назначили генерала И.В. Гурко, в Одессе —

Э.И. Тотлебена. Прославленные полководцы недавней войны выступили в иной, карательной ипостаси, начались административные высылки, гонения на печать, преследования вечно бунтовавших студентов.

Желаемого успокоения не наступило, и власть быстро совершила зигзаг в другую сторону. Александр II предоставил неслыханные ранее полномочия графу Михаилу Тэриэловичу Лорис-Меликову сперва в качестве начальника Верховной распорядительной комиссии, а потом — министра внутренних дел и шефа жандармов.

Лорис-Меликов усматривал свою задачу в «изыскании средств врачевания причин, породивших крамолу и поддерживающих ее»⁵. Корни социального недовольства репрессиями не лечатся и не устраняются, и граф приступил к разработке мер, призванных укрепить власть. По мнению Л.Г. Захаровой, он хотел возвратить самодержавию «инициативную роль в продолжении и завершении великих реформ» и добиться консолидации общества вокруг монарха, а для этого улучшить положение крестьян (отмена соляного налога, организация кредита для выкупа земли, переселенческое движение). Недоброй славы Третье отделение упразднялось, в МВД создавался департамент полиции. Предстоял пересмотр губернского управления, планировалось расширение компетенции земств. Общая комиссия при Государственном совете должна была корректировать поступавшие в совет законопроекты⁶. Предусматривалось преобразование школьного дела, выработка закона о печати с послаблениями журналистам. В конце 1880 г., пишет Г.Г. Даниэлян, Лорис-Меликов «пришел к убеждению о желательности допущения отдельных представителей либеральных кругов к вопросам государственного управления с совещательным голосом». В частности, он докладывал царю 28 января 1881 г. о выборах «депутатов от городов и земства» в создаваемую при Государственном совете общую комиссию.

Либералы приняли предложенные реформатором в генеральском мундире шаги с доверием. М.Е. Салтыков-Щедрин, — а он слыл человеком осторожным и сдержаным — писал А.Н. Островскому: «По цензуре теперь легче, да и вообще полегчало»⁷.

Прижившаяся в историографии характеристика Лорис-Меликова как «бархатного диктатора» не соответствует действительности. Он был обязан согласовывать каждый свой шаг с императором, получать санкцию на каждое сколько-нибудь значительное распоряжение. Какой же это «дикта-

тор»? Ныне наша склонная к преувеличениям публицистика усматривает в его администрации чуть ли не начало конституционного режима в России. Сам реформатор и его сторонники оценивали проводимые меры гораздо скромнее. П.А. Валуев свидетельствовал: «Не о конституции у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде». Сам Лорис откращивался от обвинений: «Я знаю, что есть люди, мечтающие о парламентах и центральной земской думе, но я не принадлежу к их числу (...) Эта задача достанется на долю сыновей и внуков, и нам надо лишь приготовить к тому почву» (так что в конце туннеля реформ проступали контуры конституционного строя)⁸.

* * *

В условиях разброда и шатания во власти в последние годы царствования Александра II вопросы внешней политики отошли на второй план — не до нее было. Молодой С.Д. Сказкин в 20-е годы прошлого столетия рисовал неприглядное положение державы-победительницы: «Не было ни армии, ни флота, ни денег. Российское правительство даже не помышляло ставить какие-либо серьезные балканские вопросы. Оно ограничивало свою активность в 80-е годы обороной от возможного наступления Англии в случае развала Турции и отнюдь не мечтало "получить ключи от своего дома"» (в виде Черноморских проливов)⁹. Конфликту с Великобританией в Средней Азии конца-краю не виделось.

Александр Михайлович по-прежнему числился министром, но пребывал почти безвыездно на зарубежных курортах. На «делах» находился его «товарищ», Н.К. Гирс, но никому в голову не приходило, что он руководит внешней политикой, не та была фигура.

Николай Карлович — выходец из скромной дворянской семьи Прибалтийского края. Родителям удалось устроить мальчика в элитный Царскосельский лицей на казенный счет, окончание которого открывало перспективу дипломатической карьеры. Гирс служил «усердно и непорочно» много лет (мы с ним встречались в главе о Дунайских княжествах), пользовался покровительством Горчакова, на племяннице которого женился, и дослужился до поста товарища (заместителя) министра. Он слыл опытным профессионалом, умелым тактиком, отличался крайней осторожностью и миролюбием, но системой взглядов так и не обзавелся. Гирс

вполне подходил на вторые роли при сильной личности, ка-
ковой был Горчаков. После отставки князя, произошедшей в
марте 1882 г., он унаследовал пост, но не положение. Самов-
ластный Александр III в министре-творце не нуждался, ему
требовался исполнитель, а на подобную роль Николай Кар-
лович вполне годился. При случае он мог дать дальний совет,
предостеречь от непродуманного шага. Но внешнеполитиче-
ский курс император определял единолично и проводил в
жизнь с помощью аппарата внешнеполитического ведомст-
ва. Известно, что решение Александра III пойти на союз с
Францией привело пронемецки настроенного Гирса в смя-
тение, «на ушко» ближайшему сотруднику Владимиру Ни-
колаевичу Ламздорфу он говорил неподобающие речи («его
величество молол такой вздор и проявлял столь дикие ин-
стинкты»), но, успокоившись, как опытный профессионал
достойно осуществил процедуру заключения альянса, не по-
зволив (вместе с начальником Генерального штаба Н.Н. Об-
ручевым) превратить его в союз французского всадника с
российской лошадкой¹⁰.

* * *

Но вернемся к рубежу 70 – 80-х годов. Горчаков, человек
сдержаный и замкнутый, крайне редко позволял излиться
чувствам. Одно из таких искушений – письмо послу в Вене
Е.П. Новикову от 2 февраля 1879 г.: в последние двадцать лет
«центр Европы» (т.е. Германия и Австро-Венгрия) «стремил-
ся изолировать две ее окраины, разъединить Францию и
Россию. К несчастью, ошибки наполеоновской дипломатии
обеспечили им успех (...) Пруссия и Австрия свели между со-
бою счеты векового своего соперничества в Германии, пос-
ле чего Германия раздавила Францию. Теперь Срединная
Европа, втравив нас в войну с целью ослабить нас и сплотив-
шись потом, для того, чтобы отнять у нас ее результаты, еще
теснее соединяется для утверждения своего преобладания,
причем Австрия поддерживает Германию в Европе, а Герма-
ния Австрию на Востоке». Внешней опоры для противодей-
ствия формирующемуся блоку не существует, остается «ис-
кать опоры лишь в самих себе»¹¹.

Александр Михайлович как в воду глядел. В том же
1879 г. как-то тихо и малозаметно произошел переворот во
всей системе европейских отношений, связанный с заклю-
чением австро-германского военно-политического союза,
развязавшего через 35 лет Первую мировую войну.

Отчет МИДа за 1879 г. был составлен, по обычаю, подробно и рутинно, но главное, судьбоносное и предвещавшее пагубные для России последствия событие должного отклика в нем не получило. Между тем именно тогда О. Бисмарк решил придать сотрудничеству двух немецких империй правовую и обязывающую форму. Тем самым делалась заявка на преобладание срединных держав в Европе.

Обстоятельства способствовали замыслам железного канцлера. Российской печать продолжала упрекать его за «измену» на Берлинском конгрессе. Императрица Мария Александровна как-то сказала, что немецкая дружба представляется ей чисто платонической, и ее слова стали дос-тоянием гласности. Западная граница России находилась в полном пренебрежении, ни одной крепости, редкая сеть железных дорог, войска из внутренних губерний в случае необходимости к ней быстро подвезти было нельзя. А по ту сторону — вооруженная до зубов «Прусско-Германия». Не один князь Мещерский волновался: «этак и до нас доберутся». Недавняя война обнаружила крупные прорехи в вооружении и организации армии. Было решено увеличить ее численность на 50 тыс. И хотя рейху ровным счетом ничего не угрожало, Бисмарк нашел повод для раздувания военной истерии¹². На вполне безоблачном небе — в смысле угрозы для Германии — он обнаружил тучи, вызвал к себе своего агента по связи с прессой и снабдил соответствующими наставлениями. Канцлер рекомендовал газетчиками проявить тревогу по поводу позиции Вены: та, не имея должной поддержки Берлина и будучи угрожаема со стороны Петербурга, обратит свои взоры к Парижу. И рейх окажется в окружении обуреваемой реваншизмом Франции, недовольной и бряцающей оружием России и разобиженной Австрии. Пресса вняла разъяснениям Бисмарка и подняла шум по поводу бедственного положения фатерлянда.

Встревоженный царь взялся за перо и во взвешенной форме выразил недоумение по поводу оголтелой антироссийской кампании в печати и желание «с полной откровенностью» поговорить с дядей¹³.

Встреча императоров состоялась на пограничной станции Александров 22 августа 1879 г. Вильгельм объяснил разнуданность прессы обуревавшим ее стремлением к самозашите. Монарх счел ее виновником размолвки с племянником, но добавил, что как конституционный правитель обуздать печать он не в состоянии. Д.А. Милютин, сопровождав-

ший царя, дал успокоительные разъяснения насчет мнимой гонки вооружений в России¹⁴.

Расстались императоры, обменявшись заверениями в вечной дружбе. В письме Бисмарку, по тону напоминавшем отчет подчиненного начальнику, кайзер заверял министра, что все недоразумения рассеялись. Но канцлер рассуждал иначе и продолжал нагнетать обстановку. Он собрал всех министров, общегерманских и прусских, и заручился их согласием на коллективную отставку в случае, если старый монарх вздумает возражать против подписания военной конвенции с Австро-Венгрией. Объединитель рейха, кайзер Вильгельм Великий убедился в том, что он царствует, но не управляет¹⁵. Последним бастионом сопротивления старца явилась просьба, чтобы Россия в договоре не упоминалась: Австро-Венгрия и Германия сплачиваются для отпора некоей грозной, но безымянной силе. На этот раз Бисмарк прибег к иному способу нарушения монарших «повелений». Он изъял из подготовленного текста слово «Россия», но, встретив «непреодолимое» (хотя и вполне ожидаемое) сопротивление графа Дьюла Андраши, сдал позиции. В тексте подписанного 7 октября 1879 г. трактата, в первой же его статье, говорилось о взаимопомощи двух государств всеми вооруженными силами в случае нападения России на одно из них. Казус фёдерис предусматривался и при вмешательстве России во франко-германскую или итало-австрийскую войну¹⁶. Венценосный старец из Сан-Суси предавался ламентациям: он не способен на такое предательство в отношении «личного друга и близкого родственника», то бишь Александра.

Оказался очень даже способен. Он переписал набело подготовленный Бисмарком насквозь лживый текст, в котором трактат именовался меморандумом, отвечающим стремлению немецких сердец к нравственному единению¹⁷. Кайзер выражал тревогу в связи с разрушительными целями российских нигилистов. Если бы «революционным планам» удалось увлечь правительство или скомпрометировать его, то сие «встретило бы солидарное противодействие соседних стран».

Царь не заподозрил ничего дурного. Его письмо дорого му ядде от 2(14) ноября 1879 г. впечатляет своей наивностью: «Заключенная политическая сделка не содержит ничего, противного моим желаниям. Она направлена к утверждению могущества Великой Германии, объединению которой я рукоплескал». Царь всей душой присоединился к соглаше-

нию, считая его продолжением союза трех императоров, и клялся, что «панславистские и иные течения, проявляющиеся в печати» и прочие выходки газетчиков не поколеблют правительство, а «разрушительные козни нигилистической партии» он пресечет твердой рукой.

Раз образование блока двух центральных империй не вызвало тревоги в Зимнем дворце, не считали нужным бить в набат и на Певческом мосту.

В феврале 1880 г. кайзер Вильгельм поздравил Александра II с двадцатипятилетием восшествия на престол и заверил его в «искреннем восхищении и неизменной дружбе, столь необходимой для поддержания мира в Европе»¹⁸. Под письмом стояла скрепа О. Бисмарка.

* * *

22 марта 1882 г. последовал царский рескрипт об увольнении Александра Михайловича со службы, что в действительности произошло три года назад. Весь список мыслимых российских наград он получил давно, Александр III поэтому преподнес ему усыпанный драгоценными камнями нагрудный знак с собственным портретом и портретом отца. Светлайший князь уходил в отставку не в лучах славы, а в полу забвении. Общество не простило ему Берлинского конгресса.

Все миновало. Он мог повторить монолог Пимена из «Бориса Годунова»:

Минувшее проходит предо мною —
Волнуяся как море — окиян.
Теперь оно безмолвно и спокойно...

Когда-то в деревне дядюшки Перхушкова Пушкин читал ему бессмертную трагедию, а он, дерзновенный, делал критические замечания, не сознавая еще, что перед ним не просто лицейский однокашник по прозвищу Мартышка и Француз, а гений русской литературы. Теперь Пушкин стоял уже памятником в Москве на Страстной площади, а он все еще жив. По случаю лондонского триумфа, отмены в 1871 г. запрета на содержание флота на Черном море, ему прислали поздравления два старых лицеиста. В 1876 г. скончался последний из них, Модинька Корф, превратившийся в ministra и графа. Одиночество...

В личном плане оно всегда было уделом его жизни, за исключением разве что нескольких лет, проведенных с Марией Александровной. Он никогда не отличался общительностью, которая редко присуща людям крайней целеустрем-

лennости. Смолоду — мечты о карьере, честолюбие, переходившее в тщеславие. Увлеченность работой, 65 лет в дипломатии.

Новому поколению он представлялся реликтом, старомодно одетый, изысканно вежливый, с манерами былых времен и устойчивой привычкой к вышедшему из моды французскому языку даже в личном общении, что вызывало насмешки современников.

Гипертрофированное представление общества о неудаче на Берлинском конгрессе заслонило его успехи на дипломатическом поприще. Многое из того, о чем мечталось, осуществить не удалось, и прежде всего мечту о прочном российско-французском союзе как основе всей системы европейской безопасности. Снедаемый тщеславием Наполеон III, вечно стремившийся укрепить на поле брани свой зыбкий трон, не то что прозевавший, а способствовавший стремительному возвышению «Прусско-Германии», а потом павший жертвой собственной недальновидности, в партнеры не годился. Но через десять лет после кончины Горчакова его идея о тесном сотрудничестве с Францией воплотилась в жизнь.

История отмела связанные с Горчаковым незаслуженные критические насокки, остались зерна истины. В 1856 г. Александр Михайлович принял (гласно) бразды правления министерством, а негласно — всей внешней политикой великой страны в условиях ее поражения и унижения, финансы которой находились в плачевном состоянии, экономика и социально-политический строй — в пропасти, именуемой системной отсталостью. Князю приходилось действовать в ситуации наименьшего благоприятствования. Дела иностранные, несмотря на всю их важность, не значились приоритетными в череде государственных забот. Надлежало выбраться из западни крепостничества. Престиж, или, как мы ныне говорим, рейтинг государства напрямую зависел от успеха в проведении реформ. Горчакову была органически чужда ведомственная спесь, присущая чиновникам всех рангов, включая самые высокие. И он, первый вельможа страны, неустанно повторял, что его задача — «оградить Россию от всякого рода внешних осложнений, которые могли бы отвлечь ее силы от собственного внутреннего развития». Место России в Европе зависит исключительно от состояния дел в стране: «В интересах мира и равновесия наи первейший долг России есть завершение, внутренних преобразований», с этим связано будущее страны и славянских народов¹⁹.

Горчаков был начисто лишен возможности прибегнуть к «последнему доводу королей», к войне, на котором зиждалась проводимая Бисмарком политика объединения Германии «железом и кровью». Александр Михайлович слыл в Европе апостолом мира, сотрудничества в рамках «концерта держав», убежденным сторонником решения всех споров дипломатическим путем. Князь придавал большое значение конференциям, неоднократно был инициатором их созыва, но (по иронии судьбы) ему в министерском ранге ни в одном подобном форуме участвовать не пришлось (навязанный России Берлинский конгресс не в счет). Охотников скрестить с ним полемическую шпагу не находилось. Его приверженность «конгрессовой дипломатии» современники считали своего рода чудацеством, навеянным воспоминаниями об эпохе Александра I, когда монархи, министры и послы месяцами с упоением обсуждали судьбы Европы. На самом деле князь верил в торжество здравого смысла и не забывал о том, что не может даже побряцать оружием. Он вновь и вновь обращался к поиску решений за круглым столом.

Горчаков был убежденным адептом европейского равновесия, его зорким и бдительным стражем, противником агрессивных поползновений с чьей-либо стороны. Он стремился предотвратить непомерное усиление будь то наполеоновской Франции или «Пруссо-Германии», чреватое неисчислимыми бедами. О том свидетельствовала история, рывок державы-выскочки к господству на континенте всегда заканчивался великой войной — Тридцатилетней (1618—1648), За испанское наследство (1701—1714), Семилетней (1756—1763) и наполеоновской эпопеей. Горчаков вполне правомерно усматривал европейский интерес в том, чтобы дать коллективный отпор претенденту на гегемонию в Европе. Увы, раздирающие участников «европейского концерта» противоречия мешали их совместным выступлениям. Лавируя между ними, Бисмарк благополучно избежал постороннего вмешательства в процесс объединения Германии «железом и кровью» — вмешательства, которое, будь оно осуществлено, не привело бы к столь тревожным для России и драматическим для Франции результатам.

В политическом наследии Горчакова нет и следа притязаний на гегемонистскую роль на континенте; напротив, звучал призыв признать равноправие всех существующих стран в лице их монархов: «Сегодня менее, чем когда-либо позволительно забывать, что правители равны между собой и что не обширность территории, а священность прав каж-

дого из них обуславливает те отношения, которые могут между ними существовать».

Излюбленная идея Горчакова — тесного сотрудничества с Францией — не таила в себе гегемонистского начала. В инструкции Н.А. Орлову, назначенному послом в Париж после падения режима Наполеона III, он писал: «Обе стороны (...) имеют много тождественных интересов и могли бы и должны бы найти взаимную выгоду в соглашении, которое будет способствовать их безопасности и процветанию и поддержанию разумного равновесия в Европе. Эта система зиждется на национальных и рациональных интересах обеих стран. Мы имеем в виду Францию, отвлекаясь от каких бы то ни было партийных, личных и династических вопросов. Такие принципы носят постоянный характер. Они стоят выше преходящих обстоятельств»²⁰. И, как и во многих других письмах, здесь доминировала мысль о необходимости идеологизации дипломатии.

А перед глазами — печальный пример Николая I, проводившего в жизнь «дипломатию чувств» и подпиравшего развалившиеся конструкции Священного союза. Александр Михайлович предавал анафеме «традиции, воспоминания и интимные связи», которые лишь для императорского кабинета «оставались священными».

Николай Павлович испортил отношения с Францией по причине неприязни к «королю баррикад» Луи Филиппу Орлеанскому и не нашел в себе сил обратиться к узурпатору Наполеону III с традиционной формулой «дорогой брат», заменив ее безличными и обидными словами «добрый друг», чем приблизил Крымскую войну. Россия и Великобритания представлялись царю утесами, о которые разбиваются волны революций, он искал сотрудничества на стезе охраны порядка с главным российским антагонистом в балканских и ближневосточных делах. На всем этом ставился крест: «Моральные и материальные силы России, столь часто использовавшиеся в чуждых нам видах, отныне должны быть устремлены исключительно на благо и величие народов, ей доверившихся»²¹.

Внешняя политика страны должна руководствоваться не идеей монархической солидарности, а исключительно государственным интересом. В своем знаменитом программном циркуляре от 21 августа 1856 г. новоназначенный министр писал: «Россия, оставаясь верной своим принципам, согласовывает свои политические шаги со своими интересами»²². Союз с Францией он считал нужным и естественным,

не глядя на ее строй: «Следует установить согласие не с той или иной династией, а именно и исключительно с Францией безо всякого внимания к режиму, который господствует в стране». Сторонник абсолютной монархии у себя дома, Горчаков, хоть и с болью душевной, покорно перенес деградацию князей в процессе объединения Италии²³.

Выдающаяся личность проявляет себя в полную силу в трудный, второй трагический для отечества период. Кто помнит высоких чиновников, занимавшихся внешними делами в спокойные, благополучные времена? На их долю выпадала рутинная дипломатическая «текучка». Иное дело – Горчаков. Он вселился в кабинет особняка на Певческом мосту, когда могли рухнуть государственные основы и величие страны.

Существуют ценности, неподвластные времени и строю, определяющие статус государства и влияющие на его мощь, одинаково значимые при феодализме, капитализме и социализме. К ним относится обеспечение безопасности государства и его территориальной целостности, создание благоприятных внешних условий для его экономического и социального прогресса, для чего приоритетное значение имеет выход к открытому морю и наличие незамерзающих портов, поддержание стабильной международной обстановки. Все эти факторы Крымская война разрушила. Большего надругательства над государственными интересами России, нежели запрет держать флот для защиты черноморских берегов, и придумать было трудно. Замечание Бисмарка – великий народ не может столетиями пребывать в унизительном положении и мнение маркиза Р. Солсбери о Крымской войне как «достойной сожаления глупости» со стороны союзников заслуживают внимания. Александр Михайлович приложил максимум усилий, чтобы сооруженная в Париже в марте 1856 г. система, подрываемая с одной стороны Россией, а с другой – национальным движением балканских христиан, рухнула, просуществовав всего 15 лет.

Горячие головы даже в самом министерстве в лице Н.П. Игнатьева попрекали князя за его осторожность и нерешительность в балканских делах. Горчаков действительно боялся разжечь на балканской почве общеевропейский пожар. Но он проявил себя как мэтр дипломатической тактики, всегда и везде отстаивая интересы христианского населения в той степени, которую считал разумной и не чреватой взрывоопасными последствиями. Он был категорически против раздела «турецкого наследства» и растаскивания его

кусков, за образование в регионе национальных государственных очагов. Он не верил, что провинции Османской империи хотят оказаться под скипетром какой бы то ни было державы: «По нашему мнению, они должны сделаться автономными государствами в той форме, которая будет отвечать их нравам и обычаям»²⁴.

Мы вправе задать себе вопрос, а не переосторожничал ли он в своей восточной политике, может быть, стоило идти на больший риск в поддержке устремлений балканцев? Здесь есть обширное поле для научных дискуссий.

Александр Михайлович был человеком от мира сего, сочетающим качества великого дипломата и искушенного царедворца. Отсюда — его преувеличенные восторги по поводу миротворческой роли союза трех императоров; он пошел на большие уступки «радикальной партии» в ходе восточного кризиса 70-х годов, отказался от первоначальных планов малой войны и умеренного мира. Он не сумел разглядеть упорного и искусного антагониста в лице коварного мадьяра, графа Дьюлы Андраши. Он не ожидал, что «честный маклер» Бисмарк на Берлинском конгрессе оставит российскую делегацию на расправу австрийцам и британцам. Князь ценил свое положение, никогда не пускал в ход такое оружие для отстаивания своей позиции, как угроза отставки, которым успешно пользовался его немецкий коллега и оппонент, и склонялся перед волей императора. Будучи стар и дряхл, он нес свой крест и с поста не ушел. И тут, что вполне естественно, возникают разногласия среди исследователей: а кто бы его заменил? Н.П. Игнатьев — явно персона non grata в глазах оппонентов на Берлинском конгрессе, П.А. Шувалов — фигура малоизвестная, притом с отрицательной репутацией в балканских кругах.

И все же не человеческие слабости и допущенные промахи, а свершения на внешнеполитическом поприще определяют роль Горчакова в истории отечества.

Итог? Можно сколько угодно говорить о разочаровании в обществе результатами Берлинского конгресса и метать критические стрелы в адрес российской дипломатии, но договор запечатлев самостоительное существование Румынии, Сербии, Черногории и в значительной степени Болгарии. По словам М. Стояновича, «произошедшее в 1878 году благодаря принесенным Россией жертвам явились фундаментом успеха, достигнутого в 1912 году» (т.е. победы Сербии, Болгарии, Черногории и Греции в Первой балканской войне)²⁵.

Далее последовало то, что Горчаков предвидел и ныне общепризнанно: «России пришлось познать на своем часто горьком и разочаровывающем опыте, что балканские народы приветствуют поддержку с ее стороны их борьбы против Блистательной Порты и (или) Вены; но, когда "угнетенные славянские братья" достигли наконец своей цели, они стали стремиться как можно скорее избавиться от российского военного и политического влияния»²⁶. И сколько бы ни скорбели душой славянофилы, история международных отношений еще раз подтвердила свою репутацию дамы эгоистичной, хладнокровной и к сердечным порывам не склонной.

Князь-канцлер покинул свой пост, оставив Россию победителем в недавней войне и признанным грандом на европейской политической арене. Александру III приписывают фразу: «Европа может подождать, пока русский царь ловит рыбу». Она не так уж далека от истины. Ни одно крупное событие не обходилось без его участия. И главное — прусский орел не посмел растерзать галльского петуха, имея в тылу русского медведя.

Самодержец имел неблагоразумие рассориться с непослушными болгарами и порвать с ними дипломатические отношения. Но, пока был жив грозный монарх, ни одна страна не признала избранного на престол в Софии Фердинанда Кобург-Готского. С ним случались маленькие, но досадные житейские неприятности, его первый вояж в Германию на поиски невесты не увенчался успехом: знатные девицы, а еще больше их родители боялись связываться с непризнанным принцем, не дай Бог, еще разгневается грозный обитель Зимнего дворца.

* * *

После отставки, состоявшейся 22 марта 1882 г., судьба отпустила Александру Михайловичу всего год жизни. Все современники уже спали в земле сырой. Родового гнезда у потомка древней и славной фамилии не было, поместьем он не обзавелся, домашним очагом тоже. Былую славу окутала мрачная тень Берлинского конгресса. Его участники, не исключая российских, не пожалели красок, описывая немощь светлейшего. Для окружающих он был дряхлым старцем, свидетелем, минувших дней; публицист М.И. Семевский назвал его «государственным деятелем, вполне историческим»²⁷.

Князь вел тихую и размеженную жизнь на курортах Германии и Франции. Семевский навещал его в Ницце весной 1882 г. — канцлер с ним охотно беседовал, возможно потому, что сохранил стойкую нелюбовь к собственноручным воспоминаниям на бумаге. Записки Семевского, вышедшие за подписью М-ский, остались в числе немногих драгоценных крох биографического жанра о Горчакове.

Из записок узнаем, что князь занимал тогда «четыре комнатки» в отеле Вилла Мишель. Из прислуки — камердинер и немка-сиделка. Повара он не держал, обед приносили в судах из ближайшей кухнистской. Светлейший придерживался размеженного режима. После завтрака — прогулка в сопровождении слуги или компаньонки. Довольно часто он навещал зачастивших уже тогда в Ниццу соотечественников или они наносили ему визит. Много читал, в основном книги и журналы по истории.

Семевский приходил к нему часов в одиннадцать утра. Александр Михайлович, одетый в сюртук, в ермолке, радушно встречал его и, сидя на диване, с видимым удовольствием предавался воспоминаниям.

Нравы царили патриархальные. Ныне власть имущие даже в воды морские погружаются в окружении бдительной охраны. А тогда...

Император Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский «и прочая, и прочая, и прочая» любил гулять по единственной примечательной улице Лайбаха (Любляны) в кампании недавнего лицеиста Саши Горчакова. Однажды к ним привязался настырный нищий, который «стал навязчиво дергать государя за полу сюртука, настойчиво вымогая у него милостыню». Бывало и так...

Много места в своих рассказах старый дипломат уделял лицейским друзьям, оказавшимся замешанными в заговоре декабристов. Князь не преминул сказать (скромность он не отличался), что именно он подал Александру II мысль об амнистии тех из них, кто пережил николаевское царствование.

Нередко во время этих бесед воспоминания уставшего от жизни «человека с биографией» перемежались размышлениями государственного мужа о судьбах отечества и своей роли в них. «Я первый в своих депешах стал употреблять выражение "государь и Россия". До меня для Европы не существовало другого понятия по отношению к нашему отечеству, как только "император"»²⁸. Князь вспо-

минал годы Крымской войны, когда он, посол в Вене, в одиночку защищал национальные интересы в противоборстве с дипломатами Великобритании, Франции и Австрии: «В 1854–1855 годах на Венском конгрессе за Россию говорил только я, ее слуга и представитель, против же России было всё и все». А о самодержце Николае Павловиче — ни слова.

В 1870 г. именно он «подал мысль государю Александру Николаевичу смыть пятно, оставшееся на страницах новейшей истории нашего отечества, уничтожить запрет, наложенный на Россию Парижским трактатом, — запрет строить корабли в портах Черного моря» и содержать на нем военно-морской флот. Состоялось совещание под председательством царя, участники которого высказались «за», но почти все, включая военного министра Д.А. Милютина, предлагали «в видах осторожности» идти обычным в дипломатии путем, т.е. известить державы о подобном намерении и добиваться их согласия. Горчаков, будучи уверен, что подобный курс заведет в переговорный тупик, настоял на тактике свершившихся фактов: «Должно просто заявить всей Европе, что Россия по отношению к Черному морю разрывает Парижский трактат 1856 года». Александр согласился с министром, и последовал второй знаменитый циркуляр Горчакова, перед которым склонилась Европа²⁹.

Осенью 1876 г., разгар Восточного кризиса, войны Сербии и Черногории против Османской империи, светлейший князь получил информацию: «Турки идут на Сербию кровавым следом, все выжигают и уничтожают. Идут на Белград и непременно займут его беспрепятственно». Император и его ближайшее окружение находились тогда в Крыму, в Ливадии. На спешно созванном совещании «все, включая и Д.А. Милютина (...) в выражениях грусти и сожаления к бедствиям, постигшим сербский народ, но ни один из министров (...) не предложил решительного шага для спасения наших единоверцев». И тогда Горчаков встал и зачитал заготовленную для отправки в Стамбул телеграмму, содержащую угрозу разрыва дипломатических отношений с Турцией, если наступление на Белград не будет остановлено. «Я согласен с твоим предложением», — сказал государь, вставая и закрывая совет. Телеграмма-ультиматум была отправлена Порте, турки прекратили наступление, и Сербия была спасена³⁰.

Когда-то вещий Пушкин задавался вопросом:

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному...

Испить чашу сию выпало Александру Михайловичу Горчакову. 27 февраля 1883 г. его не стало.

Последний канцлер империи воздвиг себе вечный памятник в истории России. Многое в его наследии нетленно: преданность Отчизне, служение ее интересам, умение стратегически мыслить, упорство в достижении целей. Российской дипломатии есть кого вспомнить, у кого учиться и с кого брать пример.

¹ Волк С.С. Народная воля, 1879 – 1882. М.; Л., 1966. С. 100 – 102.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 100 – 102.

⁴ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880 годов. М., 1984. С. 148.

⁵ Там же. С. 184.

⁶ Захарова Л.Г. Александр Второй и его место в истории // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 160 – 161; Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: К характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 42 – 50.

⁷ Даниэян Г.Г. Генерал граф М.Т. Лорис-Меликов: Его жизнь, военная и государственная деятельность. М., 1997. С. 20; Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 298.

⁸ Там же. С. 327; Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 161.

⁹ Сказкин С.Д. Конец австро-германо-русского союза. М., 1974. С. 68.

¹⁰ Ламздорф В.Н. Дневник 1891 – 1892. М.; Л., 1934. С. 299.

¹¹ Татищев С.С. Император Александр Второй. М., 1996. Т. 2. С. 502.

¹² Там же. С. 633 – 634.

¹³ Там же. С. 506.

¹⁴ Там же. С. 517, 529.

¹⁵ Там же. С. 639.

¹⁶ Там же. С. 651.

¹⁷ Там же. С. 644, 537.

¹⁸ Там же. С. 535, 537, 541.

¹⁹ Канцлер А.М. Горчаков. М., 1998. С. 321, 331, 334.

²⁰ Там же. С. 37, 211.

²¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты 1856. Л. 239.

²² Там же. Л. 247 – 248.

²³ Цит. по: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 289; подробнее о позиции в отношении объединения Италии см.: Серова О.В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997.

²⁴ Канцлер А.М. Горчаков. С. 13.

²⁵ Stojanovic M.D. The Great Powers and the Balkans 1875 – 1879. Cambridge, 1939. P. 281.

²⁶ Neuberger V. Austrian and Russian Political Interests in the Balkans on the 19-th Century; Канцлер А.М. Горчаков. С. 120.

²⁷ Там же. С. 374.

²⁸ Там же. С. 379, 385.

²⁹ Там же. С. 385, 392.

³⁰ Там же. С. 394.

Указатель имен*

- Абдул Азиз, султан Турции 130, 132, 134
- Абдул Хамид, султан Турции 235, 244, 259, 260
- Абердин Д. 35, 186
- Азиз бей 68
- Аксаков И.С. 101, 112, 127, 266
- Аксаков К.С. 101
- Александр I, император России 12, 221, 286
- Александр II, император России 4, 5, 7, 24, 34, 35, 36, 41, 64 – 66, 86, 89, 96, 97, 100 – 102, 105, 107, 109, 112, 116, 117, 118, 123, 124, 135, 138, 139, 147, 150, 154, 155, 159, 168, 171, 173, 188, 190, 194, 196, 201, 210, 213, 215, 217, 221, 225, 226 – 228, 230, 232, 233, 235, 239, 242 – 244, 246, 252, 257, 262, 266, 273, 278 – 280, 283, 284, 291, 292
- Александр III, Александр Александрович, цесаревич, император России 4, 229, 281, 284, 290
- Александр Карагеоргиевич, князь Сербии 78, 79
- Александра Федоровна, императрица, супруга Николая I 24, 37
- Али паша 47, 53, 54, 56, 133, 145, 199
- Альберт, принц консорт 62
- Альвенслебен Г. 107 – 109, 115
- Альфред, герцог Эдинбургский 191
- Андраши Дьюла, Юлий 189, 193, 198, 212, 221, 232, 233, 237, 242, 243, 251, 252, 258, 259, 262, 263, 283, 289
- Аргайл, герцог 98
- Арион Е. 237, 238
- Базили К.М. 54 – 57, 64, 66, 74
- Баженов В. 22
- Барагэ д. Илье 245
- Бахметьев А.Н. 101
- Бейст Ф. 156, 158, 171, 176, 178, 185, 189, 230, 257, 263
- Бенедетти В. 165, 170
- Бенкендорф А.Х. 17, 86
- Берг Ф.Ф. 112, 113, 116, 210
- Березовский 168
- Бернstorff И.Г. 178
- Бестужев-Рюмин К.Н. 163
- Бисмарк О.Э.Л. 7, 19, 106 – 109, 116 – 127, 138, 139, 165, 166, 170, 172 – 174, 176 – 179, 182, 185, 192, 195, 196, 212, 213, 242, 247, 251, 252, 254, 258, 262, 265, 267, 268, 270, 282 – 284, 286, 288, 289
- Блазнавац М. 197 – 199
- Бларенберг Н. 202
- Бодянский О.М. 101
- Брольи 185
- Бруннов Ф.И. 20, 28, 32, 56, 113, 114, 119, 171, 178 – 182, 184, 185, 187, 189, 226

* Имена лиц, не имеющих прямого отношения к теме, в указателе не приводятся.

- Брэтиану И. 236, 256, 258, 269
Будберг А.Ф. 86, 115, 140
Будимович А.С. 163
Булвер Г. 46
Буоль К.Ф. 20, 21, 32, 34, 40, 53,
 54, 56
Бутаков И.И. 142, 144
Бутенев А.П. 55, 60
- Ваддингтон В. 260, 261
Валевский А. 29, 53, 54, 61, 62, 66,
 67, 70, 116
Валуев П.А. 35, 65, 142, 167, 210,
 279
Васиф паша 76
Велепольский А. 102, 105
Виктор Эммануил II, король
 Пьемонта и Италии 43,
 121
Виктория, королева Великобритании 8, 35, 62, 91, 109, 122,
 144, 185, 213, 221–224, 229,
 234
Вильгельм I, принц-регент, король Пруссии, император Германии 96, 106, 109, 117,
 120, 122–126, 139, 165, 170,
 172, 174, 176, 193, 196, 203,
 252, 282–285
Вильгельм Глюксбург, принц Датский (см. также король Греции Георг) 84
Вильгельм IV, король Нидерландов 218
Витте С.Ю. 218
Вогоридес Н. 57–59
Вяземский П.А. 213
- Габсбурги 21, 31, 36, 40, 63, 121,
 232
Газенкампф М.А. 235, 244, 246
Гамбургер А.Ф. 87
Гарашанин И. 78, 158, 198
Геннадий Сколарий 48
Георг, король Греции 85, 144,
 146, 239
Геров Найден 100
Гика И. 202, 203, 215
Гика Э. 235
- Гирс Н.К. 3, 4, 69, 80, 241, 252,
 271, 274, 280, 281
Гладстон В.Ю. 83, 84, 179, 191,
 222, 225, 242, 261, 272
Гогенцоллерны 35, 108, 118, 140
Гольц Р. 135, 138, 165
Горчаков М.А. 10, 12
Горчакова М.А. 20, 284
Гренвилл Д. 172, 176–181,
 183–185, 187–188
- Дагмар, принцесса Датская, см.
 Мария Федоровна 118, 172
Данила Петрович-Негош, митрополит Черногории 75
Данила Петрович-Негош, князь Черногории 75–77
Данилевский Н.Я. 160–164
Даниэлян Г.Г. 279
Деказ А.Ш. 196
Делегеоргис Э. 203, 204
Делиянис Т. 269
Дерби Э. 225–227, 231, 243, 253
Дерби, графиня 226
Дервиш паша 75
Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд 180, 183, 191,
 213, 214, 221–225, 227, 231,
 233, 234, 254, 259, 262, 267,
 268
Долгоруков П.В. 16, 65, 86
Долгорукова Е.М. 168, 225
Достоевский Ф.М. 209, 213, 215,
 277
Друэн де Льюис Э. 108, 111, 138
- Евгения, императрица французов, супруга Наполеона III 103, 108
Екатерина II Великая 15, 36, 87,
 88, 118, 228
Елавич Б. 98, 256, 270
Елена Павловна, великая княгиня 35, 173
Ерусалимский А.С. 170
- Жомини А.Г. 86, 188
Задохин А.Г. 86, 188
Захарова Л.Г. 279

- Игнатьев А.А. 128
 Игнатьев Н.П. 6, 99, 128–131,
 133, 134, 141, 142, 147, 149,
 150, 156, 160, 193, 197, 210,
 214, 215, 218, 225, 236–241,
 251, 252, 255, 266, 270, 288,
 289
 Игнатьев П.И. 150
 Игнатьева Е.Л. 129
 Изабелла, королева Испании 170
 Илличевский А.Д. 10
 Йорга Н. 256
 Кавур К.Б. 43, 54
 Калиник, митрополит Молдав-
 ский 139
 Кандяну-Попеску А. 201
 Каподистрия И.А. 11, 12, 14
 Каравелов Л. 204
 Карцев Н.С. 130
 Катарджи Г. 238
 Катарджи Л. 203
 Катарджи-Обренович М. 136,
 137
 Карапеодори паша 265
 Карл (Карол) Гогенцоллерн-Зиг-
 маринген, князь и король
 Румынии 139, 140, 146, 170,
 200, 203, 217, 228, 238
 Карпат К. 211
 Катков М.Н. 66, 101, 112, 113,
 142, 154, 166
 Каули Г. 61, 67, 108
 Келлог Ф. 139
 Киняпина Н.С. 270, 273
 Киселев П.Д. 55, 61, 66, 67, 96, 97,
 102, 103, 127
 Кларендон Д. 27, 28, 46, 62, 186
 Ковалевский Е.П. 100
 Когэлничану М. 65, 135, 236, 237,
 269
 Константин Николаевич, вели-
 кий князь 35, 65, 86, 95, 101,
 102, 105, 106, 112, 156, 159,
 278
 Кофос Э. 269
 Корф М.А. 13, 284
 Косев К. 240
 Крецулеуску Н. 257
 Кромер Э. 261
 Ксенопол А.Д. 65
 Куза А.И., князь Румынии
 68–71, 80, 101, 134–138, 200,
 201
 Куза Елена, княгиня Румынии
 136
 Кузьмичева Л.В. 238
 Кюхельбекер В. 12, 13
 Ламздорф В.Н. 4, 281
 Ланской С.С. 35, 65, 85
 Левицкий В.К. 128
 Левский В. 204
 Лейрд Ч. 259, 260
 Лекка Д. 137
 Лекс Н.М. 135
 Леопольд Гогенцоллерн-Зигма-
 ринген 170
 Ливен Д.Х. 13
 Ливен Х.А. 13
 Лобанов-Ростовский А.Б. 80,
 252, 271
 Лопатников В.А. 7, 8, 215, 229,
 272
 Лорис-Меликов М.Т. 279, 280
 Луи Филипп Орлеанский 287
 Людовик XV 35, 36, 229
 Лященко Л.М. 65
 Маккензи Д. 252
 Мантейфель Э. 24
 Марвин Ч. 259
 Мартенс Ф.Ф. 88
 Маринович Й. 147, 149
 Мария Александровна, императ-
 рица 39, 101, 273, 282
 Мария Александровна, великая
 княжна, герцогиня Эдин-
 бургская 191
 Мария Федоровна, императрица
 85, 229
 Медем П.И. 17
 Мейендорф П.К. 20, 86
 Меншиков А.С. 22, 46
 Меттерних К.В.Л. 14–16
 Меттерних Р. 108
 Мехмед II Завоеватель, султан 48

- Мехмед Кепрюлю паша 94
Мехмед Али паша (Карл Детройт) 265
Мещерский В. 173, 282
Мидхат паша А. 48
Микельсон П.И. 137
Милан Обренович, князь Сербии 197 – 199, 238, 268
Миличевич И. 158
Милош Обренович, князь Сербии 79
Милютин Д.А. 5, 6, 85, 95, 96, 105, 112, 142, 147, 148, 156, 176, 211, 214, 217, 220, 228, 233, 244, 246, 254, 271, 282, 292
Милютин Н.А. 35, 65, 85
Михаил Обренович, князь Сербии 81, 145, 146, 149, 158, 197, 198
Молтке Г. 170, 176
Монтебелло Н.Л. 115
Морни Ш.О. 27, 37, 38
Муравьев-Амурский Н.Н. 6, 129
Муравьев-Виленский (Вешатель) 112, 113, 116
Мусурес паша К. 58, 231
Мусте К. 169
Наполеон I Бонапарт 3, 116, 134
Наполеон III Бонапарт, Луи Наполеон, император французов 5 – 7, 21, 26, 28 – 30, 32, 36 – 41, 43, 52 – 54, 61 – 63, 66, 67, 76, 89 – 91, 105, 115, 116, 119, 121 – 126, 132, 136, 138 – 140, 143, 155, 165, 166, 168, 170, 171, 174, 180, 201, 203, 286, 287
Наполеон Бонапарт, принц 102, 223
Негри К. 135
Нелидов А.И. 220
Непир (посол) 113, 114
Непир Ч. (адмирал) 245
Непокойчицкий А.А. 220
Нессельроде К.В. 3, 11, 12, 14, 16, 17, 20, 25, 27, 32, 86
Низовский А.Ю. 256
Никитенко А.В. 172
Никитин С.А. 165
Николай I, император России 3, 7, 13, 14, 17 – 22, 31, 33, 34, 113, 150, 187, 292
Николай Николаевич, великий князь 217, 219, 228, 233, 235, 240, 244, 246, 255
Николай Петрович-Негош, князь Черногории 77, 145, 146, 199, 200
Новиков Е.П. 136, 175, 193, 242, 281
Норткот Ст. 243, 260
Обренович Наталья, княгиня Сербии 238
Обручев Н.Н. 219, 281
Озеров А.П. 82
Ольга Константиновна, великая княжна, королева Греции 85, 146
Ольга Николаевна, великая княжна, королева Вюртемберга 17, 19, 20
Омер паша 77, 142
Орлов А.Ф. 28, 47, 54, 255
Орлов Н.А. 286
Осман паша, полководец 228, 232
Осман паша, губернатор Герцеговины 78
Оттон Баварский, король Греции 81, 82
Оффенберг Г.Г. 101, 135, 200, 202
Павел I, император России 35
Пальмерстон Г.Д. 8, 25, 42, 62, 91, 113, 119, 124, 186
Паскевич И.Ф. 18
Пашич Н. 268
Персины Ж. 61, 62
Петкевич К.Д. 78
Петр I Великий, император России 54, 75, 97, 160, 228
Петрович Мирко 77
Петрониевич М. 80
Пештuros А.Н. 10, 12, 19, 87, 284
Плас В. 59
Погодин М.П. 100

- Пономарев В.Н. 25
 Понсонби Д. 16
 Попов С.И. 55, 69
 Примаков Е.М. 7
 Путятин Е.П. 6, 101
 Пушкин А.С. 10, 12, 13, 284, 293
 Пущин И.И. 13
 Радович Й. 195, 203
 Радонич 238
 Раковский Г.С. 131
 Рассел Д. 21, 22, 108 – 110,
 113 – 115, 186
 Рассел О. 178, 262
 Ревертера 158, 159
 Ревуненков В.Г. 105, 110, 113
 Рейсс Г. 170, 171, 193
 Рейтерн М.Х. 142, 156
 Решид паша М. 15, 49, 60
 Ригер Ф. 164
 Ристич Й. 107, 199, 238
 Романовы 3, 118, 124, 230
 Роон А. 170
 Ронсьер ле Нури 41
 Росетти К. 137
 Ростовцев Я.И. 35, 65, 85
 Сабуров П.А. 269
 Савфет эфенди, паша 58, 214,
 237, 240
 Саддилах бей 240, 265
 Самнер Б. 265, 267, 269
 Сеймур Ч. Гамильтон 38
 Семевский М.И. 290, 291
 Сказкин С.Д. 273, 286
 Скобелев М.Д. 229, 232
 Снесарев Н.А. 148
 Сокольский Иосиф 133
 Соловьев С.М. 35, 101
 Солсбери Г. 260
 Солсбери Р. 212, 243, 253, 254,
 259 – 262, 266, 267, 288
 Стоянович М. 288
 Стрэтфорд-Каннинг, лорд Редклифф Ч. 61
 Стурдза Г. 68
 Стурдза Д. 256
 Стурдза М. 68
 Стэнли Э. 143, 186
 Стюарт Д.Ф. 215, 216, 256, 257,
 269
 Суворов А.В. 22
 Сулейман паша 233
 Тарле Е.В. 28
 Татищев Д.П. 16, 17
 Татищев С.С. 25, 34, 39, 103, 105,
 193
 Тимашев А.Е. 210
 Тьер А. 173, 174
 Толстой Д.А. 159
 Толстой И.М. 86
 Тотлебен Э.И. 111, 229, 231, 246,
 271, 279
 Трубецкая С.Э. 173
 Тувенель Э. 60 – 62, 79, 91, 102
 Тэйлор А.Д.П. 62
 Тютчев Ф.И. 86, 99, 127, 154, 163
 Тютчева А.Ф. 31
 Убри П.П. 108, 124, 243, 254, 262
 Урусов А.М. 17
 Уэлсли Ф. 229
 Феоктистов Е.М. 31
 Фердинанд Кобург-Готский,
 князь Болгарии 290
 Ферзен Е. (Горчакова) 10
 Филарет, митрополит 132, 142
 Филипп Фландрский 137, 139
 Флери Э. 164
 Франц Иосиф, император Австрии,
 король Венгрии 17, 40,
 43, 96, 116, 159, 189, 193, 232,
 258
 Франц Фердинанд, эрцгерцог
 272
 Фредерик VII, король Дании 117
 Фридрих Августенбург 120
 Фридрих Вильгельм IV, король
 Пруссии 17, 40
 Фридрих Вильгельм, кронпринц
 Пруссии и Германии 172
 Фридрих Карл, прусский принц
 172
 Харкур В. 229
 Хевролина В.М. 131, 147, 273
 Хей Д. 260

- Хоббарт паша Ф.Э. 221
Хорнби 235, 243
Христиан IX Глюксбург, король
Дании 117, 118
Чарторыйские 106
Черкасский В.А. 31, 220
Черняев М.Г. 167
Чичерин Б.И. 273, 274
Шнеерсон Л.М. 173, 194
Штейн 53
- Штруссберг Б. 200, 203
Шувалов П.А. 220, 225–227,
229–231, 233–235, 241, 243,
252–255, 258, 262, 265,
289
Шутар П. 48
Шулепников Е.Р. 55
Энгельгард Е.А. 10, 18
Энгельс Ф. 211
Янг Д. 83

Содержание

Предисловие	3
Вверх по ступеням дипломатической карьеры	10
«Россия не сердится, Россия сосредоточивается»	24
Курс на подрыв Парижского мира 1856 года. Опыт объединения Дунайских княжеств	46
На страже интересов турецких христиан	74
Балканские дела в тени Польского восстания и объединения Германии	105
Долой вериги Парижского мира!	154
В водовороте Восточного кризиса семидесятых годов	209
Берлинский конгресс 1878 года перед судом истории	251
Наследие светлейшего князя	277
Указатель имен.....	295

Contents

Foreword	3
Upwards to the heights of diplomatic career	10
«La Russie ne boude pas. La Russie se recueille»	24
Towards the detriment of Paris peace treaty. Experience with the Danubian principalities' union	46
On guard of the «turkish christians'» cause	74
Balkan affairs in the shadow of the polish insurrection and the unification of Germany	105
Down with the Paris peace treaty's fetters!	154
In the whirlpool of the Eastern crises, 1875 – 1878	209
The Berlin congress before the trial of history	251
His highness' heritage	277
Index	295

Научное издание

Виноградов Владилен Николаевич
Балканская эпопея
князя А.М. Горчакова

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией Н.Л. Петрова

Редактор Л.А. Зуева

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Т.В. Болотина

Технический редактор Т.В. Жмелькова

Корректоры Д.Ю. Ментий, Т.А. Хромова

Подписано к печати 03.11.2005. Формат 60 × 90¹/16
Гарнитура Балтика. Печать офсетная
Усл.печ.л. 19,0 + 0,75 вкл. Усл.кр.-отт. 20,3. Уч.-изд.л. 20,4
Тираж 500 экз. Тип. зак. 4435

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В.Н. Виноградов

В.Н. Виноградов

Балканская эпопея князя А.М. Горчакова

ISBN 5-02-010325-X

9 785020 103252

Наука

Балканская эпопея князя А.М. Горчакова